

Станислав Борисов

ТЮРЬМА

Роман

Борисов, С.

Тюрьма : роман. – 229 с.

Это книга о том, как безвинный юноша оказался в жерновах правоохранительной системы, испытал на себе чудовищные наказания: от «малолетки» до «взросляка» – и остался Человеком. Как в застенках потерял фальшивую любовь и обрел настоящую, лишился воздуха свободы, но закалился духом.

Читатель убедится, что и в тюрьме есть нетленные ценности, ради которых люди жертвуют своими жизнями, судьбой и здоровьем. Узнает, за что образованный молодой человек из интеллигентной семьи резал себе вены, отказывался от приема пищи и зашивал себе рот.

Роман основан на реальных событиях.

«Человек человеку волк!» – прочел я однажды на двери прогулочного дворика. Тогда шел первый месяц моего заключения, и я был до глубины души возмущен цинизмом такой формулировки. Спустя некоторое время, я согласился с этим высказыванием, но уже через полгода тюремного заключения я смотрел на эту надпись и думал: «Нет, человек уже давно преуспел в изощренных пытках и ужасных наказаниях, поэтому ни один хищный зверь не сравнится с ним в жестокости и кровожадности. Чего только стоит тюрьма в нашем современном обществе...».

Посвящается моим родным.

«Николаич»

«Эй, народ! На сегодня довольно!» – раздался, наконец, зычный голос бригадира. Тракторист заглушил двигатель, рабочие сдали свой инвентарь и над шлаковым отвалом, где мы трудились, воцарилась долгожданная тишина. Только в ушах еще держались монотонные звуки после бурного рабочего дня.

Наш участок находился в живописном месте – в окружении многолетних сосен у подножия Уральских гор. Долгое время сюда в думпкарах (шлаковозах) свозились отходы металлургического производства, поэтому за десятки лет их здесь скопилось сотни тонн. А мы, в свою очередь, были заняты обратным процессом – извлекали никель и другие металлы на свет божий для дальнейшей переработки в литейном цехе. Признаться, работа была нелегкой, ведь приходилось трудиться под открытым небом в летний зной и зимнюю стужу, вдыхая пыль от камней и металла. Но привела меня сюда не острая материальная нужда, как большинство ребят, а заветная мечта – купить на свое совершеннолетие престижный автомобиль. И вот сегодня у меня последний рабочий день, а через месяц мне исполнится восемнадцать лет. Ура! Цель почти достигнута, деньги заработаны. Скоро у меня будет «Тойота-Камри». Я безгранично счастлив, мечты начинают сбываться...

Расположившись на сколоченной лавке, я почувствовал приятную усталость во всем теле. «Ничто так не возвышает человека, как полезный, созидательный труд», – произнёс я довольно, и лёгкий, игривый ветерок подхватил мои слова, унося их куда-то вдаль...

Был теплый майский вечер, над горизонтом нежно-розовой дугой разливались солнечные лучи, поскрипывали сосны, а из глубины леса доносились весёлые соловьиные трели.

«Эх, хорошо-то как! – втянул я всей грудью душистый запах хвои, и по мне прокатилась колючая волна блаженства, – Вот оно волшебное соединение с природой...». Но мои возвышенные мысли были прерваны внезапным появлением нашего бригадира Николаича. Он, как и все начальники, обладал свойственной им особенностью – появляться всегда неожиданно и совсем не вовремя. И этот раз не был исключением.

Николаич был широкоплечим, коренастым мужичком среднего роста, с добрыми глазами и с выдающимся мясистым подбородком, который он непременно мял в минуты раздумья или душевного волнения. Он был прямолинеен и рассудителен. Имел слабость к пословицам и поговоркам, и поэтому очень любил подперчить свои доводы народной сентенцией.

– Ну что, труженик, покидаешь нас? – спросил он приглушенным голосом, нервно потирая подбородок.

– Да, Николаич, довольно будет спину гнуть, пора бы уж и отдохнуть, – выпалил я случайно в рифму.

– Нда-а, сколько земли перелопатили за эти годы, я просто диву даюсь, – посмотрел он гордо на карьер. – Но, как говорится, – «не срубишь дуба, не от-

дуд губы». Просто так ничего не дается на этой грешной земле. Воистину Господь сказал: «Будете в поте лица есть хлеб свой». Вот и трудимся теперь до седьмого пота, чтобы заработать себе на корку хлеба, – бузил он, вздыхая широкой грудью.

– Ты уж не приbedняйся, Николаич, – засмеялся я над этим «тружеником» в белой рубашке. – У тебя от работы всегда лоб сухой, а на корку хлеба ты икру намазываешь.

– Ух, ты какой! – посмотрел он на меня с удивлённой усмешкой. – На чужую кучу нечего глазенки-то пучить, – и стал трепать меня за ухо. – А тебя не учили, что негоже заглядывать старшим в рот, а?!

– Учили, Николаич! Учили! Отпусти, больно ведь! – вырывался я, захлебываясь от смеха.

– То-то же! – изобразил он довольную мину и разомкнул свои пальцы, похожие на волосатые сардельки. – Я тебе вот, что хотел сказать. Если нужна будет работа, то можешь смело обращаться. Не откажем. Ты паренек трудолюбивый, честный..., – он прервался и, вздыхая, промолвил, – Ну мало ли..., имей в виду!

– Спасибо, Николаич. Приятно слышать, – был я тронут его словами.

– Но лучше посвяти себя учебе. Как говорили наши старики: «Корень учения горек, да плод его сладок». Поднатужишься пару лет, а там глядишь, и адвокатом станешь. Бумаги-то марасть не землю копать! – его лицо засияло в добродушной улыбке, и он потрепал меня за плечо. Получив деньги за свой труд, я крепко обнял Николаича. Счастливый и растроганный до глубины души я отправился домой.

II

О себе

Семнадцать лет – незабываемая, весенняя пора нашей жизни. Мы с ухмылкой смотрим на наше беспечное, наивное детство и уже чувствуем себя самостоятельными, взрослыми людьми, готовыми со всей отвагой броситься в бурлящий поток предстоящей жизни. В надежде на свои силы и талант (пусть в меня бросит камень тот, кто не чувствовал себя талантливым в эти годы) мы строим грандиозные планы, ставим высокие, благородные цели, и, конечно, ищем любви и признания общества. Для меня, как и для многих молодых, этот возраст стал поворотный пунктом, определившим всю мою последующую жизнь.

Оставался еще один месяц до совершеннолетия, и я был полон сил и энергии. В университете я считался одним из лучших студентов. Учебные дисциплины мне давались с необычайной легкостью, и я находил огромное удовольствие в приобретении знаний. Юридический факультет, который я выбрал при поступлении, доставлял мне уйму радости и преподаватели пророчили мне научную карьеру.

В среде девчонок, признаюсь без ложной скромности, я пользовался достаточным спросом и даже успехом, что позволяло мне заключить – я не дурен собой и, наверное, даже мил. Среди прекрасной половины человечества я отдавал предпочтение бойким, ярким натурам, которые знали себе цену, и могли даже в самом застенчивом мужчине пробудить качества охотника, авантюриста, любовника... Однако же, большую часть свободного времени я проводил с ребятами нашего двора – с одними ходил в спортзал, с другими учился, а с третьими не прочь был и похулиганить.

Я был единственным ребенком в семье, поэтому вся нежность, внимание и забота были устремлены на одного меня. Скажу без преувеличения, я буквально купался в этом океане любви, не зная ни в чем нужды. Даже легкое физическое недомогание, простуда или обычный насморк, вызывали у моих родителей панику и ужас. Поэтому не стоит и рассказывать, какое потрясение испытала моя семья, когда узнала, что я подрабатываю на шлаковом отвале. Но мощный щит любви в нашей дружной семье охранял меня от невзгод, вселял уверенность и богатырскую силу.

В школе и во дворе нашего дома я по праву считался самым модным мальчишкой, а потом и юношей. Родители не жалели денег на единственного сына, и покупали мне всё, что я хотел. Даже учительница французского языка меня как-то назвала «*comme il faut*» (светский, благородный). Шло время, я вырослел. Но привычка одеваться модно и со вкусом осталась у меня до сей поры. Я понимал, что хорошие вещи стоят дорого, и однажды у меня созрел план самостоятельно заработать деньги на кроссовки «Адидас».

К тому времени мы переехали в новый район, где только развивалось строительство. Киоски были пустые, а местные магазины находились далеко друг от друга. Я учился в шестом классе, и мне, казалось, что мимо уходит лучшая пора моей жизни – время прибыли и скорого богатства. Так, на одном из уроков мне пришла в голову мысль продавать мороженое в нашем районе. На первой же перемене я со своим лучшим другом Сашкой рванул на велосипеде в соседний район на разведку. У магазина стояла тётка в колоритном чепчике, и продавала эскимо, сливочное мороженое в стаканчиках и пломбир.

Мы задались целью покупать у нее мороженое, и, накинув несколько копеек, перепродавать в нашем районе. Из денег, которые нам давали на обеды мы скопили первоначальный капитал и тут же запустили его в дело.

Не высидев пяти уроков, начинающие бизнесмены схватили велосипед и помчались на нём к тётке в чепчике. Купив первую партию мороженого, мы тут же полетели в наш район, чтобы там его продать. Был конец мая, на улице стояла невыносимая жара, и мы, разложив на коробке от маргарина мороженое, начали зазывать покупателей. Наше мороженое за несколько минут просто «испарилось». Мы продали всё! И на вырученные деньги поехали за новой партией. Продавщица радостно ликовала от того, что мы делаем для нее дневную выручку, и весело приговаривала: «Вот умнички! Вот молодцы, ребяташки!»

Купив новую партию мороженого, мы снова поспешили на свою точку. Нас подгонял азарт и солидная прибыль. Я крутил педали всё быстрее и быстрее, а Сашок, оседлавший раму, точно бравый всадник, радостно взвизгивал не

своим голосом: «Э-ге-гей! Давай быстрее! Мы скоро будем «миллионеры»! Э-ге-гей!», – летели шальные пацаны навстречу к прибыли и модным кроссовкам «Адидас». Вдруг, я почувствовал удар, у меня выбило руль, и я потерял управление. Сашка, сидевший на раме, полетел в одну сторону, а я – в другую. Через минуту, оправившись от падения, мы сидели с Сашкой на траве и зарёванными от обиды глазами созерцали печальную картину – сломанный велосипед с «восьмёркой» на переднем колесе и бесформенную кучу мороженого. Грязные, ободранные, с разбитыми коленками, мы волочили за собой покорёженный велосипед и думали: «Пришёл конец нашему бизнесу, так и не успевшему начаться». Этот случай разбил не только мои коленки, но и мечту о скором богатстве. Поэтому несостоявшийся коммерсант плюнул на бизнес и, спустя несколько лет, решил физическим трудом заработать деньги на машину. Заключив для себя – так вернее!

III

Человек создан для счастья...

Я быстро мчался на собственном автомобиле, испытывая мощный драйв. Сколько сил и денег было вложено в красивый агрегат внушительных габаритов! Белая «Тойота» уверено колесила по городским улицам и через открытое окно меня приятно обдувал теплый майский ветер. Я посмотрел в зеркало на лобовом стекле, и мне весело подмигнул авантажный юноша в модном костюме. Из динамиков магнитолы «сочился» трогательный голос Шарля Азнавура, который настраивал меня на лирический лад, и на душе становилось тепло и радостно. Мне казалось, что даже дорога приветливо улыбается мне, и весь мир является чудесной сказкой.

У меня было назначено свидание с любимой девушкой и ее друзьями, семейной парой, которых мы пригласили в театр на пьесу Чехова «Чайка». С Татьяной, так звали мою девушку, мы встречались уже больше года, но она по-прежнему оставалась для меня непостижимой и желанной. Я был очарован ее непринужденными, но деликатными манерами; хорошим воспитанием и женским проницательным умом. Глубина и легкость выражали ее оригинальную натуру. Весьма привлекательной была и ее внешность – правильные, выразительные черты лица; большие страстные глаза с оттенком величавой грусти, напоминающие взгляд Афродиты с картины Сандро Боттичелли; стройная фигура, как у молодой березки; длинные, черные волосы, каскадом спадающие на хрупкие плечи, и нежная тонкая кожа запаха полевых цветов. Не обойду словом ее грациозную осанку и степенную походку, которая ни одного меня приводила в смятение и восторг.

Я подъехал к театру и купил в цветочном магазине букет желтых тюльпанов, которые страстно обожала моя девушка. Ни ее, ни друзей еще не было, поэтому я сел обратно в машину, положив букет цветов на заднее сиденье, и стал их нетерпеливо ждать.

– Мужчина, а рядом с вами место не занято? – открывая дверцу машины, спросила Таня.

– А как же! Не только место, но и сердце, – задыхаясь от счастья, поцеловал я ее руку.

Она с легкостью бабочки села рядом.

– И кто же эта счастливая особа? Позвольте узнать, – спросила она кокетливо.

– О-о-о, кто она, мне до сих пор не ведомо, хотя встречаюсь с ней уже год. Одно лишь скажу достоверно – она обворожительно красива, и одета в платье с глубоким декольте, – сыпал я комплименты, совсем позабыв о цветах на заднем сиденье.

– Сударь, вас что-то смущает? – улыбнулась она и посмотрела на свою грудь.

– Скорее притягивает..., – не смог удержаться я от поцелуя, и прильнул к ее лебединой шее. – У этого вечера должно быть продолжение, – дрогнул мой голос от волнения.

– Сегодня я на все согласна! – прошептала она томным голосом и оставила на моей щеке горячий поцелуй. Сердце забилось в темпе вальса, застучало в висках. Моя рука крепко сжала девичью руку, и соблазны предстоящего вечера мелкой дрожью прокатились по спине. Я жадно любовался ее красотой и не мог поверить, что эта прекрасная девушка может быть моей. Душа от волнения затрепетала, и почему-то стало страшно от нахлынувших чувств. Чтобы отвлечься от назойливых мыслей, я предложил Тане прогуляться до соседнего кафе и выпить по чашечке кофе-латте. Взявшись крепко за руки, мы быстро перебежали через дорогу и оказались за уютным столиком. Вежливый официант принял заказ и наш диалог «поплыл» в ином направлении.

– Таня, может в следующее воскресенье на «Палату номер шесть» сходим? Я до сих пор ее не видел в театральной постановке.

– Давай, если хочешь... но, честно говоря, она мне не нравится, тяжелое впечатление оставляет, – нахмурила она вздёрнутый носик.

– Да, впечатление от нее не из легких. Но затронутые в ней вопросы для меня понятны и близки, особенно в последнее время, – захотелось мне поумничать перед девушкой.

– Ты меня пугаешь, Стас, – ответила она улыбаясь.

– Нет, я серьезно. Мне и душевнобольных жалко, и тех людей, которым трудно жить в нашем обществе.

Выдержав паузу, я спросил:

– Интересно, а человек чувствует, что начинает сходить с ума? Хотя бы на самой начальной стадии?

– Я читала, что нет, не чувствует. Точнее – не осознает этого.

– Но это и к лучшему, – заметил я довольно, и, пригубив горячий кофе, продолжил, – ведь, если бы человек понимал, что он сумасшедший, то ему пришлось бы страдать в двойне – от осознания своей болезни, и от скотского отношения к нему людей.

– Почему же «скотского», как ты выразился? – подняла она удивленно

брови.

– Потому что они содержатся в ужасных, нечеловеческих условиях. Мы ведь как рассуждаем: «А зачем к ним лучше относиться или создавать нормальные условия, ведь они же все равно дураки, и ничего не понимают?». Но ведь это же – звериная логика! – начал я заводиться под наплывом негодования. – Кстати говоря, наше государство считает скотами и заключенных, которых содержит в таких же унижительных условиях, а может и еще худших, чем первых.

– А ты откуда знаешь? Ты же там не был! – на лице девушки проступил яркий румянец, который придавал ей особую привлекательность.

– Я от ребят слышал, с которыми работал на карьере. Там были и ранее судимые, и те, кто в различных больницах побывали. Они мне такие вещи рассказывали, что у меня аж волосы на голове колосились, – для наглядности я взлохматил свою шевелюру.

– А почему тебя вообще, это волнует? Ты что, собрался..., – не договорила она.

– Не дай Бог! – перекрестился я. – Просто меня бесит, когда я слышу на лекциях в университете или, например, по телевизору от какого-нибудь демагога, о гуманности, высшей ценности человека, а на деле вижу совсем другое – угнетение, унижение, да и лишение всех человеческих прав! И самая страшная беда в том, что человек до сих пор не понял, не ощутил своего истинного места в мире, своего предназначения. Да и куда ему!, – махнул я отчаянно рукой, и нечаянно опрокинул чашку с кофе, – когда он многие века тянет лямку бесправного раба, а притеснявшее его государство до сих пор, олицетворяется со всемогущим справедливым Богом. Э-эх, как мы далеки, как еще глухи к простым словам: «Человек создан для счастья, как птица для полёта».

– Милый, ты, по-моему, все близко к сердцу принимаешь, – погладила она меня ласково по щеке. – Ты, конечно, мудрёно говоришь, но в одном я с тобой, пожалуй, соглашусь – человек в нашем мире не чувствует себя счастливым, и во многих случаях из-за того, что ему государство жизнь портит. Не знаю, может несовершенство системы, может еще что-то, я далека от этих вопросов, но жестокости со стороны государства к своим же согражданам, конечно не мало. Я не понаслышке знаю, что в этих психбольницах творится. Неделю на практике в «третьей» психушке была, – договорила она серьезным, задумчивым тоном, сжимая пальцами салфетку.

– И знаешь, Таня, по моему глубокому убеждению, никто в этом мире не имеет права делать человека несчастным, особенно с помощью государственных инструментов. Даже если он совершил тяжкое преступление, – выделил я веско. – Я допускаю, конечно, что человека могут изолировать на какое-то время от общества, но условия изоляции не должны быть суровыми. Наоборот, государство должно создать все условия для того, чтобы он вышел оттуда с другим мировоззрением, лучшим, чем был до этого. А не наоборот, как это происходит сейчас.

– И что ты предлагаешь? – покосилась она на меня и тут же хитро добавила, – а может, потанцуем? А то мы сегодня все политические вопросы за Гос-

думу решим, – заключила она задорной улыбкой.

Я кивнул головой в знак согласия, и с любовью обнял свою даму за талию. Она покорно прижалась ко мне, и мы закружились в медленном танце. Под звуки страстных аккордов мы крепко обнимали друг друга, и мириады невидимых флюидов пролетали сквозь нас, притягивая, друг к другу всё ближе и ближе. Приятное тепло, как от бокала вина, разливалось по всему телу, и хмелела голова. Когда закончилась музыка, я искренне сказал Тане, что мне безумно нравится с ней танцевать. И глядя ей в глаза, серьёзно добавил:

– Я тебя никому не отдам!

Моя спутница кокетливо засмеялась и спросила:

– Так на чем мы остановились? Что ты про государство говорил?

Мне уже хотелось без умолку лепетать о любви, слова путались в моей голове, но я всё же продолжил:

– Я говорю, надо сделать так, чтобы государство тратило силы и средства не на угнетение и подавление личности, увеличивая этим преступность, а, напротив, на развитие человека, его всестороннее образование. Еще Бальзак писал: «Невежество – мать преступлений».

– То есть ты предлагаешь создавать для осужденных маньяков и убийц институты, школы иностранных языков? – недоверчиво спросила Таня.

– Да, и не только! Но и музыкальные, спортивные и другие школы, я ведь сказал «всестороннее образование». «Всестороннее» в широком смысле слова. Просто в тебе, Танюша, ещё говорят избитые временем общественные стереотипы и возмущение, мол, как так – он совершил убийство, а мы ему институт и скрипку в руки? – нахмурился я.

– А говорят, что труд – лучшее средство исправления и перевоспитания, – подметила она резонно.

– Нет, и со сторонниками Макаренко я не согласен, потому что они обычно подразумевают любой труд. Скажи, как бы ты себя чувствовала, если бы тебе на десять лет дали в руки метлу или лопату?

– Ужасно! – наморщилась она.

– А теперь скажи мне, – кого ужасы сделали лучше? – поглядел я на нее в упор, но ответа не последовало.

Девушка медленно размешивала в чашке остатки кофе и рассеянно смотрела куда-то вдаль. За окном светило ласковое солнышко, согревая своими лучами прохожих, а из приоткрытых окон дул легкий, мягкий ветерок. Он заигрывал с волосами моей спутницы, то поднимал их легкими порывами, то приглаживал, кружил и развивал. Это придавало ей бесподобное очарование. Даже шустрый официант застыл на месте неподалеку от нашего столика и не мог отвести от нее глаз. Я коснулся руки своей избранницы и тихо сказал: «Нам пора!» Мы вернулись к театру, но наших друзей ещё не было. Какое-то упрямство или неведомая сила настаивала закончить начатую дискуссию. А может и амбиции молодого человека.

– Таня, хочу тебе привести один жизненный пример, чтобы немного развеять твою предсудительность. Как двух реальных людей возьмём меня и Гришку Перепелкина, которого мы оба знаем. Два года тому назад мне понравилась

эта машина, и я захотел ее купить, – облокотился я с достоинством на свою машину. – Для покупки нужны деньги, а где их взять?! Можно было заработать своим трудом или попросить у родителей. Но ещё можно было эти деньги у кого-нибудь украсть. Я выбрал первое, то есть пошел на работу. В том, что я решил их заработать честным трудом, чья заслуга?

– Ну, конечно твоя! – уверенно ответила Таня.

– А вот и нет!

– Чья же ещё? – спросила она с недоумением.

– Моих родителей и воспитания! Я просто не мог поступить иначе, ведь я продукт микросреды и генетики, то есть наследственности. Теперь обратимся к несчастному Гришке. Он родился в неблагополучной, многодетной семье – мать пьющая, а отца он видел только два раза, когда тот возвращался домой после очередной отсидки. Гриша с большим трудом окончил среднюю школу, а потом долгое время искал себе подходящую работу. Не имея нормального воспитания и образования, не видевший ничего в жизни, кроме своей матери алкоголички и друзей хулиганов, как поступил Гриша, когда увидел на руке пьяного мужика золотые часы?

– Он их стащил! – с отвращением воскликнула девушка.

– Верно, стащил! Потому что только этому его и научила жизнь!

– Не правда! Есть же исключения, возьми, к примеру, Максима Горького или...

– Стоп, – не дал я ей договорить, – это как раз и есть исключения. А исключения, как ты знаешь, доказывают правило. И такие исключения я, конечно, допускаю в обоих примерах.

– И впрямь, мысли у тебя не из лёгких, – глубоко вздыхая, подметила Таня.

– Но что-то в них есть..., – добавила она в задумчивости.

– Вот я и говорю, когда смотришь на нашу жизнь со стороны – на ее привычный старый механизм, то начинаешь думать: «Или я схожу с ума, или люди не хотят видеть всю абсурдность своего общежития?» Поэтому, я, дорогая, и нахожу для себя столь привлекательной «Палату номер шесть», – сказал я, улыбнувшись, и поцеловал ее руку.

– Что-то наших голубков не видать, а уже пора! – сказала она, посмотрев на часы.

– Давай подождём ещё пару минут, и пойдём, – сказал я, оглядываясь по сторонам. – Знаешь, мне вчера странный сон приснился, – откашлялся я. – Река кровавого цвета, а через нее перекинут деревянный, хлипкий мост. На одном берегу родители, друзья и ты, а на другом я. Родители и друзья, протягивая вперед руки, кричат мне: «Иди к нам, мы ждем тебя! Иди же скорее!». Я аккуратно ступаю по этому мосту, а он шатается, и мне кажется, что я вот-вот упаду. Потом вижу в кровавой воде людей, корчащихся от боли и ужаса, они хватают меня за ноги, пытаюсь сбросить с моста, но я чудом не падаю и потихоньку иду. Во взгляде родителей и друзей отчаяние, тревога и мольба. А в твоих глазах только любопытство – дойду ли я...

IV

Демоны

Последнюю фразу я договорил, уткнувшись лицом в асфальт. Я даже не успел сообразить, что произошло, почему меня схватили и бросили на тротуар? Почему мои руки за спиной сковали наручниками?

В следующую минуту меня, словно кутёнка, подняли за плечи пиджака, и я увидел перед собой четырех крепких людей. Один из них бесцеремонно заталкивал Таню в свою машину. Она отчаянно сопротивлялась, но не могла, конечно же, противостоять мужской силе. Я крикнул вне себя от злости:

– Отпусти ее, гад!

Но эта фраза повисла в воздухе, а я опять оказался на асфальте, почувствовав тупую боль. Мой нос был сломан. Но какая это была мелочь по сравнению с чувством обиды – они забирали моего любимого человека, а я оставался сторонним зрителем. Затем меня бесцеремонно впихнули в машину, и с этой минуты я лишился свободы.

– Кто вы такие? Куда меня везете? Может объясните в чем дело?

Ответа не последовало. Рассматривая лица своих обидчиков, я пытался понять кто они – милиция или бандиты? И хотя они были одеты в гражданскую одежду, интуиция мне подсказывала, что это, все же, были представители силовых структур. Их было трое, четвертый, вероятно, уехал с Татьяной.

– Мне кажется, что вы из милиции, – предположил я вслух.

– Госнаркоконтроль, – коротко ответил водитель.

– Ничего себе! А на каком основании вы меня задерживаете, я ничего противозаконного не совершал, – пытался я оправдаться.

– Дуло залепи! – раздраженно рывкнул мой сосед и пихнул меня локтем в бок.

– Но это явное недоразумение! Вам придется извиниться! – не отступал я.

– Серега, ты смотри как складно стелет, – обратился мой сосед к водителю, – так ведь и поверишь...! – И они в один голос заржали.

– Хорошо! Дайте мне хоть вытереть лицо, кровь не унимается! – но просьба осталась не услышанной, и мне пришлось вытирать лицо плечом пиджака, так как руки за спиной были скованы наручниками.

Вскоре мы подъехали к трехэтажному обветшалому зданию, расположенному в глубине высоких построек. Стены его давно не видели ремонта, и на местах, где обвалилась штукатурка, зияли красные кирпичи. Его экстерьер навел уныние. В довершение грустной картины среди ясного неба слетелись облака, как чёрные вороны и хлынул сильный дождь.

В сопровождении своего соседа я поднялся на второй этаж и вошел в достаточно просторный кабинет. Здесь стоял стол, два стула, один из которых был прибит гвоздями к полу, у стены кожаный диван, сейф и небольшой шкаф. За столом сидел дородный мужчина лет сорока. Особо бросалось в глаза его плоское лицо с широко посаженными глазами и густыми усами с проседью. Перед ним лежала папка с уголовным делом, которое он внимательно читал, не обра-

шая на нас внимания. Вдруг он крикнул басистым голосом:

– Вот ублюдки! – и с треском ударил по столу медвежьей рукой.

Я невольно вздрогнул и вспомнил любимое выражение своего друга Ивана Круглова, заядлого драчуна, – у меня рука легка – была бы шея крепка!, и подумал: «Да, такой приложится – точно шею свернет».

Мужчина продолжал читать, нервно перелистывая страницы, как, наконец, мой сопровождающий сказал, усаживая меня на прибитый к полу стул:

– Вот, Николай Степанович, поймали мы нашу «Короллу»! – и мужчина поднял на меня налитые кровью глаза.

Каково же было мое удивление от услышанной фразы. Воспарявший духом, я радостно воскликнул:

– Постойте! Вы сказали «Королла», а у меня «Тойота-Камри». Это около нее вы нас задержали, – и, переводя, дыхание выпалил, – я же вам говорил, что произошла ошибка.

Двое загадочно переглянулись, и усатый мужчина сказал:

– Пойдем-ка, выйдем, капитан!

На несколько минут я остался один. Я представлял, как сейчас они войдут, и с виноватым видом скажут: «Извините, погорячились, с кем не бывает... Да и работа у нас, понимаете ли...».

А я отвечу им сердито: «Мне ваши извинения ни к чему, а вот перед девушкой будьте добры извиниться».

Я с нетерпением ждал, когда наступит момент истины. Волновался! Нервничал! Переживал! Я верил, что люди, которые призваны защищать мои права сейчас во всём разберутся и меня отпустят. О-о-о! Какой же я был тогда наивный! Я ещё не знал, что, переступая порог кабинета следователя, я уже на половину «подписал» себе срок. Лишь спустя некоторое время суровая реальность образумит меня, и я усвою правило – в этих застенках царствует зло, имя которому «Презумпция виновности».

– Ну что, сукин сын, будешь признаваться, как из машины «порошком» торговал?! – зарычал Николай Степанович, входя в кабинет. – Или тебя уговаривать нужно?!

– Мне не в чем сознаваться! О чем вы? – опешил я.

– О герыче, которым ты банчил со своей телкой!

– Но я ничем не банчил Я со своей девушкой приехал в театр на «Чайку»...

– А заодно и герыча продать, – перебил он меня.

– Постойте! Вероятно, вы меня с кем-то путаете, ведь сейчас выяснилось, что вы следили за «Короллой», а у меня – «Тойота-Камри»?! – сокрушался я.

– А это уже не имеет значения. У нас есть пленка видеонаблюдения и «закупщица», которой ты, мразь, – ткнул он меня пальцем в грудь, – продал героин. Короче, весь набор! – с сарказмом подытожил он.

Я был в полной растерянности и не мог сообразить как себя вести дальше, как защищаться.

– Как вас звать? Представьтесь, пожалуйста! – доверительным тоном спросил я.

– Разгуляй Николай Степанович, следователь, – ответил он с апломбом.

– Николай Степанович, я, честно говоря, в растерянности от происходящего, поэтому мне нужен адвокат. А до его прихода я воспользуюсь правом статьи 51 Конституции и от каких-либо показаний отказываюсь.

– А я и не веду протокол допроса. Я с тобой пока просто беседую, – принял он спокойный вид, скрестив на груди руки.

– Беседовать в таком тоне я тоже не намерен. Я же сказал «статья пятьдесят один». Всё! – отчаявшись, склонил я голову и уставился в пол.

– А ты что, умный такой?! – и он стал ходить вокруг меня, периодически нагибаясь к моему уху. – Умный? А?!

– Я не хочу с вами ссориться или доставлять какие-то проблемы, но вы себя ведете не корректно, ругаетесь, запугиваете.

– И я тебе не желаю проблем. Скажи, у кого ты брал героин, и кому потом продавал, а я отпущу тебя под «подписку», – шептал он мне назойливо в ухо.

– Короче, отстаньте от меня! Ради Бога! – взмолился я, с трудом сдерживая слезы обиды.

– Серега, – обратился следователь к развалившемуся на диване капитану. – Паренек-то наш, на уговоры напрашивается, – подмигнул он. Тот кровожадно ощерился и ухмыльнулся.

– Ну что поделать? Не доходит через голову, дойдет через печень, – процедил следователь, и с силой ударил меня в живот, потом еще и еще... Из груди вырвались глухие стоны. Затрещал деревянный стул.

Мои руки были пристегнуты к спинке стула, поэтому бить меня ему было очень удобно. В этот момент перед моими глазами начали пробегать картинки из фильма о войне, где самодовольный, обрюзглый фашист бьет пленного русского солдата.

Взмыленный садист смахнул рукой пот со лба, закатал по локти рукава пиджака и с пушим усердием принялся за дело. Такими лютыми ударами он мог бы и бетонные сваи забивать в землю.

«Как больно-то, – подумал я. – Только бы ничего не разорвалось внутри».

Между тем следователь все больше увлекался и, как ни странно, от своих же ударов сильнее злился. Входил в раж!

Через некоторое время, которое для меня длилось целую вечность, он остановился и спросил, запыхавшись:

– Ну что, чистосердечное писать будешь?

Я молчал. Тогда он достал из-под стола пластиковую бутылку, наполненную до отказа водой и, оскалившись, начал колотить ей меня по голове (наверное, для того, чтобы не оставалось синяков). От этой экзекуции было не столько больно, как обидно. За шесть лет занятий боксом я научился переносить удары хладнокровно, но на ринге каждый пропущенный удар – это моя ошибка и поэтому винишь только себя. Но в этой ситуации было что-то унижительное, постыдное. Оставалось только скрипеть зубами от безысходности.

Кабинет, раскачиваясь, плыл перед глазами. До слуха доносились неразличимые звуки, и мне было уже все равно – убьют меня или изувечат. Вдруг, я почувствовал холодную струю воды, тонкой змейкой стекающей по голове и спине. А через минуту рассудок опять вернулся ко мне.

На плечах удалого Николая Степановича уже не было пиджака, только футболка. Он стоял у окна и жадно курил. Руки его дрожали от возбуждения, а на серой футболке были видны мокрые разводы под мышками. Он изрядно вспотел.

– Ох, и повозился я с тобой, щенок, – тяжело отдуваясь, прохрипел он.

– «Не срубишь дуба – не отдув губы!» – сказал я с издёвкой, чувствуя полную обреченность своего положения. Физиономия следователя от гнева сморщилась и стала похожа на дикую ондатру.

– Ты хороший, нормальный парень, – заговорил со своего места капитан, до этого молча наблюдавший за происходящим. – Ну, что ты выкобениваешься?! Только здоровье впустую тратишь?! – пытался он придать своему голосу сочувствие.

– Вы хотите, чтобы я признался в том, чего я никогда не делал? – с трудом выдавил я.

– Делал – не делал, чего в «ромашку» играть. Есть человек, который утверждает, что покупал у тебя наркотики. Есть его показания и составлен акт о добровольной выдаче наркотика, – спокойным, дружелюбным тоном проговорил капитан.

– Если это так, то сделайте «очную ставку». Я хочу видеть этого человека.

– Не спеши, – вмешался следователь, – будет тебе и очная ставка, и опознание. Всё будет! Но если до этого дойдёт, тебе же хуже будет, поверь! – под его седеющими усами блеснула злая ухмылка.

– Значит, вы мне никаких шансов не оставляете? Какой-то замкнутый круг получается, – поражался я безысходности своего положения.

– Я же тебе объясняю, зря ты из себя героя корчишь. Пустое это! Парень ты не глупый, а ведешь себя, как ребёнок, – сказал капитан, забрасывая ногу на ногу. – Чайку не хочешь? – с улыбкой добавил он.

Мне становилось понятно, что начинается игра в «добраго и злого». Этот психологический приём по типу «кнута и пряника» мне был известен из книг по криминалистике. Правда, там один из авторов подчёркивал, что такие методы являются недобросовестными. Но игра этих актёров показалась мне настолько очевидной и пошлой, что мне быстрее захотелось антракта. Не вытерпев, я произнёс:

– В университете нас учили тому, что человек является высшей ценностью, а защита его прав и свобод обязанностью государства. А, глядя на вас, я думаю то ли профессор лопух, то ли вы конституцией ж...у подтираете?

На лицах «актёров» изобразилось крайнее недоумение, а в глазах Николая Степановича даже какой-то глупый испуг, будто бес услышал знакомые слова из пасхальной молитвы.

– Ну, чего рот раззявил, давай пакет! – крикнул он капитану, выйдя из ступора.

И тот час же мне на голову надели прозрачный полиэтиленовый пакет. С каждым выдохом он всё больше и больше запотевал, и вскоре капли потекли по лицу к шее. На грани потери сознания пакет снимали с головы, потом снова надевали (вопиющий правовой нигилизм этих людей с лихвой окупался «смекал-

кой и сообразительностью»). Судя по отточенной методике, они преуспели в этом деле, и я у них был далеко не первый.

Но, наконец, наступила долгожданная темнота и тишина, в которой мне стало хорошо и спокойно, но как она была коротка, как быстротечна... я пришёл в сознание! Пакета на голове нет, и я могу вдыхать воздух полной грудью. За окном смеркается, о чём-то своем перешёптываются две берёзы, и в эту минуту мне вспомнился фрагмент из фильма Василия Шукшина «Калина красная», где он ведёт с берёзой душевную беседу. Как же мне тогда захотелось прижаться к этим берёзкам, и пожаловаться им о своих тревогах и печалях. Рассказать деревьям этим, каким жестоким бывает человек!

– Отведи его в камеру, посидит до утра – может за ночь поумнеет, – сказал следователь, и лёг на диван. – И откуда такие уроды берутся? – брезгливо добавил он и принялся пилочкой подтачивать ногти.

Мы спустились в полуподвальное помещение с узким коридором и тремя камерами с левой стороны. Остановились у последней железной двери, и оперативник громко скомандовал:

– К стене! Руки в гору!

– Не понял?! – застыл я в растерянности.

– Лицом к стене! Руки подними, ноги расставь на ширину плеч! – закричал он снова.

Я сделал, как было сказано. Когда он проводил личный обыск, то нащупал во внутреннем кармане пиджака губную гармонику. Она почти всегда была моей верной спутницей и при всяком удобном случае радовала душу мне и моим друзьям. Я с детства питал слабость к этому крошечному, но удивительному музыкальному инструменту.

Рука оперативника на секунду застыла, будто нащупала что-то значимое, противозаконное. Затем медленно потянула «добычу». Не иначе он думал, что нашел обойму с патронами. Из любопытства я бросил взгляд через плечо и увидел физиономию «глушеного карпа». Он разинул рот и выкатил глаза от удивления. Вероятно, гражданин мент никогда не держал в своих руках музыкальный инструмент. Футляр открылся, и гармоника заблестела серебром, играя стильной гравировкой «HÖHNER». «О-пля!» – воскликнул варвар и тут же сунул ее в рот. Ноздри раздулись, и гармошка взвизгнула, будто ей причинили боль. А мент все сильнее и сильнее раздувал засаленные щеки, как кузнечные меха, тужился, старался. Точно в его руках был не хрупкий, нежный инструмент, а резиновая грелка.

Я с ужасом смотрел, как из задней стенки гармоники брызжут во все стороны слюни, и слышал ее надрывный плач. Насиловали мою сладкоголосую девочку, которая подарила мне столько приятных минут! О которой я заботился, ценил, лелеял.

– Вот говно фашистское, бля! – рявкнул мусор и с психу бросил ее в ячейку.

– Отдайте мне гармошку, пожалуйста! – обратился я к нему.

– Не положено! – отрезал он и заставил вынуть ремень из брюк, вытащить шнурки из ботинок.

Открылась железная дверь, и я робко переступил порог своего нового жи-

лица. Первое, что меня встретило и жутко поразило – это густое, тяжелое злование. Такое, которое не встретишь нигде и никогда. Это был специфический конгломерат кислоты, мочи, табака и страха. Страх, доведенного до отчаяния! Кто думает, что страх не имеет запаха, тот глубоко ошибается. Страх – это неотъемлемый запах наших изолированных учреждений, где люди находятся в нечеловеческих условиях, как загнанные на бойню звери.

В камере стоял полумрак, и она походила на склеп. Стены были покрыты «шубой» – небольшими буграми из цемента с известью. Ее размеры составляли пять шагов в длину и два с половиной в ширину. У левой стены располагалась бетонная лежанка. Унитаз и кран не были предусмотрены; справить «нужду» можно было в определенное время два раза в день. Для этого выводили из камеры в туалет, расположенный в коридоре. В камере не было ни окон, ни вентиляции. Я сел на пол, поджав ноги, и начал думать над сложившейся ситуацией. Нужно было оценить своё положение и принять решение как действовать дальше.

«Итак, – начал я размышлять, – сначала меня спутали с наркоторговцем, но когда поняли свою ошибку, решили почему-то не отпускать. Значит, они хотят, чтобы я дал письменное признание, в котором уличил бы себя в сбыте наркотиков и на этом сфальсифицировать дело. К тому же, у них есть какая-то свидетельница, а может быть, и нет. Хотя какая разница, если захотят, то найдут. Так, что же из этого следует? Если дело будет сфальсифицировано без моих показаний, то у меня останется хоть какой-то шанс его «развалить», а если я дам показания, что будто бы продавал наркотики, то этим самым «подпишу себе приговор» и добиться правды уж точно будет невозможно. Поэтому, я ни в коем случае не должен давать показания против себя! Воистину, в моем случае молчание – золото... Это же любимая фраза моей мамы, – воскликнул я и встрепенулся.

– Бедная моя мама! – с дрожью в голосе прошептали губы вслух. – И как только она перенесёт это?! У нее же больное сердце и что с ней будет, когда ей скажут: «Ваш сын преступник, по которому плачет тюрьма». Что же будет с тобой, моя родная?... Нет, она не выдержит такого удара, а я всю свою жизнь буду проклинать себя за это. О, Боже! – сложил я ладони на груди. – Будь милостив к моим родным! Сделай со мной по воле твоей, но избавь их от всякого страдания! Пусть обойдёт их чаша сия! – закончились мои рассуждения молитвой, после которой меня потянуло в сон. Но вскоре колючий холод разбудил меня, и пришлось присесть, отжиматься, согревая себя гимнастикой.

Утром горластый сержант скомандовал:

– Борисов, на выход!

И меня повели в тот же кабинет, где я провёл незабываемый вечер. Там меня встретил лукавой улыбкой высокий, худощавый мужчина, около тридцати лет. Любезно указывая на стул, он произнёс:

– Присаживайтесь, – и, выждав паузу, продолжил, – меня зовут Олег. Я хочу вам помочь в сложившейся проблеме и, собственно говоря, поэтому я здесь, – закончил он свою речь натянутой улыбкой.

– Тогда скажите, где сейчас Татьяна – девушка, которая была со мной в

машине? – спросил я.

– С ней всё в порядке, ее вчера отпустили.

«Это уже хорошо, – подумал я. – Одному мне легче будет бороться. По крайней мере, они не смогут на ней спекулировать».

– Так чем вы мне хотите помочь? – спросил я вслух.

– Я помогу решить вашу проблему, – улыбнулся он.

– И каким образом?

– Думаю, что самым выгодным! – он сделал паузу и, закулив тонкую сигарету с ментолом, продолжил, – дело в том, что месяц назад к нам поступила информация, что «некто» сбывает героин крупными партиями. У этого человека автомобиль «Тойота-Королла» белого цвета, на котором он часто появляется у театра. Мы решили провести его задержание, а тут оказались вы, как говорится – «в ненужное время, в ненужном месте». Ничего теперь не поделаешь, что сделано – то сделано, – он глубоко затянулся и, выдохнув, густой клуб дыма, продолжил виноватым тоном. – Я лично, признаю ошибки моих коллег. Они, конечно, погорячились...

– Так в чём состоит решение моей проблемы? Вы так и не сказали, – жадно ловил я его слова.

– А решение состоит вот в чём, – посмотрел он на меня в упор гипнотическим взглядом, переваливаясь через стол. – Вы подписываете доверенность на автомобиль и после этого благополучно отправляетесь домой, к своим родителям и девушке.

– Вот как? Но я не пойду на это! – отрезал я решительно.

– Ах, память моя дырявая, – театрально шлепнул себя по лбу склеротик. – Я же забыл вам сказать главное. В вашей машине нашли порошок белого цвета, и его направили на экспертизу, – в эту секунду мы сцепились взглядами, и меня бросило в жар. Я окончательно растерялся.

– По-моему, довод более, чем убедительный! Вы не находите? – многозначительно проговорил он, оголяя ряд белых зубов.

– То, что в выборе средств вы не стесняетесь, я уже понял. Но мне нужно подумать, – и с иронией добавил, – «Просите покорно, наступив на горло».

– Подумайте до вечера, – с лица посредника не сходила ядовитая улыбка.

– Ответьте мне на один вопрос, – сказал я, вставая со стула. – А вам не совестно так поступать с безвинным человеком, который потратил два года жизни на каторжных работах, чтобы купить эту машину?

– Совесть – это глас народа, а мне о себе думать надо, – отмахнулся он.

– То есть ради выгоды вы готовы на всё? – допытывался я.

– На всё или нет, вопрос риторический. Я тебе вот что скажу, – он встал со стула и, глядя в окно, продолжил спокойным тоном. – Смотришь ты на меня, как на врага народа и думаешь, что во мне ничего святого нет. Но это не так. Когда я учился в академии, то верил и в закон, и справедливость. А когда столкнулся с реалиями жизни, то понял – у нее свои правила. Короче говоря, против системы не попрешь, иначе она тебя сломает и выбросит на помойку, – он затушил о край стола сигарету и небрежно бросил в железную урну.

– Неужели все становятся такими? Есть же исключения! Есть ведь люди,

которые честно служат?!

– Исключения я допускаю, но сам их, лично не встречал, – усмехнулся он.

– Да уж! Всё равно я не могу в это поверить, – произнес я с детской наивностью.

– Твоё дело! Но на будущее запомни, студент, – «кто как может, так и гложет!» – и буду я конченным дураком, если перед моим носом будет лежать жирный кусок, а я останусь голодным.

– Спасибо за науку! Скажите, чтобы меня отвели в камеру, мне нужно подумать, – и на выходе из кабинета, обернувшись, с горечью добавил, – «Законы святы, да исполнители лихие супостаты!»

V

«Слово не воробей»

На улице щебечут птицы, шумят задумчиво деревья, солнце нежными лучами ласкает ножки девчонок, а я во мраке серой камеры схожу с ума. Еще вчера я летал вольным ветром и был беззаботно счастлив, и вот я в силках из колючей проволоки, из которых невозможно выбраться. «Вот тебе и палата номер шесть!» – вспомнил я с иронией. Никогда бы не подумал, что совсем обыденные вещи, как солнце, воздух и шнурки для ботинок будут иметь такую высокую цену для меня. Точно, всё познаётся в сравнении. Наверное, эти слова придумал первый арестант.

«Так, – начал я рассуждать, шагая взад-вперёд по тесной камере. – Передо мной стоит выбор: отдать машину или нет? Хорошо, если я соглашусь на их предложение, то есть ли хоть какие-нибудь гарантии, что меня отсюда выпустят. А какие это гарантии? – остановился я. – У этих людей, кроме пустых обещаний, по-моему, и нет ничего. Положиться на слово офицера... – И я рассмеялся от собственной мысли, – если у человека нет принципов, а только жажда наживы, то какая может быть вера его словам? Это не человек, а «пустышка». Получается, что и выбора у меня никакого нет, – тяжело вздохнул я в отчаянии. – Значит, только остаётся идти в избранном направлении: ни с чем не соглашаться и стоять на своих показаниях. Блин, и какой же я всё-таки невезучий! – я опять остановился и закрыл глаза, утверждая в себе эту мысль. – То, что произошло со мной – игра случая, и на моем месте мог бы оказаться любой другой. Как тут не поверишь в злой рок судьбы или «провидение», – кажется, так говорили в старину. Стало быть, на мне клеймо или вообще, тюремное тавро!» – я, психанув, ударил по бетонной стене.

Но скрип двери прервал мои размышления. В камеру вошёл маленький, пожилой мужчина, одетый в потёртые штаны и коричневую, засаленную футболку. На голове у него была зеленая кепка с надписью «USA», а на ногах резиновые, китайские сланцы. Он слегка прихрамывал и громко поливал грязью тех, кто его посадил. Такая бравада щуплого человека меня очень удивила. Однако, не вызвала к нему симпатии. Он имел отталкивающую внешность, – лицо

было покрыто множеством шрамов, маленькие дикие глаза, скошенный лоб и оттопыренные большие уши. От него веяло какой-то гадкостью и скрытностью, хотя он старался показаться открытым и развязным. Внешне он мне напомнил Шарикова из фильма «Собачье сердце».

– Здорово, дружище! Меня Колёк зовут, погоняло Шрам, – протянул он мне пятерню, когда за ним захлопнулась дверь.

– Привет, меня Стас! – и я пожал его шершавую руку.

– Давно здесь? – спросил он, присаживаясь рядом со мной на пол.

– Почти сутки.

– А чё такой потрепанный? – смерил он меня вопросительным взглядом, – за что приняли-то?

– Да ни за что! Перепутали с кем-то, – ответил я нехотя.

– Все мы ни за что. Я вот тридцатку оттарактел по лагерям и не встретил ни одного, кто бы честно сказал, что сидит за дело, – он вынул из кармана брюк позолоченный портсигар и, тщательно размяв сигарету, прикурил.

– А тебя за что? Вроде уже почтенного возраста, – присмотрелся я к нему внимательнее.

– Да как сказать..., – он сделал глубокую затяжку и прищурился от удовольствия, – со своей бабой повздорил. Выдумала, что я у нее деньги из кошелька на водку спёр. Короче, слово за слово, ну и треснул ее, чтобы знала, бестия, на кого варезку разевать. Я ведь ни сном, ни духом, куда она эту купюру задевала, чертовка! – состряпал он вопросительную рожу и стал похож на злого гнома. – Да, с бабами только так и надо! – и он растянул беззубый рот, изображая подобие улыбки.

– Дело хозяйское, как говорится, но водкой от тебя за версту разит.

На это замечание злой гном бросил недовольный взгляд.

– Хотя, знаешь, – сказал я, – женщин бить дело не мужицкое. Мне в детстве мама говорила: «Сынок, если вздумаешь ударить женщину, то представь на ее месте меня. Прошу тебя, никогда на женщин не поднимай руки!» – вот я и держу в памяти мамины заветы. Как бы ни злили меня женщины, я креплюсь!

– Да ты ещё мал и глуп, коль мамкиным умом живёшь, – хихикнул он. – В жизни встретишь гадюку такую, как, скажем, тёща моя была, так белугой от такого жития завоешь. Ну и давала баба «жару». Она трёх мужиков в сырую землю загнала, а сама, окаянная, до восьмидесяти прожила. Да протянула бы ещё дольше..., – и Колёк гневно сплюнул, так и не закончив фразу. – За красотой в ту пору я погнался. Мне покрасше да подрёнее хотелось, и плевать я хотел на батины советы. А ведь он мне постоянно говорил: «Где девки гладки, там воды нет в кадке». Нашёл я первую красавицу на селе, да так и промучился с ней, да с ейной матерью в придачу, пока Бог не образумил. А сейчас у меня вторая жинка, хоть и не королева, да зато хозяйственная жилка в ней есть. Изюминка значит! – причмокнул он довольно. – Вот за эту изюминку и люблю!

– Любишь и бьёшь? – спросил я недоверчиво.

– Да, всякое бывает. Иной раз так «отхожу», что думаю, душа ейная вон выйдет, а она крепкая, зараза, так и цепляется за жизнь. В старину ведь говорили: «Люби девку, как душу, да трясина ее, как грушу». Вот я и люблю, да трясина, –

произнес он самодовольно.

– И не обижается? Жена-то?

– Да какой там? Она же у меня старых понятий, «коль бьёт, значит любит». По домострою воспитана. Никуда от меня, все срока меня ждёт, – произнёс Колёк гордо.

– Так может она тебя не столько любит, сколько боится? – засомневался я.

– А мне какая разница! Ты пойди, разбери, что у этих баб в голове. Она и сама-то, наверное, не знает. Главное, что она – рядом, а я – сыт и одет.

– Вроде ты и убедительно говоришь, но не укладывается у меня в голове... Даже представить себе не могу, как можно бить свою жену. Нет, сейчас жизнь другая, женщины тоже. Да и весь народ.

Нависла тишина. Колёк, недовольно кряхтя, поднялся с пола, отряхнул от пыли штаны и стал «тасоваться» по камере. Сильно сутулясь, он ходил передо мной туда-сюда, громко шаркая сланцами. От чего раздражение мое к нему только росло. Вдруг он резко остановился, и, выпучив на меня свои мутные глаза, заголосил, брызгая слюной:

– По-твоему, раньше дураки были?! А? Да ты еще не родился, а твои предки города строили, Казань брали, фашистов из Сталинграда гнали, да еще и по семь детей рожали. От самого Адама как-то прожили, а поумнели только сейчас, что ли? Э-хэ-хэ, – запричитал штригилек и, плюхнувшись на пол рядом со мной, изрек ворчливо, – «раньше были времена, а теперь мгновения. Раньше х.. стоял с утра, а теперь давление».

– Нууу, – замешкался я, – я только говорю культура сейчас другая.

– Я культуру вашу знаю: за хлеб, значит, вилок берется, а за хрен аж двумя руками, – съязвил он.

– Конечно, многое стало доступным, открытым. Немало и развращенности..., – прежняя уверенность в своей правоте стала покидать меня, и я решил перевести огонь на оппонента. – Но бить жену и относиться к ней, как к груше, это уже последнее дело!

– Последнее дело – это оказаться у нее под каблуком. А они, бабы, только этого и хотят, еще от самой Евы. Власть им подавай! Нет, хрен им на блюде, – выгнул он кукиш, размахивая перед моим носом. – «Держи деньги в темноте, а девчонку в тесноте!» Во как! – не сдавал позиции оратор.

– Ладно, пусть каждый останется при своем мнении. «Старика учить, что мертвого лечить», – поддел я его. – Пустое это!

Но Шрам как будто меня уже не слышал. Он опять достал сигарету, покрутил, размял ее, но прикуривать не спешил, размышлял о чем-то. А я уставился на противоположную стену и отрешенно стал наблюдать за жизнью насекомых. В углу паук сплел большую паутину, и в нее попала муха. Несчастливая билась из последних сил, дергалась, вырывалась, но слюнявые нити крепко держали в своей власти пленницу. Наверное, ей так же, как и мне хотелось на свободу, но суровые законы жизни не хотели считаться с желанием какой-то маленькой букашки со своим ничтожным и почти незаметным мирком. А паук не спешил. Он ждал, когда у жертвы иссякнут силы. Да и в полной мере хотел насладиться своей властью. Властью над жизнью и смертью! Наконец, мой сосед чиркнул

спичкой и запахло дымом дешевых сигарет. Послышался трогательный, печальный голос старика.

– Видать у тебя какая-то зазнобушка есть, коль ты так за девок впрягаешься?! – покосился он на меня.

– Есть, – ответил я, тяжело вздыхая.

– Какова она? – спросил он, улыбаясь.

– Хорошая, отзывчивая.

– Отзывчивая, говоришь? – протянул он понимающе, – это хорошо. – Если что-нибудь ей передать на словах надо, то чиркни номерок. Я позвоню. Меня долго держать не станут. А то, небось, девка горюет! – положил он мне на плечо по-отечески руку.

– Спасибо. Обязательно чиркну, – обрадовался я.

– Знаешь, я много лет шатался по России. Куды меня только не забрасывала судьбинушка, а простого, честного человека давным-давно не встречал. Вымерло поколение нормальных-то. Сейчас человек человеку – враг, не иначе! – вздыхал старик.

– Да, наверное, так и есть. Понимания и теплоты нет совсем, – подхватил я.

– Вот и я говорю, понимания нет. Человек слушает, да не слышит, о чем ему близкий жалуется.

– Все поглощены только собой, – понимающе отозвался я.

– И своими проблемами. Взять даже нас с тобой, – подтолкнул он меня плечом. – Чалимся в одной камере, стало быть, одним горем связаны. Как говорили старики: «Общее горе – половина утешенья», а общего, общего-то не чувствуется, понимаешь?! Я к тебе со всей душой, по-отцовски, а ты нос воротишь. Думаешь, что дедушка из ума выжил, какую-то чушь городит, – жалобно произнес он.

– Нет, что ты! Что ты! Я совсем так не думаю, наоборот, чувствую твою доброту, участие, – искренне сказал я ему.

– Жалко мне вас, молодых, – не переставал вздыхать старикашка. – Только жизнь начинается, самый рассвет, а вас в это болото. Потом уже ничего не исправишь. Я вот так же молодым юнцом начал, споткнулся раз, и до сих пор подняться не могу. Смотрю на тебя, а себя вижу, – его голос задрожал, и глаза покрылись влагой.

– Все нормально будет, не переживай! – попытался ободрить я его.

– Щеглом я был тогда желторотым, еще не оперенным! – Колек достал грязный платок, и вытер глаза, вспоминая, своё прошлое. Вздохнув печально, спросил, – За что тебя сцапали-то, сынок? Да ещё молотнули, гляжу, не по-детски...

– Да так... Не по душе я им пришёлся, – отмахнулся я.

– А-я-яй, – запричитал старик. – Нехристи поганые! Молодых-то за что бить? Черти окаянные, предать всех анафеме... Ничего, до свадьбы заживет! – добавил добрый знакомый.

Как мне было приятно участие этого старичка в моей беде! Как мне захотелось излить ему душу! И как мне стало обидно, что я так поспешно составил о нем нелестное мнение по одной только внешности! Я смотрел в его мокрые,

уставшие глаза и жалость переполняла меня. Сколько горя и несчастий выпало на долю этого бедного человека. Одни только бесчисленные, глубокие морщины красноречиво говорили о его тяжелой судьбе. И только Богу известно, какой тяжкий крест пришлось пронести этому хрому старикашке. «Общее горе-половина утешенья» запали в душу его слова. И я решил ему довериться.

– Да, побили менты жестоко. Но дело даже не в этом! Знаешь, у меня полный тупик! Мне кажется, что я или с ума сойду, или помру здесь, – от горькой обиды я готов был заплакать. – Представляешь, спутали меня с одним наркоторговцем, а теперь не хотят выпускать. Говорят: «отдай машину и пойдёшь на свободу». Вот я и не знаю, что мне делать. Машина хорошая. Иномарка белая, дорога мне очень. Я за нее семь потов пролил, сам деньги заработал, – я хотел придать своим словам внушительное уважение и произнести это с гордостью, но едкая горечь подкатывала к горлу, и получилось как-то жалобно. Даже неестественно.

– Вот сволочи, что творят! Значит, на машину позарились? А-я-яй!- качал он головой.- Я тебе так скажу, сынок. Шутки с ментами плохи, если уж они за это взялись, то свое возьмут! Верь мне! Чем терять здоровье понапрасну, лучше уж отдай им эту «Камри», – всё равно не отстанут.

– Какую «Камри», отец? – спросил я насторожившись.

– «Тойоту», или как ты там сказал..., – в его глазах отразился испуг.

– «Тойоту» значит, – и я крепко схватил его за воротник футболки, – ни про Тойоту, ни про «Камри» я тебе не говорил.

– Пусти! Ты чего, задушишь ведь! – выпучил он глаза. – Ты только что сам мне сказал. Иначе откуда бы я мог знать, как твоя машина называется?!

– Пес ты старый! А я тебе поверил, в твою порядочность. Если ты и дальше будешь врать, я задушу тебя. Обещаю! – и я сдавил обеими руками его горло. Я чувствовал, как бешено пульсирует его кровь и видел дикий испуг в его глазах. Он страшно ощерился, обнажая сгнившие зубы, и стал похож на старую крысу. В его злобной морде я видел всех своих врагов и обидчиков: следователя, оперативников. Во мне закипала ярая ненависть, и захотелось одним усилием прикончить все это гадкое племя. И только отвращение в последний миг остановило меня. Я выпустил из рук его тонкую шею и вытер вспотевшие ладони о брюки. Доносчик лежал на полу, как рыба, жадно глотая воздух.

– Ну, говори! – крикнул я.

– Менты сказали, чтобы я склонил тебя отдать им машину, а заодно и узнать о тебе, – прохрипел он сдавленным голосом.

– Ясно! – вздохнул я печально. – А как звать-то тебя на самом деле?

– Генка... Генка Пулеметчик, – ответил он сиплым голосом.

– Забавная кличка, наверное, доносы строчил?!

Он промолчал.

– Давно ты на них работаешь, Генка? – разглядывал я с любопытством жалкого холуя.

– Уж не припомню, – приподнялся он на локоть.

– Неужели ты по собственной воле агентом стал или как там... стукачом? – спросил я.

– Нет, не по собственной. Я двадцать годков с лишком оттрубил как честный фраер, и благовал, и за общее страдал, потом подсел на иглу и общаковские деньги разбазарил. Метнулся к ментам, они помогли. После этого рассчитываюсь за их услугу. Вот такие пироги, – уставился он в пол.

– Да уж... Но ты сам выбрал такую судьбу! Смотри, халтурить начал, Генка, пора бы уж тебе на пенсию, – съязвил я.

– И рад бы, да грехи не пускают, – ответил он угрюмо.

Вскоре, после нашего разговора, старик постучался в дверь и его вывели. Оставив после себя впечатление мерзости. Будто и камера, обжитая мной за сутки, утратила последние остатки уюта. Стала чужой и злобной. Как проститутка изменила моему привычному одиночеству, и впустила к себе постороннего, лишнего человека.

Я опять увидел паутину и счастливую муху на стене, которой все же удалось вырваться из опасного плена. «Повезло! – обрадовался я за насекомое, как за самого себя и смачно харкнул на паутину. – Остался ты без обеда. Тварь!» – злорадно я заметил пауку и на этом успокоился. Вскоре за мной пришли, и я побрел уже привычной мне дорогой, сожалея, что я не муха.

В кабинете меня ожидал оперативник по имени Олег. Выглядел он спокойной и уверенно. Довольная ухмылка не сходила с его лица и только вызывала у меня ненависть. Указывая кивком головы на стул, он спросил:

– Ну что?

– Ничего! – ответил я.

– Совсем? – поднял он брови.

– Совершенно! – процедил я довольно.

– Ты хорошо подумал? – раздражаясь, перешел он на «ты».

– А я только и делал, что думал. Более достойного занятия в камере и не сыскать.

– Хорошо, картина ясна, – и он вышел.

Чуть позже вошли двое, чьи кровожадные лица я запомню на всю жизнь – Николай Степанович и его неизменный помощник – капитан. Выглядели они бодрыми, энергичными.

– Что студент, понравилось, когда тебя офицеры уговаривают?! – начал следователь в привычном тоне.

– Да, так и есть! Понравилось! – ответил я.

– Посмотрим, как тебе это понравится, – и он достал из сейфа пистолет Макарова.

Сделав ко мне два шага, он вытянул руку и прицелился. На меня в упор смотрело дуло пистолета и на таком близком расстоянии, я почувствовал запах масла, и стали. Впрочем, это мне могло показаться от работы воображения. Я не испытывал страха, и вовсе не потому, что старался быть мужественным, нет, а всего лишь по тому, что не мог поверить в такой банальный исход, – вылетит пуля и прострелит мне лоб!

– Прихлопну тебя как муху, отвезу в лес и скажу, что пристрелил при попытке к бегству, – произнес злорадно следователь, держа перед собой пистолет, – а там и поминай, как звали!

– А что, при попытке к бегству можно застрелить человека прямо в лицо? – сказал я равнодушно. – Ведь любая экспертиза установит, что выстрел был произведен в упор.

– Ну не нравится в упор, тогда ты у нас побегаешь по лесу, а мы устроим охоту, – сказал он, ехидно улыбаясь.

– Да плевать я хотел на вашу охоту! Делайте, что хотите, только заканчивайте уже эту комедию.

– Вот как?! Если ты такой храбрый, то я поступлю иначе, – следовательно убрал в ящик стола пистолет. – Ты у меня в тюрьме заживо сгниешь. Причем ни где-то, а в «петушиной» камере. Двадцать человек тебя будут под хвост шпиндихорить. Так что готовь с собой мыло, да чтоб кусок был покрупнее. Как тебя, сученыш, зовут?! – Он глянул на бумагу на столе и произнёс, – Стасом значит. Вот, и хорошо, а когда тебя двадцать рыл поимеют, будешь Настькой! – ядовито процедил он. – Зови понятых, не о чем с ним больше базарить, – обратился он к капитану.

Пока тот отсутствовал, следователь положил мне в карман брюк небольшой полиэтиленовый сверток. Я сидел, прикованный наручниками к стулу, и воспрепятствовать этому не смог. Через полминуты в кабинете уже стояли парень с девушкой, грязные и безобразно одетые. У парня почти не закрывался рот, всё время, оставаясь полуоткрытым, глаза же наоборот – были постоянно закрыты. Следователь обратился к ним:

– Понятые, прошу вашего внимания! Нами задержан этот мужчина по подозрению в незаконном распространении наркотиков. Сейчас мы проведем личный обыск подозреваемого и в протоколе зафиксируем результаты проведенного мероприятия. И так, приступим..., – разыгрывал он комедию. Понятой с трудом держался на ногах и единственное, что мог фиксировать – свою устойчивость. В этом ему помогала девушка и сердобольный капитан.

В ходе обыска, конечно, был обнаружен в кармане брюк полиэтиленовый сверток. Его содержимое было белого цвета, напоминавшее зубной порошок, которое после изъятия из моих брюк аккуратно положили в бумажный конверт. Конверт опечатали, и понятые поставили на нем свои подписи. После этого мероприятия мне объявили, что вещество будет отправлено на экспертизу. Было очевидно, что эти понятые- наркоманы со стажем, которые оказывают подобного рода услугу за отдельную дозу наркотика. Схема была достаточно проста, и она с успехом была отработана на мне.

От подписи в протоколе я отказался, сославшись на то, что наркотик мне «подкинули». От показаний тоже, воспользовавшись правом не свидетельствовать против себя (статья 51 Конституции РФ).

Настаивать на вызове адвоката я посчитал бессмысленной затеей. «Если у них свои понятые, – подумал я – то явится такой же «свой» адвокат.

VI

Святой человек

Мне предстояло провести в камере еще одну ночь. И нужно было подготовить себя морально ко встрече с тюрьмой. В голове крутились разные воспоминания из рассказов о ней. Одни «бывалые» отзывались о ней с презрением; другие – весьма устрашающе, но, правда, и те и другие сходились в одном – человек ко всему привыкает и к тюрьме тоже. «Наверное, и я привыкну», – решил я для себя оптимистично и на этом успокоился. Но из-за ночного холода опять не удалось уснуть и снова пришлось прибегнуть к физическим упражнениям. И хотя я ни чего не съел за прошедшие два дня, силы еще были.

Утром за мной пришел дежурный, и отвел в небольшое помещение. Спичкой ко мне стояла женщина маленького роста и что-то искала в своей сумке. Приближаясь к ней, я с трудом сдерживал слезы. Это была моя дорогая бабушка! Человек, который безгранично любил меня. Она забывала о себе, и о своих насущных потребностях, потому что всё лучшее отдавала единственному внуку. В этом самопожертвовании она находила наивысшее удовольствие, смысл жизни и призвание. Эта маленькая, хрупкая женщина вмещала в себя огромные душевные чувства и качества.

– Бабуля, – позвал я ее.

Она обернулась ко мне и заметно вздрогнула. Ее большие добрые глаза выражали столько нежности и сочувствия, что мне стало больно смотреть на нее. Я уткнулся в носки своих ботинок.

– Внучек мой! Солнышко! – закрыла она лицо ладонями и заплакала.

– Все хорошо, не плачь, – обнял я ее нежно.

– На кого ты похож! Тебя невозможно узнать..., – не унимаясь, плакала она, – изверги! Зачем они тебя забрали?

– Все будет нормально! – пытался я успокоить ее.

– Как же...будет...

– Все не плачь, мне от этого только хуже, а для них, – указал я на дежурного, – от твоих слез одна радость.

– Я тебе покушать принесла. Два дня к тебе пробивалась, меня не пускали, сказали: «Не положено», а сегодня разрешили, Слава Богу! – говорила она второпях. – Давай ешь быстрее, вот пельмени, хлеб. Ешь, пока горячие, – настаивала она, вытирая кончиком платка застывшие слезы.

Мы присели на лавку, и она стала гладить меня по голове. Так же, как и в детстве, бабушка хотела защитить меня от опасности. Рядом с ней я вновь обрёл покой, и казалось, что опасность миновала и мне уже ничего не грозит. Ее ласковая рука разогнала все мои печали и невзгоды.

– А помнишь, – начала она ласково, – как мы с тобой с ледяной горки катались? Ты у нас шустрим маленьким был. На самую высокую горку заберёшься, разгонишься и «летишь» вниз. Горка быстрая, жесткая, страшно за тебя было, поэтому приходилось с тобой вместе кататься. Сяду рядом на фанерку, а ты мне: «Ну, бабуля, держись!» Скользим мы по этой горке с ветерком, всех впе-

реди сшибая. После таких трамплинов синяков у меня было... А помнишь, летом мы с тобой на машинках в парке катались?

– Всё, пять минут прошло, – оборвал наши воспоминания дежурный.

– Бабуля, знайте одно, – я не виноват. Я ни в чем не виноват! Скажи это родителям и Тане! – После этого я положил в рот пельмень, но прожевать и проглотить его не смог. Горечь и досада подступили к горлу, перехватило дыхание, хотелось плакать. Я с трудом выдавил.

– Спасибо! Прости меня, бабуль!

Бабушка попыталась уговорить ещё на пять минут, но сержант оказался непоколебим.

– Свидание закончено! – рявкнул он.

Она крепко обняла меня, и тихо сказала:

– Храни тебя Господь!

VII

Салага

Глубокой ночью оконце в двери камеры со скрипом отворилось, и через него я увидел румяное лицо пожилого человека. Незнакомец доверчиво улыбнулся, но ничего не сказал. Так мы смотрели друг на друга не меньше минуты, и когда я уже почувствовал внутреннее замешательство, он промолвил: «Твой инструмент?!» Я кивнул. Тогда он протянул мне через оконце гармонику, и я чуть не взвизгнул по-детски от радости.

– А-ну, сыграй чего-нибудь. Токмо душевное! – улыбаясь попросил он.

– Народное? – уточнил я.

– Народное, народное! – довольно одобрил дед.

Я старательно обтер свою подружку об рукав пиджака, сел на пол и прижался к стене. Закрыв глаза и взял ноту «ми». По камере поплыла жалобная мелодия:

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой.
Там в краю далеком...

Дальше последовали «Катюша», «Надежда», «Подмосковные вечера». Со стороны двери временами доносились причмокивания и реплики, типа: «Ах, как плачет! Как завывает! А-я-яй!»

Старый прапорщик с умилением слушал гармонику, пока я не истоцил весь свой русско-народный репертуар. Потом он поблагодарил меня добрым словом, заварил кружку крепкого чая и разрешил оставить гармонику у себя до утра.

Взбодрившись крепким чаем и доброжелательным, человеческим отношением к себе, я поудобнее устроился на своем излюбленном месте и затянул

блюз. Звуки, проникнутые свободой, уносили меня далеко вдаль. Подальше от злых мусоров, грязной камеры, плесени, паутины и противной вони. Передо мной всплывали чарующие картины моря, бескрайних лугов с кудрявыми барашками, розовый закат солнца и стаи перелетных птиц в чистом небе. В ту ночь я и сам был свободен, как птица, высоко планируя над бескрайними просторами природы. Только плоть оставалась узницей, разум был далеко. Душа высоко!

Поздно вечером следующего дня меня повезли в другой конец города. В УАЗе, в котором я находился, было достаточно просторно, и представилась возможность наблюдать за пробегающими картинами вечернего города. Как же он был тогда прекрасен! Каждый закоулок, дом или неприметный кустик дышали теплотой и любовью. До боли знакомые места обрели особое, неповторимое значение. Вот фонтаны и парк, пустой базар, а следом магазин; это дом друга Сережки, следом – мой. Я увидел свет в окнах нашей квартиры, и сердце откликнулось болью. «Родители не спят, – подумал я, – переживают! Наверное, бабушка пришла к нам и рассказывает о том, как навестила меня». Я представил, как она говорит, что я стал совсем худой и бледный, а мама в это время громко ахает и плачет.

«И почему так случилось в нашей жизни? За что такое наказание моим близким людям? И чем всё это закончится?» – терзали меня колючие мысли, как иголки.

Ещё утром я думал, что жизнь повсюду застыла, и город замер в мое отсутствие; но жизнь шла своим привычным чередом, совсем не замечая того, что из нее «выпал» один человек. И откуда у молодых людей возникает чувство, будто бы Земля вращается вокруг них, а вместе с ней и все люди?! Тормоза взвизгнули, машина остановилась, и под этот звук где-то в груди лопнула тонкая струна надежды. Мрачная обреченность железными клешнями сковала душу. Открылась дверь, из крошечной темноты раздался ледяной голос: «На выход!»

Передо мной была одна дорога. Дорога в уголовный мир.

– Всем привет! – сказал я бодрым голосом, войдя в камеру, хотя испытывал душевное смятение.

– Здорово... Привет..., – слышались в ответ голоса. После чего, нависла полная тишина – меня внимательно изучали.

Это была десятиместная камера, со шконками в два яруса – пять сверху и пять снизу. Справа от меня были расположены кран и унитаз. На стенах «шуба», а в воздухе неизменный спертый запах, который никогда не покидает эти места. Помещение явно было переполнено людьми, потому что на каждой шконке сидели по два-три человека. Я не знал, что мне делать дальше, как себя вести, поэтому я продолжал стоять. Чей-то хриплый голос окликнул меня из темного угла:

– Иди сюда, дружище!

В нерешительности я побрел в том направлении, откуда раздался голос,

чувствуя на себе тяжелые взгляды сокамерников.

В углу сидел исхудалый господин преклонного возраста. Лицо его имело заостренные черты, и было бледным. Глаза смотрели пристально, по-волчьи. В них чувствовались пронизательность ума и сила духа. Роста небольшого, скорее даже маленького, и я сначала засомневался – ему ли принадлежит тот низкий, хриплый голос, на который я пошёл. Волосы на голове были покрыты сединой, будто их припорошили снегом, только брови немного сохраняли остатки былой черноты. Ноги его были по-татарски скрещены, а в руках бегали янтарные четки, на кистях обеих рук виднелись синие партаки. Полукругом от него сидели несколько молодых парней и, вероятно, до моего прихода что-то с ним обсуждали. В центре их стояла железная кружка, ужасно закопченная. В ней заваривался крепкий чай – называемый чифир.

– Присаживайся, – сказал господин, указывая ладонью на противоположную шконку, – Как звать-то тебя? Откуда сам?

– Зовут Стас. Жил на проспекте Гагарина, – ответил я, устраиваясь на завали к собеседнику.

– А меня Санек зовут, Салагой дразнят. За что приняли? – Он окинул меня быстрым, но внимательным взглядом и добавил, – да так «ласково».

– За наркотики... Подставили..., – ответил я, сбиваясь.

– Раньше не сидел?

– Нет, впервые здесь.

– Ну, не переживай! В жизни все бывает в первый раз. И от этого она становится только интересней, – заключил он философски и пожал мне крепко руку в знак нашего знакомства.

Следом потянулись руки других людей. Каждый представлялся по имени или называл свое «погоняло» (кличку), но я не успевал их запомнить из-за многочисленности. За это время чай заварился и мы погнали кружку по узкому кругу (пили только рядом сидящие), делая по два глотка, – как заведено тюремной традицией на Урале (в других областях делают один или три глотка).

– Э-эх, ядреный вышел чифирок! Вдумчивый! – с наслаждением потянул Санек, – люблю, когда чай на «дровишках» заваривают, – так он всю силу отдаёт, не то, что кипятивником.

Я посмотрел вокруг, но не увидел ни дров, ни печи. Уловив мое недоумение, Саня, улыбаясь, пояснил:

– В нашем КПЗ или ИВС по-новому, как видишь, розеток нет. Поэтому приходится сжигать тряпки, чтобы воду вскипятить. В ход идет даже последняя рубашка, жалко, но что поделаешь?! Ведь нам без чая никак. Скажу, перефразировав Канта, – чифир – единственное для нас удовольствие, не оставляющее укоров совести. Вот так! – Когда он говорил, то кривая улыбка не сходила с его бледного лица. В будущем, встречая уголовников с богатым тюремным стажем за плечами, я не видел ни у одного из них искренней, широкой улыбки во весь рот, а только кривой излом губ с тенью страдания.

– Постойте, а разве мы сейчас не в тюрьме? – спросил я настороженно.

По камере прокатилась волна смеха, и кто-то даже с другого конца помещения с любопытством пришёл посмотреть на чудака, который не знает, где он

находится.

– Нет, если бы это была тюрьма, то я бы первый в ней застрелился, – засмеялся седой господин. – Тюрьма, Стас, впереди, а это изолятор временного содержания. Сюда будут привозить тебя периодически для допроса у следака, на очную ставку и другую хрень – популярно объяснил мне Салага.

– А в тюрьме как жизнь проходит, расскажите мне, пожалуйста. Что мне там делать? Как себя вести? Я слышал, что везде свои законы: в армии одни, в тюрьме другие, – говорил я доверчивым тоном, чувствуя благожелательную атмосферу, хотя и видел, что на меня смотрят, как на наивного, неискушённого. Для них я казался смешным лохом.

Саня допил последний глоток чая, слегка поморщился, закурил сигарету и, выпустив густой клуб дыма, начал с удовольствием и добродушно:

– Какие «пожалуйста»? Я тебе и так обязан разъяснить наш тюремный уклад. В общем, жизнь в тюрьме идёт своим, особым чередом. Но, в сущности, однообразно! Блажен тот, кто сможет там найти себя. То есть занятие по способностям и душе. У такого и время быстро пройдёт, и в глазах людей он будет в почёте. Если в армии, о которой ты упомянул, живут по уставу, то в тюрьме живут по понятиям. Этими неписаными правилами должен руководствоваться каждый порядочный арестант. Мудреного в них ничего нет и большей частью эти правила позаимствованы из Библии.

Сидевшие рядом слушали, затаив дыхание, а Салага не спеша разъяснял:

– Приведу пример, – сказал он коротко, – не убей, не укради, не ври, на людей не клеветай, уважай достойных, ближнему в трудную минуту помощи, ну и другие, о которых тебе пока рано знать, ибо пища сия будет для тебя жестка. Главное, что сейчас ты должен уяснить – в любой ситуации, будь человеком! Если не знаешь, как поступить, спроси у своей совести, ты молодой ещё, неиспорченный, поэтому она тебя не обманет. Она будет верным советчиком на твоём тернистом пути. Но даже если и совершишь ошибку, а «молодому ошибиться, что воды напиться», – засмеялся он, – нормальные люди тебя всегда поймут. Первое время больше слушай и меньше говори. Как любят выражаться евреи «человеку дано два уха и один рот, чтобы он меньше говорил, и больше слушал». Вот так! «Да будь в нашем доме приветлив, а не приметлив», и всё у тебя будет путём, – с расстановкой произнёс он, и затушил об пол сигарету, докурившую до фильтра.

– Спасибо за науку, Саня, – от души поблагодарил я.

– Пока не за что. «Виноград у винограда цвет перенимает, а человек у человека опыт». – Было видно, что ему нравилось поучать молодёжь, делиться своими этическими взглядами и житейским опытом. Мне показалось, что он обладал определённым авторитетом, и это ему весьма льстило. Меня занимал ещё один вопрос, но он был столь пикантным, что я никак не решался высказать его вслух. Хотя, судя по всему, доверие между мной и Салагой уже установилось, и он смотрел на меня тёплым взглядом опекуна. Собравшись с духом, я всё-таки рискнул:

– Саня, я ещё вот что хочу спросить, – когда я находился в отделе ГНК, следователь мне сказал, что даст указание в тюрьму и меня посадят к «пету-

хам». Как мне быть, подскажи, а?! – застенчиво спросил я, ожидая его реакцию.

– Вот уроды, мать их..., – презрительно бросил он. Небрежно смахнул пепел со штанины и, нахмурившись, продолжил, – нет, не станут они этого делать! В этом смысла нет, да и шум по тюрьме может прокатиться. Этим приёмом они жути гонят на новичков, запугивают. Но дальше угроз дело не дойдёт. Короче, не бойся! – хлопнул он меня по плечу.

– А если, вдруг, я всё-таки окажусь в такой камере, как мне быть? – не унимался я.

– Если окажешься перед такой хатой, то постарайся сделать всё, чтобы только в нее не зайти. Ну, а если уж ты в ней оказался, то волей-неволей тебе придётся всех этих жильцов из нее выломить, то есть выселить тут же. А вот как ты это будешь делать, уже твоя забота. Можешь мирно решить, а можешь и силу применить.

– А почему бы мне самому из нее не смотаться? – наивно спросил я. Салага с трудом сдержал смех.

– Потому что ты порядочный зэк и тебе этого делать нельзя, на нашем языке это называется «сломиться из хаты». А для нашего брата это неприемлемо.

– Понятно! А можешь назвать мне эти камеры, на всякий случай.

– Можно. Запоминай, их всего три – девятая, сорок четвёртая и семьдесят восьмая.

Я взял авторучку и записал эти три зловещие цифры себе на ладонь. Но и это вызвало общий смех сокамерников. За второй кружкой чифира я рассказал ребятам, как ко мне подсаживали агента (таких агентов называют «подсадными утками»), и как мне удалось его изобличить. Этим я рассчитывал подняться в их глазах, демонстрируя свою смекалку и находчивость. Но результат разочаровал меня.

– И что же ты сделал с этой «уткой»? – спросил серьёзно Салага.

– Да ничего.

– Зря! – нахмурил он густые брови. – Запомни, щегол, «нестриженный ноготь в мясо растёт». Если его не вырвать, он много бед принесёт. – Изрёк Салага тюремную мудрость, выставив перед моим носом указательный палец.

Скоро нас ожидал этап в тюрьму, и мне было необходимо побыть одному, чтобы осмыслить услышанные назидания, да и подготовиться к предстоящему. Я залез на верхнюю шконку и прилёг, поджав ноги, так как вытянуться в полный рост было невозможно. В ногах сидел бородатый человек с отрешенным видом. Он только и делал, что свирепо чесался и зло кряхтел, вероятно, мучимый вшами. Я закрыл глаза, но не смог сосредоточиться из-за беспорядочного гула – народ шумел, как на рынке. Казалось бы, какая может быть жизнь, у этих, запертых в четырёх стенах и лишенных самых привычных благ, людей. Но, оказывается, человеческая деятельность не знает строгих рамок и находит существование даже в таких условиях. «Пчелиный улей» гудел. Жужжал назойливо, не умолкая!

– Сергеев, Кравченко, Ильин... – кричал капитан, и заключенные с сумками в руках, как сайгаки запрыгивали в железную утробу «воронка». После того, как нас утрамбовали, точно селёдку в банки, в маленькие, так называемые «ста-

каны», машина тронулась. В «стакане», размером один метр на метр, помимо меня, было ещё два человека, – один сидел на узкой деревянной лавке, а мы стояли, склонившись над ним, от того, что высота этого сооружения была гораздо ниже нас.

Мой рост в 190 сантиметров создавал мне особые неудобства, так как пришлось согнуться в три погибели и навалиться на гражданина, сидевшему на лавке. Брюки, широковатые в поясе, без ремня с меня постоянно спадали. Нас раскачивало и трясло по ухабистой дороге. Я был вынужден одной рукой упираться в стенку «стакана», а другой подтягивать свои спадающие штаны. Как всё-таки трудно обходиться без привычных, а главное, необходимо-функциональных вещей, – как ремень и шнурки.

Господин также чувствовал себя некомфортно и начинал смотреть на меня злобно, а беспощадные кочки то и дело сталкивали нас друг с другом. Через десять минут мы уже обильно вспотели под раскаленным железом «воронка» и становилось тяжело дышать. Это была настоящая парилка. Руки, которыми я упирался в стенку, чтобы не навалиться на сидящего господина, полностью затекли, и я уже не мог сопротивляться. Мне пришлось опустить их на его мокрую лысую голову.

– Да что вы себе позволяете? – вскипел он, – Уберите свои руки, сейчас же!

– Тогда давайте поменяемся местами. У меня нет больше сил упираться в стену! Поверьте, я это делаю не по своей воле, – сказал я ему.

Он промолчал, не желая покидать насиженного места. До конца пути господин лишь поглядывал на меня уже не злыми, а грустными глазами; на каждой кочке лбом ударяясь мне в живот. А если конкретней, то лицом в пах! Со стороны это могло бы сойти за сцену из порнофильма.

Пусть же будет стыдно тому, кто создаёт для людей такие унижительные условия, а не мне, пишущему эти строки.

VIII

«Златоустовский Острог»

И вот я нахожусь в «привратке» легендарной тюрьмы России – «Златоустовском Острого». Строгая тюрьма №2, на языке заключенных – «крытая», снискала себе славу одной из самых жестоких и голодных тюрем. Особенно в период 60-80-х годов, когда люди от цинги теряли зубы и сходили с ума от царившего здесь беспредела. Здесь поломано сотни, а может быть, и тысячи людских судеб. Именно здесь заключённые играли в карты на кровь, как потом я узнал, и это вызывало у меня неопишуемый ужас. Проигравший сцезживал из надрезанной вены свою кровь в железную кружку, а выигравший сушил ее на огне и потом съедал, чтобы не умереть с голоду. Маленькому городку по «доброй воле» НКВД суждено было стать знаменитым не производством высококачественной стали, булата и холодного оружия, а своей кровавой тюрьмой. Не буду описывать события тех далёких лет, потому что не был их очевидцем и

знаю об этом только из рассказов поседевших арестантов. Изложу только то, что видел собственными глазами и испытал на собственной шкуре.

Когда я оказался в этой тюрьме на заре XXI века, а именно в 2000 году, жизнь и режим этого заведения, конечно, значительно изменились, но были ещё на уровне, который объективно можно назвать не просто изоляцией, а большими буквами КАРА – ее влияние не покидало нас ни на секунду. Даже во сне чувствовалась ее неотступная власть.

Более убогого помещения, чем «привратка», в которой находился наш этап, трудно себе представить, – четыре стены без окон, а на их месте неизменная «шуба», которая раздражает психику любого нормального человека; бетонные лавки, кран, унитаз «крокодил», установленный на полутораметровой высоте от пола (строитель, без сомнения, был извращенцем с чувством юмора). Когда я, в дальнейшем, сиживал в «привратках», то ни разу не встречал такого отчаянного бесстыдника, который бы решился присесть на этот «пьедестал» перед всем народом и начал справлять нужду на уровне лица. «Привратка» – это такое место в тюрьме, где стоит ужаснейший, нестерпимый запах, от которого все внутренности выворачиваются наружу. Место, где обычно неугомный народ через пять минут смолкает, потеряв дар речи. А от сырости, влаги и духоты невозможно даже зажечь спичку, – она сразу тухнет.

Когда нас стали выводить на обыск, толпа сконцентрировалась у двери, – каждый желал поскорее вырваться из этой удушливой западни. Началась давка. На пороге многие теряли чувство собственного достоинства, прорываясь на выход, – старались посильнее пихнуть соседа локтём в бок, так как выводили людей партиями по пять человек. Но вряд ли стоит осуждать такое поведение, так как оно продиктовано самой природой (подобным образом ведут себя и сперматозоиды в борьбе за жизнь).

Я прошел в комнату обыска и увидел там длинные, железные столы, на которых были разбросаны сломанные сигареты, рассыпан кучами чай, горы китайской лапши и прочей провизии. На полу был такой же хаос. Нас заставили обнажиться, и мы быстро разделись догола. Бросили вещи на грязную лавку и вышли в центр комнаты, ожидая обыска. В мою левую ногу впивались крошки лапши, а правой ногой я стоял в луже томатного соуса из-под кильки. Подвыпивший сержант ощупывал мои вещи и бросал на стол, а я смотрел на этот процесс с полным равнодушием. После досмотра вещей он подошёл ко мне и заставил поднять руки, затем, потребовал нагнуться и раздвинуть ягодицы. Я спросил: «А зачем?». Он ответил: «Для осмотра на наличие запрещенных предметов».

В замешательстве я посмотрел по сторонам, наблюдая за реакцией других заключенных. Трое отреагировали спокойно и сделали то, что от них требовали. Четвёртый быстро нагнулся, раздвинул ягодицы и громким голосом крикнул:

– Ну что, начальник, свободы там не видно?! – и громко захохотал.

Эта шутка явно не понравилась шмонщику. Он тигром рванулся к столу и все продукты, которые имел этот весёлый паренёк, смешал с вещами. На футболке и штанах паренёка оказались тушёнка, сгущёнка, молоко, приправы...

– Что ты делаешь, изверг? – отчаянно взвыл парень.

– А ты ещё и выступаешь, сволота? – удивился шмонщик.

– Не имеете права, – завопили мы хором.

– Нельзя так с продуктами обращаться, – вмешался крепкий старичок с наколкой Ленина на груди. – Может, ему мать на последние деньги этот пакет собрала, а вы с ним так поступаете. Каратели!

– Молчать!!! – взревел второй шмонщик, хватаясь за резиновую палку. – О матери вспомнили, подонки!

А между тем, я обратил внимание, как третий шмонщик (всего их было пятеро), молодой, рыжеволосый детина с красным лицом, воспользовавшись общей сумятицей, украдкой набивал карманы своего кителя чужими сигаретами. Он ловко умыкнул, примерно, 3-4 пачки и в довершении этого постыдного акта, сунул в рот пару шоколадных конфет. Прюделав столь бесподобный трюк, он, как ни в чём не бывало, врезался в нарастающий диспут.

– Заткнись, стар-рый чёр-рт, или я тебе помогу! Как посмотри-ришь, все вы тут святоши, забир-рай тр-ряпьё и проваливай, – картавил он с полным ртом шоколада.

– «Мыши храбры у своей норы!». Ты бы со мной так на свободе поговорил, я б тебе «показал кузькину мать»! – и старичок пригрозил кулаком.

На бойкого старичка накинулись двое и начали со всей «дури» колотить резиновыми палками. По всему залу разносились звонкие шлепки и отборная брань пожилого человека, призывавшего Сталина на справедливый суд. Не в силах больше смотреть на это избиение я кинулся их разнимать, но, не успев опомниться, я уже распластался на полу.

Вы когда-нибудь участвовали в драке нагишом? До этого момента и я, лично, никогда! Думаю, комментарии здесь будут совершенно излишни. Одно лишь добавлю – когда я растянулся на полу, принимая на себя град ударов, меня беспокоила только китайская лапша, назойливо впивавшаяся в мою спину, да неприятное скольжение по раздавленной кильке.

Спустя годы меня не покидает мысль, почему в стрессовых ситуациях человек тревожится какими-то пустяками, почти не обращая внимания на более значимые вещи?!

Можно сказать, что нам тогда повезло. После случившегося на обыске, нас не посадили в карцер (вероятно, гуманность возобладала над нашими истязателями). И мы благополучно добрались до бани. Хотя, баня – название условное, так как она оборудована только душевыми лейками.

Вот, где я впервые увидел всё многообразие тёмно-синих тату, то есть партаков на тюремном жаргоне. В основном это были лирические надписи, лики зверей, религиозная тематика. Какие-то были сделаны качественно – рукой мастера, другие грубо, даже коряво. В ряде надписей были и грамматические ошибки, например в Есенинских строках: «Как мало пройдино дорог, как много Зделано Ашибок». К слову сказать, Сергей Есенин среди заключенных считается самым популярным и востребованным поэтом. Его нетленная поэзия красуется не только на тощих телах узников, но и на побеленных стенах, деревянных лавках.

Помню, как однажды, в компании знакомых людей я услышал байку о том, что баня в тюрьме – самое опасное место, где может произойти какой-нибудь «казус», который может непоправимо загубить судьбу человека. Например, можно поскользнуться на мыле, и упасть неудачно, зацепившись за что-нибудь... Поэтому, памятуя об этом рассказе, и народной мудрости «береженого Бог бережет», я пошёл мыться без мыла, внимательно глядя себе под ноги. Моя помывка прошла без эксцессов, и я свежий и довольный обсыхал в стороне. И вдруг, меня охватил ужас, – я смотрел на свою ладонь и не видел трёх цифр.

«Боже мой, – подумал я в сердцах, – какой я растяпа! Как я так легкомысленно мог про них забыть? – корил я себя. – Три номера, которые могут решить мою судьбу, бесследно исчезли, я просто небрежно смыл их. Что же делать?! Спросить у тех, кто рядом – исключено. Что они обо мне подумают, если я задам такой вопрос: «Дружище, ты не подскажешь, в каких «хатах» сидят «петухи»?» – и я решил положиться на удачу или, в крайнем случае, на свою силу.

После бани нас заперли, в буквальном смысле, за решётку. Она тянулась от пола до потолка, и в ширину была около метра. Как и везде здесь было очень тесно. Говорят, что природа не терпит пустоты, то же самое я бы сказал и о тюрьме. Теснота сопровождала нас повсюду – тюремное чрево было набито людьми до предела, и они забывали о своей индивидуальности, смешиваясь в одно живое месиво. Неподалёку оказался Салага. Увидев меня, он радостно воскликнул:

– Щегол, и ты здесь? – и начал быстро протискиваться в мою сторону. Обрадованный этой встрече, я крепко пожал его руку.

– Сломаешь же, верзила! – сказал он, одёрнув быстро руку. – Я слышал, вам менты бока намяли? Ты-то как, нормально?

– Пойдёт, – махнув рукой, ответил я.

– Но ты уж шибко на рожон не лезь! Конечно, за себя и близкого постоять дело святое, но менты – провокаторы, – затянул Салага рацею, – они так и рады, когда им выпадает случай нас прессонуть.

– Я это уже понял, – ответил я, насупившись.

– И какой толк, что ты боксер?! Тебя пинают, как резинового зайца, а ты и сделать ничего не можешь. А коли сделаешь, то новый срок намотают. Тут, брат, с умом ко всему подходить надо, недаром говорят: «Лиса сытее волка живёт». Вот и думай, а где-то и схитри, – постучал он пальцем по моей мокрой макушке.

– Посижу маленько, тогда и пойму что к чему, – парировал я.

– Ага, и шишек себе на лбу за это время набьёшь. Надо не просто сидеть, а вникать в эту жизнь. «Якорь-то вон, всю жизнь в море, а плавать не умеет». – Больше думай, а что не понимаешь – интересуйся.

– Ясно, – ответил я сухо, чувствуя себя мальчишкой под натиском Салагиной речи.

– Кстати, штригилёк-то (старик), с которым вы были на шмоне, тип не простой. На особом, и в крытой пару раз бывал. Дядька он авторитетный.

– А как его зовут? – заинтересовался я.

– Имя такое, что с морозу-то и не выговоришь, – засмеялся он от своей прибаутки. – Захар его зовут. При случае познакомься с ним поближе. Это он с виду такой угрюмый, а душа у него светлая, можно сказать детская.

– Хорошо. А знаешь, честно говоря, мне зеки другими представлялись... Злее что ли, или страшнее, чем на самом деле. Вот ты, например, мне кажешься нормальным, даже добродушным, – искренне признался я.

– Не спиши с выводами, – смущаясь, урезонил он, – «на расстоянии все люди хороши!». Может я и нормальный, да по мне остальных не суди. Народ весь разный, очень разный! И в большинстве своем – подлый. Я прошлым сроком пять лет со своим «близким» из одной миски хряпал. Он раньше меня освободился и заехал к моей жене передать подарок, да так у нее и остался, – сказал он опечалено. И чуть погодя, добавил, – «Друг неиспытанный, что орех не расколотый!» Эх, Аркаша, Аркаша, кто же знал, что ты такой гнилой? С женой друга... последнее дело..., – вздыхал он.

– А сейчас они вместе? – осторожно спросил я.

– А Бог их знает! Я с ними встреч не ищу, – отмахнулся он.

– Вiniшь ее?

– Нет, нисколько. Если кто и виноват, то только я! – Салага замолчал, и задумчиво уставился в одну точку. Наверное, вспомнил «ее».

А я решил больше не затрагивать с ним этой щекотливой темы и сам погрузился в прошлое, вспоминая, как познакомился с Таней. Это было так.

Однажды, я провел приятный вечер в обществе своего друга, – выпускника нашего университета, с которым мы строили планы о создании общественной организации. Мы долго спорили, шутили и плавно перешли к мечтам, представляя себя успешными адвокатами, эдакими современными рыцарями, защищающими права угнетенных граждан. Борцами за правду и справедливость! Окрыленный блестящей перспективой и чувством собственного достоинства я, не спеша, возвращался домой, лишь местами ускоряясь, чтобы с разбегу проскользнуть по застывшим мартовским лужам. Был поздний час и поэтому улицы были почти пусты. Взяв с разбегу очередную ледяную лужу, я поравнялся с двумя барышнями, которые направлялись со мной в одном направлении и беспечно смеялись. Моего носа коснулся тонкий, приятный аромат французских духов, от которого у меня пробежали мурашки по коже. Вдруг, к ним большими шагами подскочил здоровенный мужик, протиснулся между ними, обхватил за талии и наглым, пьяным голосом начал:

– Ну что, девульки, погуляем?! – Девушки ему начали что-то объяснять, стараясь избавиться от грубого спутника, но он не унимался. Предлагал выпить в соседнем кафе, вместе отдохнуть...

Не в силах больше терпеть хамства этого соблазнителя, я ему крикнул:

– Мужик, не наглеи!

– Это ты мне? – выдохнул он удивленно, оттопыривая нижнюю губу.

– Эти девушки со мной, просто я отстал от них немного, – в глазах девушек я увидел одобрение.

– Не тринди, – выпалил его пьяный рот, и мужик схватил меня за ворот куртки (вот русский характер, – ему хоть драться, хоть с девчонкой обниматься

– все одно).

В голове у меня мелькнула мысль – нужно бить, иначе он ударит первый. И это намерение я без промедления исполнил. Он упал без чувств. Дамы стояли как вкопанные. Наконец, одна встрепенулась, и я услышал голос – сильный контральто: «Спасибо вам!»

Не успел я ответить, как несчастный ловелас ожил и трубным голосом взревел: «Ко-о-ля, Ко-о-ля! Грей! А-а-а...».

И к своему изумлению, я увидел бегущую, прямо на меня большую собаку породы немецкая овчарка, а со стороны кафе на его крик к нам метнулся какой-то косолапый пролетарий в замызганном полушубке. Встал вопрос – утекать, что есть сил или остаться? Остаться или утекать? Но мне стало стыдно перед слабым полом, и я остался. Скажите, что я поступил смело? Нет, – гордость победила страх! В общем, из этой ситуации я вышел побежденным: в изодранной ключьями куртке и массой синяков. Оправившись, я уныло побрел домой, и по пути встретил уже знакомых гражданок. Они сидели на деревянной лавочке, и громко о чём-то спорили. Одна из них встала, и подошла ко мне.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она сочувственно.

Я промолчал.

– Жаль, что так вышло, – грустным тоном продолжила она, рассматривая мою рваную куртку.

– Шарахаться не нужно допоздна! – ответил я ей грубо, и направился к подъезду своего дома. Вставив ключ в дверь подъезда, подумал я с досадой: «Какие у нее все-таки очаровательные глаза, и такие милые, капризные губы. Классная девчонка, зря я с ней так...».

Вдруг, из-за спины я услышал ее приятный голос:

– Постойте, возьмите мой номер телефона. Буду рада, если вы мне позвоните. Спасибо вам за всё, – и ее губы коснулись моей щеки. Я проводил ее зачарованным взглядом, и крепко сжал в ладони ее визитную карточку.

– Я обязательно позвоню! – произнёс я шепотом, будто во сне...

Мои воспоминания прервал голос сержанта:

– Борисов здесь?

– Да, здесь, – ответил я.

– Готовься! Скоро отведу тебя на УПМ, – сообщил он и побежал вверх по лестницам, гремя связкой ключей.

– Вот так да, ты что – «малолетка»? – удивленно спросил меня Салага.

– Через месяц восемнадцать будет, – ответил я гордо.

– Да?! Не подумал бы! – сказал он, как-то растерянно.

– А что не так?

– В общем-то, ничего. Просто дури на малолетке много, сплошной беспредел, в котором и сам черт ногу сломит, – с явной тревогой и досадой промолвил Салага. – Вот тебе для примера. Недавно к нам малява приходит, в которой малолетки пишут, что случайно увидели, как их сокамерник дрочил. И спраши-

вают: «Что с ним за это сделать?». Мы отвечаем: «Ничего, пусть помоеет руки, и все». А они нам в ответ: «Поздно, мы его уже опустили». Пробуем объяснить, что делать этого нельзя, ваши действия называются беспределом. А они отвечают: «Всё нормально – мы уже «опустили» и того, кто его «опускал». Вот такие дела! С ровного места двое стали «петухами». И так на «малолетке» во всем, куда не кинь всё клин.

– Так как же там сидеть? Если ни за что друг друга опускают? – спросил я взволнованно.

– Как, как... Осторожно! Главное за языком следи, от него все проблемы. «Слово не воробей, вылетит, не поймаешь», – и, задумавшись, добавил, – это ты не поймаешь! – А малолетки мигом подхватят, потом не отбрешешься!

Слова моего наставника, точно булыжники падали на мою голову и я с трудом находил в себе силы, чтобы не показать испуга. Я был охвачен ужасом, ноги становились ватными, и только благодаря тесноте я продолжал стоять.

– Ну, крепись! Месяц – это недолго, уж как-нибудь проплывешь. Только запомни одну вещь. «Трамвайка», которую тебе придется пройти на «малолетке», придумана не людьми. Это не понятия, а мусорской наворот, которым подавляется детская психика. Менты всегда работают по принципу «когда кошки дерутся, мыши радуются», поэтому и насаждается всякая гадость, чтобы мы сами себя сожрали. Понимаешь, что я говорю? – посмотрел он на меня в упор.

– Вроде да. Но пока своими глазами не увидишь, понимается как-то смутно.

– И ещё вот что. Там в каждой хате сидят так называемые батьки, кто их так и зачем прозвал, остаётся догадываться. Ведь у нас, на «взросляке» батьками воров называют. Батьки на «малолетке» вроде воспитателей и следят за порядком в камере, хотя, по сути, поддерживают беспредел.

– Так эти батьки тоже заключенные? – удивился я.

– Конечно! Только стрёмные заключённые, потому что выполняют ментовские функции, – работают на администрацию. И, кстати говоря, всех таких холуев поголовно называют краснопузыми или проще красными. А порядочных арестантов чёрными.

– А почему они становятся красными? – с трудом понимал я.

– Причин много, но мотиваций две: обладать определённой властью, унижая других и

получать от администрации какие-нибудь льготы. Но обычно «красными» становятся трусливые, с больной психикой люди, в основном с садистскими наклонностями.

– Выходит, что одни зеки открыто унижают других зеков? – удивился я.

– Да, и открыто и скрытно. А теперь сам рассуди, – какой нормальный человек с чувством собственного достоинства, элементарными моральными принципами будет жестоко и подло притеснять себе подобных? Да они точно раковые клетки, которые уничтожают иммунитет в организме. А мы единый организм. Они нас уничтожают, а потом и сами погибают от собственной заразы. Ты слышал о таких извергах, которых в войну у фашистов «капо́» называли? Ну, или скажем бандеровцы?

– Да, читал об этом.

– Ну, вот тебе и сравнение! – Салага по-отечески крепко сжал мои плечи и, глядя в упор произнес ободряющим тоном, – не бойся никого и не унывай! Грехов своих бояться надо и Господа Бога. Через месяц увидимся, я тебе обещаю, – он обнял меня и протянул в подарок свои чётки. – Держи, нервы будешь успокаивать.

Вскоре меня вывели из клетки и повели по узким, вонючим коридорам подвала навстречу безумию, жестокости и горю. Большая часть подвала была затоплена, и нам с сержантом приходилось скакать по деревянным настилам. Чем ниже мы спускались, тем становилось холоднее. Черный туннель змеей извивался в недрах тюрьмы и, казалось, ему нет ни конца, ни края. С каждым шагом становилось все страшнее и страшнее. В какой-то момент я почувствовал робкий душевный трепет. Пришло осознание, что это путь в один конец. Я в Лабиринте, где обитает кровожадный Минотавр, и я один из тех тысяч, кого отправили на съедение этому чудовищному монстру. Во мне не было героизма Тесея, чтобы сражаться с этой ненасытной тварью и, к сожалению, клубка Ариадны, чтобы не заблудиться там.

Наконец мы пришли на этаж малолеток и свернули в каптёрку, чтобы меня переодели. Там забрали мою одежду, а взамен ее выдали чёрную робу и кирзовые ботинки. Роба была мне настолько мала, что рукава куртки едва прикрывали локти, а длина штанов была еще экстравагантней, – они были чуть ниже икр и смахивали на бриджи. С обувью тоже вышла беда, – при моем 44 размере мне достались ботинки 42 размера. В этом горе-наряде мне было неудобно и досадно. Посмотревшись в зеркало, я вспомнил свою учительницу французского языка и подумал: «Вот теперь, Анна Николаевна, вы бы не сказали мне *comme il faut*, а прозвали бы меня *bouffon*, шутом».

IX

«Малолетка»

Передо мной с визгом открылась железная дверь, и я робко ступил в небольшую камеру, рассчитанную на пять человек. Напротив я увидел железную решетку, размером один на один метр, вставленную в оконный проем стены, а под ней железную шконку. Справа от меня был унитаз «крокодил», а над ним кран; чуть выше его небольшая ниша в стене, где лежали зубные щетки и пасты. Вдоль боковых стен были установлены по две шконки в два яруса. По середине камеры стоял железный стол с лавочкой, намертво залитые в пол цементом. Камера освещалась тусклой лампочкой и придавала внутреннему убранству зловещий вид.

К этому времени за решеткой стояла уже глубокая ночь. Обитатели камеры не спали, но каждый сидел на своем спальном месте. Их было четверо, поэтому одна шконка была пуста. Распознать батька не составило труда. Это был мужчина около сорока лет. Он сидел на нижней шконке и был одет в черные трико

и белую майку. В руках он держал толстую книгу, как оказалось, роман «Унесенные ветром». Имел упитанный, даже пухлый вид, и выпирающий из-под майки круглый живот с глубоким, как колодец пупком. Лицо выражало лень и усталость, или даже инфантильность, а припухлые розовые губы капризность ребенка. На отвислых щеках рдел небольшой румянец. Про обладателей таких губ и щек обычно в шутку говорят: «Такие брылы – хоть студень вари». В его тусклых глазах отсутствовала жизнь. Казалось, в них кто-то отключил свет. Кожа гладкая, безволосая. В тот момент я подумал, что у этого женоподобного существа должен быть писклявый голос (и я не ошибся). Он скользнул по мне презрительным взглядом, смочил языком пухлый палец, перелистнул страницу и продолжил читать. Другие, молча, смотрели на меня. Это были взгляды волчат. Нет, в них не было злости или кровожадности, скорее пошлая имитация не нее. Пытаясь во всем подражать взрослым, малолетки старались показаться опытными уголовниками. По одному взгляду они пытались определить внутреннее содержание человека. Но, увы! Опыта им, конечно же, не хватало, и гордый взгляд придавал им совершенно глупый вид.

Напротив меня сидел высокий, худощавый парень с вытянутым лицом. В зубах у него был длинный деревянный мундштук с тлеющей сигаретой, и дым попадал ему в глаза, от чего он сильно щурился. Справа сидел маленького роста татарин, с соответствующей внешностью – смуглой кожей и узким разрезом глаз, над ним, скрестив ноги, на верхней шконке сидел накачанный парень с круглым здоровым лицом. В руке он держал кусок черного хлеба и жевался.

– Проходи, чего встал? – ломающимся голосом сказал худощавый.

Я подошел ближе.

– Кто по жизни? – спросил он.

– В смысле? – переспросил я, не понимая вопроса.

– В прямом смысле! – срываясь, он перешёл на крик. – Активист, пацан, обиженный... – перечислял он, перекатывая губами мундштук.

– Пацан, – ответил я и не уверенно добавил, – черный пацан.

– Первый раз сидишь что ли? – спросил он с ухмылкой.

– Первый.

– Видно, видно! Меня Кислым дразнят, а это Татарин, на «пальме» Славян, а это Саныч, – перечислил он всех, указывая на каждого пальцем.

– Меня Стас звать – приветливо сказал я, но Кислый оставался серьезен и руки не подавал.

– А дразнят как? Погоняло у тебя есть? – шепеляво спросил Татарин.

– Нет, никак не дразнят.

– О-о-о, это плохо, дружище! Каждый должен иметь тюремное имя! Завтра будешь кричать на решку (решетку), чтобы сама тюрьма тебе имя дала, – прищурил он при этом и без того узкие глаза. – Вот и Славка к тебе присоединится. Он уже две недели у нас кочумарится, а погоняла всё еще нет. Да, Славян? – спросил он, стукнув по верхней шконке.

– Ага, – отозвался Слава.

– А ты в ЮУрГУ не учился? – обратился ко мне накаченный Слава, – что-то лицо твое мне знакомо.

– Учился, – ответил я.

– Точно! – хлопнул он довольно по колену. – А я смотрю, ты или ни ты? Мы как-то у Каспера из твоей группы хотели стипендию отобрать...., – да-а, ловко ты нас тогда отметелил, до сих пор забыть не могу, – Слава широко улыбнулся, обнажив ряд зубов с налипшим черным хлебом.

– И я тебя узнал, – воскликнул я радостно. – Ты, по-моему, на менеджера учился?!

– Ага. На него самого. Да только отчислили меня. И к лучшему, – махнул он рукой. – Мне тут пацаны глаза на коммерцию открыли. Мне сейчас любая торговля запахло.

– А посадили тебя за что?

– Разбой. Водителей на трассе «бомбили», – гордо ответил он.

– Как бы то ни было, а знаешь, Слава, я очень рад нашей встрече. Ты первый знакомый, кого я встретил за эти дни, – искренне признался я.

– Короче, – перебил нас Кислый, – постанова здесь такая: три дня ты – гость, в это время будешь со всем знакомиться, слушать, запоминать. Никто тебя трогать не будет, но потом наступит «трамвайка» и сорок дней ты будешь трамваем. Всё понял?

– Не совсем! Что такое «трамвайка»? Объясните мне, пожалуйста.

– «Трам-вайка», – смакуя, произнес он это слово по слогам. – Это когда ты шуршишь, как электровеник. А мы посмотрим – достойный ты пацан или нет? А может на бабу схож?

– Но, по-моему, шуршать, как электровеник, как раз таки удел баб, – заметил я ему.

– О-о, ты покалякать хочешь? Умный что ли? – произнёс он с вызовом.

– Не знаю, не мне судить!

– Вот скоро мы и посмотрим, есть ли у тебя солидол в макитре!

– А через это все проходят? – спросил я доверчиво, желая не накалять больше Кислого.

– Конечно все. Я «трамваем» был, и Татарин тоже был. Вот, Славик, у нас до сих пор «трамвай». Да, Славик? Сколько тебе ещё деньков осталось?

– Двадцать девять ещё, – уныло ответил тот.

– Вот так!- ухмыльнулся Кислый,- Ну всё, хорош гутарить! Падаем все спать, – и он залез под одеяло.

Я прилёг на свободную шконку и под шумную перекличку сверчков ещё долго ворочался. Мысли не давали мне уснуть. Во время нашего разговора пухлый Саньч не проронил ни единого слова, но нельзя сказать, что он был целиком поглощен романом, скорее делал вид. Когда его пухлые пальцы перелистывали очередную страницу, он бросал на меня короткий, но весьма выразительный, наглый взгляд. Взгляд подлого хищника. «И что я ему плохого сделал? А может, я ошибаюсь? – думал я. – Ну да ладно, время покажет», – и моя душа полетела к родным пенатам.

Меня сильно тянуло к семье и мысли разрывали мое сердце на части. Я вспоминал своё счастливое детство, беспечную юность. Вспомнился плюшевый белый мишка, без которого я не мог засыпать до семи лет. Вспомнилась первая

рыбалка, и как дед учил меня насаживать на крючок червя, а перед тем, как забросить его в воду, обязательно поплевать, чтоб карась попался крупнее. Как я забрасывал удилище через спину и ненароком цеплялся крючком за ягодицу. Воспоминания приходили ко мне с такой быстротой, что я не в силах был их остановить или отогнать. Вспомнил отца, когда он первый раз посадил меня за руль нашей машины, и как я на ней слетел с дороги в кювет. Он даже не отругал меня, наоборот, улыбнулся и сказал: «Лиха беда начала. Теперь мы будем ездить чаще!». С болью вспомнил, как мама в день моего ареста делала пирог «курник», и просила меня съесть ещё кусочек, но я жевал его на ходу, а она ласково у порога подливала мне молоко и приговаривала: «Скушай ещё, сынок! Вот так! Молодец!» Ах, милая моя мама, это был самый вкусный пирог в моей жизни, про который я до сих пор вспоминаю с болью в сердце.

Эмоции переполняли меня, на ум пришло высказывание кого-то из мудрецов: «Воспоминания – это рай, из которого нас невозможно изгнать». Как же он был прав! Как хорошо, что у человека есть дар воспоминаний. Наверное, Бог наградил людей этой способностью для того, чтобы воспоминания служили нам опорой на жизненном пути. Приходили на помощь в минуты невзгод и были сокровенным уголком, в котором мы могли бы спрятаться, передохнуть, отдышаться. Под утро меня одолела усталость, и я уснул.

X

Проклятая «трамвайка»

«Завтрак берём!» – сквозь сон раздался голос. Камера оживилась, послышалась крепкая брань. Баландёр по традиции услышал о себе много нового. Загремели железные тарелки. Такую баланду не стала бы есть даже моя собака. В тарелке плескалось что-то мутное, с отвратительным запахом. Но больше всего меня возмутил хлеб, его просто невозможно было жевать, потому что он, как пластилин прилипал к зубам. Ради эксперимента кто-то бросил мякоть хлеба в железную дверь, и эта непонятная смесь прилипла к двери. После завтрака Кислый сказал мне:

– Я тебе буду называть предметы в камере на нашем языке, а ты их должен запомнить. Позже буду проверять. Итак, запоминай, – он указательным пальцем водил по предметам и тут же комментировал: стол – «общак», лавка – «тёща», ложка – «весло», тарелка – «шлёмка», пол – «паркет», потолок – «пол», унитаз – «светланка», кран – «горбатый», дверь – «броня» и т.д. Он не оставил ни одной вещи, которые находились в поле зрения, без тюремного наименования. Сокамерники общались в основном на «малолетней» фене. Я старался запоминать слова уголовного жаргона, но у меня это плохо получалось. Мой мозг не воспринимал их. Противился!

Итак, с третьего дня в мои обязанности входило: набирать на всю компанию «баланду», мыть посуду и пол, чистить туалет. В общем, выполнять все хозяйственные работы. Во всём этом чувствовалось унижение, но я выполнял

порученную работу добросовестно и старался видеть в этом свои плюсы. Например, я осознавал, что унижение, в приемлемых рамках, укрощает мое самолюбие. На утро мы со Славой подошли к решётке и по очереди начали кричать во весь голос, чтобы слышала вся тюрьма: «Тюрьма-тюрьмушка, дай погремушку! Да не простую, а блатную!» Под улюлюкивание сотен голосов со всех сторон посыпались всевозможные клички – «Сопля», «Чеснок», «Лошара», «Фуфел», «Чморик», «Чушок» и т.д. Я был в шоке от мысли, что теперь ко мне приклеится какая-нибудь позорная кличка, типа «Чушок», и я буду вынужден откликаться на нее. Но к счастью, это была очередная малолетская шутка и я и по сей день не имею кликухи.

Днём, после обеда, Кислый нарисовал карандашом на стене человечка, подозвал меня и сказал: «Сделай так, чтобы он заплакал». У меня наступил мозговой ступор, и на ум не приходили никакие варианты (это всего лишь одна из многочисленных загадок, которые на жаргоне малолетних называется «тугодумками».) Якобы, путём вопросов и ответов выясняется сообразительность, смекалка испытуемого, хотя на самом деле всё это не имело никакой логики, а наоборот, выглядело абсурдным и оскорбительным. За неправильный ответ ожидало наказание, по преимуществу физическое.

– Ну...! Сделай так, чтобы он заплакал! – повторил Кислый.

– Я не знаю, как это сделать, – ответил я поникшим голосом.

– Тебе минута времени, давай думай, – грозным тоном произнёс он.

По истечении минуты я опять ответил, что не знаю. Тогда Кислый схватил литровую эмалированную кружку и с размаху ударил меня по голове. Я прижал руку к виску и почувствовал теплый, липкий ручеек. Шла кровь. Через ладошку она текла по щеке и крупными каплями падала на бетонный пол. Я тупо смотрел на растущую багровую лужу и горько досадовал: «ЗА ЧТО?»

– Ну, хули замерз?! – взревел Кислый. – Давай вытирай! Щас развезешь тут помойку!

Одной рукой придерживая рану, другой я вытер за собой кровь. Слезы обиды наворачивались на глаза, и мне стоило не малых усилий, чтобы не заплакать прилюдно. Показать свою слабость, означало бы окончательное и бесповоротное поражение. Падение! За всё время нахождения в камере я впервые заметил улыбку на лице батька. Стало понятно, что боль и унижения его очень забавляют.

Кислый плюнул на свой рисунок и сказал:

– Видишь, наш человечек заплакал. А теперь сделай так, чтобы у него пошла кровь!

Над этой задачей мне не пришлось долго думать, и я вытер об человечка окровавленную руку.

– Правильно, – недовольно сказал Кислый.

Далее, он приступил к проверке моих знаний на предмет фени, так как считал, что наказание следует продолжить. Я, конечно же, неудовлетворительно продемонстрировал свои знания по данному предмету, за что и получил пару десятков ударов литровой кружкой по спине и ребрам. «Я знаю два иностранных языка, – думал я с негодованием, – а феня не дается мне никак, хоть

ты тресни».

Кислому и Татарину было по 17 лет. И они отбывали уже второй срок, поэтому чувствовали себя на «малолетке», как рыбы в воде. Им хотелось сполна выместить на новобранцах те страдания, которые они в свое время перенесли, будучи «трамваями». Однако, меня удивляло, что Слава проходил их экзекуцию как-то стороной, если ему и перепадало, то гораздо меньше, чем мне.

Вечером следующего дня я со Славой играл в шашки. В процессе игры речь зашла о наших родителях, о том, как они переживают наше заключение. Вдруг к нам подошёл Татарин и нагло у меня спросил:

– Скажи-ка, поцик, а ты лучше мать продашь, или в жопу дашь?

Этим вопросом он мне, как обухом по лбу дал. Я хотел броситься на него, но Слава удержал меня.

– Спокойно, спокойно парень, – сказал Татарин. – Это «тугодумка» и ты лучше головой кумекай, а ни руки свои распускай. Если, не дай Бог, ты кого-нибудь здесь ударишь, то мы объявим тебя «восставшим трамваем», и тогда тебя каждый будет бить при встрече, как собственного ишака. В какую бы ты хату не заехал, тебя везде будут метелить, – с ненавистью заявил он. – Ты понял меня?! А? Теперь отвечай на тугодумку!

Я растерянно смотрел на Славу, но тот молчал.

– Я жду! – закричал Татарин.

Я был в полном замешательстве. Глазами я пробежал по камере в надежде, что кто-нибудь подскажет мне ответ, но наткнулся на лукавую улыбку батька, который «любезно» подсказал своим тонким голосом, уловив мольбу во взгляде:

– Второе, наверное... – эх, как же я ненавидел их всех в ту минуту!

– Мать не продается, парень не еб...я, – вместо меня вдруг ответил Татарин, и мне опять несколько раз врезали за несмышленость.

Подошел Кислый и начал кричать мне прямо в лицо:

– Ты совсем тупой что ли? Мы тебе задаем самые простые «тугодумки», а ты ни на одну не можешь ответить. Может у тебя опилки в котелке вместо мозгов?! В каком ты университете учился, дебил, если для тебя детские загадки не по силам! Я тебя спрашиваю, овца! Отвечай!

Я стоял молча, и в моей голове молотком стучала фраза: «Мы тебя объявим восставшим трамваем. Восставший трамвай, трамвай... – навязчиво трезвонила фраза. – Вот и замкнутый круг, я ничего не сделаю, остается только терпеть, терпеть, терпеть... «Не бойся никого, кроме Бога одного» – учил меня Салага. – Да я никого и не боюсь, просто буду терпеть!»

А в это время Кислый, схватив стержень от ручки, выгибал его и на каждой фразе щелкал меня по носу.

– Ты чё в паркет уставилась, скотина? В глаза смотри, когда с тобой старшие разговаривают! Ты меня вымораживаешь своей тупостью! Если ты сейчас опять не отгадаешь «тугодумку», я тебе такое сделаю, что ты у меня кровью ссаться будешь. Ты понял!? Слушай сюда, дурында: «Вилку в глаз или в жопу раз?» Давай выбирай то или другое? – я молчал. – Повторяю! Так в жопу, или в глаз? Что молчим?! – а стержень от ручки так и щелкал, щелкал, по моему носу,

выбивая невольные слезы.

– Вилку в глаз, – вырвалось у меня на удивление самому себе.

Кислый криво улыбнулся и достал из загашника стальную вилку. Он стоял передо мной с довольной миной, перекидывая вилку из руки в руку.

– Значит, говоришь, вилку в глаз? – спросил он, растягивая удовольствие.

– Делай, как знаешь! – ответил я хладнокровно, но от волнения у меня вдруг зашумело в ушах.

Кислый замахнулся правой рукой и ударил... Почему-то я до последнего момента надеялся, что он этого не сделает. Я рефлекторно отклонился немного назад, и удар пришёлся мне чуть ниже глаза. Острая боль пронзила лицо, брызнула кровь (...Эх, Кислый, Кислый я до сих пор вспоминаю тебя по этому шраму).

XI

Чётки

Два дня ко мне никто не приставал. Я по-прежнему мыл посуду, туалет и даже находил в этом удовольствие, потому что всё это было хоть каким-то занятием и отвлекало от тяжёлых мыслей. Наш батёк каждый день выходил из камеры к куму и подробно докладывал ему, как протекает жизнь в нашей камере №6. Кстати, случайность это или нет, но попал я именно в шестую камеру.

Ребята за эти дни заметно приуныли, но после обеда опять решили возобновить свои жестокие потехи. И вновь полетели «тугодумки» одна за другой, а я, к своему стыду не мог ответить ни на одну. «Х.. в нос – какой прогноз?», «Соплю на щеку или х.. за щеку?» и т.д.

– Х.. с горы – какая скорость? – спрашивал Татарин.

– Х.. не мопед, спидометра нет, – отвечал через минуту вместо меня Кислый и жестоко бил меня. Таким образом, ежедневно проходило мое образование. За неделю мне пришлось услышать несколько десятков «тугодумок» и заработать множество синяков. Правда, альтернативой откровенному избиению были так называемые, «щёточки», «пастики», «малышки». Мне всегда хотелось увидеть авторов, которые всё это придумали. Например, пытка «щёточка» заключалась в том, что зубную щётку, сделанную из оргстекла, оттягивали двумя руками и концом ударяли по ногтям пальцев с десятков раз. «Пастиками» называлось издевательство, когда выгибали стержень авторучки, и концом щёлкали по носу. Да и «малышки» были не из приятных, – били железной кружкой по ягодицам. Все этапы этих развлечений были отработаны на мне с лихвой. За неделю у меня был красный нос, с облезлой кожей, фиолетовые ягодицы и тёмно-синие ногти, рана под глазом слабо затягивалась.

Однажды вечером ко мне подошёл Татарин и как-то заискивающе сказал:

– Друган, а подари мне чётки, тогда я от тебя отстану. Ты больше не будешь «трамваем». Договорились? – подмигнул он мне.

– Не могу, – ответил я. – Это подарок друга.

– Какого друга? Чё ты лепишь? – разозлился он.

– Правда! Эти чётки подарил мне Саня Салага.

– Это тот, что на «взросляке» сейчас чалится? – спросил он удивлённо.

– Наверное... – ответил я.

– Серьёзный дядька. А ты откуда его знаешь? – прищурился он.

– А вот это тебе знать необязательно, – пренебрежительно ответил я.

– Да чё ты с ним базаришь? – вклинился Кислый и дёрнул чётки, которые я держал в руках. Нитка порвалась, и они рассыпались по полу.

– Зря ты это сделал, – сказал я Кислому и бросился их собирать. Мне очень хотелось отомстить им за все унижения и страдания, но я даже не представлял как. В жизни человека бывают такие этапы, когда он попадает в круговорот событий и не может им противостоять. Не может противиться реальности, изменить её или направить в другое русло. Он совершенно лишен свободы и права выбора. И в таком случае остается только терпеливо ждать. Собрать волю в кулак и достойно пройти ухабистый отрезок жизни.

Когда человеку нестерпимо больно и жжет обида в груди, он по какому-то наитию начинает призывать примеры из памяти, кому было ещё хуже, тяжелее. Ведь, к сожалению, в нашей жизни столько горя и страданий, что за примерами и не нужно ходить далеко. Будь то войны, катастрофы, лагеря или плен. Причём, львиная доля мирового горя искусственно вызвана самим же человеком. Нашими братьями и сестрами!

Как бы мне не было тяжело, я знал, что всегда найдется человек, которому хуже. На память приходили фрагменты из военных фильмов о доблести и мужестве советских солдат, строчки из книг о ГУЛАГе, бедствии и нищете многих наших сограждан... Может в данном подходе есть элементы цинизма, однако помогало. Заставляло собраться и не падать духом!

ХII

Алешка Белов

Однажды, под вечер к нам подселили еще одного малолетку, ему было 16 лет, и звали его Лешка. Это был шуплый на вид и робкий по характеру паренёк. Своими канапушками он напоминал мне Антошку из известного всем мультика. Лёшка был застенчив и молчалив. Его посадили за то, что он украл из соседнего сарая мотоцикл. Бедный человечек, сколько же ему пришлось впоследствии пережить за этот кусок железа.

На следующий день мы пошли гулять в прогулочный дворик, и Кислый с Татаринцом всячески подшучивали над новобранцем. А тот еще больше замыкался в себе, не находя достойных ответов на их колкости. После очередной порции «яда» они перешли с ним на дружеский тон и этим расположили его к беседе. Между ними завязался такой разговор.

– Я смотрю, пацан ты смазливый, наверное, девчонок было у тебя до фи́га и больше, – сказал Кислый Лешке, делая вопросительную мину.

– Нет, у меня была только одна, мы с ней со школы дружим, – грустно ответил наивный Лёшка.

– Красивая?

– Да, красивая и еще добрая очень. Она мне в ИВС каждый день передачи носила, – опустил он свои большие глаза в пол.

– Повезло тебе! Сейчас таких девчонок найти трудно.

– Это точно, – тяжело вздохнул Лёшка.

– А вы целовались с ней или мамка не разрешала? – с лукавой улыбкой допытывался Кислый.

– Зачем нам спрашивать у мамы, целовались, конечно.

– Да ну?! – и на его лице блеснула улыбка. – Что-то я тебе не верю. Уж больно ты трусливый, – поддел Кислый.

– Это я здесь такой. Просто мне тут ещё непривычно, – ответил голос подростка.

– Так целовались, значит? Ты молодчина! А мне еще не приходилось. Значит, в засос целовались?!

– Ну, да, – пробился сквозь веснушки румянец.

– Так она девчонкой была, когда ты с ней первый раз..., – и он сделал характерное движение.

Смущенный Лешка молчал.

– Да не стесняйся. Здесь все свои! Просто интересно от друга услышать, как это дело происходит? А то освобожусь, и не буду знать, как к девушке подступиться, – навязчиво приставал «Кислый».

– Да, девчонкой была. Я у нее первый был.

– Сильно кричала, да?

– Не очень, – отвечал он, смущаясь.

– Говорят когда девчонка «целка», то ей вставить сложно.

– Нет, не сложно, просто нужно аккуратно, – сбиваясь ответил он.

– Ух, ты, интересно! Значит, ты и «лошадку кормил»? – с жаром спросил Кислый.

– Какую лошадку? – недоумевая, переспросил Лешка. – У нас только куры, была одна корова, да и та полегла по осени, – с душевным надрывом промолвил он.

– Ну, ты даешь, Леха! – смеясь, сказал Кислый. – «Лошадку кормить» это значит, девчонке между ног рукой водить.

– А-а, тогда да! «Кормил»! Как же без этого с ней любовью-то заниматься? Да и ей нравилось, – сказал Лешка, густо краснея.

– Ништяк! А дай руку понюхаю, – и он кинулся к нему. Но вместо этого ударил Лешку кулаком в лицо и тот упал. Из носа брызнула кровь. Тут же рысью подскочил Татарин, и начал, браня, пинать его ногами.

– Мразь, да ты с нами из одной миски жрал!

– Постой, братан, – остановил его Кислый. – Дома с ним поговорим! – и мы продолжили прогулку. Под палящим солнцем мы намотали несколько километров на кирзовые ботинки, не проронив ни слова. Было ясно, что Алешка попался в «капкан» и в скором времени его ждёт неминуемая беда. Он совсем

паник, зажавшись в грязный угол и украдкой поглядывал на своих обидчиков. В его добрых, голубых глазах, как в чистых озёрах, застыла мольба, снисхождение. Но какое дело было до него жестоким малолеткам. Его маленький внутренний мир, обуреваемый леденящим ужасом и предстоящим позором, совсем никто не замечал. Он был всего лишь маленьким зэка, а не человеком с ранимой душой и пылким сердцем.

Вернувшись в камеру, Кислый начал домогаться к избитому и запуганному Лешке:

– Слушай сюда, чушок поганый! – и он влепил ему звонкую пощечину. – Ты рукой держался за бабскую манду, а это равносильно, что за чужой хрен! Значит, тебе место в петушатнике!

– Но я не знал, что этого делать нельзя, – со слезами на глазах произнес несчастный. – Это же было на свободе.

– И чё, что не знал?! По незнанке не канает что ли?! Типа один раз – не пи..рас? Готовь мыло, Алёнка! – И Кислый с Татаринцем заржали во все горло, их смех подхватил и батёк.

Мы со Славой стояли молча, не зная, что нам делать в этой ситуации. Но, прекрасно осознавали, что сейчас решается жизнь этого маленького безвинного человека. Понимали, что эту ужасную ошибку потом невозможно будет исправить. Вспомнив один разговор «взрослых» в ИВС, я попытался вмешаться.

– Подождите, пацаны. Я от «взросляков» лично слышал, что членом сейчас не наказывают. «Его», как наказание, отменили.

– О-о, «трамвай» решил за чморика заступиться, – ухмыльнулся Кислый. – Так его никто и не наказывает, а просто место указывают, на котором он по жизни должен находиться. Как говорится «петушки к петушкам, гребешки к гребешкам». А все остальное он по любви будет делать! Да, милый?! – погладил он Лешку по голове.

В глазах ребенка пылал неопиcуемый ужас и надежда. Они молили о снисхождении, но жестокий мир, в который его забросила взрослая рука, не знал пощады. Я был бессилен помочь ему, потому что еще не владел в полной мере тюремной софистикой. Только она – «хитросплетенная болтология» могла стать для него спасательным кругом. Я еще что-то говорил в защиту Алешки, но Татарин прервал меня:

– А ты чё за него заступаешься? – сделал он ко мне решительный шаг. – Может и ты не прочь подержаться за кунку?

– Нет, я не прочь подержаться за твою болтливую губу. – закипала во мне злоба. – Имей ввиду, Татарин, – положил я ему руку на плечо. – Если я сорвусь, меня в хате никто не остановит, как известно, «брага стоит долго, а через край пойдет – не уймешь!»/ И плевал я на ваших восставших трамваев, электрички и всё трамвайное депо, – закончил я взволнованно, давно усвоив себе правило – «лучшая защита – это нападение».

Ночью меня разбудили плачь и стоны. За занавеской туалета насильовали Лешку. Сначала это был Кислый, потом пошел Татарин, а вскоре, на мое удивление, и пухлый батёк. Поведение подростков хоть как-то оправдывалось их возрастом. Они имели неумемную сексуальную озабоченность и не устоявшуюся

психику. Руководствовались ложным представлением о порядочности. Но ба-тёк?! «Вот, мразь какая!» – скрипели от злости зубы, и сжимались кулаки. После этого я решил, во что бы то ни стало отомстить старому извращенцу.

Скажу, забегаю вперед, через месяц Алешка повесился, не в силах больше терпеть унижения. Его утром нашли с петлей на шее за той же клетчатой шторкой, которая скрывала совершаемые над ним издевательства. Мне хотелось написать Лёшкиному соседу и судье такие слова: «Спите спокойно, дядя сосед, ваша собственность в безопасности. «Опасный вор», Лешка Белов «справедливо» наказан. Будьте спокойны и вы, Ваша Честь! Вы честно исполнили свой профессиональный долг, заключив ребенка под стражу».

ХІІІ

Прыжок со «страховкой»

На следующий день Татарин обратился ко мне с таким вопросом.

– Скажи, ты считаешь себя духовитым?

– Раньше считал, а сейчас нет, – ответил я ему.

– Почему? – удивился он.

– Потому, что я не делаю того, чего от меня требует совесть.

– Получается, что ты лицемер что ли?! Или приспособленец? – прищурился он хитро.

– Да, наверное, – ответил я нехотя.

– О-о, так приспособленцам не место среди людей. От них всегда нужно ждать какой-нибудь заподлянки, – со злорадной ухмылкой произнес он.

– По-моему, мы с тобой, Татарин, разговариваем на разных языках. Я тебе говорю, что долг или совесть от меня требует делать одно, а я по своей слабости этого не делаю, боюсь за свое благополучие. Но на откровенную подлость я вряд ли способен!

– Ты все как-то заумно говоришь. Несешь всякую пургу, которую и сам-то не понимаешь, – не найдя ничего более достойного в своей голове, произнес Татарин.

– Очень даже понимаю, и могу тебе пояснить за каждую букву, сказанную мной. А вот тебе, с твоими мозгами, на «взросляке» туго придётся.

– Ты чего базаришь?! – его карикатурная физиономия изобразила гнев. – Посмотрим, кому туго будет. У тебя душка-то... только на х.. намазать! Я прошлым сроком со шконаря с веревкой прыгал, а ты-то сможешь, лошара? – пучил он налитые кровью глаза.

– Ну, если у тебя на какую-то хрень духа хватило, значит и у меня хватит, – парировал я.

– Во! Слышали, пацаны? – призывал он в свидетели всю камеру. – Я его за язык не тянул, он сам сказал, что прыгнет. Давай веревку, Кислый.

Я еще не знал, в чем заключается этот «опыт», но ни чего хорошего от этого не ждал. «Черт! – подумал я, – как можно было клюнуть на эту дешёвую

провокацию. Сейчас точно придется шею свернуть». Но каково же было мое удивление, когда мне подали крепкую капроновую веревку, длиной чуть больше метра и сказали привязать ее на узел к мошонке. Все в камере с любопытством наблюдали за мной, а батёк ехидно улыбался. Ждали моей реакции.

– Я не буду этого делать, – отрезал я.

– Оп-па-на! Да ты что ли баба? Не-е-е, так не пойдёт, «пацан сказал, пацан сделал!» А я тебя за язык не тянул! – злобно произнес Татарин.

– Хорошо! Как ее привязывать? – спросил я, и вспомнил слова Салаги: «Следи за своим языком, «слово не воробей, вылетит, не поймаешь». – Как ты был прав, – подумал я, тяжело вздыхая.

– Вяжи ее прямо под корень, вместе с яйцами и членом. И потуже, чтобы веревка не слетела, – командовал садист.

– Готово, – промолвил я, сделав, как он сказал.

– Теперь залазь на второй ярус, – диктовал Татарин. Понимая, что мне придётся подчиниться, я полез туда, куда он указал.

– Вот так! – Татарин крепко привязал дрогой конец веревки к шконке и подергал ее, проверив прочность и надежность узла.

– А это, чтобы тебе не так страшно было прыгать. – Завязал он мне полотенцем глаза.

В нерешительности совершить роковой прыжок, я сидел, свесив ноги, и лихорадочно рассуждал: «Может, мне повезет и длина веревки окажется достаточной, чтобы я приземлился на ноги и не оторвал себе член? Нет, это исключено – высота шконки в два раза больше, чем длина веревки. Всё они предусмотрели, чтобы еще в середине полета у меня яйца оторвались к чертам собачим. Я буду валяться на полу, а «они» повиснут на веревке. Блин, зачем я так туго завязал веревку? – вон как в мошонке пульсирует. Хотя, не все ли равно, если скоро без «хозяйства» останусь.- вздохнул я.- Еще глаза завязали, суки позорные! Наверное, для того, чтобы я себе еще и башку разбил об пол... Э-эх, Таня, знала бы ты, что сейчас со мной происходит...,- готов я был заплакать от обиды.

– Ну, ты чё? Замерз что ли? Прыгай! – гаркнул в ухо Татарин.

– Пацаны, может не стоит?! А? – обратился я к ним с последней надеждой.

– Не надо было трепаться! Слово не воробей...

– Да пошёл ты! – крикнул я, и полетел в черную пропасть.

Ожидая резкую боль ниже пояса, я совсем забыл о ногах. Поэтому приземлился крайне неудачно, протаранив головой пол и следом стену. Я лежал молча, прислушиваясь к своим ощущениям. Было страшно снять повязку и увидеть висящие на веревке органы. Раздался громкий хохот, – публику очень позабавил мой неудачный прыжок. Наконец, я сдернул с лица полотенце и увидел... только то, что через пояс моих штанов торчал конец веревки. Оказывается, пока я сидел на шконке с завязанными глазами «добродушные озорники» хитроумный узел быстро развязали. Спасибо им за это. Иначе, я бы никогда не услышал звонкие голоса своих детишек.

XIV

А батёк-то, оказывается...

Пройдена половина пути ненавистной «трамвайки», то есть прошло ровно двадцать дней, как я стал называться этим, в общем-то, безобидным словом, – «трамвай». За три недели я почти свыкся с такой жизнью и телесные наказания уже не приносили столько боли и обиды, как в первые дни. Как и прежде, банкетом верховодили Кислый и Татарин, а батёк только чутко следил за всем, что происходило в камере. Нет, вру! Батёк не только следил, но и принимал самое непосредственное участие в одной небезобидной шутке. Этим развлечением он был просто болен, и одержим.

«Уважаемый» Саныч страстно любил делать «велосипед» (это когда спящему человеку между пальцев ног вставляют бумагу, а затем ее поджигают). Спросенок несчастный начинает пинать ногами, обжигаемый огнём. Со стороны это было похоже на вращение педалей, от чего и такое название «велосипед». Подлому батьку это забава доставляла столько неистовой радости, что он захлебывался от смеха и потирал ладони, вспотевшие от возбуждения. Увлёкшись «велосипедом» до состояния привычки он уже не мог уснуть, пока не увидит горящие детские ножки, того же Алешки. После тщетных попыток уснуть он, бывало, вставал в три или четыре часа ночи и делал свое подлое дельце.

Утром мы проспали проверку и в наказание за это нас рассадили по два человека по узким железным «стаканам». Я с батьком оказался в одном «стакане». Там я у него спросил:

– Зачем ты делаешь этот дурацкий «велосипед»? – ведь это нисколько не смешно.

– А что еще делать-то? – глянул он на меня своим тусклым взглядом. – Скучно.

– «Когда коту делать нечего так он яйца лижет!» – сказал я с укором.

– И правильно делает.

– Кот-то может и правильно, но мы-то люди! – злился я.

– А вот я бы, к примеру, полизал, – сказал он шёпотом, и я подумал, что мне это послышалось. Выдержав паузу, он опять повторил, – полизал бы, полизал..., – и закатил кверху мутные глазёнки.

– Кого полизал бы? – и, начиная догадываться в чём дело, добавил, – или у кого?

– Что ж тут не понятного? У тебя, Стасик! – сказал он срывающимся голосом, и руки его заметно задрожали. На лбу выступила толстая вена, как дождевой червяк, проступила испарина.

– Ты гей что ли? – спросил я его, и мысленно решал: «Избить его или ...? Нет, второе не пойдёт... – крутилось у меня в голове. – Даже, если я это сделаю, то никто не поверит, что он миньетчик. Наоборот, обвинят меня в интриге. Может избить? Но чем всё это может закончиться? Нет, нельзя», – сказал я себе. И в эту минуту вспомнил, что Слава говорил о батьке – он сидит за изнаси-

лование своей малолетней племянницы.

– Ну почему сразу гей?! Я просто люблю иногда расслабиться. Однообразие, знаешь ли, надоедает, – и он стал нервно облизывать свой большой палец, поглядывая искоса на меня.

– Слушай, давай оставим эту тему. И сделаем так – ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал. – Меня всего воротило от одного его вида, но я решил, что при удобном случае выведу его на чистую воду, и тогда вся камера узнает кто он. Таких голубчиков, как этот, нужно накрывать только с поличным. Как говорить, застукать на месте преступления. Но мой собеседник оживлялся всё больше и больше.

– А зачем же оставлять разговор, Стасик? – выделял он как-то слащаво мое имя. – Ты же ничего не теряешь, наоборот, приобретаешь.

– И что же я приобрету?

– У-до-воль-ствие, – процедил он томным голосом и выпучил глаза. Его стало трясти от возбуждения, дыхание стало тяжёлым. И показалось в «стакане» стало совсем тесно и жарко.

– Ну не знаю! Вопрос этот спорный, – отворачивался я от его плотоядного взгляда.

– Так давай, попробуем! Я обещаю, тебе понравится! – потянулся он ко мне.

– Стоп! Давай-ка я сначала подумаю! – остановил я его рукой.

– Подумай, подумай, – тараторил он, задыхаясь. – Только знай, у меня большие возможности и здесь, и на воле. Из зала суда я пойду домой. Меня оправдают, потому что с экспертизой уже договорились. Хм... Мою потерпевшую признали невменяемой, – засмеялся он, истерично взвизгивая, будто ему прищемили хвост. – Короче, будешь дружить со мной, везде помогу, хочешь деньгами, хочешь в твоём университете. У меня везде свои люди есть, – произнёс он самодовольно. – Есть и такие мужчины, которым однообразие надоело. Среди них много солидных, образованных господ, с хорошими «бабками». Может, и тебя с ними познакомлю, если, конечно, нос воротить не будешь, – вплотную приблизился он.

– Ну, время покажет. А пока давай оставим эту тему, – уже не было сил продолжать этот бред.

– Что ж..., давай оставим. Но ненадолго, – задерживая на мне взгляд, игриво пропел старый гей.

XV

Материнская забота

Утомленные пребыванием в «стаканах» мы вернулись в нашу камеру и разбрелись по своим местам. Я лег на свою шконку и вытянул затёкшие ноги. После разговора с новоявленным гомосексом, меня не покидало чувство отвращения. Я злился на всех, кто окружал меня.

«И в каком же болоте я оказался! Какая грязь кругом! Меня окружает стадо тупых извращенцев. Кислый и Татарин кое-как читают, писать практически не умеют. А главное, не хотят этому учиться, считая это пустой тратой времени. Когда я затронул эту тему, то, сам не ожидая, наткнулся на вражду и презрение с их стороны. Под влиянием этих недоумков, у Славы произошла полная переориентация ценностей. А он, самый грамотный из них, теперь считает, что воровать и грабить, пить и гулять, веселиться и проматывать деньги – удел нормальных пацанов, а честный труд придуман для лохов. Семья и дети нужны трусам, которые прячутся в своих домах за юбками жен.- В голове пронеслось высказывание Гёйне: «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки».

Меня всё больше и больше охватывал гнев. «Почему я, вполне нормальный человек, позволяю над собой издеваться? Да кто они такие? Для них пребывание здесь является питательной средой, а меня воротит от этих условий! Кто давал им право унижать меня? Никто! Эх, обидно-то как!- к горлу подкатил тяжелый ком.- Мало того, что сижу ни за что, так ещё вынужден терпеть всё это. Эти убогие личности не понимают, и, наверное, никогда не поймут сущности человека, его предназначения, – который рожден для счастья, а не для горя, страха и нескончаемых мучений. Как им объяснить эту очевидную истину, как это довести до их сознания, которое пожухло прямо на корню, не успев созреть?! Нет, это непосильная задача!- обречённо вздохнул я.- В своих безрассудных поступках они ведомы только инстинктами, поэтому любые попытки апелляции к их закаменелым душам будут тщетны. Да еще и такие жестокие тюрьмы, как наши, до конца убьют в них человеческое, они обречены...

– Борисов! – крикнул кто-то, прерывая мои мысли. Я обернулся и увидел открытую «кормушку» (окошечко в центре двери, через которое обычно выдается пища.)

– Здесь, – откликнулся я.

– Иди сюда! Тебе передача! – сказал сержант в зеленой униформе. – Мать как звать?

– Борисова Татьяна Петровна, – отчеканил я волнуясь.

– Вот здесь распишись и принимай передачу, – протянул он список продуктов, заполненный родным почерком мамы.

Я расписался и начал принимать продукты через окошко, складывая их на стол. Сердце сжималось от радости и умиления. Я смотрел на аккуратно сложенные одна к одной конфеты, печенье и мысленно представлял, как мама с любовью укладывала их. Каждая вещь говорила о ее нежности. Вместе с материнской заботой камера наполнилась теплотой и светом. У меня на глаза проступили слезы, и я воскликнул про себя с душевным восторгом: «Спасибо мама! Золотко ты мое!».

За спиной «кормушка» захлопнулась, а я еще некоторое время стоял в растерянности перед большой кучей гостинцев, разложенных на столе. Придя в себя, я обратился добродушно:

– Ребята угощайтесь! Ешьте, что хотите! – и двумя руками указал на стол.

Кислый» с Татаринцем переглянулись и с недовольным видом приблизи-

лись к столу. Со словами «Колбаса на х... похожа, рыбы воду обоссали, сыр пиз...иной воняет, по картошке мент топтался...» – Кислый бросал продукты на пол, а Татарин в это время пинал их в мою сторону. Невозможно подобрать слов, чтобы описать ту обиду, которая охватила меня. Недолго думая, я схватил кусок сыра, подбежал к Кислому и начал бить его по роже этим сыром.

– Жри, сука! Жри, тварь! – кричал я в бешенстве, ударяя его со всей силы. Лицо его покрылось сыром в перемешку с кровью. – Я вам покажу сейчас «восставшего трамвая», гадьё! – Тут же я накинулся с кулаками на растерянного Татарина и бил его пока он находился в сознании. А в довершение схватил копчёную рыбу и со всего размаху нахлестал Татарина по щекам. Затем встретился взглядом с испуганным батьком, и злость снова прилила мне в голову. Я поднял с пола палку колбасы и рванулся к нему.

– Открывай свою пасть, сосалище! – кричал я ему в гневе. Он разинул трясущийся подбородок, и я до упора воткнул ему палку копченой колбасы. – Соси, сука! Соси, пока не сдохнешь! – неистово орал я. Он кряхтел и задыхался, выпучив дикие глаза. А я, сколько было сил, вколачивал в горло миньетчика палку колбасы.

Вся злость и ненависть, которые накопились во мне за последние дни, фонтаном вырвались наружу. Слава оттащил меня от батька, и я почувствовал упадок сил и полное равнодушие ко всему.

Татарин и Кислый через некоторое время пришли в себя, но оставались сидеть на полу, не решаясь подняться. Батёк, как загнанная в угол крыса, поджав руки к груди, дико смотрел на меня. Отдышавшись, я сказал ему:

– Чё шнифты тарацишь, выдра? Делай, что должен делать!

Батек медленно приподнялся, и скользнул к двери. Лихорадочно забарабанил в нее кулаками и взвыл:

– Начальник! Начальник! К оперативнику меня! Срочно! – тут же заскрипел замок, и его вывели.

Я собрал половину продуктов со стола в пакет и со словами: «Держи! Ты больше моего горя видел!» – отдал его Лешке. После того, как его опустили, он спал на полу под шконкой, и ел один. Оставшуюся часть продуктов, я поделил поровну. Одну часть забрал себе, другую оставил. В последний момент мне стало жалко этих моральных уродов, которые сами не ведали, что творят.

Вскоре вернулся батёк и глядел на меня уже гордым, высокомерным взглядом. Оперативник потребовал выйти из камеры. На выходе, когда закрывалась за мной дверь, старый миньетчик взвизгнул:

– Мразь! – и тут же отпрыгнул назад от страха и крысиной злости.

Так грустно и нелепо закончилось мое проживание в камере №6. Я сидел в «стакане», ожидая своей дальнейшей участи. «Наверное, – думал я, – в какую бы камеру я не попал, меня будут бить как «восставшего трамвая». – Я был уверен, что все уже знают о случившемся, ведь тюремная почта работает молниеносно.

«Да какая уже разница? – махнул я рукой. – Пусть бьют, лишь бы не убили. Были бы кости целы, а мясо нарастёт. А продукты я зря в «стакан» не взял. Есть хочется!». – Позже, я не мог вспомнить ни одного дня, когда бы мне не хоте-

лось есть в этой проклятой тюрьме.

Через несколько часов меня вывели из «стакана» и повели в новую камеру. Пакет с продуктами, который я оставил в коридоре, в одном метре от «стакана», кто-то умыкнул, и мне стало очень обидно.

«Эх, мама! – досадовал я, тяжело шагая по продолу, – А ты думаешь, что сейчас твой сын колбасу заедает копчёной рыбкой. Увы! Ни одной крошки мне в рот так и не попало. Надо будет ей письмо написать. Поблагодарить за передачу и сказать, что все было очень вкусно. А то переживать будет!».

XVI

Новое жилище

Распахнулась железная дверь и перед моим взором предстала ужасная картина: семиместная камера, размерами пять на два с половиной метра, с желтыми от никотина стенами, а в ней полуголая братия, человек двадцать-двадцать пять. Малолетки курили, как перед «вышаком», бледно-синий туман застилал всю камеру от пола до самого потолка и сдавливал грудь. Меня поразило и то, что только два человека сидели на шконках, а остальные находились на полу, – кто лежал, кто сидел. В голове тут же мелькнула мысль, – «Это же «опущенные». Ведь только они живут на полу!» Из тех двоих, что сидели на шконках, оказались малолетка и батёк. Последний обладал внушительными габаритами и примечательным страшным лицом, изрытым оспой. Его облик можно смело сравнить с боксёром Николаем Валуевым. Малолетка имел заурядную внешность, но с большим количеством прыщей на лице, и был примерно моего возраста. «Неужели я попал в петушиную хату? – подумал я с ужасом. – Но мне же говорили, что на «малолетке» нет таких камер, тогда почему народ здесь живёт на полу? Что же здесь происходит? Неужели батек здесь лютует и опускает всех подряд? О, Господи, куда я попал?» – Я сделал несколько шагов вперёд, переступая аккуратно тела и остановился в центре обнажённого скопища.

– Всем привет! – сказал я громко.

– Ну, здорово! – ответил трубным голосом батёк.

– Я из шестой камеры.

– Кто по жизни? – отрезал вопросом бугай.

– «Трамвай», – ответил я.

– Вечный «трамвай», – смеясь, добавил он. – Я тебя спрашиваю – порядочный ты или нет?

– Да, порядочный! – ответил я твёрдо.

– Ну, если порядочный, тогда проходи. А ты, Серёга, чифирку завари, – обратился он к малолетке.

– Меня Стас зовут.

– А я – Слон, – протянул он свою здоровенную руку.

– А погоняло у тебя соответствующее! Я имею ввиду внешность, – старался я не падать духом и перейти на дружеский тон.

– Это так. Бог меня здоровьем не обидел, – сказал он протяжно, и при этом щёлкнул суставами пальцев.

– Тут вот какое дело..., – начал я в нерешительности. – В общем, чтобы недоразумений потом не возникло, я хочу признаться, что сегодня избил трёх человек из шестой камеры. И, наверное, после этого меня объявят «восставшим трамваем».

– А за что побил-то? – улыбнулся Слон. – Что, малолетки допекли?

– Да, допекли. Не выдержал я их приколов. Ну и батьку заодно перепало, – заглядывая в страшное лицо бугая, робко добавил я.

– Ну и молодец! Красавчик! Я эту мразь из шестёрки знаю. Ее давно пора за волосы и об угол, – сжал он крепко кулаки.

– А мне-то сейчас как быть?

– Ты про «жили-были» спрашиваешь что ли? – нахмурился Слон.

– Да, про это.

– Расслабься и получи удовольствие, – ухмыльнулся он. – Мне совсем не интересны ваши малолетские дела. Я уже ими сыт по горло! У меня в камере нет ни «трамвайки», ни другой дряни! Смотри, сколько клоунов на полу валяется, это мне их пописали из других камер. Каких только «мастей» среди них нет, голова идёт кругом! Процентом девяносто из малолеток – это опущенные или ещё какой-нибудь «масти», – он отпил два больших глотка чифира из железной кружки и, чуть поморщившись, с досадой добавил. – Очень много поломанных судеб на «малолетке». И как им дальше с этим жить, не знаю?!

– Хорошо, что у тебя в камере так поставлено. А то я уже устал от этой дебильной «трамвайки», – тяжело вздохнув, пригубил я горький чай. – Знаешь, а я думал все батьки поддерживают на малолетке беспредел.

– Все, да я исключение! – произнёс он гордо.

– А зачем ты в батьки тогда пошёл? – дул я на горячий терпкий чай и косился на него.

– А я и сам на этот вопрос ответить не могу. Все срока порядочно отсидел, а когда по новой заехал, чувствую жизнь бластная опостыла. На свободе ведь за ум взялся, женой обзавелся, сын родился. Вот и прикинул для себя, что досрочно могу освободиться, если при тюрьме останусь.

– Получается, чтобы досрочно освободиться ты и пошёл в батьки?

– Получается, что да! Но вот чувствую себя гадко, не в своей тарелке. – Слон пил чифир жадно, но с расстановкой, смакуя каждый глоток. Как и многие заядлые чифиристы, он сопел и кряхтел, хлебая с аппетитом этот тюремный напиток. Лоб у него вспотел, глаза разгорелись. Пошла вторая кружка.

– Чётки у тебя славные, – сказал он, передавая мне чифирбак. – Козырные!

– Мне они тоже нравятся. Друг подарил! Салагой дразнят, – сказал я гордо.

– Санька что ли? Знаю, знаю его. Истинный бродяга. Человек с принципами, таких сейчас днём с огнём не сыщешь.

Мне было очень приятно, что о нём так лестно отзываются. Гордость прямо распирала мое молодое тщеславие оттого, что я всем мог сказать, что Саня – истинный бродяга и он мой друг.

– А ты его откуда знаешь? – спросил я у Слона с оживлённым любопытством.

вом.

– В «крытой» с ним был в Чистополе. Ну, а потом в одном лагере сидели. Помню случай, был на лесоповале. Уже зима наступала, кое-где снежок лежал. Менты гнали мужиков на работу лес валить, а теплые вещи не выдали. Так работяги и поехали один за другим на больницу, кто с отмороженными руками, кто ногами, а кто и с воспалением легких. Саня замутил бунт и его за это мусора в изолятор упекли.

Сидели мы, значит, с ним вдвоем в одной хате. Открывается дверь, и заходят – начальник колонии, а с ним какой-то «ферзь» из управления в каракулевой шапке. Бунт пару дней назад погасили. Мужиков гонят на работу, а теплые вещи так и не выдали. Вот, видно по этому поводу и приехал «ревизор» понюхать обстановку. Ну, я встал, поздоровался, а Саня так и продолжал лежать.

«Ревизор» ему и говорит: «Вы почему лежите, осужденный? Перед вами два офицера стоят?». А Санёк ему: «Так и мы «хоть не богаты, да носы горбаты». Типа, ну и пусть, что вы офицеры, да и я не из простых, тоже благородных кровей буду, – возбужденно пояснил Слон. – Ну, ты же знаешь, как он говорит-то метко, прям «не в бровь, а в глаз». Короче, генерал этот как закричит: «Встать!»

А Саня ему спокойно: «Как мужиков оденете, так и встану. Хоть перед тобой, хоть перед твоим прихвостнем». «Как ты назвал начальника колонии?» – заблажил тот. Я аж башку в плечи вжал, думаю, ну всё, щас начнётся расколбас. «Я говорю, хоть и «стара попова собака, да батькой ведь ее не назовешь!» – Санек заржал, и опять как выдал в эфир, – да и про тебя говорят «от свиньи визгу много, а шерсти нет». А не пойти ли тебе на х.., генерал!»

– Мне аж дурно в тот момент стало, думал точно убьют. Но и Саню понять можно, как он страдал и сколько «горя мыкал», так любой уж на его месте умом тронулся. Сколько у него крови легавые выпили!

Слон замолчал, глядя отупевшим и каким-то испуганным взглядом в стену.

– И что дальше? – спросил я его, заинтригованный рассказом.

– Да что дальше... – тяжело выдохнул Слон и, в задумчивости почесав затылок, продолжил. – Били нас три дня, как резиновых, думал дух испущу. Прости меня, Господи!- перекрестился он.- Потом мне БУРа полгода дали, а Салагу на год в психушку упекли. Там его чуть до смерти не закололи. Вот такие дела! Да, я к чему рассказываю тебе все это? – встрепнулся он. – Ты только представь, у человека духа сколько! Для него нет авторитетов, кроме Бога и матери. Правду любому в глаза скажет, заискивать не будет, это сто пудово. А если на принцип пошел, то все, – не свернет! Ему ведь в той ситуации для себя-то ничего не нужно было, он мне так и говорил: «За мужиков душа болит! Мужика затюкали со всех сторон, аж смотреть больно. С одной стороны легавые с другой блатные, вот и попал наш мужик, как «рейтузы между булок». Вот такие дела, браток.

Я представил себя на месте Салаги, и решил, что в той ситуации моего духа точно бы не хватило, какие бы высокие принципы или убеждения я не отстаивал. Остаток дня прошел в рассказах и многочисленных воспоминаниях лагерной жизни, которыми до краев была наполнена память Слона. Он травил

байки, и я от души смеялся. Учил жизни, и я все старательно запоминал, впитывая услышанное, как губка.

После отбоя я еще долго не мог уснуть, терзаемый совестью. «Зря я так жестоко с ребятами обошелся! – укорял я себя, – Батек, конечно, своё заслужил. Он осознанно выбрал такую жизнь и по своей натуре неисправимая скотина. Но Кислый с Татаринцом – слепые котятка. Они переняли такое поведение как образец, когда еще были «трамваями» и сейчас унижают других, считая это нормой. Получается, я пошел на поводу своих инстинктов и эмоций, забыв о своих убеждениях, которые еще недавно пылко проповедовал Татьяне. Эти двое малолеток из неблагополучных семей, которые слаще морковки ничего не видели в своей жизни. У них нет даже необходимого образования и воспитания, поэтому они и действуют в узких, примитивных рамках, которые они усвоили в своей жалкой среде. Ведь если горлышко у тюбика зубной пасты имеет круглую форму, то и выдавливаемая паста будет круглой».

Угрызения совести всё больше и больше распекали меня. Задыхаясь от негодования, я продолжал рассуждать. «Если и бить кого-то по роже, то тех, кто их такими сделал. Правильно говорил писатель «Отвечая злом на зло, мы только увеличиваем его». Все мы горласты, лежа на печи, а на поле брани забываем о своих теориях, и готовы ухватиться за любое знамя, лишь бы спасти свою шкуру. И, что хуже всего, всегда находим оправдания нашим вероломным поступкам, с помощью нашего изворотливого ума, – вот он «змей искушитель». Пусть эта ситуация будет мне уроком, из которого я должен уяснить, что я лицемер, – двуликий Янус, который думает и проповедует одно, а делает другое. Нет во мне еще твердости и силы духа, чтобы поступать сообразно со своими убеждениями, чтобы наконец-то определиться в жизни и быть в ладу с самим собой».

Самобичевание продолжалось до тех пор, пока я не почувствовал душевное опустошение, а затем и усталость. Вскоре веки сомкнулись, и я уснул.

XVII

«Масти»

Утром я облился холодной водой, выпил кружку чая и, ободренный этим моционом, пошел в народ. Мне было очень интересно узнать, кто эти люди, живущие на грязном, заплёванном полу. И почему их постигла такая жуткая участь. Сначала я подошел к маленькому пареньку, почти ребёнку, с голубыми, кристально чистыми глазами, и вьющимися светло-русыми волосами на крохотной голове. Внешне, он больше всех вызывал жалость, и его присутствие в камере казалось какой-то нелепой ошибкой. Ему бы по полю бегать с сачком в руках и бабочек ловить, а не в тюрюге томиться. Присев на корточки рядом с ним я спросил:

– Как тебя зовут?

– Никита Гусь, – ответил детский голос.

– А лет тебе сколько, Никита?

– Пятнадцать через месяц будет.

– А сидишь за что?

– У нашей соседки двух гусей украл, – застенчиво ответил он, и уставился виновато в пол.

– А сколько здесь находишься?

– Девять месяцев, – проговорил он, вздыхая.

– Суд прошёл уже?

– Нет, ещё следствие идёт.

– Дело у тебя какое-то запутанное. Почему так долго расследуют? Ты, наверное, «бандой гусиной» заправлял, – попытался пошутить я.

– Да какая банда? – махнул он рукой. – Шел на речку искупаться, смотрю, два гуся без присмотра ходят, ну я хватанул обоих и тикать. На речке их разделал и распотрошил.

– Потрошитель, значит. А убил ты их, чтобы органы на трансплантацию сдать? Невиданная жестокость на селе идёт, – принял я ироничный тон, возмущаясь при этом суровостью следствия, и ее логикой.

– Да какая там «плантация», – не понимая моего юмора, серьёзно продолжал Никита. – Мы с сестрой два дня не ели, а мать в запое была, как всегда. Вот когда увидел их, гусей-то этих, представил, что неделю с Надькой сыты будем.

– А на полу-то, как оказался? Ты какой «масти» будешь?

– «Красная шапочка», – ответил он угрюмо.

– Название совсем безобидное. А что оно значит?

– Мне членом по лбу настучали за то, что я на «тугодумку» ответить не смог. А теперь все стучат, кому только не лень, – из его глаз покатались слёзы.

– Всё теперь! Опущенный я, – и, наклонив голову, Никита зашмыгал носом.

– Ну ладно, не реви только. Всё будет нормально, – пытался успокоить я. – Скоро тебя освободят, и ты забудешь тюрьму, как страшный сон. – Но я и сам не мог поверить в то, что говорил. Разве можно когда-нибудь забыть о таких унижениях. О сексуальном насилии! Пройдут годы, у этого человека появится семья и дети, но память всегда будет напоминать ему об этом страшном времени. Сон приходит и уходит, как мираж, а статус «опущенного», как клеймо выжигается на веки. Его ничем не смоешь, не сотрёшь.

– А тебя как зовут? – обратился я к соседу Никиты.

– Димка Писюн, – ответил щуплый подросток.

– А ты какой масти?

– Я «Стекольщик».

– А почему «Стекольщик»? Что это значит?

– Недержание у меня, мочусь по ночам, – пояснил он неохотно.

– Ну и что из этого?

– Меня пацаны за это обоссали через стекло. Теперь я «Стекольщик».

– Ну а ты кто? – спросил я у третьего.

– «Чёрная хозяйка», – ответил писклявым голосом подросток.

– Почему?

– Ногти на ногах грыз. Ножниц в хате не было, вот я и решил их под-

грызть.

– А что за масть-то такая? – удивленно спросил я.

– Стираю нижнее бельё и носки, а к верхним вещам мне прикасаться запрещено.

– Ну а ты кто у нас? – спросил я следующего.

– «Пылесос»...

Что входило в обязанности «Пылесоса» меня повергло в настоящий шок. Это ж какую нужно иметь больную голову, изощёренные садистские наклонности и ненависть к человеку, чтобы придумать такое издевательство. А заключалось оно в следующем – когда кто-нибудь в камере хотел выпустить газы, то подзывал «пылесоса», и он тут же припадал к анусу и втягивал всей грудью дурной запах. Затем быстро бежал к двери и выпускал воздух в щель на коридор. Дабы в камере не пахло дурно.

Таких вот разных «мастёвых» я насчитал двадцать человек, все они были запуганными, подавленными, замкнутыми подростками. Это были бедные существа, униженные и убитые своим горем. Всего «мастей» в малолетском арсенале насчитывалось около полусотни, и любой из нас мог получить это клеймо, либо по воле капризного случая, либо по прихоти несовершеннолетних сокамерников.

XVIII

Очная ставка

Остаток дней на «малолетке» я провел относительно спокойно и в последний день пребывания там, меня увезли в ИВС для проведения очной ставки с так называемой закупщицей.

Следователя мне почему-то заменили, и теперь им стала молодая женщина лет тридцати, приятной наружности. А в роли «закупщицы» оказалась двадцатидвухлетняя наркоманка с пятилетним «стажем». Известная многим бандитам «клофелинщица» по кличке Рыба (большие выпуклые глаза придавали ей сходство с рыбой). Она сидела напротив меня через небольшой деревянный стол (вероятно, в целях предосторожности). И судя по ее внешнему виду, находилась под «героиновой ломкой». Расширенные, дикие зрачки глаз на ее бледно-желтом лице, так и вопили: «Быстрее бы уколоться!».

Помимо следователя и «закупщицы», в кабинете еще находился дежурный адвокат, который за время этого следственного мероприятия проронил небрежно одну лишь сакраментальную фразу: «Возражений не имею». Все другое время он только делал какие-то пометки у себя в блокноте и утомленно зевал, не прикрывая рта. Периодически поглядывал на свои золотые швейцарские часы и нервно ёрзал на стуле.

Следователь задала мне несколько вопросов на предмет сбыта героина, на которые я дал пару сухих ответов: «Сбытом никогда не занимался. «Закупщицу» вижу впервые». Затем, она переключилась на Рыбу.

– Значит, вы утверждаете, что приобретали героин у этого гражданина, что сидит напротив вас?

– Да, утверждаю и подтверждаю, – выделила Рыба последнее слово, – что покупала у этого человека героин. Покупала два раза!

– Для каких целей? – спросила следователь, записывая ход допроса в деле.

– Для общественных целей, – гордо ответила «закупщица».

– То есть...? – посмотрела на нее удивлённо следователь, – поясните, пожалуйста, свой ответ.

– Дело в том, что я когда-то употребляла наркотики, – закатывая глаза к потолку, начала объяснение Рыба, – потом завязала с этим делом. Напрочь завязала! И как-то случайно от одной своей знакомой услышала, что один молодой человек продает наркотики прямо из своей белой иномарки. Так, вот это запишите обязательно, не пропустите, – обратилась она к следователю, подглядывая между тем, себе на ладонь, – автомобиль марки «Тайота-Камри» с государственным номером Х 348 АМ, и звать этого молодого человека Стас.

– Ваша подруга назвала вам и номер машины, и имя «сбытчика»?

– Да, совершенно верно! – спокойно ответила Рыба

– Назовите, пожалуйста, имя подруги и адрес, по которому она проживает.

– Ой, а я уже и не помню, где она живет. Но звать ее Маша. Фамилию тоже забыла, – Рыба отвела в сторону «виноватый» взгляд.

– Продолжайте.

– Так вот, когда я узнала, что какой-то негодяй торгует наркотиками, недалеко от моего дома. Да еще и, можно сказать, в культурном центре нашего города. Во мне сразу злость закипела, и я решила исполнить свой гражданский долг – пресечь это безобразие! Эту ужасную деятельность! Тем более опыт общения с такими выродками у меня имеется. – И она бросила на меня презрительный взгляд.

– Пожалуйста, без хамства, – сделала замечание следователь. – Продолжайте!

– Я нашла автомобиль и купила у этого человека, что напротив меня, два грамма наркотиков. А потом пошла в милицию, чтобы сдать эту гадость на проверку и сообщить о преступлении. Обнаглели совсем, наркоманы хреновы, на улицу страшно выйти, – с наглым укором покосилась она на меня и ловко вытащила сигарету из пачки следователя. Адвокат ей любезно дал прикурить и приторно улыбнулся.

– Ответьте на вопрос, пожалуйста. Вам лично этот человек сразу продал наркотик или вы его уговаривали? – с расстановкой спросила следователь.

– Конечно сразу! Я ещё так удивилась, продал просто и легко, ну как в магазине, – Рыба театрально развела руки и скорчила такую удивлённую рожу, что трудно описать, – а дальше сотрудники милиции, точнее ГНК, выдали мне меченые деньги в размере двух тысяч рублей и попросили, чтобы я снова купила у этого гражданина наркотики. Я с честью исполнила свой долг, и мы пресекли незаконную деятельность этого гражданина, – официальным тоном сказала Рыба.

Во мне кипела злость. Хотелось задушить этого подлого наветчика, но ос-

тавалось лишь скрипеть зубами.

– А вы всё записали, что я вам здесь рассказала? – настойчиво спрашивала она.

– Да, всё. У вас есть вопросы? – обратилась ко мне следователь.

– Да, у меня есть один вопрос, – ответил я и обратился к Рыбе.

– Скажите, уважаемая барышня, а вы верите в Бога?

– Да, а что?! – с апломбом изрекла наветчица.

– А то, что там, – и я указал пальцем вверх, – таких сучек, как вы, за язык вешают!

Но мои слова не возымели должного эффекта, и Рыба поспешно удалилась в родной до боли ей отдел за новой дозой наркотика. Задание выполнено успешно и она, вероятно, чувствовала радость собачьей покорности, не обращая никакого внимания на то, что еще минуту назад была соучастником ужасного преступления, стоящего человеку испорченной жизни (как дешево нынче стоит жизнь человека, всего лишь доза героина или несколько сотен рублей).

В этой ситуации я не имел шансов оправдаться от возводимых на меня нелепых обвинений, хотя бы потому, что показания свидетелей стороны обвинения в нашей правоохранительной системе имеют несравненно больший вес, чем показания обвиняемого (подозреваемого). На практике их показания можно назвать неоспоримыми, хотя теоретически, процессуальное законодательство провозглашает равенство всех показаний (доказательств).

Следователь задала мне еще несколько уточняющих вопросов. И в завершении нашей встречи огорошила новостью. Оказывается, в бардачке моего автомобиля при понятых был обнаружен и изъят героин весом в двадцать граммов, а так же меченые деньги в сумме двух тысяч рублей.

Хотя, многие доказательства, уличающие меня в сбыте, были добыты с грубыми нарушениями уголовно-процессуального законодательства и в связи с этим должны считаться недопустимыми, тем не менее, они крепко «цементировали» мою виновность в инкриминируемом преступлении. И, в последствии, я был по ним осужден. Но, не буду забегать вперед.

XIX

Заходи – не бойся, выходи – не плачь

По случаю моего дня рождения родители передали мне в ИВС большой мешок продуктов, с которым я и приехал в тюрьму. Однако, возвращался я в подавленном состоянии. Поднимаясь на четвертый этаж незнакомого мне корпуса, я мысленно сокрушался. «Сегодня мне исполнилось восемнадцать лет, но такого ужасного праздника еще никогда не было в моей жизни. Именно сегодня я узнал от следователя, что мои дела совсем плохи, и я в полном дерьме. Через минуту-другую откроется дверь «взрослой» камеры и неизвестно, что меня там будет ожидать.- Я сильно волновался перед новыми обстоятельствами, которые происходили в моей жизни, и вдруг, меня бросило в жар.- О, Боже! я совсем за-

был о петушиных камерах, которыми меня следователь пугал. У меня было столько возможностей спросить о них у Салаги, или у Слона, а я совсем забыл. Забыл в этом сумасшедшем круговороте событий. Черт! Что за три цифры? Нет, не вспомню уже, бесполезно. Совсем память отбило в этих застенках».

Конвоир подвел меня к железной двери, окрашенной коричневой половой краской, под номером 97. За ней слышались крики, вопли и отборный мат. Мне показалось, что там кого-то убивают или насилуют, но, глянув, на совершенно спокойное лицо конвоира, я решил, что эта вакханалия, должно быть, нормальна для этих мест. «Нет, это не та камера, – размышлял я, пока конвоир возился со связкой ключей. – Я точно помню, те цифры были парные, по-моему, пятьдесят пять или шестьдесят шесть, поэтому можно смело заходить».

Наконец, дверь со стоном отворилась, и меня обдало нестерпимой вонью, от которой я пошатнулся. Сделав шаг в камеру, меня осенило – я оказался в аду. Это было озеро Коцит, которое так красноречиво изобразил Данте:

Мы там, где тени льдами сплошь покрыты
Сквозя соломкой, вплавленной в стекло
Лежат иные, а другие вбиты
Ногами вниз, а кто и головой
Кто аркой встал: лицо и ноги свиты.

На двенадцать спальных мест было полсотни грешных заключённых. И, несмотря на то, что был поздний вечер, и жара спала, все были только в одних трусах. Покрытые липким потом тела теснились у решётки, откуда слегка задувал ветерок. От стены к стене паутинами тянулись многочисленные веревки, на которых висели мокрые вещи. Казалось эти людей замариновали в огромную бочку и они тут же протухли. Шум смолк.

– Заходи не бойся, выходи не плачь! – раздался голос из мрака.

Растерянный, я продолжал стоять молча.

– Кто по жизни? – опять крикнул кто-то.

– Мужик, – ответил я, сдерживая с трудом позывы рвоты.

– Проходи, чё встал-то? – опять прозвучал голос «невидимки».

Через галерею измождённых узников я протиснулся к столу, разложил на нем содержимое своей сумки и сказал:

– Сегодня у меня день рождения – восемнадцать лет, всех порядочных прошу к столу! – не успел я договорить это, как голодная толпа «термитов» накинулась поедать все, что я выложил. Меня буквально выдавили от стола, а через минуту уже все разошлись, кроме одного мужичка. Он протянул мне зефир и сказал:

– Что ж ты такой нерасторопный? В большой семье ртом не щёлкают! Угощайся давай! – Я не мог поверить своим глазам. Двадцать килограммов продуктов, которые я с таким трудом тащил на себе по «этапу» просто растворились за одну минуту. В грустном раздумье я сидел на железной лавке, и зефирка таяла в моей руке. Мне вспомнилась песенка крокодила Гены, и я шёпотом начал ее напевать:

Прилетит вдруг волшебник,

В голубом вертолёте
 И бесплатно покажет кино.
 С днём рожденья поздравит
 И, наверно, оставит
 Мне в подарок пятьсот эскимо...

Как же мне хотелось опять окунуться в детство! Закрыть глаза и очутиться за большим столом в кругу семьи. Встать на стул и запинаясь от волнения, рассказать стишок. Или нарядиться в костюм зайчика и под ёлкой спеть весёлую песенку...

Это был «карантин», в который помещали на неделю-две или больше, кому как повезёт. Никаких медицинских обследований здесь не проводили, поэтому название «карантин» было условное. Из-за перенаселения мы были вынуждены спать по два, три человека на одной шконке. Располагались «валетом», – головой ложились в ноги соседа. Так было компактнее. Ночью я пристроился на верхнюю шконку, и моим соседом опять оказался тот вшивый, лохматый дед, которого я повстречал в первый день в ИВС. Для того, чтобы не видеть его, я отвернулся и начал мысленно читать стихи Есенина, и быстро уснул.

Мне приснился сон, в котором я увидел черного кота. Он запрыгнул ко мне на грудь, и начал ласково тереться своей пушистой мордочкой о мою шею и плечи, а потом и лицо. Мне стало щекотно, и я попытался скинуть его, но он стал сильнее прижиматься ко мне и громко, громко мурлыкать. Неожиданно я проснулся и увидел перед своим носом волосатые ноги храпящего деда. Это было не самое приятное пробуждение в моей жизни. Оправившись от первого шока, меня ожидал второй, – всё мое тело было усеяно красными волдырями, оставленными подлыми клопами. Оказывается, вся камера кишела вшами и клопами, от которых нигде не было спасения. Брезгливый от рождения, я думал, что сойду с ума от этого несметного полчища кровососов.

Желая умыться, я подошёл к крану, но воды в нём не было. До четвёртого этажа, где находилась наша камера, вода практически не доходила из-за слабого давления. Лишь изредка бежала тонкая струйка, которую мы ожидали часами. Вдруг, позади себя я услышал ругань и глухие удары, обернувшись, я увидел, как один парень избивает пожилого мужчину, крепкого на вид, но душевно измученного. Как и на всех, на мужчине были только трусы.

– Тварь, педик старый! – пиная ногами распластанного на полу мужчину, кричал разгоряченный парень. – Опять обоссался! Сколько же в тебе говна, сука! И так дышать нечем, а ты опять обгадилась, помойка! – Потом мне стало известно, что этот человек каждый день «ходил под себя». Некоторые говорили, что он специально это делает, чтобы его признали невменяемым, другие твердили, что он по настоящему болен. Неизвестно, кто был прав, но в любом случае нам это приносило крайнее неудобство.

– Ну-ка, пацан, дай мне ботинок! – обратился ко мне парень. – Давай, давай поскорее снимай! (когда меня переводили на «взросляк» вольную обувь и одежду вернули). Недоумевая, зачем требуется мой ботинок, я все же снял его и подал парню. Вооружившись ботинком, он продолжил экзекуцию, но жертва

мужественно переносила удары и только мычала. Истязатель бил наотмашь, причём бил куда придётся,- по лицу, спине, животу. В следующую минуту наша камера стала свидетелем кошмарной картины. Из трусов мужчины повалились фекалии, а неуёмный паренёк, охваченный приступом азарта, только и успевал прикладываться моим ботинком. Вдруг, на стены и лица изумлённых зрителей полетели коричневые брызги, разбрасываемые во все стороны моим ботинком. А парень только начинал входить в раж!

– Стой, стой! – посыпались со всех сторон призывы. – Да оттащите же его! Он сейчас всю хату говном забрызжет! – кричал беззубый мужик, вытирая грязь с лица. Толпа кинулась на озверевшего говномеса и с трудом его уняла. А мой ботинок фирмы Baldinini остался валяться на полу и представлял собой печальное зрелище...

После обеда по камерам ходила комиссия во главе с прокурором, и, дойдя до нашей, прокурор представившись, спросил:

– Жалобы есть?

Все молчали. Многие даже не обращали на него внимания. Меня удивила такая реакция сокамерников, ведь множество грубых нарушений со стороны тюремной администрации, должны были вызвать целый поток жалоб. Но нет, народ молчал.

– Так значит, жалоб у вас нет?! – повторил он, собираясь ретироваться.

– Как же нет, есть! – воскликнул я возбуждённо и подошёл к нему, – Жалоб у нас очень много.

– Что конкретно? – спросил он, дыхнув на меня перегаром.

– Вглядитесь, пожалуйста, в наши нечеловеческие условия и вам не потребуется никакой конкретики. Нарушая Европейскую конвенцию и Конституцию Российской Федерации, нас подвергают бесчеловечному, и унижающему достоинство наказанию. Вот вам простые детали нашего жития. У нас нет воды, – начал я загибать пальцы, – камера переполнена людьми в четыре раза, питание отвратительное, полнейшая антисанитария, в камере плодятся вши, клопы, тараканы...

– Спокойно, молодой человек! – прервал он. – Мы во всём разберёмся, обязательно разберёмся. А то, что у вас переполнена камера, так мест не хватает, сударь. Не вы одни такие!

– А зачем же тогда за два гуся или три курицы на время следствия заключать под стражу? – спросил я.

Проигнорировав мой вопрос, он повернулся к своей свите и сказал.

– Смотрите, прыткий какой! На Конвенцию замахнулся! – замечание вызвало у его коллег откровенный хохот. – Я отдельно с вами поговорю, – в заключении сказал он, и закрыл за собой дверь.

Ко мне подошёл мужичок, который заботливо угощал меня зефиром и промолвил:

– Хорошо ты ему сказал, грамотно. Но пустое это! «Нас е..т, а мы крепчаем, запивая крепким чаем». И ничего ты не добьёшься своей демагогией, только проблем на свой хребет наскребёшь! – и тут же отпрянул, как от какой-то заразы.

В этой «Авгиевой конюшне» я провёл неделю. Семь дней вони, брани, крови и говна.

XX

Камера 117

Я стоял перед дверью под номером 117, эта цифра памятна мне и по сей день. Я сделал шаг вперёд и оказался в семиместной камере, в которой находилось двенадцать человек. После карантина она мне показалась комнатой люкс в фешенебельном отеле.

– Ну, здравствуй, блудный сын, – радостно воскликнул Салага, и заключил меня в теплые объятия. От переполнявшего меня счастья я его чуть не задушил.

– Да отпусти ты меня, медведь косолапый! У меня аж в поясице что-то хрустнуло, – забормотал он и тут же обратился к парню лет тридцати.

– Зелёный, вари чифир, видишь, ко мне брат с Севера приехал.

Я со всеми поздоровался за руку. Сел на шконку рядом с Салагой и уставился на него умилёнными глазами. Сейчас он мне казался не матёрым волком, а ворчливым штригильком.

– Саня, как здорово, что я к тебе попал! Сто двадцать камер на корпусе, а я именно к тебе. Вот удача! – радовался я.

– В удачу и случайность верят только лохи, а в нашей жизни одна закономерность, – урезонил он меня.

– Так значит...

– «Под лежащий камень вода не течет», это вон, Гера за тебя похлопотал, – указал он на мужчину в спортивном костюме.

– Спасибо вам, – сказал я искренне

– Рано благодаришь. Не «к теще на блины попал», ещё волчонком завоеешь от житья со мной, – засмеялся он. – Ты лучше расскажи как на «малолетке» отдыхал, как в карантине жилось? Кстати, ты, когда в карантин заходил, надпись не видел над дверью «Оставь надежду всякую, входящий!»

– О, ты мои мысли читаешь! Я как раз таки и вспомнил «Божественную комедию», когда зашёл в карантин. А на «малолетке» полнейший беспредел, правильно ты мне говорил, что там сам чёрт башку себе свернёт, – засмеялся я.

– Смотрю и чётки мои у тебя, – сказал Салага, бросив довольный взгляд на чётки в руках. – Знать, достойно «проплыл» ты там. Малолетки ведь, как сороки, падкие до побрякушек.

– Не мне судить, как я там «плавал», самое главное, что не утонул, – ответил я без ложной скромности.

– Смотри-ка, на лету подмётки рвёт. Как заговорил-то! – довольно пропел Салага и обнял меня одной рукой.

Весь вечер мы шутили и смеялись, вспоминали забавные истории из вольной и каторжанской жизни. Камера весело галдела, и я даже забыл, что нахожусь в тюрьме. Под оживлённый разговор мы выпили, наверное, ведро чифира

и съели килограмм конфет. Какие же бывают славные минуты даже в серых, мрачных застенках...

Укладываясь спать, у изголовья Салагиной шконки, я увидел фотографию в деревянной рамке, где были трое – старушка с дедом, а между ними мой бригадир со шлакового отвала.

– Сань, а я знаю этого дядьку, это наш бригадир Николаич! – воскликнул я.

– Твой бригадир, да мой младший брат, – ответил Салага.

– Да ты что! То-то я думаю у вас манера разговора какая-то схожая. Только внешне вы совсем разные.

– Так не всем же быть таким Аполлоном, как я, – рассмеялся он. – Здесь что написано, а ну прочти, – ткнул он себя пальцем вверх груди. Там кривым, детским почерком были наколоты слова «Если я не красавЕц, то и Волга не река». – А по части разговора это он «обезьянничает», на брата хочет быть похожим, на меня то есть. А это мама с батей, – указал он на фотографию.

– Санёк, а у тебя в семье больше никто не сидел?

– Ну, как же, батька ещё тот «ходок», под старость только присмирел. А коль «отец рыбак, то и дети в воду смотрят», пошёл и я за ним по «этапу».

– А брат как?

– Нет, брат не сидел. Да в «семье не без уроды», – засмеялся он. – Спи, давай! Завтра погитарим.

XXI

За его языком не поспеешь босиком

Следующим утром меня разбудил возбужденный рассказ Вовки Палёного. Это был маленький дядька со смуглым морщинистым лицом, и «мышинными» карими глазками. Он слыл отъявленным и неисправимым вруном, который сочинял байки, как говорится, прямо «по ходу пьесы». При этом он принимал такие правдоподобные позы, и демонстрировал выразительные жесты, что создавалось впечатление реальной картины. И, как говорят современные жрецы Мельпомены, в нем было много экспрессии.

– Зря ты смеешься, Салага, я тебе как есть говорю, на свободе я стоял выше Яшки Косого. Все у меня в то время было, и весь город с моей руки кормился, – хвастался разгоряченный Вовка, вытянув правую руку ладонью вверх.

– «Мети, мети, Емеля, твоя неделя», – смеялся Салага.

– Ага, «хвались, да не поперхнись», – подтрунивали сокамерники.

Но Палёного остановить было невозможно, и он, не взирая на насмешки продолжал.

– Канаю, значит, я по проспекту, настрой на мази. Весь по фоне-моне, как мышь в комод. Карманы набиты сникерсами, при себе и «лавэшки», и две «тэ-тэшки». «Колеса» на мне белые, «лёлики» темные. Иду и кайфую. А со мной мой верный пес Босик. Гляди на меня, честной народ, и завидуй. Ништяк, жизнь удалась, – сказал протяжно Палёный и довольно закатил глазёнки.

– Точно говорят, «для счастья ум не нужен», – подзадоривал его Салага.

– Короче, мне так хорошо, аж до слёз. Дай, думаю и собаке праздник устрою. Захожу я с ним в мясной отдел и говорю: «Выбирай, что хошь!»

– И пёс заговорил по-человечьи, – заливался от смеха Салага.

– Ну, что ты за человек такой, Салага? Не перебивай, дай дорасскажу! – заметил Палённый обиженным тоном. – Короче, я своему пёсику говорю: «Выбирай, что твоей собачей душе угодно». А он, представляете, шнифтами на копченую колбасу показывает, и с такой жалостью на меня косится. Хоть плачь! Глянул я на ценник, и вижу, самую дорогую выбрал. Понимает, ведь, чертяка! Я ему в ответ: «Давай друг, без понтов, выбирай, что-нибудь попроще». А он язык высунул, и взвыл, как дитя. Вот как есть – дитя, но только с хвостом!

– Смотри-ка, уже по Пушкину «чесать» начал. – «То как зверь она завоет, то заплачет, как дитя», – подкалывал его Саня.

– Всё, достал ты, Салага, больше ни одного слова не скажу, – обиженно произнес Вовка, и присел на шпонку. Но тут же подскочил и продолжил, как ни в чем не бывало.

– В общем, сжалился я над Босиком, и подумал, а пёс ведь тоже человек!. Покупаю эту палку колбасы, и так р-р-раз ее через колено пополам, по-братски. Одну половину ему, одну себе. Идем по дороге, колбасу хаваем, а у Босика от удовольствия аж за ушами пищит.

– А пес-то как ест, если он идет? – спросил кто-то недоверчиво.

– Да не про пса речь-то, – скорчил Палённый недовольную мину, уличенный в обмане. – Не перебивайте, когда я рассказываю. – Тяжело вздохнув, Вовка продолжил. – Идет, значит, нам на встречу старушка с авоськами, и так удивленно говорит: «Ты чего это, сынок, колбасу без хлеба уплетаешь, разве можно так?!» – А я ей: «Эх, мать, знала бы ты, сколько я в лагерях хлеба без колбасы съел...».

– Да ну тебя, болтун! – заливался смехом Салага, – «Осла по длинным ушам узнают, а тебя, балабола, по длинному языку».

– Паленный, а ты за что сидишь? – спросил я его.

– Да так..., – сказал он лукаво, изображая смущение на лице, – появилась, значит, у меня бабенка молодая, кровь с молоком, блондинка натуральная. Вот как эта... Ну, по телевизору ее еще кажут... Дай Бог памяти... Памела! – воскликнул он.

– Памела Андерсон?!

– Точно! Андерсон! Вылитая она. Только у моей бабёнки фамилия Андерсен, то есть французская. Дед у нее писателем был..., – сделал Вовка неловкую паузу, понимая, что хватанул лишка и быстро продолжил. – Короче говоря, захаживать я начал к ней, и понеслись у нас «шуры-муры-вазилюры». И как-то раз, увлеченный страстию плотской...

– Вот, заливаает! – кто-то перебил его лирический полет.

– Взял я бутылку водки и побежал к ней, – тут же приземлился он на землю. – А в подъезде, на ее этаже кто-то лампочку свистнул, света нет – темно. Дай, думаю, припугну голубку свою. А там и «возьму» ее трепетную, да горя-

чую. Звоню в дверь, а сам замер на корточках, как тигр на охоте. Дверь распахивается, а я ей: «А-а-а...», – заорал он во всю глотку и резко вскинул вверх руки, как шаман с бубном. Я и сам невольно вздрогнул.

– Тигром?! – уточнил Салага.

– Тигрищем! – сказал угрюмо Палёный и замолчал.

– Так что же дальше? – спросил я в нетерпении.

– Разрыв сердца у Ларисы Афанасьевны – матери ее. Кто ж знал, что она дома будет, и дверь, как назло, откроет, – на лице Палёного отразилась наивность и печаль.

– Так ты посмотри на его «суконную рожу», такой и днем кого хошь испугает, а он еще по ночам из-за углов гиеной кидается, – смеялся Саня.

– Нда-а, – уныло протянул Палёный, – еще батька мой говаривал «без греха век не изживешь, без стыда рожи не износишь».

– Вот так история, – сочувственно произнёс я, не зная уже, врет он или нет.

– Да что я?! – оживился Палёный, – ты в карантине Сёму Рукомойника видел? Ну, тот, что без рук мужик. Знаешь, за что он сидит?

– Нет. За что? – спросил я.

– А за то, что мотоцикл угнал! Ей Богу, не вру! – и он осенил себя крестным знаменем.

– Как же так! – возмутился я. – Так он просил, чтобы провели следственный эксперимент?

– Да, что он только не просил. В Гаагу даже писал... ногой, - быстро вставил он. - Год уже сидит и все просит. Хотя, кто его знает, Сёма ещё тот виртуоз, может, и угнал этот мотик, – задумался Палёный. – Я, бывало, тоже спяну по деревне на моцике заруливал. Возьму гармонь в руки, ноги на руль брошу, девки визжат, и в рассыпную ломаются, – опять Палёный «сел на своего конька».

– Слышишь, «поцик на моцике», ты и глухого своими бабасенками достанешь. Ступай-ка баланду получать, – остановил его Салага.

XXII

Разговор по душам

После обеда, мы вдвоём с Салагой пошли на прогулку. Так как многие не решились покинуть своей обжитой «норы», в тюремном дворике было достаточно вольготно для двоих, и мы, не спеша, совершали наш дневной променад. Солнце находилось в зените и щедро обогревало нас. Воробьи голосили наперебой, пыжились, скандалили. Вероятно, выясняли кто из них блатней. Но прилетел молодой грач, с оперением синего отлива и шумная братия разлетелась в разные стороны, оставив после себя только обгаженную решетку над нами. Ну, чем не люди?

– Саня! – обратился я к своему другу, – Мне Слон сказал, что ты в психиатрической больнице был. Это правда? Извини, конечно, за нескромный вопрос.

– Что тут нескромного. Да, был, и нисколько этого не стесняюсь, – ответил он совершенно спокойно, ступая со мной нога в ногу.

– Но ты...

– Верить-нет, – перебил он меня, – когда я оттуда на свободу вышел, то первое время мне было трудно понять, где больные, а где здоровые? Мне в душе хотелось поменять местами больных, которые там, на тех, кто на свободе. Я никак не мог понять, кто от кого огорожен высоким забором. Конечно, вопрос этот относительный, но он мне долгое время не давал покоя.

– То есть? – удивился я такому ходу мыслей.

– На свободе среди людей царят алчность, корысть, эгоизм и всё такое прочее. У каждого болит голова только о том, как бы ухватить себе кусок пожирнее, не стесняясь при этом в средствах, будь то обман или предательство. Порядочный, умный, добрый человек у них не в чести. Как говорится «худ Роман, коль пуст его карман».- ухмыльнулся он. - Глядя со стороны на их суету, которую еще Екклезиаст называл пустой, думаешь, – что же всё это, как не всеобщее помешательство?! Ведь это и есть сумасшедшие люди, которые в погоне за тленными, пустыми ценностями, топчут ногами светлое, вечное. Может тебе покажется смешным, но в застенках психиатрической больницы я видел людей, которые в большинстве своем, простые и наивные, как дети. И, по-моему, больше подходят под определение «нормальные», – проговорил он с расстановкой. Над тюремными двориками прогуливался пожилой «дубак» и чутко следил за порядком в них. Услышав оживленную речь Салаги, он остановился напротив нас и, подкурив сигарету, стал внимательно слушать.

– Если я правильно понял, то тебя возмущает погоня за богатством, – продолжил я наш разговор. – Но ведь это нормальное, естественное желание для человека: жить лучше, комфортабельней. Это же здорово – иметь свой дом, дорогую машину, отдых в хорошем отеле за границей...

– А я и не сказал тебе, что надо жить в шалашах и передвигаться на телегах. Если человек живет в комфортных условиях, то это конечно хорошо. Это нормально! Вопрос в другом: какое значение имеет для него этот дом, и какими способами он его добился. Если этот «хороший домик» построен на костях и крови, как ты назовёшь этого человека? – И в этот момент Салага посмотрел на меня в упор.

– Человеком ограниченным и жестоким, – ответил я.

– А если он два замка построит, тоже будет ограниченным?

– Будет, если эти два замка и есть его смысл жизни.

– А если к этому замку прибавить две яхты? – прищуриваясь, спросил Салага.

– Саня, сколько не прибавляй, а выходит всё одно. Если смысл жизни для человека носит исключительно материальный характер, то такого человека я назову «ограниченным». Потому что, в конечном счете, вся его жизнь, все стремления направлены на создание своих удобств, удовольствий и комфорта. Ты и сам знаешь, когда человеку хочется только вкуснее поесть, да послаще попить, то кроме животной части в этом человеке и выделить-то нечего.

– Так, так! А какая же будет другая составляющая у человека?

– Духовная, наверное, – ответил я.

– И как ты это понимаешь?

– Я это понимаю.... – сказал я и призадумался.

– Да говори своими словами, не у профессора экзамен сдаешь. А может, о духовном ты ничего не слышал в жизни? – с иронией спросил он.

– Наверное, духовное я понимаю слишком широко, но первое, что приходит в голову – это любовь и дружба. Конечно, еще разные качества у человека бывают. Это и культура, и доброта, и мужество...

– Ну, в общем-то, правильно понимаешь. А вот теперь ответь мне на такой вопрос. Коль человек заботится о своем комфорте, то он должен быть на служении у духовного, или может в ущерб духовному?

– Конечно, первое. Если человек изменяет духовному, то он уподобляется животному, потому что только животные используют свои мозги для выживания и размножения.

– С каким пафосом сказал, – громко засмеялся Салага. – Значит, первое, говоришь?

– Да!

– А большинство, друг мой, увы, выбирают второе! Раз уж мы с тобой затронули эту животрепещущую тему, то хочу сказать тебе на будущее. Какую бы ты не поставил перед собой цель, не забывай глядеть себе под ноги. Ведь к одной цели ведут тысячи дорог. Уж очень часто бывает, что добившись цели, мы и не чувствуем того удовлетворения, к которому так долго стремились, ожидали. А пока идешь, бьешься, глядишь, и годы пролетели, а нередко и вся жизнь. Поэтому выбирай достойный путь, благородный. Чтобы потом себе самому ты мог сказать, – когда я что-то делал, я обогащался духовно. Все мое дело состоит из добра, и я не зря шел к своей цели, достигнув ее, я стал счастливым!

Саня говорил убедительно, со знанием дела. Он проповедовал философию, которая пришла к нему из собственного опыта. Он излагал свои мысли теплым, участливым тоном и я всё больше и больше стал проникаться к нему уважением и симпатией. Теплый летний ветерок играл с его седыми волосами, и я смотрел на него с умилением. Во мне всколыхнулось что-то доброе и нежное...

– Знаешь, Саня, у меня какое-то странное чувство, вроде в тюрьме находимся, а говорим с тобой о духовных предметах. Как-то нелепо это.

– Дружок ты мой зеленый, – сказал он, смеясь. – Послушай меня, может, что-то и усвоишь для себя. Ты сейчас находишься в таком месте, где все жизненные вопросы стоят четко и остро. У тебя есть время сделать свой выбор, хорошо подумать о будущем, можно сказать, без суеты и городского круговорота. Где еще найдешь время побыть со своим «Я» наедине, как не в тюрьме? И здесь ты должен выбрать, что тебе ближе – материальное или духовное? От твоего решения будет зависеть вся твоя жизнь, кем ты станешь, и кем будешь называться. Постараюсь объяснить на примере из своей жизни.

– Давай, я и сам люблю прибегнуть к жизненным примерам в своих доводах, – с энтузиазмом подхватил я.

– В общем, «заезжаю» я первый раз в тюрьму со своим поделником Васей Кабаном. А через короткое время меня уже сажают в карцер за какую-то про-

винность. Чалюсь я там неделю, и вдруг ко мне подходит старый прапорщик Семёныч, и спрашивает меня через «кормушку»: «Ну, что, малец, совсем от безделья истомился? Вот, держи книгу. Прочитаешь – еще принесу». Это была Библия. Потом он мне ещё книжки приносил, среди которых были и религиозные, и философские, разные, короче говоря. Сначала мне было их тяжело читать, да и честно говоря, не испытывал я особой тяги к знаниям, но потом, через день, другой втянулся, и начал «проглатывать» одну книжку за другой. Так незаметно для меня пролетели два месяца карцера. Вышел я оттуда, под влиянием прочитанного, другим человеком, «обновленным». Там, сидя в одиночке, я сделал для себя очень важный вывод, о котором говорю тебе по секрету, – прошептал он, улыбаясь, – нужно лишь раз, но твердо сделать выбор в пользу духовного или материального, решить, что для тебя приоритетное, и ты, и вся твоя жизнь изменятся. А дальше твои взгляды, принципы и поступки уже станут привычной, неотъемлемой частью тебя. Поэтому, всё зависит от человека, от выбора, когда-то сделанного им. Наверное, в этом и заключается та свобода, которую дал нам однажды Бог. Свобода выбора между духовным и материальным, – сказал он, рассекая ладонью воздух, на две части.

– И ты никогда не пожалел о своем выборе? Я так понимаю, ты остановил свой выбор на духовном?

– О, нет! Не жалел! Потому что признаюсь тебе, не кривя душой, когда я принимал такое решение, я согласовывал и с практической стороной вопроса. Вот смотри, в тюрьме мы лишены всевозможных благ, даже самых необходимых. И если смотреть глазами материалиста, то такое бытие окажется сущим адом. А через духовную призму это будет выглядеть лишь как испытание или, скажем, как суровая школа, которую ты должен пройти со словами: «что меня не убивает, делает только сильнее». Любые испытания, которые выпадали на мою долю я начал воспринимать, как уроки. Тяжелые ситуации закаляли меня. Например, объявили голодовку и сидим уже две недели без еды, а я думаю, – да и черт с этой жратвой, вон «медведь одну лапу всю зиму сосет и сыто живет», – улыбнулся Салага. – Не пища подкрепляет, а вера в справедливость! Меня менты бьют, или ситуация вынуждает пузо себе распороть, а я так думаю, – ерунда какая, разве жалко мне брэнное тело, когда для меня важнее дух? Тело в прах скоро превратится, а дух мой вечен! Ну и всё в таком роде. Пойми, человек духовный смотрит выше мирских благ и несравненно дальше, чем его собратья, материалисты, которые дальше своего носа и не пытаются взглянуть на жизнь. В общем, подумай хорошенько над тем, что я тебе сейчас сказал, навязывать свою точку зрения не буду, «в рай за волосы не тащат!».

– Конечно, обдумаю! А про подельника Кабана расскажи, он-то как?

– Да что Кабан? Он всегда любил только вкусно поесть, да красиво гульнуть. На мои разговоры про высокие материи давал только один ответ: «Плевал я на твою метафизику!»! Вася приехал в лагерь и от желания вкусно жрать стал председателем СДиП, то есть стал помощником у администрации. Главной задачей у Васи было унижение и издевательство над нашим братом. Потом в «пресс-хату» самовольно пошел, помогал выбивать у людей явки с повинной, избивал, вешал нераскрытые преступления на невиновных. На нем много крови

и искалеченных судеб, Нерон по сравнению с ним невинное дитя. И всё это он делал только из-за того, чтобы жить немногим лучше, чем основная масса заключенных.

– Так это и есть «краснопузый»? Ты мне про них раньше рассказывал...

– Он самый! – с презрением ответил он.

– А почему зеки молчали, ничего с Васей не сделали?

– Почему же не сделали, зарезали его. «На всякую гадину, найдется рогаatina».

– Н-да, уж, – по спине пробежал холодок. Я призадумался.

– Утомил я тебя рассказами, похоже, но в конце еще вот, что скажу. Где бы человек ни находился, он обязательно должен чувствовать, что его существование имеет какой-то смысл. Осознавать, что его бытие необходимо! Вон, видишь, букашка по стене ползет, – указал он пальцем, – скажи ей, что она не для этого рождена, а ползать по стенам совсем уж пустое дело, так она тут же упадет, и окочурится! – засмеялся Саня. – Человек всегда должен заниматься чем-то полезным для себя и других, вот и ты займись. Например, начни жалобы писать по приговорам или на условия содержания. Тем более грамотных людей в тюрьме единицы.

– Это хорошая идея. У меня и опыт появится, поднаторею в этом деле, глядишь, кому-нибудь помогу, – сказал я радостно, воодушевленный энтузиазмом.

– У меня в камере есть интересная литература: Библия, философия разная, если заинтересуешься, можешь почитать. А потом, я думаю, нам будет о чем поговорить. Мне хочется узнать твое мнение.

– Хорошо, я обязательно буду читать. Тем более, что досуга у меня целый вагон.

– А за ним маленькая тележка, – добавил он, улыбаясь.

– Саня, а за что тебя посадили, если не секрет?

– Какие у нас с тобой секреты? Сижу я по собственной дурости. Вот и впрямь «молодость не без глупости, а старость не без дурости». Рассказывать-то стыдно.- вздохнул он тяжело, глядя в синее небо.– В общем, денег дал одному коммерсанту в займы, прошло пару месяцев, а должок не отдает. Да еще прятаться от меня начал. Я один раз его предупредил через знакомых, два..., три..., ну и психанул. Поехал к нему в магазин, да и забрал со своими пацанами товар на задолженную сумму. – Саня прикурил и стал заметно нервничать. После двух глубоких затяжек, он продолжил, – Понимаешь, дело даже не в деньгах, а в скотском отношении ко мне. Да и всё, что у него в магазине забрали, я велел ребятам в лагерь увезти, бедолаг наших «подогреть».

– И что дальше?

– А дальше грабеж получается! Должник мой в ментовку побежал, как узнал, что я у него в магазине похозяйничал. Заяву накатыл, паскуда.

– Грустно, что так вышло. Расписку надо было хоть взять.

– Расписку и не думал брать, потому что выручил его однажды. Как только он открыл свой бизнес, городские отморозки трепать его начали. Магазин у него отобрать хотели. Прибежал он ко мне, трясется весь, в ноги падает, умоляет о помощи. Я ему помог. Поэтому, когда деньги давал, то думал, что человек

доброту помнит. А оказалось... Все срока у меня такие нелепые, – сказал он с досадой, и, потушив окурок, добавил, – «видно по судьбе моей бороной прошли». Заговорились мы с тобой, пошли в хату. Выводят уже.

– Спасибо за беседу, – сказал я задумчиво.

– «За спасибо и птички не поют», – подхватил с улыбкой Салага.

Вместе с нами тронулся и надзиратель. Он был чем-то озабочен...

XXIII

Немного о женщинах

Когда мы вернулись в камеру, на столе меня ждало письмо. Оно было от Тани. Когда я взял его в руки, то от волнения почувствовал озноб, колючие мурашки забегали по телу. От нахлынувших чувств меня затрясло, как щенка на морозе. Чтобы продлить удовольствие и не осквернить эту святыню пошлыми взглядами публики, я быстро сунул письмо под футболку и принял равнодушный вид. Но разве мог этот фокус ускользнуть от цепкого взгляда матерого волка?!

– Залезай на верхнюю шконку, там тебе никто не помешает, – сказал Салага понимающе, и на его лице появилась улыбка.

По его совету я уединился на верхней шконке и вынул письмо из конверта. Чуть уловимый, знакомый аромат духов проник до глубины души, и я почувствовал незримое присутствие любимой девушки. Она писала: «Здравствуй, мой любимый! Никогда бы не подумала, что будем общаться с тобой через почтовый ящик. Но я верю, что мы еще не долго будем писать друг другу письма. Как у тебя дела? У меня все по-старому. Встретила в пятницу твою бабушку. Она была очень расстроена, рассказала мне, что навещала тебя, и ты плохо выглядишь. Прошу, береги себя! В этой разлуке я поняла, что моя жизнь без тебя скучна и примитивна. Ты мне очень, очень нужен! Не проходит ни одного дня, чтобы я не думала о тебе. Каждую минуту я вспоминаю, как нам было хорошо вдвоем. Я даже спрятала в шкаф розового зайца, которого ты мне подарил на 8 Марта. У него очень грустные глаза, и мне кажется, что он всё понимает. Все наши знакомые не могут поверить в то, что произошло с тобой. Но мы надеемся, что в этом деле скоро поставят точку, и тебя отпустят. Но что бы ни случилось, знай – я тебя люблю. Я верю, что у нас с тобой всё будет хорошо! Пиши чаще. Нежно тебя целую. Твоя Танюша».

Перечитав письмо несколько раз, я его снова спрятал под футболку и пару часов, не шевелясь, пролежал на спине, тупо глядя в потолок. Придя в себя, я смотрел на всё происходящее иначе. Я подумал: «Как мало человеку надо для счастья. Одно письмо от любимой, и я преобразился. Для меня мир предстал в розовом цвете. Вроде те же самые грязные стены, но они потеряли свой мрачный вид, и кажутся теперь вполне нормальными. А трещины на потолке приобрели какие-то интересные, замысловатые формы. Вся камера приняла оживленный вид и наполнилась определенным смыслом. Это любовь вдохнула жизнь!».

– Онегин, – обратился ко мне Салага, – довольно балдеть в гордом одиночестве, пойдём в домино перекинемся. У нас тут одного не хватает.

«Нужно чем-нибудь отвлечь себя», – подумал я и присоединился к компании игроков. Пока Гера тщательно перемешивал домино, Салага наизусть декламировал письмо Татьяны к Онегину, как и полагается, с выражением пылкой страсти, наивности и безнадежной грусти.

Играли молча. Только Вовка Палёный, нарушая тишину, с треском ударял «костяшкой» по железному столу. Он был целиком поглощён игрой и поэтому внимательно следил за её ходом. Остальные просто коротали тюремный досуг и не испытывали особого азарта. После третьей партии игра наскучила и, чтобы поднять тему для обсуждения, Салага изрек философски:

– О, женщина, – неразрешимая загадка! Кто ты есть на самом деле? Вопрос, который застыл в веках без ответа. Разве может наш грубый, мужской ум постичь твою неуловимую природу?! – он выдержал паузу и утвердительно добавил. – Нет, невозможно объять необъятное!

От такого восторженного введения мы погрузились в раздумье, переваривая смысл сказанного. Я догадывался, что целью Салаги, помимо общей дискуссии, было желание поддеть Вовку, который был ярким противником всего возвышенного, и любил всё упрощать, доводя до самой низкой степени, даже до откровенной пошлости. Не достигнув желаемого, Салага добавил:

– Приблизиться, и даже прикоснуться к тайне мы всё-таки можем. Для этого есть один, и единственный способ...

– Какой же? – спросил я с интересом.

– Когда всем сердцем женщину полюбишь, тогда и приобщишься к сей вековой тайне, – ответил он поучительным тоном.

– Да не слушай ты его, – с апломбом произнес Палёный, обращаясь ко мне. – Он тебе пыль в глаза пускает. Я тебе вот, что скажу, – воодушевившись беседой, начал он, – вся загадка у бабы между ног таится, это я знаю наверняка! Это поэты и писатели от своего больного воображения напридумывали про баб всякую лирику. Цветы, объятья, поцелуи... Не было в бабе ничего святого, и никогда не будет! Бабы нужны для использования и точка! – он треснул со всего размаху по столу домино, как бы утверждая этим свою мысль.

– У тебя, Вова, на женском органе только всё и сводится, но не верю я тебе! Понтуешься ты! – сказал возбужденно Салага.

– А чё мне понтоваться-то, да и перед кем? Я жизнь прожил, и говорю по собственному опыту.

– Да ты хоть две жизни проживи, только «ум не в бороде, а в голове». Между прочим, мужики ведомы женщинами от самого сотворения мира, от самого Адама. Как ни крути, а именно женщины направляют нас, мужиков. Она его где надо – поправит, а где – исправит. Думаешь, Ленин без Крупской революцию бы сделал? А Наполеон без Жозефины смог бы выигрывать битвы?

– Да чё это за мужик, если он идёт на поводу у бабы? Тряпка! Слабак на передок, да и только! – сорвался Палёный на фальцет, и презрительно сплюнул. – Я такому мужику и руки не подам.

– Ты же сам мне рассказывал, – заводился Салага. – У тебя две жены было.

Одна, вроде как, стервой была, из-за которой ты бухать начал, а потом работу потерял. А вторая путёвой оказалась, покладистой, хозяйственной. Ты из-за нее в лучшую сторону изменился. Так вроде было?

Вова Палёный относился к такой категории людей, которые сначала норовят затеять спор, и на первых порах пылко отстаивают свои взгляды, но потом быстро соглашаются со своим оппонентом, делая вид, что с самого начала были с ним заодно.

– Точно. Как ты Саня хорошо вспомнил! Первая у меня Зинка была, – сказал Палёный и поморщился. – Гадюка конченная, свет божий такую еще не видывал! Всю кровь из меня выпила. «Лучше хлеб с водою, чем жить со злою женою». Слава Богу, в тюрьму угодил, она и оберегла от верной гибели. Извела бы меня, кровососка, точно бы извела! А вот Катюшка, та душевная баба была. Готовила вкусно, стирала чисто, ухаживала за мной, как за ребенком. А главное, я от нее никогда худого слова не услышал. Золото, а не человек!

– Так может всё-таки загадка у бабы где-то выше ног, а, Палёный?! – спросил с ухмылкой Салага.

Но тот призадумался, очевидно, не желая, так явно сдавать позиции и ответил сдавленным голосом:

– А кто его знает? Дело темное! Одно верно – «что гусь без воды, то и муж без жены». Скажу не тая, вяну я без бабской ласки. Дал бы мне Господь голубушку хоть на одну ночьку пригреть, да об ее перси обтереться, так я бы под утро яблочком наливным встал, – сказал Вовка, и его помятое лицо расцвело в наивной улыбке.

Мы молча сыграли еще одну партию и вскоре все разошлись. За столом остался я и Салага. Он закурил сигарету и спросил меня:

– Пишет, что любит?

– Да, любит и ждет, – ответил я ему, переполненный радостью. – Она у меня такая классная, что порой кажется я ее не достоин. Знаешь, сколько пацанов за ней ухлестывало? На руках пальцев не хватит! А она выбрала меня. Дурочка... – покраснел я от смущения.

– Ну, это ты зря! У тебя не мало достоинств, я это вижу. А глаз у меня на людей наметан, поверь! Если она тебя выбрала, значит ей видней. Главное, не разочаруй ее, не обмани девчонку. Если между вами любовь загорелась, доверяй и сам не предавай.

– Нет, что ты! У меня и в мыслях не было изменять ей. Она меня во всем устраивает. Я чувствую, что это моя половинка, Помнишь миф о Зевсе, который разделил человека на две части?

– Ну конечно! – ответил Салага.

– Вот мне кажется... Нет, я даже всем своим существом чувствую, что это мой единственный и неповторимый человек, с которым мы вместе образуем единство. Причем, как духовное, так и телесное, – говорил я увлеченно.

– Эх, где мои золотые годы? Когда душа моя трепетала от любви и счастья! Когда земля под ногами горела огнём! – проговорил он мечтательно.

– Да брось ты, Саня, какие твои годы! Я думаю, на твоим пути еще встретится хорошая женщина, и заживите вы с ней счастливо.

– Нет, друг мой, уже не встречу, поверь!- тяжело вздохнул он. – Да и любят в мои годы уже по-другому. За полвека, что живу на этой грешной земле, душа моя столько хлама накопила, что вряд ли там найдется места для чистого, возвышенного.

– А я тебя с одной хорошей женщиной познакомлю. Она тебя в раз в чувства приведет. Это тетка моей Тани. Замечательный, добрый человек. Интеллигентная и одинокая. Вот тогда мы с тобой и породнимся, – положил я руку на его плечо.

– За предложение, конечно, спасибо. Растрогал даже. Но зачем ей старый, избитый жизнью бандюган? Она, наверное, тебя чем-то сильно обидела, раз ты ей так «угодить» хочешь? – засмеялся он.

– Брось ты! Обязательно тебя познакомлю. Да и видеться будем чаще на свободе. В гости друг к другу ходить будем.

– Ну ладно, поживем – увидим. Я тебе тоже хочу одну услугу оказать, связанную с твоими амурными делами, но не буду пока забегать вперед. Я Геру озадачил, дождемся, что он скажет.

– Кстати, а Гера что из себя представляет? Какой-то он молчаливый, но вроде бы человек неплохой, – заметил я.

– Да, только «ссытся и глухой!» – смеялся он. – Гера – человек хороший, надежный. А то, что он к куму выходит, и некоторые вопросы по нашей камере решает, то пусть тебя это не удивляет и не смущает. На «взросляке» это нормально. Тем более Гера двигается в правильном направлении, и уже много пользы принес! Вот и по тебе я его кое-каким вопросом озадачил, – сказал он хитро улыбаясь.

– А кто он такой вообще? Блатной что ли? За что сидит?

– Нет, он бандит и коммерсант в одном лице. Когда-то был с братвой, а потом свой бизнес замутил и пошло-поехало. Гера стал сам по себе, а тут какие-то огольцы отмороженные к нему подрулили и стали навязывать свою крышу. А Гера и сам кого хочешь, под крышу загонит. В общем, забили стрелу, там слово за слово, в результате, – у отморожков труп, а Гера опять с нами и поем мы дружно песню «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», – пропел Салага с привычной усмешкой и следом спросил. – Кстати, а у тебя, что за беда? Ты говорил, с наркотой подставили, – посмотрел он на меня внимательно.

Я рассказал ему все до мельчайших подробностей. Он меня внимательно выслушал, но ничего на это не ответил. Только вышел на середину камеры и начал ходить туда-обратно, как маятник. Потом заварил кружку чифира, подсел ко мне поближе, и начал шептаться заговорщицким тоном, чтобы нас никто не услышал.

– Тяжело на суд Божий такого гада оставлять, руки так и чешутся. Короче, мыслишка одна на ум пришла..., – сказал он, хлебнув чифира. – Хочешь следака наказать?

Я не мог поверить своим ушам. «Спятил он что ли?» – подумал я, но, посмотрев в его серьезное лицо, понял, что он отдает отчет своим словам.

– Ты же сам меня учил «нестриженный ноготь в мясо растет». Уж кого-кого, а этого негодяя я бы проучил, – ответил я ему.

– Ух, злой-то ты какой! – засмеялся он. – Значит, ты говоришь, что машина должна стоять у ментов на стоянке.

– Да.

– Стоянка охраняемая?

– Нет, самая обычная стоянка, прямо во дворе здания.

– Тогда суть проста. Мы угоним твою тачку и разберем ее на запчасти. Потом отправим туда кого-нибудь из своих, чтобы они официально потребовали вернуть машину, но так как, конечно же, там ее не окажется, ты напишешь на этого следака заявление. А я еще кое-что подкорректирую со своей стороны, о чем тебе уже знать не обязательно. План действий понятен?

– План понятен. Только я слышал, что подавать заявления неприемлемо порядочным арестантам, – решил я уточнить.

– Друг на друга, конечно, неприемлемо! А на ментов можно, тем более таких. Или у нас еще есть какие-нибудь средства? Назови хоть один способ и тогда мы сделаем по-твоему, – бросил он на меня выжидающий взгляд.

– Наверное, никаких вариантов больше нет! – ответил я, понимая, что он прав. – А угоном кто займется?

– Это уже не твоя головная боль. Ты мне лучше скажи – если ребята деньги от продажи запчастей себе возьмут, ты не будешь против?

– Да чего уж там... Пусть забирают запчасти себе или продадут, как они сами решат. Уж лучше так, чем ментам машину дарить, – сказал я с досадой.

– У-у, чего это ты? Расстроился что ли?! Из-за этой машины? Ну, ты даешь! Было бы из-за чего переживать. Это дело наживное! – сказал Салага бодрым голосом и похлопал меня по плечу, – если вперед меня освободишься, то я тебе джип свой отдам. Танюшку свою будешь на нем катать. Он-то поблатнее будет твоей «Камри», а?! – подмигнул он.

– Все нормально, Санек, – сказал я, тяжело вздыхая. – Просто больной темы коснулись. Стало немного жаль себя: вспомнил, как я работал, чтобы купить эту машину, как вместе с Таней ее обкатывал, а потом эти козлы напали на нас у театра...

– Все будет нормалек! Я тебе обещаю! Только никому ни слова о нашей операции «Ъ», – улыбнулся он.

– Да, конечно!

XXIV

«Дорога – это святое»

В восемь часов вечера, и в восемь часов утра проходили проверки заключенных. Двери каждой камеры поочередно открывались, и нас поголовно считали. После вечерней проверки начиналась тюремная жизнь. Днем тюрьма представляла собой лежбище морских котиков, а вечером жизнь начинала кипеть и бить ключом. Открывалась «дорога» и из камеры в камеру шли малявы (записки) и грузá (свернутые в бумагу и запаянные полиэтиленом чай, кофе, си-

гареты или что-нибудь в этом роде).

«Дорога» – это передвижение «груза» или малявы из одной камеры в другую, как правило, через проделанные в стенах сквозные отверстия, диаметром с хоккейную шайбу. Такой груз мог проходить и через 10, и через 20 камер, в зависимости от расстояния между отправителем и получателем. Такие отверстия в стенах проделывались любыми подходящими для этого подручными средствами – ложками, жестяными пластинками и др. Но так как ширина стен в тюрьме около 50-60 см, то проковыривать такую дыру оказывалось очень трудоемким занятием. Расковыривая стены, я невольно представлял себя узником Замка Иф. Сколько бы мы не сделали таких отверстий, называемых на тюремном жаргоне кабуры, столько же бдительная администрация их заливала цементом. Мы ковыряли – они замазывали, создавая тем самым друг другу нескончаемые хлопоты и суету. Как бы арестанты не маскировали свою деятельность, все же она выявлялась, и таких «Дантесов» ждало наказание, обычно 15 суток карцера.

Как только прошла вечерняя проверка, я открыл три кабуры, сняв с них три, побеленных под стену, платка. Так как наша камера находилась на четвертом (последнем) этаже, то и соседей у нас было трое: двое по бокам и одни внизу. Устроившись на полу, где в основном и размещались «кабуры», я начал принимать приходившую «почту», а затем отправлять ее дальше по назначению. Чтобы не уснуть ночью на этом ответственном посту, я заварил кружку бодрого чифира и завел с Салагой разговор.

– Саня, а почему «дорогу» называют святой?

– Ну, как почему? – усмехнулся он. – По ней ведь проходят малявы – люди общаются; насущное – чай, сигареты. Представь, например, что у тебя подельник сидит через пять камер и тебе нужно с ним списаться: что-то обсудить по делу, или какие-нибудь новости узнать. А, может, жена сидит на первом этаже, и тебе хочется ей помочь. И как ты это без дороги сделаешь? Никак! Или, у тебя нет закурить, чай заварить, а где взять? Опять же через «дорогу», у соседей. Поэтому и говорят «дорога – это святое».

А бывает, людские жизни и судьбы решаются по этой «дороге». Например, какая-нибудь мразь запустила интригу, что ты «гад» по прошлому сроку или «обиженный», и придется тебе сидеть «под вопросом». С тобой никто ни есть, ни чифирить не будет, пока не разрешат этот вопрос знающие тебя люди. А они сидят от тебя за десять камер. Вот на выручку и придет «дорога». Так что дело это серьезное и спрос за «дорогу» очень жесткий. Поэтому будь внимательным, когда на «дороге» стоишь, ничего не перепутай! Еще не каждого арестанта к ней подпустят, ведь от его оплошности может пострадать лицо всей камеры. По этому человеку и обо всех сокамерниках судить будут.

Я уже был не рад, что задал этот вопрос Салаге, потому что своим ответом он нагнал на меня столько страха, что я, представив всю возложенную на меня обязанность и ответственность, пришел в полное замешательство. Из-за этого пришлось сверять адреса на десять раз, чтобы, упаси Бог, не засунуть малявку не в ту «дырку».

Ночами, занимаясь «дорогой», я заметил, что Салаге со всех концов тюрь-

мы приходило немалое количество чая, сигарет, конфет и других гостинцев, но он из этого ничего себе не оставлял, а только переправлял нумерацию камер и отправлял дальше по назначению. Хотя и перебои с чаем, без которого он просто не мог обходиться, были в нашей камере не редки. И я решил спросить у него по этому поводу:

– Санек, а почему всё, что тебе приходит из других камер, ты переадресовываешь куда-то?

– Ни куда-то, а именно туда, где этот чай и конфеты нужнее! – ответил он.

– А где нужнее? – допытывался я.

– Как видишь, мы отправляем в «больничку» и «карантин», девчонкам порой. Они в этом больше нуждаются, чем мы с тобой, – пояснил он.

– Так ты даже зачеркиваешь камеру отправителя, то есть нашу. Зачем? Пусть знают, что это мы о них заботимся.

– «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне...». Знакомы тебе эти слова?

Я промолчал. Но потом опять спросил.

– Я вижу, что ты постоянно заботишься о других заключенных, выходит, что ты – братва, да?! – задал я наивный вопрос.

– Не смейся, на ночь, глядя, – сказал он, с трудом сдерживая смех, – нет, я сам по себе. Хотя, только когда мы вместе – мы сила, по одиночке нас легче сломать, как в той легенде, про веник из прутьев...

– Что за легенда? Я ее не знаю.

– Тогда расскажу. Отец позвал к себе сыновей перед смертью и, подав им веник прутьев, сказал, чтобы они попробовали его сломать по очереди. Один попытался сломать – не смог, другой тоже. Тогда отец вынул из веника один прут и легко его переломил, затем второй, третий и так все прутья, из которых был собран этот веник. «Вот так и вас, дети мои, – говорит им отец, – поодиночке легко сломать. А вместе вы – сила».

– Хорошая легенда, содержательная. Так почему ты тогда сам по себе?

– А потому, что в «стае лай не лай, а хвостом вилай». Не по мне это! Не по нутру!

– Это ты хорошо сказал. Надо будет запомнить. Я, честно говоря, тоже не любитель коллективной жизни. Вот, смотри, опять тебе груза пришли, – сказал я, показывая на свертки чая и сигарет, – отправлять в карантин?

– Да! Отправляй! – махнул он рукой. – Хочу тебе еще кое-что объяснить. Во многих камерах положение с насущным совсем тяжелое, потому что в них сидят «никомушные», то есть те, о которых некому позаботиться со свободы. У них ни мамы, ни папы нет. В больнице и карантине положение тоже не из лучших, о чем ты знаешь по собственному опыту. Так вот, а те груза, которые приходят ко мне, их посылают в основном лицемеры и прощелыги, о которых говорят «в ноги кланяются, а за пятки хватают». Они лизоблюдствуют, заискивают перед моим авторитетом. Будь у них совесть и арестантская сознательность, то посылали бы они этот чай неимущим, а не мне. Если ты думаешь, что делаешь доброе дело, когда делишься с человеком, стоящим выше тебя, да еще и надеешься на его снисхождение за это, то ты настоящий прохвост и лицемер.

Поделись лучше с тем, от кого тебе нечего ждать взамен, кроме доброго слова «спасибо». Так ты поступишь честно и благородно. Понимаешь, о чем я толкую? – бросил он на меня свой пронзительный волчий взгляд.

– Вроде понимаю!

– Но большинство людей живут по принципу «дашь на дашь». И на свободе и здесь, в тюрьме.

– Но, честно говоря, тяжело делиться с человеком, если знаешь наперед, что нечего от него ожидать взамен, – заметил я ему резонно.

– Тогда и называй это обменом любезностями, а не добротой и щедростью. Плохо, когда люди начинают подменять понятия или придавать им искаженный смысл. А если, друг мой, тяжело делиться с ближним последним куском хлеба, то сделай так, чтобы хлеба стало в избытке. Ведь излишками не очень жалко делиться. Правильно я говорю? – подмигнул он.

– Наверное, правильно, – ответил я.

– А излишки могут быть как материальные, так и духовные; можешь делиться радостью, любовью, светиться счастьем и в это время согревать окружающих. А будешь злым и угрюмым, то, скажи, какими чувствами ты поделишься?

– Соответствующими...

После некоторого раздумья, я опять обратился к Салаге, который уже собирался спать.

– Саня, я хотел к тебе с просьбой обратиться, но мне как-то неудобно, – сказал я смущаясь.

– «Отказ не обух, шишек на лбу не будет», – спрашивай смелее. – Сказал он дружелюбно, улыбаясь.

– У меня два приятеля остались на «малолетке», но скоро им исполнится восемнадцать, и их переведут на «взросляк». Поэтому, мне бы хотелось, чтобы ты помог им попасть в нормальную «хату». Уж очень жалко, если попадут куда-нибудь...

– Ты их хочешь к нам затянуть что ли? – спросил он совершенно спокойно.

– Хотелось бы, но у нас ни одного местечка свободного нет...

– Люди то хорошие? – не сводил он с меня внимательных глаз.

– Да как сказать..., – замялся я, вспомнив проделки Кислого и Татарина, – поручиться за их порядочность я не могу, но мне совестно перед ними за один случай... Мне бы хотелось, чтобы эти пацаны под твоим присмотром освоились на «взросляке».

– Молодец, что прямо говоришь, не петляешь. Гере скажешь данные этих огольцов, он решит твой вопрос. За места не переживай, поместимся, как говорится в «тесноте, да не в обиде».

Было три часа ночи и некоторые сокамерники уже спали, а те, кто не спал, строчили малявы друзьям, подельникам и девчонкам, которые находились на первом этаже нашего корпуса. Палёный нашел себе тюремную подругу и был в этот момент целиком поглощен эпистолярным жанром. Он ей что-то увлеченно писал и смеялся сам с собой. Наверное, придумал какую-то заумную фразу, которая привела его в такой восторг. Этот пожилой арестант с двадцатилетней от-

сидкой, сейчас походил на озорника-первоклассника, у которого были перепачканы чернилами щеки, а в волосах откуда-то взялся пух.

– Вова, – обратился я к нему, – ты никак женщине посвящаешь эти строки?

– Ага, – отмахнулся он.

Боясь спугнуть вдохновение писаки, я больше не стал его докучать и встал на шконку, поближе к решетке. За ней были еще две таких же пыльных и ржавых решетки, а дальше стояла ночь в клеточку. С улицы веяло ночной прохладой, и воздух был наполнен надеждой. В нем чувствовалось что-то далекое, но обещающее. Обернувшись назад, я почувствовал обреченность. На сердце осели уныние и душевные муки, которые витали над камерой. Опять посмотрел на улицу, и теплое чувство надежды вновь охватило меня. Я закрыл глаза и прижался лбом к железной решетке, вдыхая полной грудью воздух свободы, который с невероятной силой манил меня к себе. Так я простоял не менее часа, пока не услышал заунывные голоса цыганок. Они пели с таким душевным надрывом, что вся тюрьма погрузилась в полную тишину и, казалось, что даже тюремные крысы прекратили копошиться и прислушались к их голосам. А я, прижавшись ближе к решетке, затаив дыхание, чутко ловил каждое слово:

Тише люди! Ради Бога тише!

Голуби целуются на крыше!- мягко плыли слова в ночной тишине.

Вот она сама любовь ликует,

Голубок с голубкою воркует...

Наверное, каждого заключенного растрогала эта песня и пробудила теплые чувства. Все думали о своей любви.

XXV

Дилемма

Через несколько дней я получил письмо от мамы. Она писала, как сильно любит меня, и слезно жаловалась, что не может пробиться ко мне на свидание. «Куда бы я не обращалась, – писала она, – везде отказ. Неужели ты кому-то мог так сильно насолить?! По всей видимости, это может продлиться до суда, но не видеть тебя шесть месяцев или год – выше моих сил. Каждый день и ночь для меня являются кошмаром. Я прошу, ищу связей, но сделать ничего не могу. Мое сердце не может выдержать такого расставания, тоска разрывает мне душу, глаза не просыхают от слез. В чем же ты у меня виноват, сынок?

Я носила тебя на руках, лелеяла, кормила для того, чтобы ты света белого не видел? Я просто не выдержу, если узнаю, что тебя бьют. Береги себя, единственный мой и неповторимый. Мне очень плохо без тебя, и я не могу больше скрывать свои муки. Я чувствую, что тебе тяжело, потому, что мы с тобой до сих пор связаны одной пуповиной. Ты пиши о себе больше, а мне только останется молиться за тебя, кровиночка моя дорогая».

Мамино письмо было написано красивым почерком, но как-то сбивчиво. Мысли перепрыгивали с одной на другую, и было видно, что она сильно переживает и нервничает. Я понимал, что именно я являюсь причиной ее страданий, и от этого мне становилось еще больней. Укоры совести не давали мне покоя ни на минуту.

Несколько дней я был сам не свой, и только благодаря моральной поддержке Салаги и нескончаемым шуткам Вовки Палёного, я постепенно пришел в норму и жизнь пошла своим, привычным чередом. В конце недели ко мне подошел Салага, и сказал:

– Помнишь, я тебе намекал на один вопрос, который Гера должен решить?

– Ну да, помню. Только ты не сказал, какой конкретно.

– Потому, что еще не было результатов, а сейчас можно и сказать. – Второго числа, то есть через неделю, пойдешь на личную свиданку, – проговорил он с довольным видом. – Рад?

– Не то слово..., – сказал я, задыхаясь от счастья. – Я не верю своим ушам, разве такое возможно? Мне мама писала, что никак не может пробиться ко мне, а ты говоришь... Обалдеть можно! – я не знал куда деть себя от распирающей изнутри радости.

– Ну, раз уж я об этом говорю, значит, возможно! Слушай дальше. – Комната для свиданий находится неподалеку, она для хозобслуги предназначена. Там три небольшие, но уютные комнаты. Удалось пробить только одни сутки и с одним человеком. Двоих мент не поведет, говорит, рискованно, спалится. Поэтому напиши данные с кем пойдешь, а вечером отдашь. Дальше не твоя забота.

– Вот уж спасибо тебе, Санек! Вот не ожидал! Век не забуду! Скажи, сколько я должен?

– Если бы я это делал для тебя, то конечно, взял бы деньги, но я хлопочу за свой интерес. Не могу я смотреть на твою кислую рожу! – произнес он весело.

– У меня просто нет слов, – сказал я, тронутый заботой, и обнял Салагу крепко.

Я был в раздумье. Фактически стоял выбор: идти на свидание с мамой или с Таней? Как я не терзался совестью, но мой выбор пал на Таню. Молодость взяла свое. Бессознательный возраст кипел гормонами, и мне очень хотелось побыть со своей девушкой наедине.

О принятом решении я сообщил Салаге, подавая листок с личными данными Тани. Он прочитал его и с пристальным взглядом спросил:

– А ты хорошо подумал? Может с матерью увидишься? Она у тебя одна, а девок на твоём веку еще немало будет...

Мне не хотелось продолжать эту тему, и, раздражаясь его советом, я коротко сказал:

– Да, подумал.

– Таня, так Таня. Это уже не моя беда. Напиши ей маляву, чтобы приезжала второго числа. А я отправлю ее через своего человека.

XXVI

Странный доктор

Кто-то из мудрецов сказал: «Ожидание смерти подобно». Истинность этих слов я ощутил на себе в полной мере. Неумолимое время замерло на месте и мне казалось, что наше свидание с Таней никогда не наступит. Измученный тревогой и волнением я дошел до того, что у меня началось расстройство желудка. Моим страданиям не было конца, и я записался на прием к доктору. Но, к моему удивлению, это намерение вызвало ухмылки на лицах сокамерников, а Палёный даже сказал мне вдогонку:

– Смотри там, не облажайся. Придешь, расскажешь.

В сопровождении пожилого прапорщика я спустился на второй этаж и вошел в медицинский кабинет, в котором пахло смесью йода и женских духов. За столом сидела женщина в белом халате, и сильно согнувшись над журналом, что-то в нём записывала. Она была брюнеткой, с короткими вьющимися волосами, карими глазами и тонкими бровями. На лице у нее была марлевая повязка, поэтому разглядеть нижнюю часть лица не представлялось возможным. Доктор показалась мне милостивой, и хотелось побыстрее к ней обратиться по имени отчеству, которое мне подсказали сокамерники. Я стоял от нее в метре и ждал, когда ее внимание обратится ко мне. Прошло пару минут, и вдруг она спросила раздраженно, не отрываясь от журнала:

– Что там у тебя?

– Знаете, Ирина Александровна, у меня что-то с желудком, – приложил я ладонь к животу.

– Штаны снимай, – произнесла она приказным тоном.

– Простите, я вас не понял...

– Скидывай штаны, – громко скомандовала женщина.

– Извините, но у меня желудок болит! – сказал я смущенно.

Наконец, доктор отложила авторучку и, глядя на меня в упор, произнесла холодным тоном:

– Ты что сюда пришел мне голову морочить? А может, в карцер захотел?

– Нет, просто мне неловко как-то. – попытался я оправдаться. Но брови ее медленно начали сдвигаться, и мне оставалось только добавить, – Простите, а штаны вместе с трусами?

– Вместе, – послышался короткий ответ.

Я спустил трусы до колен и чувствовал себя в этот момент полнейшим идиотом. «И зачем ей так надо? – недоумевал я. – Только бы в кабинет никто не зашел» – стучало у меня в голове. А между тем всё внимание докторши было приковано к моей интимной области. Утолив свое любопытство, она произнесла значительно:

– Ну что я могу вам сказать, молодой человек, – лечитесь. «Один палец в задницу, другой в рот, да почаще меняйте». – Но, не смотря на свой черный юмор, она дала мне несколько таблеток «Фестала» и я отправился восвояси.

В полнейшем недоумении я покинул кабинет, а когда зашел в камеру ус-

лышал громкий голос Палёного:

– Ну и как там? Штаны снимал?

– Нет, не снимал. Я же сказал тебе, что у меня живот болит. Вот таблетки выписала, – и показал неполную упаковку медикаментов. Палёный недоверчиво покосился на меня, но больше вопросов не задавал. А для себя я решил, что к даме в белом халате больше ни ногой. Но я ошибся. Через два дня тот же старый прапорщик крикнул:

– Борисов, на выход! – и повел меня по знакомому маршруту до медицинского кабинета. Войдя в кабинет, я подумал: «Что ей в этот раз нужно от меня?».

– Ну, как твой живот? – спросила докторша.

«Смеется она надо мной что ли? – подумал я. – Из-за этой проклятой повязки и не разглядишь, улыбается она или говорит серьезно?» И вслух сказал:

– Спасибо, Ирина Александровна, мне уже лучше. Таблетки, которые вы мне прописали...

– Штаны снимай! – прервала она тоном не терпящим возражений.

– Опять что ли? Послушайте, женщина...

– Я не женщина, а капитан юстиции. А вы, Борисов, сейчас в карцер отправитесь за неподчинение законным требованиям. Стоишь тут, целку из себя строишь...

«Надо подчиниться» – подумал я. – Дадут пятнадцать суток, и прощай, моя долгожданная свиданка. – Но все же решил выдержать характер.

– Да какие же это законные требования – без надобности штаны снимать!

– А надобность здесь такова, что вы должны проходить медицинское обследование по усмотрению врача. Ясно тебе, Борисов? Ты думаешь, мне заняться больше нечем, как с тобой тут титьки мять? – возбужденно произнесла она.

– Да, конечно, я понял вас. Штаны, значит штаны, – и вскоре я опять оказался без них.

– Брюки положите вот сюда, на кушетку, – неожиданно перешла она на «Вы», принимая любезно – официальный тон. – Присядьте на стул, пожалуйста. Ногу перекиньте на ногу, -и помогла мне закинуть ногу. – Вот так, хорошо! – ласково пропела она и начала искать что-то в своем шкафчике.

Пребывая в таком идиотском положении, я думал только об одном: «Ну почему со мной происходят эти дебилские истории? Сначала при обыске, когда мне пришлось драться совершенно голым, а теперь и вовсе беда – пришел за таблетками и оказался без штанов». Но Ирина Александровна, этот замечательный доктор, который в своей профессиональной деятельности использует очень оригинальные, и доселе никому неизвестные способы обследования, совсем «убила» меня, когда достала из своего шкафчика молоточек и стала стучать мне им по коленной чашечке. Доктор стучала размеренно и методично, внимательно глядя в пах. Когда она, наконец, закончила, я спросил ее с издевкой:

– А по другой ноге стучать не будете?

– Нет, пока достаточно, – ответила она спокойно.

– А почему пока? – спросил я с иронией, натягивая свои штаны.

– Потому что вам предстоит пройти полное обследование. Я вас еще приглашу, а пока до свидания.

Я вышел молча, не попрощавшись. «Вот зверюга какая, – возмущался я мысленно. – Это же не врач, а извращенка. Долго продолжаться это не может. У меня уже нет сил терпеть ее выходки. И неужели она так со всеми? Может у Салаги про нее спросить? Да неудобно как-то. И надо же такому случиться, перед самой свиданкой! И зачем я пошел к ней со своим животом, терпел бы лучше. – Голова гудела от разных мыслей. – За пять дней, которые остались до свиданки, докторица может еще такие медосмотры придумать, что и врагу не пожелаешь. Да аппетит у нее, судя по всему, только разрастается. – Я начал бояться собственного воображения, представив, что вдруг, она захочет поставить мне градусник в зад или еще что-то в этом роде. В душе от встречи с ней все горело от злости, я ненавидел ее. – Нет, если и завтра она выкинет какой-нибудь фокус, то я пошлю ее куда подальше. И если эта стерва посадит меня в карцер, то значит не судьба мне увидеться с Таней. Нет, терпеть ее я больше не буду и точка!», – твердо решил я.

Я не заметил, как дошел до камеры, как передо мной открылась дверь, и как вновь неугомонный Вовка спросил:

– Что там новенького? Ты чего там сегодня застрял?

– Да ничего! Народа много было, пришлось ждать, – отмахнулся я от него и прилег на свое место.

Каждый день я с содроганием сердца прислушивался к шагам, приближающимся к нашей камере, но, слава Богу, докторша меня больше не вызывала. Шел разговор, что она ушла в отпуск, а может, были и другие причины, про которые я не знаю. Но главное, я дождался дня, когда меня вызвали на свидание с Таней.

XXVII

Личное свидание

Поднявшись на второй этаж неприметной пристройки, за мной закрыли дверь, и я оказался в небольшом коридоре с тремя деревянными дверями, и маленькой общей кухней. Моя комната была под номером три. Я тихо приоткрыл дверь и увидел Таню. Она стояла у окна, скрестив руки на груди, и ласково улыбалась. На ней было короткое желтое платье и белые босоножки со стразами. Наши взгляды встретились, и она мгновенно бросилась в мои объятия. Я обнял ее крепко, и от счастья зажмурил глаза. Эти объятия говорили обо всём! – о нашей любви, о страданиях, об одиночестве. Я почувствовал, как бешено забилося мое сердце, и от этого обнял Таню ещё сильнее. Я стоял, опьяненный блаженством, вдыхая душистый аромат ее волос.

«Ах, мое нежное создание! Моя судьба!» – шептал мой внутренний голос.

Я прижимал ее к себе крепче и крепче, а поцелуи один за другим покрывали ее хрупкие плечи и руки. Два молодых тела воссоединились после долгой

разлуки и не могли насытиться друг другом. Нас обжигала страсть, и хмельной круговорот любви уносил нас к самому краю Вселенной, где не было никого, только Я и Она. В безумных ласках пролетел весь день, и только в полночь приятная усталость остановила нас.

Таня надела на голое тело длинную футболку, и, поджав одну ногу, устроилась на краю кровати.

– Совсем ты у меня худенький стал, – сказала она игриво, накручивая на палец локон волос. – Раньше ты у меня на бэтмена был похож, а сейчас... – задумчиво подыскивала она сравнение.

– А сейчас я – человек паук, – вставил я.

– Ты у меня не паук, а паучище! – изобразила она страшную рожицу.

– Зато человек паук – борец за справедливость, – вышло у меня как-то неуверенно.

– Посмотри на меня, борец за справедливость! Видишь, какие синяки на руках оставил, – нахмутив лоб, и надув розовые губки, девушка изобразила недовольство.

Я начал целовать ее тонкие запястья и приговаривать:

– Какие у тебя красивые ручки, мне хочется их целовать бесконечно. Я хочу расчесывать по утрам твои волосы, мой ангел. Любить такую красавицу большое счастье. Прости меня, если что ни так, родная...

Любовный лепет продолжался еще долго. Мы никак не могли насладиться друг другом, и нашу встречу омрачало только одно, – что длиться она будет только сутки. При мысли, что мы расстанемся, я готов был кричать и стонать от боли, выть волком-одиночкой. Вдруг Таня спросила, глядя на меня своими большими грустными глазами:

– Скажи мне, что ты ни в чем не виноват, и тебя скоро отпустят! – эти слова сдавили мою грудь. Хотелось ее обнадежить, но врать любимой девушке я не мог. Пришлось промолчать. Не услышав от меня ответа, Таня продолжила:

– Стас, мне действительно без тебя тяжело и страшно. Я ничего не хочу делать, потому, что чувствую себя голой курицей, выщипанной до последнего пера и никому не нужной. Никто меня не хвалит, когда я готовлю твои любимые пирожки, никто не дарит мне комплименты, когда я надеваю новое платье, да и вообще..., – ее глаза заблестели от слез.

Я начал подбирать слова, чтобы сказать правду:

– Танечка, ты – огонек, который греет меня. Не проходит и минуты, чтобы я не думал о тебе. Перед тем как уснуть, я всегда вспоминаю наши встречи. Эти воспоминания придают мне силы. Но, похоже, любимая, нам придется долго жить мечтами о будущем. Говорю тебе честно, дела у меня неважные. Всё против меня! Думаю, меня ждет срок. Вот и все, что я могу тебе сказать.

– Нет, этого не может быть! Ты не виноват, и тебя отпустят! – громко воскликнула она, хватая меня за руки.

– Танечка, дорогая ты моя, находясь здесь, я начал понимать больше, чем когда либо. Наш суд – это абсолютно зависимый орган, а не беспристрастный арбитр, как я думал раньше. Это лишь придаток следствия, который стоит у них на страже. И в каком месте искать правду? Глупенькая ты моя, – я ласково по-

гладил ее по плечу. – Знаешь, сколько я жалоб ребятам написал, и еще не получил ни одного положительного результата. Я теперь имею четкое представление о наших судах, имя которым «инквизиция»!

– Но как же так? – она пристально заглядывала в мои глаза, пытаюсь найти в них хоть отблеск надежды. – Ты ведь раньше мне рассказывал про независимый суд, справедливость...

– Это было раньше. Пока я не попал в жернова нашей правоохранительной системы. Поверь, что следствие «подшило» к моему делу, то суд и вменит. И никакого судебного разбирательства не будет.

– Но тебе родители наняли хорошего адвоката, говорят, у него связи есть, – произнесла она с надеждой в голосе.

– Был у меня этот адвокат, в тюрьму ко мне приезжал. После десяти минут разговора с ним я понял, что этот человек скользкий и жадный. Он только деньгами поживиться не прочь и свою работу правозащитника он выполнять не будет, это точно. На счет связей сказать трудно. Может, есть они, а может, и нет. Как в «Двенадцати стульях»: «утром деньги, вечером стулья». Деньги мы отдадим утром, а результат узнаем вечером. То есть, после вынесения приговора со сроком на плечах. И что тогда?

– Нет, я с тобой не согласна. Адвокат грамотный, его в городе многие знают, он не подведет.

– Знаешь, и на счет грамотности я бы поспорил. В моем понимании любой специалист должен совершенствовать свои знания и профессионализм – это долг каждого. А наш «деятель» даже не знает ни одного Постановления Верховного Суда, которые касаются моего дела. В общем, я решил от него отказаться, буду защищать себя сам. Денег родительских жалко. Еще не хватало, чтобы их сбережения на помойку улетели.

– Как же ты сможешь сам-то? – спросила Таня сдавленным голосом.

– Об этом я думал долго, а решил быстро. Тебе же известны, как будущему доктору, слова: «Врач, исцели себя сам!» Вот, и я нахожусь в таком положении, когда смогу свою профпригодность проверить. – говорили во мне амбиции молодого человека. – А потом уж буду выводы делать смогу ли я спасти людей от заразы беззакония!

– Значит, ты уверен, что на суде тебя не отпустят? – с грустью спросила Таня.

– Нет, утверждать не буду, всякое в жизни бывает. Как говорит мой друг: «Закон, что дышло – как повернул, так и вышло». Вот и наши судьи, какой захотят закон, такой и применяют. Они же у нас имеют безграничные полномочия, которые выражаются одной фразой – «на усмотрение суда». Хотя я склоняюсь, моя милая, что не отпустят меня. Самому тяжело осознавать всё это, но бросаться пустыми обещаниями перед тобой я не могу, – поцеловал я ее в щечку.

– Как мне страшно, – проговорила она, и закрыла лицо руками.

Прошла бессонная ночь, и наше свидание подходило к концу, мы сидели с Таней на краю кровати, взявшись за руки. Было грустно, на ум пришли слова из песни «Расставание маленькая смерть» и так зацепились, что навязчиво крутились в голове. Таня крепко сжала мою руку и в отчаянии спросила:

– Тебя всё-таки посадят?

– Танечка, я всё сказал, и добавить мне больше нечего. Не терзай мне душу, молно тебя,- прижался я к ее груди.

– Знаешь, Стас, я подумала..., – затаив дыхание, она сделала паузу. – Я не знаю с чего начать, но прошу выслушать и понять меня. Этой весной я отработывала практику, и к нам поступил на обследование богатый мужчина сорока лет. Он с первого дня начал уделять мне знаки внимания, но я была верна тебе, и на его предложения не отвечала. Он был очень настойчив, но взаимности от меня не видел. Но дело не в этом... Ты же знаешь, какое у меня тяжелое материальное положение. Перебиваемся с матерью с копейки на копейку. И если я не окончу институт, то кем я стану? Я так надеялась на твою помощь, а сегодня ты сказал, что мне придется жить одной, и ждать тебя... Я не готова к этому! Мне придется принять помощь от другого человека. Пойми, что принимать деньги от него я буду без чувств, потому, что люблю тебя, – в ее глазах заблестели слезы. – Мне тяжело быть одной, ведь рядом с женщиной всегда должен быть мужчина, пойми, так заложено природой, – задыхаясь от волнения, закончила девушка.

С каждым словом она как будто всё глубже, и глубже вонзала мне нож в сердце и хладнокровно прокручивала. Меня бросило в жар и перехватило дыхание.

– А как же я? – вдруг опомнившись, спросил я. – Ты же у меня такая душевная, ты не сможешь... Зачем такое говоришь, Таня? Ты вообще слышишь себя? – уже вместо обиды во мне поднималась гордость. – Выходит, ты будешь ждать меня, лежа в постели с другим?!

– Мое сердце принадлежит тебе, но мне нужны деньги. Скажи, чем я буду оплачивать институт? – срывалась она на вопли.

Мне стало ясно, что это конец нашей любви. Но я еще не мог осознать, как могло светлое, трепетное чувство, занимавшее всю мою душу, за один миг превратиться в непосильную ношу. На место яркого огня упал тяжелый, невыносимый камень. Через несколько минут мы расстанемся и разбросаем пепел, который остался от нашей сгоревшей любви. Нужно было выговориться:

– Я знаю, что ты не виновата в том, что произошло со мной, но твое предложение я принять не в силах. Эх, как же я мог в тебе ошибиться, Таня? – проговорил я в отчаянии. – Спасибо, что хоть навестила, – с трудом выдавил я.

– Да ты эгоист! – гневно бросила она.

– Таня, я хотел тебя сделать счастливой, я буквально лежал у твоих ног...

– Хотел, да вспотел! – воскликнула девушка и отвернулась.

– Знаешь, а я ведь только сейчас начал понимать на сколько тебе нужны деньги. Зайди ко мне домой и возьми, сколько считаешь нужным.

– То есть? – оживленно спросила она.

– Деньги за эту ночь! – крепко сдавив ладонями ее лицо, которое в эту минуту мне показалось как никогда прекрасным. Я произнес сдавленным голосом, прямо ей в глаза. – Любой труд должен оплачиваться! Ты же такая продвинутая, а заставляешь объяснять тебе простые вещи.

– Да ты просто подонок! Я тебя ненавижу! Неудачник! – закричала она.

– А ты – проститутка!

После этого последовал самый веский аргумент, – она залепила мне звонкую пощечину и заплакала. Мне, как и любому мужчине, всегда было тяжело видеть плачущих женщин, поэтому я начал винить себя за оскорбление, которое вырвалось от злости. Собравшись с духом, я объяснился на прощание:

– Таня, наверное, так жизнь у нас тобой сложилась, и не стоит искать виноватых. Я очень благодарен за то счастье, которое ты мне подарила. Я понимаю, что теряю тебя безвозвратно, но я не в силах что-то изменить. Я не оправдал твоих надежд, и мне от этого вдвойне тяжелей. За твое откровение – спасибо, лучше уж горькая, но, правда. Пусть жизнь подарит тебе богатого спонсора, если ты так захотела. Живи ярко, наслаждайся жизнью. Прощай, Танюша! – в последний раз я прикоснулся губами к ее теплой щеке и застыл на мгновение. Хотелось забыться или умереть в непроглядной тьме прощального поцелуя. Чего мне стоило навсегда оторваться от того, что еще минуту назад было самым дорогим, любимым, близким.

Я покидал комнату свиданий с тяжелым камнем на сердце. Мне казалось, что мир любви и нежности навсегда отвернулся от меня.

XXIII

Червивое яблоко

Вернувшись в камеру, я старался не подавать вида, что расстроен. Мне не хотелось, чтобы моя размолвка стала темой дня. Ведь зекам только дай повод что-нибудь обсудить. Да и нельзя было опечаливать Салагу, который так старался доставить мне удовольствие. Ночью, укрывшись с головой под простыней, я хотел спрятаться от суровой реальности, но внутренний голос, этот вездливый червячок, свербил назойливо: «Почему, почему я не послушался Салагу?! Надо было идти с мамой на свидание. Какой же я все-таки дурак! Нет, хуже, я – предатель! Выбрать женщину вместо матери! Никогда себе этого не прощу. Никогда!» Мне казалось, что все женщины на свете обманчивы и корыстны! Только мама способна подать руку помощи. Только она не обманет, не изменит, не предаст. С этой позиции, я и стал воспринимать всех женщин.

Я распланировал весь свой день и стал со строгой педантичностью соблюдать намеченный график. По пробуждению, я полчаса делал физическую зарядку, потом обливался холодной водой и приступал к своей трудовой деятельности: составлял жалобы на приговоры или другие процессуальные документы, заявки на которые приходили ко мне со всех концов тюрьмы. А после обеда читал литературу, которую мне любезно одолжил Салага. Однако со временем я начал выбиваться из графика, оставляя для чтения, совсем мало времени в своем распорядке.

«Друзья по несчастью» забросали меня приговорами, а так как мой принцип был – не брать ничего с заключенных за оказанные услуги, то количество просьб с каждым днем росло, как снежный ком. Все были рады, что нашли ло-

ха, который делает всё, а взамен не берет ничего. Своей занятостью я хотел решить две проблемы – убить время и отвлечься от навязчивых мыслей. Если первое мне вполне удавалось, и дни быстро пролетали, то со вторым справиться было гораздо тяжелее. Между строчек приговоров и книг я видел только «ее». Мысли о Тане крепко держали в своем плену.

Как-то вечером ко мне подсел Салага и протянул короткую записку. В ней было написано: «Здорово, брат! Что ты просил, обстряпали чисто. Игрушку разобрали. Крепко жму руку. С уважением, я».

– Всё понял, что здесь нацарапано? – спросил он.

– Да, понял. Машина моя по деталькам разобрана.

– Теперь бумажку эту порви и пиши, как я тебе говорил. Со свободы уже подъезжали, шум подняли, что машину не отдают. Теперь надо с двух сторон напирать, чтобы наш следак попал, как «рейтузы между булок». Так то! – толкнул он меня по-дружески, плечом. – А теперь скажи, отчего ты вторую неделю такой унылый ходишь? Что-то на свиданке произошло?

– Всё нормально! Просто под впечатлением еще нахожусь, – отмахнулся я.

– А тебя в детстве не учили, что старшим врать нехорошо? А может быть, я доверия твоего не заслужил? – посмотрел он мне в глаза. «И что за чутье у него такое? Вряд ли я ему смогу соврать», – подумал я, а вслух произнес:

– Повздорили немного. А теперь жалею, что в порыве гнева наговорил ей всякую чушь.

– Ты мне не чеши, что просто повздорили, тут серьезным папахивает. Люди, которые идут на свидание только на одни сутки, ругаться из-за мелочей не будут. Для этого повод весомый нужен, – проговорил он с расстановкой и в конце сделал вопросительное лицо.

– Ладно, чувствую отпираться бесполезно, рано или поздно вытянешь из меня правду. В общем, разговор у нас с Таней состоялся... – И я пересказал ему всё, до мелочей. Он внимательно выслушал меня, а потом заметил с иронией:

– Выходит, я «целил в ворону, а попал в корову». Хотел сделать тебе как лучше, а вышло, как всегда. Та-а-к..., – задумался он. – Ничего, и это поправим.- Пошуршав в пакете, висевшим на стене, Салага достал красное яблоко.

– Самое красиво выбрал, спелое. Из всех яблочек самое привлекательное, – сказал он и положил яблоко передо мной на стол. – Согласен, что красивое?

– Ну да, – ответил я, не понимая, к чему он клонит.

– А сердцевина у этого яблока червивая. Все нутро червями изглодано. Из нутра чувствуешь, как смердит, хоть нос затыкай. Нравится тебе такое яблоко? Будешь есть его? – напирал он на меня. – Вот и Танечка твоя, хотя и молода, да красива, но гниет девка изнутри. Черви там завелись. Вот и говорят умные люди «что толку в том, что яблоко красиво, если сердцевина в нем червива».- Салага с презрением бросил яблоко в унитаз.- Слезы по ней лить не надо, не заслуживает. Ни ты первый, ни ты последний у нее. Мы, мужики, все не без греха, до красавиц очень падки,- выдержав паузу Салага продолжил громогласно.- Возрадуйся, раб Божий, над милостью Его, что отверз Он очи твои молодецкие на сей сосуд немощный, и отверг ты ее, непотребную, ныне, а ни когда в вашем доме было бы семь чад голопузых. Аминь!

Бодрый, жизнерадостный вид Салаги и его внушительный тон придали мне сил. На душе стало легче. В последнее время, благодаря его попечительской заботе, я стал испытывать к нему сыновние чувства. Он стал для меня родным, и я полюбил его, как отца. Порой меня охватывало желание крепко обнять его и назвать батей, но я удерживался от этого порыва, боясь показаться через чур сентиментальным.

Подслушав суть нашего разговора, Палёный подсел к нам, и начал излагать свой взгляд, со свойственной ему бесшабашностью.

– А я всегда придерживался мнения «лучше воробей в руке, чем ласточка на кровле», или как говаривал мой дед «лучше х... в руке, чем п... за горизонтом», – захихикал он. – Страдать из-за баб – не мое! В тюрьме тогда проще, когда ты один. Любовь и тюрьма вещи несовместимые! – важным тоном произнес Палёный, и, закинув гордо голову, продолжил, – Я, например, тоже любил. Чего греха таить, влюбился как-то в школе. Прямо до отупения, до коликов в пузе. Эх, как вспомнишь, так вздрогнешь! Ну, не буду томить вас началом, расскажу сразу конец. Было, значит, нас три подельника – Комар, Зелёный и я – Вовка Палёный, – указал он зачем-то на себя пальцем. Палёный выдержал интригующую паузу, принял удобную позу, и точно копируя образ рассказчика с картины «Охотники на привале» продолжил повествование.

– Мы тогда склад продовольственный «подломили», отгуляли положенную недельку и на «малине» нас менты повязали. Прошло следствие, потом начался суд. И что тут началось..., – прищурился загадочно он. – А случилось вот что. Заводят меня в зал суда. Смотрю, прокурор за столом сидит женского пола. Форма на ней синяя, звезды на погонах золотые, строгая такая. Пригляделся я к ней и озяб. Это ж Галька Никифорова, одноклассница, любовь моя школьная, – глаза у Палёного загорелись, он лихорадочно прикурил сигарету. – Не поверите, пацаны, она ведь из-за меня в школе все глазоньки выплакала, проходу мне не давала. Где бы я ни был, она, бедненькая, тут как тут. Я же красавчиком был тогда, не то, что сейчас. Волосы чёрные, глаза голубые, не захочешь, оглянешься...

– Не увлекайся, Вова, – заметил ему Салага, чувствуя, что того понесет не в ту степь.

– Ну так вот... Заводят нас за решетку, и я своим пацанам говорю: «Не ссы, босота, всё будет путем! Считайте, одной ногой уже дома». И накоротке растолковал им, что к чему. Они рады! Галька на меня пялится, глазами поедает. Улыбается кокетливо, а я ей в ответ подмигиваю. А сам думаю, не забыла любви нашей, голубушка! Суд у нас неделю продолжался. На каждое заседание принаряжаться начал, а в последний день вообще при «гавриле» приехал. Я его у одного фраера в очко выиграл. – с гордостью подметил Палёный. – Короче, приезжаю на последний суд, как на праздник, весь приффраерённый. Фирменные коцы, отглаженные шкеры, лепень на плечах и гаврилка. Гаврилка, главное, на мне, – Палёный аж зажмурился от удовольствия, вспоминая о своем галстуке. Который, он, наверное, одел тогда первый и последний раз в своей жизни. – В конце заседания Галька моя встала, смотрю я на нее счастливый, пылаю весь, а она и говорит: «Прошу суд назначить Комарову шесть лет, Зелецкому – семь,

Попову – десять лет строгого режима». Это, значит, потолок мне запросила. Я как услышал, у меня не только пятки, но и «гаврила» вспотела от такой подачи. Держусь за решетку руками, боюсь, что ноги откажут. – При этих словах Палёный встал в центре камеры, и начал покачиваться, изображая предобморочное состояние. – Не помню, сколько времени прошло, слышу вдруг голос судьи: «Вам, подсудимый, предоставляется последнее слово». Тут я, глядя на бесстыжую Гальку, возьми да и выполни стгоряча: «Галька, сука ты подлая! Лучше б ты мне в х.. дунула, чтоб я в космос улетел. Чем на рудниках десять лет корячиться!»

– Во, дела! – воскликнул я, возбужденный рассказом. – А дальше что? Судья как?

– А что она... За «космос» мне еще полгода довесила! Сказала, что за неуважение к суду, – грустно вздохнул Вовка.

– Так почему твоя прокурорша так поступила? Вроде любовь у вас с ней была?

– А я почем знаю?! Ты пойми этих баб-то! – и рассказчик замолчал, тяжело вздыхая о прошлом.

XXIX

Ревизор

В тюрьму опять приехал прокурор с проверкой, и после обеда он совершал обход по всем камерам. Перед его приездом администрация, как всегда наводила шорох и просила заключённых соблюдать порядок. Было смешно видеть, как обычно грубые офицеры, тут же преобразались в пушистых ласковых зайцев и заискивающе просили нас «вести себя хорошо». Однозначно, они больше нашего боялись проверок. В отличие от администрации нам нечего было терять, разве что старые портки, да пару вшивых одеял. Зайдя к нам, Салага встретил его фразой:

– Да уж, «к нашему берегу не привалит хорошее дерево», – и тот час рассмеялся над кислой миной прокурора.

– А ты, Сизов, все балагуришь, смотрю. Я тебя точно за язык посажу, – ответил он Салаге раздраженно.

– Михалыч, ну не плакать же мне, в самом-то деле. Я когда тебя вижу меня так и рвет со смеху. Наоборот, ты радоваться должен, что хоть одно доброе дело делаешь – людей смешишь, – хохотал Салага до слез.

– Надоел ты мне, Сизов. Сегодня же тебя посажу. Посидишь месяцок в карцере, да подумаешь, как с представителем закона разговаривать, – нахмурил он брови.

– Ну, как не надоело Вашей Светлости меня в тюрьме тюрьмой пугать?!

– Жалобы есть? – обратился хмурый прокурор ко всем.

Тишина. Ни жалоб, ни предложений не было.

Тогда Салага произнес сквозь смех:

– Вот так, «залетела ворона в царские хоромы, почета много, а полету нет!».

Кто-то из сопровождающих даже прыснул от смеха, и они молча удалились. Дверь с грохотом захлопнулась, и я спросил у Салаги.

– Санек, а почему ты с ними так разговариваешь? Может, лучше было бы поговорить нормально, обсудить проблемы, ведь нарушений по содержанию целое море!

– От того и разговариваю с ними так, что по-другому бесполезно. Думаешь, я не пытался? Мозоль на языке натер, пока надеялся, что с ними можно по-человечески договориться. Ан, нет, что ты, до них не достучишься. Любые доводы отскакивают, как от стены горох! – махнул он рукой.

– Ну, а таким образом тем более ни о чем не договоришься!

– Так я уже и не пытаюсь, плюнул я давно на них. А то, что я перед прокурором молотил языком, так ты не обращай внимания, это я сам с собой разговаривал. Так, потешаю себя ради смеха. От чего бы себе лишний раз настроение не поднять?! – С его лица не сходила довольная улыбка.

– Нормально ты себе настроение поднимаешь, – возмутился я. – Он же тебя в кутузку может упрятать. Слышал, что он сказал?!

– Нет, Михалыч меня не посадит. Это он так, для остротки. Мы друг друга уже давно знаем. По большому счету он мужик неплохой, жить нам не мешает. Приедет раз в месяц – по хатам пройдет, с «хозяином» тюрьмы бухнет, да опять отвалит со спокойной душой.

– Да какой же он нормальный, если он на такие вопиющие нарушения сквозь пальцы смотрит? И ничего не делает для их устранения, – сокрушался я.

– О, тогда бы он был вообще золотой, а так – нормальный. Скажи спасибо, что он хоть не пакостит.

– А я, честно говоря, думал, что ты вообще всех ментов ненавидишь. Вон, мне Слон рассказывал... – допытывался я до него.

Салага» достал из матраца колоду тюремных карт и стал играть ими. Карты шустро бегали из руки в руку, издавая при этом характерный свист. Он обращался с ними, как виртуоз, как мастер своего дела. Недаром один катала мне по этапу сказал: «Когда Салагу мамка родила, то в его руке был бубновый туз».

– Нет, под одну гребенку нельзя всех грести. Везде есть нормальные люди. Я буду уважать и прокурора, и судью, и последнего «дубака», если только он будет Человеком. Помнишь, я тебе рассказывал про Семеныча, который мне книги в карцер приносил?

– Помню.

– Так вот, Семеныч для меня был и останется на всю жизнь Человеком с большой буквы. И буду я самой неблагодарной скотиной, если когда-нибудь скажу о нем иначе. Между прочим, когда я освободился, то нашел его. Он к тому времени уже на пенсию вышел. Приехал навестить его и вижу: домишко совсем ветхий, того и гляди скоро развалится. Ну, мы ему с ребятами и дом «подмолодили» и баньку рядом поставили. Как сейчас помню, благодарил он меня со слезами на глазах. А я ему: «Ты, Семеныч, не меня благодари, а тот день, ко-

гда принес мне те книги. Ведь если бы не они, то и баньки этой сейчас не было ...». – Салага произнес эти слова по-доброму, душевно, глаза его заблестели. – Освобожусь, на могилку съезжу, уже лет пять, если не больше, у него не был, – и в его руках опять карты засвистели, как пули.

– А больше ты не встречал таких людей среди них?

– Таких? Нет, не встречал. Но хороших, простых людей знал только двоих. Одного свои же сослуживцы подставили и ему срок вlepили. Другой спился, его в психушку упекли. Конечно, жалко их. Ведь «погорели» они потому, что находились не на своем месте. Бывает, смотришь, в зоне какой-нибудь новый мент появился, – общительный, приветливый, вполне адекватный человек. А проходит полгода, и он уже злее собаки стал. Дай ему пистолет в руки, так он перешмаляет всех без разбора и «своих», и «чужих», да и себя, наверное, в конце концов, прихлопнет от злости. Ты посмотри, кто здесь работает? Это ведь в большинстве своем ущербные, ограниченные людишки. А сколько с больной головой среди них, которые только жаждут унижения и человеческой крови? Им власть нужна, чтобы безнаказанно издеваться над людьми. Вот и представь, пришел сюда нормальный гражданин работать, а ему каждый день внушают, что зек это не человек, а негодная тварь. Так он через некоторое время начинает чувствовать свою неограниченную власть, и входит во вкус, постепенно заражаясь садизмом. Пополняет собой ряды истязателей! Понимаешь, устройство самой системы, – этой карательной машины, требует того, чтобы ее работу обслуживали «палачи», у которых нет ни сострадания, ни сожаления, ни совести. Ненависть и злоба их атрибуты. – Лицо Салаги налилось кровью, руки задрожали и карты разлетелись по полу. – Бля! – сплюнул он нервно и стал подбирать их.

– Но среди заключенных тоже мало места для любви и дружбы, – возразил я ему.

– Это точно. И у нас «много леса темного, да нет дерева годного». Как говорил один мой знакомый вор: «Сидеть стало легче, но сидеть совсем не с кем», – кряхтел он на полу.

– Ты имеешь в виду – вор в законе? – спросил я с любопытством.

– В законе..., – усмехнулся он, поднимая с пола последнюю карту и, как ни странно, туза бубей. – Да только среди арестантов их никто так не называет. «Вор в законе» – так может сказать только далекий от нашей жизни человек. – Вдруг, он осторожно оглянулся по сторонам и понизив голос, чтобы его мог слышать только я, осветил весьма интересный и в довольно-таки неожиданном ракурсе, вопрос – о происхождении Воров. Пересказывая то, что ему поведал старый, авторитетный всесоюзный Вор.

По его уверению, первые Воры были бывшие белогвардейцы, дворяне. Которые не хотели мириться с большевистской властью после революции 1917 года. Отсюда и вполне обоснованные требования воровского кодекса: не сотрудничать с властью, не брать в руки оружие, не обзаводиться семьей и другие. А так же характерный лексикон – «короновать», «принять в семью». Это был своего рода тайный орден, который ставил перед собой вполне конкретные цели и задачи. Позволял выжить в суровых условиях нового времени, не изме-

няя своим принципам. И если раньше имело место употребление понятия «вор в законе», то исключительно, как противопоставление другим преступникам, которые в своей жизни не руководствовались «законом», принципами, идеей, заложенных в нем. Преступникам с «большой дороги», как говорится.

И поскольку в реалиях настоящего времени похерены те цели и задачи, которые ставили перед собой первые «законники», то современные Воры потеряли свое истинное предназначение. Априори, их уже нельзя назвать Ворами. Если только криминальными авторитетами, но не более.

– На сегодняшний день нет ни одного Вора в истинном смысле этого слова! – резюмировал своё повествование Салага.

Он тяжело присел на шконарь и его глаза заметно потускнели. Лицо выражало какую-то обреченность, грустный исход. Боль черной тенью мелькнула по его острым чертам и он тяжело вздохнул.

– Ну да ладно, чего это мы о грустном, – встрепенулся он. – Я что тебе хотел сказать-то. Захара помнишь, с которым вы на шмоне накуролесили?!

– Помню, конечно! И Захара помню и шмон. Как ты любишь говорить: «Такую баню не забудешь до следующих веников», – сказал я весело.

– Ага, давайте только в этот раз без баньки, а то Захар любит погорячее, – улыбнулся он. – Завтра поедешь к нему «в гости» на пару недель. Пообщаетесь, познакомитесь поближе. Но дело даже не в нем...

– Можно и я поеду?! – встрял Паленый.

– Да сиди ты, старая кляча! Ты мне здесь нужен. В общем, Захар сидит на втором этаже, а под ним девки. Съездишь в гости, развеешься хоть немного. А то, я смотрю, Таня твоя занозой в голове застряла, голыми руками не вытащишь, – взъерошил он мои волосы.

– Даже и не знаю как-то..., – ответил я в задумчивости.

– Зато я знаю. Клин клином вышибается – вернее способа нет! Последнее дело, когда пацан из-за девки голову теряет, так и до греха не далеко... В общем, собирайся. Захар тебя встретит как родного, я ему уже чиркнул пару строк.

– Ладно, как скажешь, Санек. А если вдруг, в мое отсутствие Кислый с Татаринцом приедут?

– Ничего, справимся с ними, – улыбаясь, сказал Салага. – Да, Паленый?! – подмигнул он ему.

Но Паленый промолчал. Он был в расстроенных чувствах, потому, что хотел съездить в гости, где у него на первом этаже сидела тюремная любовь по имени Марина. Это он с ней ночами напролет общался по малявам. И, как однажды признался, хотел по освобождению соединить свою судьбу.

«Кто бы мог подумать, – говорил он. – что именно в тюрьме я найду свою женщину? Вот ни где-то, а именно здесь! Точно говорят, «от судьбы не уйдешь»! Люблю я Маринку! О лучшей бабе и мечтать грешно. Как освободимся, сразу же свадьбу сыграем. Всех вас приглашу, будем гулять и пить неделю.» – его признания летели, как из автомата.

XXX

В гостях

На следующий день, прихватив свои скромные пожитки, я отправился в гости. Камера, в которой сидел Серега, по кличке Захар была тоже семиместной, но жильцов там было десять, и я дополнил это число еще на единицу. Контингент был молодого возраста, примерно 30 лет и только два человека были пожилыми людьми. Это Захар и еще один седой старичок, который передвигался с помощью деревянной трости. С первого взгляда мне показалось, что живут здесь дружно, солидарно. Самым влиятельным лицом в этой компании, конечно же, был Захар.

– Ну, здорово, боец, – встретил он меня улыбкой и сдвинул крепко руку.

Сереге было уже за шестьдесят, но он еще отличался богатырской силой и нескончаемой энергией, которой его щедро наградила природа. По характеру он был холериком, поэтому делал всё быстро и даже нервно.

– Здравствуй, Захар, – ответил я на его приветствие.

– Присаживайся, будь как дома, – произнес он тоном гостеприимного хозяина. – Народ у нас простой, поэтому расслабься. Считай, к друзьям попал.

– Спасибо. Я это уже почувствовал, – сказал я честно.

– Вот и хорошо. Сейчас чайку заварганим, да чифернем малеха. А за одно, и познакомимся поближе, раньше-то не довелось, – в улыбке Захара блеснул ряд белых от природы зубов.

– Спасибо большое, это я с удовольствием. Я вот и сладостей принес, Санёк в дорогу собрал, – сказал я, и начал выкладывать на стол конфеты и печенье. – Вот наложил... Ну, как за маленьким ребенком хлопочет. Мне аж совестно, ей Богу!

– Заботится, значит уважает. Это хорошо! А что продуктами снабдил, так это правильно, дорога у тебя дальняя, в целых два этажа. Не мудрено и проголодаться, – приговаривал он с насмешкой. – Ну, рассказывай, как вы там живете, чем занимаетесь? – с участливым видом спросил Захар и принялся разливать по кружкам чай. К столу подсели и остальные, но нашему разговору не мешали. Молчали. То ли они боялись Захара, то ли из уважения проявляли чувство такта.

– Живем дружно, всего в достатке. Палёный «корки мочит», веселит, как всегда. Салага в переписке с крытниками целые сутки. Высадил всю камеру на литературу, к нам заглянешь – читальный зал, да и только. Тишина, спокойствие. Говорит: «Не учились на свободе, так здесь время не теряйте, читайте».

– Молодец! Салага это может, – довольно засмеялся старик. – Он всем чтение привьет, вот увидишь. А ведь и правильно делает. Может, дебилов меньше станет, а то куда ни плюнь везде дурак. Они же в зону попадут, будут в два места глазеть: в потолок и телевизор, да и тот с одним каналом, где порнуха, – заводился Захар, жестикулируя руками. – Раньше у нас сильная тяга была к развитию, от хорошей книжки за уши не оттащишь, а сейчас народ совсем стал бестолковый. Моральные задроты кругом. Дашь молодому книжку в руки, он

ее покрутит-покрутит, а потом возьмет, да скурит. Скажи, ну не debil, а? – бросил на меня Захар возмущенный взгляд. – Я как думаю, если уж случилось так, что временем Бог наградил, то используй его для благих целей. А у многих нет никакого желания для этого. Я недавно у одного спрашиваю: «Как жить планируешь, чем заниматься будешь? У тебя на свободе двое детей осталось, как ты их кормить – одевать собираешься? Время ведь есть всё осмыслить. Читай, да учись, может поумнеешь». А он мне в ответ: «Я в тюрьму садился не для того, чтобы книжки читать! Хочешь, читай, а я по-своему время скоротаю». – «Нет, дружок, ты не время будешь в тюрьме коротать, а людям жизнь портить. Да еще и воздух отравлять, которым мы дышим». Эх, так бы и дал такому в рожу. Приспособленцы! Мать их..., – Захар забарабанил пальцами по столу и о чем-то призадумался.

– Серега, а почему себя так люди ведут? Почему у них такое отношение к самим себе? – задал я вопрос, желая доставить удовольствие потешному старичку, высказаться о наболевшем.

– Да потому что «народ нынче лукав, возьмет манду в рукав, пойдет в овин, да и е...т один», – засмеялся он, а следом и вся камера. – Ну, а если серьезно, быдло это ответственности не чувствует и сознательности у них нет. Всё на авось надеются! – глаза его опять разгорались негодованием. – Они ведь как думают: «Освобожусь и мне обязательно фартанёт, потому что я лучшую жизнь для себя заслужил! Деньги сами повалят, успевай только карман подставлять». И ждут такие долбоёбы своего фарта, до седых яиц! А фарт – господин избирательный, капризный, редко к кому сам навевывается, за ним всю жизнь бегай, да не догонишь.

Захар примолк, жадно допил остатки чая, достал обрывок старой газеты и завернул в нее душистый самосад. После этого, вальяжно откинувшись на шконку, продолжил:

– Вся беда в том, сынок, – он сделал паузу, затягиваясь самокруткой. – Хрен забили нынешние сидельцы на просвещение! А голова без ума, что лампочка без огня. И такой башкой только орехи колоть, да шишек себе наживать. Тем более на нашем скользком пути, – Захар это говорил таким уверенным, внушительным тоном, будто родился в тюрьме и весь был пропитан ее жизнью. Его крепкую речь не просто было слушать. – Если в голове ума нет, то не родится в ней высоких идеалов. А без идеалов люди, как скотина, и жизнь у них скотская. – плюнул он с презрением в сторону. – Если взять наши суровые условия, в которые нас судьбинушка запихнула, то выходит следующее, – кто сильнее духом, да поумнее, тот и будет искать правильные пути. А у кого пусто в башке и в душе одни глисты, тот забудет про все ценности человеческие, и будет думать только, как брюхо набить. Такой ни перед чем не остановится, ведь правит такими людьми не голова, а брюхо... И говно, – зачем-то добавил Захар, ударив кулаком по столу.

– Мне примерно также и Салага говорил, только другими словами, – поддержал я его, но уже готов был рассмеяться над его манерой изложения.

– А потому и говорил также, что правда – одна. Ее хоть в каком виде подавай, она от этого не изменится. Я вот о чем хочу сказать, – Захар призадумался,

сдвинув густые брови. – Мы здесь, как пауки в банке, жрем друг друга. Жрут все! Менты жрут, зеки друг друга. Вот и получается у нас, – то ли самоедство, то ли людоедство! Я бы книгу написал на эту тему, да всё никак не соберусь. Ведь кому она сейчас нужна, правда эта?!- махнул он рукой.

Приподнявшись со шконки, Захар указал мне на деда лет восьмидесяти и сказал:

– Видишь этого старичка? Его Максимыч зовут. Он всю войну прошел. В Сталинграде воевал. Несколько ранений у него, да половина тела в танке сгорела. А сейчас его из хаты в хату пинают, никто с ним сидеть не хочет. Родня-то его в Питер укатила жить, про него забыла и поэтому «передачки» ему никто не шлет. А кому нищий дед в камере нужен? Никому! Вот и скитался он по всей тюрьме, пока я его из «карантина» не забрал. Он там за три месяца весь вшами и чесоткой покрылся, кое-как здесь вывели. Скажи, ну не людоеды мы после этого, а?! И знаешь, сколько подобных случаев...

– Блин, как жалко его! А за что этот Максимыч сидит? – спросил я.

– Вышел он как-то в подъезд, а там во всю стену свастику рисует...этот...как же его, сатанист...фетишист...

– Скин-хэд, наверное!?! – подсказал я.

– Да, он! Дед попытался его вразумить, а тот ему говорит: «Ты иди бабкам своим эти байки рассказывай! Смотри, как круто смотрится!»! Тут Максимыч и хватанул ему своей палкой сгоряча, да как-то неудачно попал, в висок что ли. Но тот еще по лестнице кувыркнулся и видно об нее макитрой ударился. Этих тонкостей я уже не знаю.

– А защитник у него есть? Что экспертиза установила? По такой статье важно установить, в какой момент, и от чего именно у жертвы произошла смерть, – сказал я взволнованно.

– Да откуда я знаю про эти экспертизы. Скажу только, что адвокатша к нему приезжала какая-то, говорит, переписывай на меня свою квартиру и тогда домой пойдешь.

Расстроенный и возмущенный от услышанного, я пошел к Максимычу, чтобы познакомиться с ним.

– Здравствуй, дедушка! – сказал я ему с глубоким уважением и подсел к нему на шконку. Передо мной лежал совсем сухой старичок, сложивший вдоль туловища руки и смотревший в одну точку. На его бледном, почти белом лице выделялись только густые, седые брови, все остальное имело безжизненный вид – впалые щеки, сухие губы темно-синего оттенка и тусклый, отрешенный взгляд.

– Здорóво! – оживился он, и, приподнимаясь на локте, повернулся ко мне вполоборота. – Говори громче, я плохо слышу!

– Как самочувствие? Может нужно тебе чего?

– Да как самочувствие...хвораю вот, то одно прихватит, то другое прилипнет. Быстрее бы уж Господь прибрал к себе, – сказал он в отчаянии слабым голосом.

– Рано к Богу засобирался, Максимыч. Тебе пожить еще нужно.

– Разве ж это жизнь? На старости лет в тюрьму угодить! – дрогнул его го-

лос.

Мне стало жалко старика, и я решил сменить тему.

– Захар говорит, что ты в Сталинграде был?!

– Был, внучок, был. Где я только не был. Осталось еще на Калыме побывать, – ответил он с иронией, и его лицо искривилось в мрачной улыбке.

– За Сталинград вам хочу сказать отдельное спасибо, дедушка! Слышал, нелегко вам там пришлось. У меня под Сталинградом прадед бился и медалью за это награжден. У него вообще медалей много было и за храбрость, и за отвагу. Я когда маленький был, то любил эти медали примерять. Но он не ругал меня, хотя и был по натуре человеком твердым, с характером. Да и все вы, ветераны, народ крепкий, в боях закаленный, не то, что сейчас ...

– Это от хорошей жизни народ не закаляется, от баловства всякого отказываться не хочет. Но уж лучше пусть так живут, чем под пулями ходить.

– Адвокат-то есть у тебя?

– Адвокат была у меня...ага...да что в ней толку. Просит квартиру на нее переписать.

– А ты что?

– А что я?! На правнучку ее переписал. Хоть какая-то память обо мне останется, – говорил Максимыч, тяжело вздыхая. – Мне ж эту квартиру недавно дали, как ветерану. Долго я ее добивался, по всем верхам отходил. Ну, хоть правнучка за меня по-доброму поживет.

– Это правильно, – вздохнул я.

– На-ка, внучок разговейся, – трясущейся рукой он достал из матерчатого мешочка пряник и подал его мне. В этот момент Максимыч был искренне рад и прост, как ребенок. Я готов был заплакать от умиления и жалости к этому немощному старичку и, наверное, так бы и сделал, если бы меня не окрикнул молодой голос сокамерника: «Стас, иди сюда! Тебя тут дама зовет!»

XXXI

Пушистая акула

Прошла вечерняя проверка, поэтому «дорога» уже функционировала полным ходом. В полу под шпонкой, была проделана круглая кабура, диаметром, примерно, с литровую кружку. Я опустился на колени и в метре от себя увидел женщину лет сорока. Она стояла на шконке, чтобы быть ближе к потолку и, закинув голову назад, смотрела вверх, то есть на меня. У нее были русые волосы средней длины, густые темные брови, нос с горбинкой и мутно-зеленые глаза. Маленький рот и тонкие губы придавали ее лицу злое, истеричное выражение. На даме были только плавки и короткая майка до пупка.

– Привет! – сказала женщина низким, с хрипотцой голосом, обнажая в улыбке ряд стальных зубов.

– Здравсти! – ответил я смущенно.

– Какой ты забавный, – попыталась сказать она нежно. А вышло так, будто

кошка играет с мышкой. – Да не бойся меня, я тебя не съем.

– Почему я должен вас бояться, наоборот..., – не мог подобрать я подходящего слова, но она опередила меня.

– А я уже видела тебя до этого, – сказала она, покачивая бедрами.

– Неужели?

– Да, вы с Салагой на прошлой неделе из бани шли, а мы с девчонками, наоборот, в баню. На тебе были брюки песочного цвета на подтяжках и белая рубашка. Я еще тогда удивилась, надо же, думаю, первый раз вижу человека, который бы так наряжался в баню, – она медленно провела рукой по волосам и протяжно добавила, – ну ты фра-ант!

– Ну, что вы!- покраснел я.- Просто я постирал свои вещи и ничего другого, кроме этого, на сменку не нашлось, – оправдывался я.

– Какой ты молодец. Хозяйственный! – лукаво улыбнулась женщина. – В следующий раз, как захочешь что-нибудь постирать, обратись ко мне. Мне будет приятно пожулькать твои вещички.

Мои щеки пылали от смущения.

– Спасибо, – ответил я.

– Кстати, ты мне еще тогда понравился. Такой высокий, красивый, спортивный. Настоящий самец. Думаю, вот бы с ним «замутить», да куда мне старухе? – сказала она кокетливо и отвела в сторону смущенный взгляд.

– Ну что вы говорите. Вы еще молоды, очень милы..., – с трудом подыскивал я подходящие слова.

– А почему ты тогда со мной, как с тётёй разговариваешь?! Обращался бы тогда на «ты».

– Это я из уважения, как требует приличие. Если хотите перейти на «ты», то так будет даже лучше. И мне приятнее, – добавил я.

– Меня зовут Лена. А тебя, как мне сказали, Стас. Ста-асик, – произнесла она протяжно. Имя-то какое сладкое у тебя. Да и сам ты, наверное..., – сказала она игриво, прикусывая нижнюю губу.

– Значит, тебя звать Лена. Приятно познакомиться, – с трудом обратился я на «ты», пересиливая неловкость.

– А ты в гости надолго, Стасик? – улыбнулась она хищно.

– Думаю, что на пару недель.

– Пару недель это неплохо. За это время мы познакомимся с тобой поближе. Ты ведь хочешь узнать меня получше?! – произнесла она гипнотическим тоном.

– Ну-у, почему бы и нет? Мне нравится с людьми знакомиться, в каждом можно найти что-нибудь интересное.

– О-о-о, во мне ты столько найдешь интересного, что и домой возвращаться не захочешь, – при этих словах ее рука скользнула между ног и там осталась.

– А почему ты промолчал, когда я тебе сказала, что ты мне нравишься? Я совсем тебе не нравлюсь?

– Ну, почему, вы...ты интересная и с каждой минутой мне все больше и больше нравишься. «Я ли это сказал? – подумал я в этот момент. – Какой же я придурок! Что я говорю?!»

– Дай мне свою руку, Стасик. Не бойся, не укушу.

Не задавая лишних вопросов, я тут же подчинился.

– Какие у тебя мягкие ладони и пальцы длинные, так и хочется их засунуть в рот, – что она и сделала без промедления.

Я зажмурил глаза, и стал ждать, пока моя рука опять окажется на свободе. В этой ловушке я пробыл около пяти минут не меньше, пока не услышал запыхавшийся, томный голос:

– Как я и думала! Ты сладенький! Ах, сладенький ты мой! – добавила она возбужденно.

– Леночка, извини, пожалуйста, но меня срочно Захар зовет, – соврал я.

– Козел твой Захар, – крикнула женщина, меня резко тон. – Так и передай ему. Но я буду ждать тебя, мой сладкий сахар, – добавила она нежно.

Я вылез из-под шконки в диком состоянии, с трудом понимая, что со мной произошло, и как я так быстро попал под влияние этой властной женщины. Захар уловил мой ошарашенный взгляд и громко захохотал, сотрясаясь всем телом.

– Ты с кем там ворковал? – спросил он.

– Женщина какая-то сорокалетняя, со вставными зубами, звать Лена, – проговорил я на одном дыхании, вытирая пот со лба.

– На взрослых, значит, тебя потянуло. Опытной бабёнки захотелось. – смеялся он от всей души. – У этой Ленки погоняло «Пушистая». Но только она сама его выдумала. Потому что более колючей бабы я еще не встречал. Это не баба, а сущая акула. Ей палец в рот не клади – откусит руку по самый локоть. – В этот момент я даже вздрогнул, посмотрев, на месте ли моя рука. – Да, натуральная эчка. У нее отсиженных уже пятнадцать лет за плечами, сидит третий раз и все за убийство.

– За убийство..., – у меня от шока отвисла нижняя челюсть.

– Да, мужиков своих «мочит». Второго мужа по ревности зарезала, а первого за что, честно говоря, не знаю, врать не буду. Она самая блатная на «продоле», девок лупит почему зря. Они ее все боятся. Говорю же, хищница. Лютая хищница! Поэтому ты уж будь с ней поаккуратней. Она тебя в раз сожрет, только тапки останутся.

– Не-е, Серега, она не в моем вкусе, – пытался оправдаться я, – я так, парой слов с ней перекинулся, да хотел посмотреть, как девчонки живут, интересно ведь.

– А что там интересного, еще хуже нашего живут. Бабам от природы тюрьма противопоказана. Они и на воле-то без мужиков дуреют, а тут тем более.

– Интересно, а почему мужчин и женщин содержат отдельно? Что плохого в том, если бы в колониях сидели все вместе?

– Э-э, брат, чего захотел. То был бы рай на земле, точнее в зоне. От того и не сидим вместе, что слишком сладким нам срок покажется. А где же тогда наказание, муки телесные и душевные? – Захар склонил голову на бок и прищурил вопросительно глаза.

– Но мне кажется, что это, наоборот, будет способствовать исправлению

осужденных. Ведь именно исправление является первоочередной задачей пенитенциарной системы, да и вообще уголовного наказания. Жили бы семьями, рожали детей, поднимая демографию страны.

– О, как завернул! – раскрыл Захар рот от удивления, – О каком исправлении ты говоришь?! О нем никто никогда и не думал. Опомнись, сынок. Тюрьма выполняла, и будет выполнять только карательную функцию. Единственное исключение между тюрьмой вчерашней и сегодняшней, состоит в том, что раньше нужна была бесплатная рабочая сила – рабы. БАМ строить, золото намывать, а сейчас мы просто негодный, лишний элемент, который сбросили в помойную яму. Тебя там никто не ждет, – ты на воле никому не нужен, поэтому и нет никакого смысла исправлять тебя. Умертвить – пожалуйста, но только не исправить! – Он скрутил толстую самокрутку, и жадно затягиваясь, продолжил. – Ты очнись от своих теорий. Вроде уже не первый день в тюрьме, должен видеть и соображать, что к чему.

– Знаешь, Захар,- подсел я к нему поближе,- в этой связи мне недавно мысль одна в голову пришла. Я заметил, что в тюрьме, большей частью, сидят рецидивисты, – ты рецидивист, Салага, Палёный и так далее. Таких, как вы, еще называют «привычными преступниками». Как утверждают криминологи, в вас уже укоренилось преступное поведение. Рецидив, как известно, является обстоятельством отягчающим наказание. Например – человек первый раз совершает преступление, и его за это сажают в тюрьму. То есть помещают в ужасные, нечеловеческие условия, после которых у любого нормального человека ломается психика. И он становится моральным калекой, не способным адаптироваться на свободе.

– В основном так и есть. Многие становятся заложниками тюрем. И совершают преступления во второй раз, – подтвердил Захар.

– Но, во второй раз его уже объявят рецидивистом, ужесточая тем самым наказание. Значит, он будет помещен в более суровые условия, да и срок ему на суде искусственно завьсят. А если человек совершает преступление во второй и третий раз, то этим самым как раз и подтверждается неэффективность нашей исправительной системы? Правильно?

Наш разговор набирал обороты, и присутствующие прекратили все дела, прислушиваясь к нам. Один молодой паренек даже схватил карандаш с листком и начал в нём что-то записывать. Возможно, конспектировать. Я говорил горячо, размахивая руками.

– А если она не эффективна, то есть не способствует исправлению, то зачем человеку, в таком случае, давать еще больший срок и помещать в худшие условия?! Это ведь абсурд! Тогда выходит, что цель наказания носит исключительно мстительный, карательный характер. И другой подоплеку я в этом не вижу!

Выдержав паузу и чуть отдышавшись, я продолжил:

– Это похоже на такую ситуацию. Врач дал пациенту одну таблетку, но она ему не помогла, и даже ухудшала его состояние здоровья. Тогда «сердобольный» доктор, наперекор всем законам логики, дает ему еще две те же самые таблетки, потом три, четыре и так далее. Пациент уже корчится в предсмертных муках, а врач только и делает, что повышает дозу избранного им лекарст-

ва...Захар, почему такое происходит? Где же тот гуманизм, о котором нам «трубят» во все горло профессора с кафедры?

– Все очень просто, – начал отвечать он спокойным и почти равнодушным тоном. – Никто не имеет права на ошибку! Совершивший ее однажды, до конца жизни будет находиться под прицелом у государства, как отверженный. Нет, правильной будет сказать, как прокаженный! И от него, как ты мог подумать, даже не будут шарахаться прохожие, потому что терпеть такого в своих рядах требует хоть какой-то минимальной жалости и гуманности; его просто изолируют. Это самый простой и надежный способ, проверенный временем. Вот тебе и объяснение, зачем используется рецидив и другие приемы.

– Серега, – обратился я к нему с последней надеждой, – но у нас ведь демократический режим, правовое государство. Наш народ является единственным источником власти, мы ведь не можем истреблять друг друга...

– А ты, мой друг, еще хуже, чем я думал! Ты, оказывается, совсем запущенный случай, – промолвил он с досадой. – Нет, сынок, тяжело тебе придется с такими взглядами. Ты иди, и повнимательнее посмотри, как сидит у нас слабый пол. Эти дочери, жены, матери, и сестры. Ты, наверное, с Пушистой проболтал, а самого главного так и не увидел.

XXXII

«Женский аквариум»

Я лег животом на пол, чтобы удобней было смотреть вниз, и ужаснулся... Хотя за два месяца пребывания в тюрьме, увидел уже не мало страшных картин. Мне показалось, что я попал в женскую баню. В семиместной камере было около двадцати женщин. Всюду висели мокрые тряпки, нижнее белье и другие вещи. Был уже конец июля, жара не спадала, и в камере было, как в теплице. На стенах я увидел повсюду плесень и капли конденсата. Верхние ярусы шкафов были свободные. Вверху не обдувало ветерком, и от этого там было невыносимо душно и жарко. Большинство женщин лежали на полу. У многих на лицах или на груди лежали, смоченные холодной водой тряпки. В основном, куски простыни или полотенца. У двери я увидел двух пожилых женщин с приоткрытыми ртами, они жадно глотали прохладный воздух, который просачивался сквозь дверные щели с коридора. Они, бедные, были похожи на рыб в аквариуме, которые всплывают на поверхность воды и глотают ртом воздух. На лестнице туалета сидела тощая, как ветка сухого дерева, бабушка с повязанной полотенцем головой. Она с закрытыми глазами раскачивалась из стороны в сторону и страдающе охала.

На многих были одни только плавки или трусы, на других еще были майки. Женщины изнывали от невыносимой духоты и сплошь были покрыты потом, он катился по их телам ручьем. Мокрые волосы прилипали к искривленным от горя лицам. Из уважения к женщинам я не буду описывать запах, которым густо веяло из камеры.

От увиденной картины я не мог прийти в себя, мысли путались в голове. Меня стала навязчиво преследовать мысль, а если бы, вдруг, по воле рокового случая, кто-нибудь из моих родных женщин попал в такие жуткие условия, как бы они могли пережить такой кошмар? Мне представилась моя бабушка на месте той старушки с повязанной головой, и я внутренне содрогнулся. Мне хотелось прервать нить размышлений, но навязчивые мысли держали в своей власти, рисуя в моем воображении картины, одну страшнее другой. Когда я, наконец, уснул, то и во сне меня продолжали одолевать кошмары. Мне снились груды мертвых тел и стаи падальщиков, жаждущих человеческой крови и мяса.

Утром я проснулся с необычайной силой прояснения. Всё, что сейчас меня окружает ни что иное, как кровожадное мщение. Людям просто мстят за ведро картошки, за двух гусей... Содержать людей в таких условиях может быть продиктовано только одним чувством – жаждой ненасытной мести.

XXXIII

Незаконное распространение «ацетилки»

Позавтракав кислой капустой (будь она не ладна), с куском черного хлеба, который полчаса держался на зубах, как боксерская капа, я заварил чай и пригласил своего соседа составить мне компанию. Его имя было Алексей, но все его звали Алекс, прозвище он носил – Лютый. При своем среднем росте он имел очень широкие плечи. Глядя на него, можно было сказать, что это «квадрат на ногах». Когда-то он профессионально занимался каратэ, а потом стал тренером, то есть сэнсэем. Но однажды, попробовав наркотики, в дальнейшем он не смог от них отказаться. Из-за этого был поставлен крест на его спортивной карьере, и в конечном итоге он оказался в тюрьме. Этот парень был общительным, но наглым и грубым в обращении. Рассказывая про свою жизнь на свободе, мне стало ясно, что Алекс любил роскошь, вкусно покушать, деньги и дорогие машины. Но больше всего он любил женщин. Ради них он был готов пожертвовать всем, в том числе и машинами, и деньгами. За кружкой чая мы познакомились поближе, и я задал свой дежурный вопрос:

– Алекс, а ты за что здесь?

– За собственную глупость! – ответил он четко. – Попробую рассказать, может, поймешь. – И, собравшись с мыслями, он мне поведал. – Как-то вечером я смотрел телик. Вдруг раздается звонок по телефону, и слышу голос своей знакомой. Она просит помочь купить «порошок». А я в то время в завязке был, уже три недели наркоту не употреблял, держался. Ответил ей, что никак помочь не смогу. Она опять звонит, неугомонная. Ноет, просит. Так, раз десять мне позвонила, а я трубку не беру. Надоела, курва. Трезвон меня доконал, я пообещал ей помочь. Нашел таблетку «ацетилки», измельчил ее, завернул в фольгу из-под пачки сигарет, и поехал к ней на встречу. Словились мы с ней недалеко от «точки», я взял у нее деньги, и пошел, как будто к барыге за «порошком», а сам в подъезде сигарету выкурил и вернулся к ней. А вернувшись, вместо героина

ей всучил «ацетилку» в золотинке. И только делаю, буквально, пару шагов, как менты руки заламывают и сажают в машину. А в ней уже двое понятых сидит. Изымают у меня «меченые» деньги, а моя знакомая телка выдает им то, что я принес. В этот момент молчать бы мне надо, а я нет, бык тупой, говорю им: «Вы думаете это героин, что ли? Нет! Я ей «ацетилку» продал!»

– И, что дальше было? Как менты отреагировали? – спросил я, заинтересованный рассказом.

– А вышло так, что по заключению экспертов я продал героин, массой три сотых грамма.

– Как же так? – воскликнул я удивленно. – Ничего не пойму! Ты же только что сказал, что продал «ацетилку», которую своими же руками измельчил в порошок.

– Так оно и было! Продав я, конечно, «ацетилку». Да вот когда перед ментами брякнул, что это не героин, а «ацетилка», то они и отправили на экспертизу не мой порошок, а настоящий героин.

– Вот уроды!

– Да мало ли таких случаев? Ни я первый, ни я последний. Теперь деваться некуда, надо как-то взять этот срок. Ладно, что уж теперь..., – вздохнул он всей своей квадратной грудью. – И не такие метели на х.. вертели, как-нибудь и эту вертанём. – Алекс улыбнулся и перешел на шепот, – Слушай, что я тебе хочу сказать-то. Скоро на нескольких этажах ремонт будут делать, я от хозобслуги узнал. Будут трубы, шконки менять, короче говоря, шумно будет. И я под этот кипиш хочу лаз к девчонкам сделать. Инструмент я найду, у меня в обслуживании знакомый есть, он принесет.

– А что такое – лаз? – спросил я его.

– Это большая кабура, через которую к нам девки будут лазить в гости. Надо этот момент не упустить, ведь скоро по зонам разъедемся и долго баб не увидим! Ну, как? Ты мне поможешь?

– Конечно, помогу, почему бы не помочь? А ты с Захаром разговаривал? Вдруг он против будет? Да и менты, если узнают, по голове за это не поглядят.

– Нет, с Захаром пока не базарил и в этом вся загвоздка. Он ведь упертый, если скажет, нет, то «пиши – пропало». Давай вместе с ним поговорим, он к тебе хорошо расположен. Да и Салага за тебя мазу тянет, а он его уважает, как родного.

– Блин, мне как-то неловко его просить. А вдруг, из-за нашей самодеятельности старик пострадает? Как потом ему в глаза смотреть будем?

– Да не бойся ты! Если менты спалют, тогда я за всех грузанусь.

– Хорошо, но давай так поступим: сначала ремонта дождемся, а потом с Захаром поговорим. Может ремонт отменят, а мы и зря старались.

– Ладно, подождем! – ответил Лютый и мы ударили по рукам.

XXXIV

О чем стыдно писать

После открытия «дороги» я получил две малявы – одна была от Салаги, вторая от Палёного. Первый писал, что жалеет, что отправил меня в гости и скучает без меня. А второй слезно просил приглядеть за Мариночкой, и спрашивал, как она поживает, и не имеет ли в чём нужды. А в случае чего, просил срочно сообщить. Я немедленно ответил этим двум старым бандитам теплыми строчками и, выполняя поручение «Палёного, решил познакомиться с его пасисей. Но попасть к кабуре не представилось возможным, так как ее занял Алекс, спрятавшись за шторкой.

– Серега, а что там Лютый за шторкой застрял, уже час как оттуда не выходит? – оторвал я Захара от чтения книги.

– Любятину с кем-то опять гоняет. Придурок озабоченный! – пробухтел он, поднимая очки ко лбу. – А бабёхи, курвы драные, только и рады на «турнике» повиснуть.

С трудом понимая, что подразумевает Захар под этим выражением, я решил все же уточнить у него:

– Ты имеешь ввиду, девчонки гимнастику делают? Или, что это значит? Я тебя не совсем понимаю.

– Вот молодозелено. Объясняю, «на турнике виснет», значит дробит. Ей ведь, гимнастке, на поднятой вверх руке это приходится делать. Дошло?

– Ага, – ответил я.

Через некоторое время Лютый вылез из-за ширмы, как медведь из кустов малины. Он был красный и довольный. Глядя на меня, он махнул рукой в сторону кабуры и произнес:

– Иди, тебя Пушистая просит.

«Какая неугомонная», – подумал я, и нехотя подошел к кабуре. Моя знакомая хищно улыбалась, поджидая меня. На ее лице был толстый слой макияжа, и небрежно накрашенные ресницы, отпечатанные на верхних веках. Губы были накрашены темно-коричневой помадой, на щеках сверкал перламутровый румянец. Она была одета в голубую майку с какими-то непонятными надписями на груди и в черные гипюровые плавки.

– Ты совсем забыл обо мне, мой сладенький, – произнесла женщина с укором.

– Сказать честно, я был очень занят, – холодно ответил я, заранее решив, дать отпор этой даме и никогда больше не поддаваться на ее провокации.

– Какой же ты счастливчик, – в тюрьме занятие себе нашел. А я вот только и делаю, что думаю о тебе. И ещё очень грущу. Сегодня всю ночь не спала, подарочек тебе готовила. Вот смотри, – и она достали из-за спины маленькую, красную подушку в виде сердца. На ней большими буквами были вышиты слова «Моему милому Стасику».

Глядя на подушку, мне стало приятно. И в то же время я почувствовал неловкость перед этой женщиной. Ведь она тратила время, мастера своими рука-

ми эту подушку. «А я ее Акулой обзывал в то время, когда она готовила для меня сюрприз», – мысленно укорил я себя, а вслух произнес:

– Какая классная подушка! Спасибо тебе! Но я не стою таких жертв..., – и начал аккуратно вытаскивать подушку из кабуры.

– Это не жертва, а забота. И я всегда готова сделать всё, что угодно для любимого человека. Хотя и много страдала от своей доброты, но изменить себя не могу. Такая уж у меня натура, – сказала она упавшим голосом.

Мне захотелось успокоить женщину, и я подхватил:

– Я считаю правильным, когда человек делает всё для любимого. Доставлять радость человеку, которого любишь – естественно.

– А ты любил кого-нибудь в своей жизни? Может быть сейчас кого-то любишь? – спросила она кротким голосом.

– Да, любил. Но, к сожалению, это всё в прошлом.

– Тяжело без любви жить. По себе знаю! – с горечью сказала женщина. – Я уже пятнадцать лет по зонам мыкаюсь, и совсем забыла про мужскую ласку. Но, где бы человек не был, а природа всё равно диктует свое. Женское сердце, как ни крути, для любви и семьи создано.

– Да ты не отчаивайся. Ты обязательно повстречаешь нормального мужчину на своем пути. Я уверен в этом! – с умилением я смотрел на испачканные тушью веки в форме маленького веера.

– По всему видно, что я уже повстречала. Только он ко мне равнодушен, – произнесла женщина упавшим голосом и покосилась на меня.

Я понимал, о ком она, и поэтому смолчал. Мне уже хотелось побыстрее расстаться с ней, но она снова задала мне вопрос:

– А ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Нет, прелесть такой любви придумана наивными глупцами, – слукавил я, хотя придерживался противоположного мнения. – Не отрицаю, что с одного взгляда может произойти вспышка страсти, но эта молния любви коротка и обманчива.

– А я верю! И ты меня в этом не переубедишь! Хочу открыться перед тобой, мой дорогой, мой сладкий. Знаешь, я влюбилась в тебя уже давно... Это произошло тогда, в коридоре. Только увидела в первый раз, и у меня сразу щелкнуло вот здесь, – она указала на грудь. – В тот день, как до бани дошла, не помню. Ноги ватные, голова гудит, в глазах круги от волнения. А когда раздеваться начала, почувствовала, что ты рядом со мной, смотришь на меня, любишь и желаешь. Я тогда в мыслях обратилась к тебе: «Подойди ко мне, возьми меня, возьми скорей, – после этих слов она закрыла глаза и начала снимать с себя майку, оголяя живот с татуировкой в виде змеи. Сбросив майку, Пушистая стала мять свою пожухлую грудь и приговаривать томным голосом. – Возьми меня, малыш! Я вся твоя! – Через мгновение она виртуозно скинула плавки и оказалась совершенно голой. Не обращая внимания на окружающих, она заголосила громко, – О, праздник! Ты вошел в меня, словно зверь! – возбужденная дама раздвигала ноги всё шире и шире. Она стала откровенно мастурбировать, и при этом громко кричать. – Еще, еще...!

Я находился в оцепенении и не мог пошевелиться. Вжав голову в плечи, я

думал только об одном: «Как же ей не стыдно такое вытворять перед всей камерой! Что сейчас люди подумают?» – но, глянув на лица ее сокамерниц, я не нашел в них удивления. Женщины были заняты своими делами, и, казалось, не интересовались эротической сценой. Только две молодые девушки, сидевшие неподалеку, смотрели на Пушистую жадными глазами. Очевидно, они ей завидовали.

– Кончаю, кончаю, любовь моя! – дико закричала женщина и начала трястись, как в лихорадке. После этого она легла на шконку, на которой до этого стояла, и как ни в чем не бывало, широко раздвинула ноги. Ласково поглаживая свои бедра, она продолжила, – Вот так я мысленно занималась с тобой любовью. Но как я хочу прижаться к тебе на самом деле, ты даже не представляешь! Я бы многое отдала, лишь бы оказаться с тобой наедине, – произнесла она севшим голосом и обняла себя двумя руками.

– Лена, может хватит интима! Ты что творишь? Прошу тебя оденься!

Но мои слова ее не остановили. Наоборот, еще больше распекли.

– Посмотри, тебе нравится моя «киска»? – пробормотала она, поглаживая рукой между ног.

– Да, хорошая! Она тебе к лицу! – брякнул я невпопад, сам удивляясь своим словам.

– Она твоя, милый! Она хочет тебя одного!

– Ну, оденься же ты, наконец! Ну, давай поговорим! – умолял я.

– Ты хочешь, чтобы я прекратила? – хитро спросила она.

– Конечно, хочу! Мне уж самому стыдно, что ты вытворяешь! Ну, честное слово!

– А ты попроси меня хорошенько, я и перестану!

– Лена, прошу, приди в себя! Остановись! – взмолился я.

Но последовала обратная реакция, глаза женщины сомкнулись, ее тело выгнулось дугой и два пальца нырнули в промежность.

– А-а-а... Любимый! – завывала она тонким голосом.

– Ты что творишь...? Дура!

– Да, я дура! Я схожу с ума-а-а...

– Нет, ты хуже, ты долбанутая на всю башку! – рявкнул я со злости. Но женщина взвизгнула от удовольствия, и ее тело резко содрогнулось.

– Всё, я ухожу! Ты ведешь себя, как конченная сука!

– Да! Да! Я сука! Я твоя сука! – обливаясь потом, подхватила Пушистая.

– Всё! Пошла ты на х...! – закричал я в кабуру и напоследок увидел, как обнаженное тело женщины забилося в конвульсиях. Оргазм искривил ее напояженное лицо. Я присел на железную лавку, достал сигарету и закурил. Это была третья сигарета в моей жизни.

Делая глубокие затяжки одну за другой, мне хотелось успокоиться, переключить свои мысли на другую тему. Но тема в голове была одна: увиденное и услышанное несколько минут назад. Мне казалось, что таких идиотов, как я, нет на всём белом свете. «А может быть это всё нормально? Может быть, на жизнь надо смотреть проще? – размышлял я. – Может быть, я мечтаю о чем-то возвышенном? А этого возвышенного и в помине нет! Своими идеалами я

только усложняю жизнь и отношения между людьми. А стоит ли это делать?! Может быть, наша жизнь только и состоит из постановки взаимоотношений с теми людьми, с которыми ты можешь оказаться по воле случая? Ну, и что такого, что у нас с Леной не пересеклись интересы? Она ведь живой человек, и я не смею ее осуждать. Поступки людей надо пытаться объяснить с их позиции».

У меня начало восстанавливаться настроение, и я продолжал философствовать: «Я сегодня лучше узнал Лену. Ее поведение меня шокировало, и я называю его вульгарным. Но, что ей делать? Природу не обманешь, она всегда возьмет свое! Женщина пятнадцать лет любви не видела, ласки, а тут я подвернулся. И о какой морали можно толковать, если человек находится в таких условиях. Хорошо рассуждать тем, кто этого не испытал. Может быть, окажись в таких условиях воспитанная женщина, и та бы не стерпела. Ладно, не мне судить. Сигарета выкурена, рассуждения закончены...»

Я молча залез на свою шконку в надежде быстро уснуть. Но мне вспомнился сон, который я видел еще на свободе. Как я шел по хлюпкому мосту через кровавую реку, а на дальнем берегу на меня с любопытством смотрела Таня. «Сон в «руку» – решил я. – Кто-то из друзей дождется меня, родители, дай им Бог, здоровья. А ты, дорогая моя Таня, будешь только из любопытства смотреть, дойду ли я до желанной свободы, или нет... Хорошо, что я вспомнил о тебе сегодня. Мне будет очень тяжело без твоей помощи, но я обязательно вернусь. На зло моим врагам, на зависть тебе, Танюша. Меня всегда привлекали непростые люди, и тут я тоже их встретил. Вот, например, Максимыч, настоящий герой. В танке горел, а выжил! Ему восемьдесят, а он тоже свободы дожидается. И я не сгорю в тюремном огне, выйду с этого поля боя сильным духом и закаленный жизнью». Мысли о будущем успокоили меня и я уснул.

XXXV

Маринка – чума

Следующий вечер мы коротали с Захаром, беседуя на политические темы, попивая зеленый чай с жасмином, который нам передали девчонки с нижнего этажа. Так как Максимыч предпочитал уединение, то я отдельно налил ему кружку чая и угостил горстью конфет. Он от души поблагодарил меня и устроился на краю своей шконки. Он громко отхлебывал душистый напиток, и по всему было видно, что у него поднимается настроение. Между тем, наша беседа с Захаром набирала обороты, а любопытная публика жадно внимала нашим словам.

– Я тебе так скажу, – назидательным тоном говорил Захар, – где небольшая общность людей, там предпочтительнее прямая демократия. К примеру, нас в отряде сто пятьдесят человек. Друг друга мы знаем, а значит и проблемы у нас общие, то есть каждому известные. Если понадобится обсудить что-то острое, наболевшее, мы соберемся всем отрядом и решаем эту проблему сообща. В этом случае любой может выразить свое личное мнение. А текущие вопросы

решают пару человек, которые пользуются доверием у мужиков. Такой порядок я считаю самым оптимальным и справедливым. Вспомни Новгород, там издревле были известны «сход», «вече». Народ этого города принимал непосредственное участие в политических делах, и преуспевал Новгород, процветал, и благоденствовал. А появился Иван Грозный и задушил свободу новгородцев.

– Про небольшие общности понятно, а как же быть с государством, где живут миллионы людей? – поинтересовался я.

– Да какое бы большое государство не было, а устанавливать тоталитарный контроль над человеком, навязывая ему патернализм, нельзя. Человек должен развиваться свободно, реализовывать Богом заложенный потенциал. И коль не государством дана эта свобода, то и не ему ее ограничивать. – Захар так возбужденно исповедовал свои взгляды, излучал такую сильную энергетику, что невозможно было остаться равнодушным. Одним своим видом, экспрессией он приковывал слушателей и мастерски вбивал в них гвозди своих убеждений. Молодой паренёк с конспектом опять подсел к нам поближе. – Конечно, все понимают, что управлять страной, в которой нет свободных граждан, а есть только безликая толпа рабов, гораздо проще. Ведь они идут покорно, свесив свои головы. Но куда бы их не повели, пусть даже в рай, жить в такой стране я не желаю! – гаркнул Захар и ударил кулаком по столу. Видно было, что он заводит сам себя. – Мне свобода нужна! «Птахе дорога зеленая ветка, чем золотая клетка». Вот так-то! – воскликнул он возбужденно, залпом выпил из кружки остывший чай и тут же продолжил:

– Верха могут только в минимальных рамках корректировать общее движение, но не вмешиваться в него кардинально, Не нарушать естественный процесс развития. Это ведь как сказать, например, реке: «Слышь, река, ты до этого дня неправильно текла, давай-ка херачь теперь в обратном направлении». И таких примеров мировая история знает не мало... Вот и отмечены они в календаре кровью, чтобы потомки об этом не забывали, – пробухтел он недовольно.

– Ладно, я тебя понял. Но давай все-таки вернемся к зоне, там, говоришь, тоже есть свое внутреннее устройство, своя власть.

– А как же? Где двое, там уже один подчиняется другому. Так человек устроен, его жизнь в социуме. Ну, а устройство..., – он призадумался. – Зона зоне рознь. Где-то тоталитарный режим с фашистами во главе, где-то авторитарный, я бы его назвал «полукрасный – получерный», а где-то и демократия есть, о которой я тебе уже говорил. Ни под солнцем, ни под луной, мой друг, нет ничего нового. Вот и в зонах люди ничего нового не придумали, а просто переняли государственный механизм в упрощенной форме и заменили термины. Например, вместо бюджета говорят общак, вместо правительства – братва, и так далее.

– Захар, а я слышал ты дядька авторитетный. За зоной смотрел. Это правда?

– Ну, если народ говорит, значит, правда, – засмеялся он. – Но на будущее знай, – авторитетный еще не означает, уважаемый.

– А я думал, это одно и то же, – удивился я.

– Значит, ты глубоко заблуждался. Для меня, например, только тот правитель достоин уважения, который строит политику для людей, а не за счет лю-

дей. Есть, к примеру, такие дельцы, которые только за счет мужицкого благополучия пополняют общак или, если хочешь, скажу такими словами – их экономика строится на высоком, обременительном налоге, который поступает в бюджет. Внешне всё кажется благополучно – в бюджете есть деньги, оттуда идет финансирование и распределение по различным отраслям хозяйства, «колеса крутятся – машина работает», а мужик с каждым днем живет все хуже и хуже. А от чего так происходит? – прищурился он.

– От чего же? – спросил я.

– Да от того, – Захар поднял кверху указательный палец. – Что мужиками, как дровами, печка локомотива топится, в котором все мы едем. «Машинист», конечно в авторитете, потому, что на почетном месте. Но уважать-то мне его за что? За то, что мужиками печку топят? – посмотрел он на меня в упор.

В этот момент из-под шконки вылез Алекс и с довольным видом, отдуваясь, сказал:

– Вот Маринка – чума! Я такой ненасытной бабы еще не видел.

«Ё-мое, только бы не Марина Паленого, – мелькнуло у меня в голове. – Может это просто ее тезка?! Ведь их там двадцать человек, а может, я подумал грешным делом, совсем не о том... Так, надо выяснить».

– Да, я понял тебя, Серега. Надо будет еще потолковать на эту тему, – сказал я Захару, и, обращаясь к Алексу, спросил:

– А, что за Маринка такая? Хорошенькая?

– Да, смазливая деваха. Настоящая гимнастка, – с «турника» не спрыгивает, – сказал он смеясь.

Вспоминая, что мне о Марине рассказывал Паленый, я спросил:

– А-а, это рыженькая такая, ей сорок с небольшим?

– Рыженькая, только ей около тридцати, – ответил Алекс.

– Она еще бухгалтером работала на нефтебазе?! За растрату сидит?!

– Да, она. Скажи, огонь телочка! – засмеялся Алекс, вытирая пот со лба.

– Ну, нормальная, – сказал я, расстроившись, и задумался.

Прикинув, что к чему, я обратился к Алексу:

– А у тебя с этой Мариной что-то серьезное или так...?

– А ты чё, влюбился в нее, что ли? – ответил он вопросом на вопрос.

– Нет, куда мне... Но я тебя сейчас серьезно спрашиваю, мне нужно услышать твой ответ.

– Я нет! Просто прикалываюсь. Нормальная девка, чего бы с ней не поугорать?

– А у меня в сто семнадцатой хате друг сидит, который совсем не прикалывается, и уже с ума сошел из-за этой Марины – хочет жениться на ней. Поэтому, я бы хотел тебя попросить..., – замялся я, подбирая подходящие слова, но мне на помощь пришел Захар.

– Вот сука! «Ей лишь бы х... свежий, хоть и медвежий»! – сплюнул Захар. – Кто? Салага что ли запал на эту блядьму?

– Нет. Вовка Паленый, – ответил я.

– Ну, дурень старый! – выругался он. – Под старость лет совсем из ума выжил. Я же Паленого лет двадцать знаю, не меньше. Он хоть и чудной, но му-

жик духовитый. Сколько мы с ним вместе с краснопузыми, да ментами повоевали...

– Я все понял, мужики, – отозвался Алекс. – Без лишних слов понятно. Я и не хотел с ней ничего «мутить», она сама ко мне пристала, как банный лист к жопе. Теперь хрен отвяжешься от нее.

– Я вас мигом отвяжу! – гаркнул Захар и, взяв под мышку шахматы, отправился к Максимычу. С которым он, кстати говоря, не понятно как играл. Один был почти слепой, а другой (Захар), знал только, как ходят пешки и кони. Но, тем не менее, они часами сидели за шахматной доской, молча, передвигая фигуры.

XXXVI

«Хрен морковки слаще»

Я решил поговорить с Мариной и подзвал ее к кабуре. Она и в самом деле выглядела моложе своих лет, была приятной наружности и, судя по всему, имела веселый, беспечный нрав. В её глазах светились соблазнительные огоньки или попросту говоря, она имела бесстыжие, б.....ие глазки.

– Привет, – сказал я ей.

– Приветик, – ласково улыбаясь, ответила она.

– Меня Стасом зовут. Я в гости приехал из сто семнадцатой камеры...

– Знаю, – перебила она. – И что дальше!?

– Если хочешь знать, что дальше, не перебивай меня.

– Ну! – нахмурилась она.

– Может это не мое дело...

– Это совсем не твое дело! Зря ты суешь свой нос туда, куда собака свой хрен не совала, – произнесла она с нескрываемым раздражением.

– Может, конечно, это и не мое дело, но Паленый – мой друг, и я не могу спокойно смотреть, как ты ему перед моим носом рога наставляешь. Марина! – обратился я к ней мягче. – Дело в том, что у Вовы матушка – больная старушка, ей почти восемьдесят лет. Она на свою пенсию покупает ему продукты и едет через весь город, чтобы сделать «передачу». А он, сумасшедший, всю эту передачу, до последней крошки, пересылает тебе, как своему близкому человеку, как своей жене. А ты, Марина, этого не ценишь и обманываешь...

– Ты приехал сюда, чтобы мне нотации читать что ли? Так я уже взрослая, и сама разберусь, как мне жить.

– Понятно, что я для тебя никто, и не имею права тебя жизни учить! Но все же мы поступим следующим образом: я Паленому ничего не скажу о том, что ты вытворяла здесь, но если, вдруг, я тебя еще раз увижу...

– То что? – блеснула она злобно глазами и приставила руку к боку.

– Тогда мне придется ему все рассказать!

– Ну и рассказывай! – взбесилась она. – Мне любви надо, мужика хочу. И видала я твоего Палёного вместе с мармеладом... Мне х... живой под боком ну-

жен. Понятно?

– Курица ты тупая! Дело не в конфетах...

– Это ты бык тупой! – вытаращила она глаза от гнева и с вызовом добавила, – посмотри на меня, в какой я хорошей форме! Нет, чтобы сказать мне: «Приятного аппетита в сексе», а ты мне нотации...

– Короче! Пока я в гостях, ты сюда не подойдешь! С тобой никто из нашей хаты даже разговаривать не будет, – взбесился я.

– Да гуляйте лесом, полем и оврагами вместе со своим Паленым, – крикнула она, прыгивая со шконки.

Почувяв, что я рядом, Пушистая рысью подскочила к кабуре и, оскалив стальные зубы, хищно спросила:

– Что здесь рыжая тварь базарила?

– Ничего. Так..., – отмахнулся я.

Пушистая грубо схватила Марину за руку и с кровожадностью гиены спросила у меня:

– А хочешь, я ее накажу?

– Зачем? Ты что! Все нормально, это моего друга родственница. Он просил ей привет передать.

– Ты так говоришь, будто оправдываешься. Может, ты мне врешь про друга, а сам с ней любятину закрутил?!

– Да если бы и так?! – сказал я сухо.

– Тогда я ей башку отверну! – сказала она серьезным тоном. – Имей в виду, я страшно ревнивая, и делить тебя ни с кем не собираюсь. Только попробуй еще с кем-нибудь из моей хаты языками вцепиться! – пригрозила она. В это время ее глаза загорелись бешенством, как у бульдога. Сплюнув, через левое плечо она прошипела. – Я перед тобой не для того ноги раздвигала, чтобы ты с шалашовками любовь крутил и меня позорил! Уяснил?

– Как у тебя интересно выходит..., – опешил я.

– А ты не удивляйся, – перебила она. – Не в малинник попал. Привыкай!

– Да уж! – вздохнул я, и добавил, – пойду я, чувствую, сегодня не мой день. – И спешно удалился.

XXXVII

Трофей

Пару дней я не показывался у кабуры, но видел, как через нашу камеру проходили один за другим «груза», точно состав вагонов. Эти «груза» отправлял влюбленный Вовка. На них были такие надписи – «моей ласточке», «моей звездочке», «единственной» и все в таком духе. Помимо этого, он постоянно напоминал мне, чтобы я не забывал справляться о делах его любимой женщины. И мне стоило не малых усилий, чтобы не рассказать ему всю правду об этой рыжей бестии. Только жалость к бедному Вовке сдерживала меня от этого шага.

Алекс нашел себе другую зазнобу, и начал с ней продолжать вечерние утехы. И как-то поздно вечером, после того, как по камерам «раскидали» этап из ИВС, он пулей выскочил из-за шторы, и возбужденным голосом воскликнул.

– Попалась!

– Кто попался? – спросил я его в недоумении.

– Попалась, крыса продажная! – опять сказал он, дрожа весь от волнения.

Глаза его пылали ненавистью.

– Да скажи ты, наконец, в чем дело!

– Закупщица моя, Рыба, попалась. Сейчас со Светкой по кабуре разговаривал, а там Рыбу с этапа заводят. Похоже, ментам неудобна стала...

– Постой, а эту Рыбу, случайно, не Алена зовут?

– О, браток, так она и у тебя закупщицей была?! – усмехнулся он.

– Значит, Алена, – сказал я взволнованно. Задрожали руки.

– Не гони, здесь пол тюрьмы из-за нее сидит. Я этой ведьме сейчас устрою «Вальпургиеву ночь». Не даром Лютым дразнят! – процедил он сквозь зубы и заметался по камере.

– Что ты хочешь сделать? – спросил я его.

– Да ничего особенного. Просто пар нужно выпустить, а то я не смогу уснуть.

Алекс остановился на минуту в задумчивости, и потом сказал:

– Пойдем со мной, сейчас тебе прикол покажу. Будет жертвоприношение.

Мы с ним расположились вокруг кабуры, предварительно занавесившись шторой. «Только рожу в кабуру не суй, чтобы она не узнала нас», – сказал он мне и, придав своему голосу мягкое звучание, обратился в женскую камеру.

– Девчонки, новенькую позовите, пожалуйста.

Новенькая залезла на шконку, и я увидел ту самую Рыбу, которая еще месяц назад изобличала во мне преступника. Которая гордо подчеркивала свою гражданскую сознательность, нравственность и правдолюбие. У нее было бледное, искривленное от ломки лицо.

– Привет, красавица, – обратился к ней Лютый.

– Приветик, – сказала она в ответ, выдавливая кривую улыбку.

– Как звать тебя?

– Алёна.

– За что же, Алёнушка, посадили тебя?

– Да с наркотой менты подставили! – злобно бросила она, шмыгая носом.

– А-я-яй, что твориться! Подонки! Совсем у мусоров совести нет. Сначала всех нормальных пацанов пересажали, а теперь и до девчонок добрались.- сокрушался Алекс.

– Да и не говори, какая там совесть. Где была у них совесть, там уже давно хрен вырос. Средь бела дня скрутили ни за что, и в отдел, – кислая мина не сходила с ее лица.

– Да ты держись, может, обойдется! Вижу девчонка ты хорошая, – произнес он ласково.- А сама-то не травилась? – вкрадчивым голосом спросил Лютый. – Может, имела грех? Покальвалась маленько, ну так... с устатку, как говорится.

– Нет, милый, что ты! Никогда в жизни. Я и наркоманов не перевариваю, это же скоты, а не люди, – произнесла она с отвращением.

– А-а, ну раз такое дело, то извини. Просто мы тут с другом «порошка» затынули, а я смотрю, ты с этапа в хату заходишь, вид у тебя какой-то больной, ну, думаю – наша. Девчонку надо «подлечить». Да, видно, обознался скот. Извини уж!

Глаза Рыбы дико заблестели, от удивления она приоткрыла рот и как пингвин стала топтаться на месте. «Ай да незадача вышла! Что же я наделала! Как теперь вернуть слова обратно!» – было написано на ее вспотевшем лбу.

– Ну ладно, мы пока в стойло пойдем. А ты обживайся пока, с девчонками знакомься, – сказал спокойно Лютый.

– Стойте! Стойте, мальчики! – умоляюще произнесла она, протягивая в нашу сторону руки. – Не обижайтесь! Я, если честно, «на кумарах» заехала. Поймите правильно, не буду же я говорить об этом каждому встречному.

– Сильно болеешь? – спросил Алекс участливым тоном.

– И не спрашивай! Выворачивает всю, не знаю куда срать кинуться, – заговорила она в своей манере, чувствуя «своих».

– Давно колешься?

– Лет шесть уже, даже вены пропали. Приходится в пах колоть. Такую дозу лошадиную нагнала в последнее время, кошмар. Дайте подлечиться, пацаны!

– Слышь, ты чё-то стремная какая-то? Шесть лет на игле сидишь, и в пах уже колешься. Нет, таким чертовкам не подаем. Всё, мы пошли. Чао, дорогая! – произнес Алекс с отвращением и собрался ретироваться.

– Нет, нет, нет! Стойте! Дайте только раз уколиться. Один разок, пацаны. Я все для вас сделаю.

– Что ты сделаешь? Какой от тебя прок. Не-е, это все понты!

– Хоть что сделаю. Все, что пожелаете. Я рабой вашей стану!

– А сосать будешь? – спросил он прямо.

– Да, да! – с готовностью ответила Рыба. – До конца жизни миньетчицей вашей буду! Дайте уколиться, пацаны! – она была готова зареветь.

– Слышь, а «стучать» нам будешь?! Просто в вашей «хате» наши девчонки сидят. Хотим знать, чем они там дышат – о чем говорят, с кем общаются.

– Буду! Конечно, буду, – с радостной покорностью ответила она и добавила шепотом. – Я в этом деле «собаку съела», вы будете мной довольны. Обещаю!

– Ну ладно, шпионка ты наша, что же ты так разнервничалась? – промолвил довольно Алекс и просунув руку в дырку, стал гладить Рыбу по голове. Затем, намотав ее волосы себе на кулак, с криком: «Привет тебе от Лютого!» – что было сил, дернул.

По всей тюрьме раздался истошный визг. Лютый молча сел на шконку, и стал с любопытством разглядывать выдернутую прядь волос, размером с лошадиный хвост. Зеваки облепили его со всех сторон, каждый хотел потрогать диковинку. Кто то даже изрёк предположение, – если эти волосы отварить в кипятке, то можно всей тюрьмой «травиться» до конца срока. Уж на столько они пропитались наркотой за эти годы. Потом Алекс взял лист картона и написал на

нем большими буквами: «Так будет с каждой закупщицей!!!»

Через проделанную в картоне дырку, вставил свой «трофей», и закрепил это все на «муравейнике», отдушине с множеством отверстий, расположенной над дверью. Десяток голосов воскликнули: «Красота!!!» – хата ликовала от эстетического удовольствия.

XXXVIII

Демократ с Лениным на груди

Как и говорил Лютый, в скором времени начался ремонт. С утра до вечера со всех концов тюрьмы раздавался шум. Стучали поперебой молотки, трещала сварка, лязгало железо. Пробил час для разговора с Захаром. Но у меня к этому времени уже совсем отпало желание проделывать лаз к девчонкам. Ведь это означало бы в моем случае, попросту говоря, броситься в объятия крокодила, то есть Пушистой. Но, раз уж я дал слово Алексу, то должен был его сдержать. Улучшив момент, мы с Алексом заварили чай и пригласили Захара на чаепитие. Старик был в хорошем расположении духа, так как недавно выиграл у Максима две партии в шахматы. Кстати, оба соперника тяжело переживали поражение и могли подолгу не разговаривать друг с другом. Но какие эмоции переполняли победителя... это нужно видеть собственными глазами, чтобы заодно и зарядиться позитивом, хорошим настроением на день.

– Как чай, Серёга? – задал я вопрос.

– Отменный, – крикнул он довольно и сделал несколько больших глотков.

– Пряниками угощайся, – пододвинул я к нему тарелку и добавил со вкусом. – Это медовые, какие ты любишь. – Захар довольно кивнул головой и стал их уплетать один за другим. Пряники словно снежинки таяли у него во рту. Остановился Захар только тогда, когда тарелка оказалась пустой. «Ну, пора!», – подумал я, и приступил к теме с прямым вопросом.

– Серёга, как ты смотришь на то, что мы сделаем к девчонкам лаз?

– Категорично смотрю!- поперхнулся он.- Вы его только начнете делать, как вас уже менты сцапают. – На последнем слове он сгреб рукой крошки от пряников, придавая этим выразительность своему утверждению. – Ничего у вас не получится.

– Да всё у нас получится, и ментов мы надуем, – вмешался Лютый. – Мы специально дожидались, когда ремонт начнется, слышишь, какой грохот везде стоит?!

– Ну, хорошо. Успеете вы лаз сделать, а что потом? Как такую дырень прикрывать будете? Ты что, жопой своей его накроешь, когда менты нагрянут? – начал заводиться он.- Или скажешь, что для твоей сраки туалет маловат, вот и выдолбил себе люк?!

– Да не причитай, Серега! – спокойно возразил Лютый. – Если мы подняли эту тему, значит, всё заранее предусмотрели. Слушай, как поступим: дырку расширять не будем, а пропилим ее вкруговую. Если кипиш начнется, можно

будет выпиленный кусок на место возвратить.

– Надо же... Умельцы! – с сарказмом воскликнул старик. – А скажите, на чем кусок-то ваш держаться будет? Он же в первый день какой-нибудь кукушке на первом этаже башку расшибет!

– Не расшибет! Я потом на месте всё покажу. Не бойся, дай добро! – уговаривал Алекс.

– От того и боюсь, что тобой, дебелёхоньким, этот план придуман. Ты совсем помешался на этих бабах, уже весь разум выдрочил! – воскликнул Захар возбужденно и с ехидством продолжил. – А-а, совсем забыл, ты же каратист у нас. Знать с умишком еще раньше распрощался.

– Да не кипятись ты так, Захар Захарыч, – продолжал Алекс теплым тоном, совсем не обращая внимания на его издевки. – Я тебе обещаю, если возьмут нас, то я «грузанусь» за всех.

– Не в этом дело! Просто чувствую, накроют нас махом с этим лазом. Даже порезвиться не успеете!

– Не накроют, если по уму будем делать. Кстати, а у тебя же там вдовушка сидит, как ее по бабушке величают? – решил Алекс использовать запрещенный прием.

– Анна Георгиевна, – смущаясь, ответил Захар.

– Да, эта Георгиевна к тебе не равнодушна. Всегда тебе приветы шлет. Да и у тебя к ней, кажется, интерес имеется, – хитро покосился Алекс на старика.

– Да что ты можешь знать, прохвост собачий! – начал бранился Захар, но тон его заметно изменился. В его словах не было злости, скорее он просто ворчал, придавая себе грозный вид. – Ты Анну не тронь! Смотри-ка на него, мерин озабоченный! У тебя только одно на уме...

– Я и не задеваю, только предлагаю. Затянешь ее сюда, в картишки перекинетесь, новости газетные обсудите, всё повеселее вдвоем-то, – не скрывая улыбки, искушал молодой старика.

– Может, и впрямь напоследок тряхнуть стариной? – Захар выпрямился во весь рост, глаза его заблестели азартом, но тут же, прикинув, что к чему, добавил уныло. – Нет, это лукавый искушает меня. Не поддамся я! А вы, ребяташки мои дорогие, забудьте эту чепуху и больше к ней не возвращайтесь. И старика с панталыку не сбивайте. Будем считать, что разговора этого не было. И точка!

Казалось, что уже все доводы исчерпаны и по всему было видно, что Захар не изменит своего решения. Тогда я решил выступить парламентаром. Переубедить Захара было невозможно, но действовать в защиту Алекса всё же было необходимо. Не имея четких доводов, я брякнул, скорее от безысходности, нежели от уверенности, что смогу опрокинуть старого оппонента.

– А ты, Захар, еще недавно твердил о демократии, говорил, что свободу любишь! – и, выждав небольшую паузу, едко добавил. – Хм... демократ с Лениным на груди!

– Вот значит как! – сказал он протяжно и глаза его округлились от волнения. Он был фраппирован. – Да я, между прочим, и не говорил, что демократ. Я, может быть, анархист! – воскликнул он возбужденно. – А Ленина, сопляки зеленые, не упоминайте всуе. Этого гения, этого титана мысли, ещё никто до

сих пор понять и осилить не смог. А вы посмеяться вздумали, – окинул он всю камеру испепеляющим взглядом. – Да я, может, Владимира Ильича не по каким-то политическим взглядам увековечил, а из уважения к его неординарной личности, к его небывалому таланту! – поднял Захар палец кверху.

– С Лениным нам понятно, но ты называешь себя анархистом...

– Называю, и горжусь этим! – воскликнул Захар, перебивая меня. – Вы что, пацаны, решили, что я ментов боюсь? Да мне вас жалко, что вы из-за этой любвины пострадаете. Я же вас уму-разуму учу, несмышлениши, – перешел он резко на покровительственный, отцовский тон. – Чтобы вы ошибок не делали!

– Ну и что из того, что пострадаем? Велика беда! – бухнул Алекс угрюмо.

– Вот неугомонные какие! Всё решили, обо всем постановили. Так что ли? – он еще раз глянул на меня, и на его лице мелькнула азартная улыбка.

– Да, всё давно решено, – ответил я.

Захар застыл в задумчивости, нахмурил лоб, обмозговал про себя что-то и в следующую минуту крикнул залихватским голосом:

-Э-э-эх, была - ни была! Лети всё к чертям собачьим! – и два лохматых кулака Захара громко треснули по железному столу. Подпрыгнули кружки, тарелка упала на пол, – Ломай, босота, стенки да решетки! Покажем легашманам кузькину мать! Будут знать, менты поганые, как вольных бродяг под замком держать! Делай грязь, Лютый! Делай, что задумал. Может быть и я, грешным делом, тряхну стариной.

Народ стал свистеть, кричать во всё горло, хаять ментов и восхвалять бластную жизнь. До тошноты хлестали чифир под лагерные песни и кого-то облаяли через решетку. Куражились, одним словом.

XXXIX

Ангел подземелья

На следующий день Алексу принесли необходимые инструменты. И мы принялись за работу. Пока стоял в коридоре шум, а он обычно длился с девяти утра до восьми вечера, мы, не останавливаясь, пилили пол. Да с таким усердием и энтузиазмом, как Шура Балаганов с Паниковским пилили гири, украденные у гражданина Корейко. Когда кто-то из нас уставал, мы тут же сменяли друг друга, чтобы процесс не прерывался. Каждый выпиленный сантиметр давался с большим трудом. Инструмент, которым нас снабдила хозобслуга, не был предназначен для таких работ, поэтому нам приходилось справляться с поставленной задачей с титаническими усилиями. Бетон был очень крепким и в первый же день мы натерли на руках кровавые мозоли.

В очередной раз приступив к работе, я увидел через кабуру девушку. Она сидела на шконке, подогнув к груди ноги и, уткнувшись в колени, тихо плакала. Я прекратил пилить и начал внимательно рассматривать незнакомку. По ее девичьей спине тянулись длинные, темно-русые волосы, которые искусно были заплетены в толстую косу. На ней была светло-голубая майка с разноцветными

лямками на плечах и короткие шорты ярко розового цвета. Открытые части тела притягивали своей нежной белизной, манили в свои сети, возбуждали.

Еще не видя ее лица, я был уверен, что оно должно быть непременно очень милым. Меня подстегивало любопытство и я с нетерпением начал ждать, когда девушка поднимет голову, но она только всхлипывала, содрогаясь всем телом. На ее слезы откликнулась и моя душа, мне показалось, что передо мной находится крохотный, беззащитный котенок, который только что появился на свет, и мне стало её нестерпимо жаль. Быстро вынырнув из-под шконки, я увидел в руках Захара мандарин, который он принялся аккуратно очищать от кожуры. Без лишних слов, выхватив из его рук мандарин, я так же быстро нырнул обратно. Девушка продолжала плакать. Я бросил к ее ногам гостинец, но она не заметила его, и тогда я произнес: «Девушка, не плачьте!».

На мое обращение она встрепенулась и посмотрела вверх. Встретившись взглядами, я добавил ласково: «Смотрите, на вас мандаринка с неба упала! Возьмите, скушайте ее».

Я с трудом произнес последнюю фразу, потому что на меня смотрел ангел с большими, голубыми глазами. Меня бросило в жар, и в холод одновременно. Сердце оглушительно застучало, словно железный молот по наковальне. Показалось, что оно выпрыгнет из груди, в которой ему вдруг стало тесно. «Боже мой, что она здесь делает? Наверное, это иллюзия. Мираж?» – закружилось у меня в голове. Я прикрыл ладонью глаза, чтобы отогнать наваждение, но через секунду увидел тот же самый прелестный мираж с заплаканными глазами и острыми коленками. Душа моя от умиления порхала. Мне вспомнился желтый цветок одуванчика... Мрачный тюремный дворик – заплеванной пол и грязные стены. Как однажды мы вышли на прогулку, в эту зловонную яму и увидели там желтый цветок, который чудесным образом пробился через толщу асфальта и бетона.

Закрытые в тюремных камерах от окружающей природы, мы забыли про деревья, цветы, траву. И вдруг, увидев этот маленький цветочек, все обомлели от удивления и стали с восхищением разглядывать это милое чудо. Нам казалось, что это маленькое «солнышко» улыбается нам приветливо, понимает наши беды, и шепчет, качаясь на ветру: «Всё будет хорошо!»

Таким же маленьким, цветочным солнышком мне показалась тогда она – очаровательная незнакомка, которая своим присутствием освещала зловонный вертеп – мрачную пещеру скорби и зла. Ее лицо было не просто мило, как я сначала предположил, а великолепно-девственно. От него веяло детской свежестью. Мне захотелось стиснуть ладонями ее лицо и жадно целовать, до умопомрачения. Описывать это личико словами дилетанта, которым я являюсь, есть настоящее кощунство над святыней, но умолчать я не имею права, поэтому, взяв грех на душу, рискну. У нее были черные, высокими волнами тонкие брови и гладкий мраморный лоб; длинные, закрученные вверх пушистые ресницы и чистый, наивный взгляд; тонкий, чуть вздернутый носик и ушки, как две маленькие изящные ракушки; припухлые детские губы цвета клубники и нежный подбородок, как маленькое наливное яблочко. Ее потрясающий облик воплощал в себе черты Сикстинской Мадонны, в котором гармонично переплетались

целомудрие и величие, сила и кротость, нежность и терпение, скорбь и надежда, красота и доброта.

Я думал, что ей лет восемнадцать (потому что только с этого возраста можно сидеть во взрослой камере), но, как потом узнал, оказалось чуть больше.

Взяв тонкой ручкой, как ветка сирени, мандарин, она спросила тихим, кротким голосом:

– Это мне?

– Ну вот, сразу видно женщину! Этот мандарин покорно лежит у ваших ног, а вы еще спрашиваете, – пытался я говорить с юмором. Но чего мне это стоило, когда я весь трясся от волнения.

– Спасибо! – улыбнулась она, и вытерла слезы.

– Ешьте на здоровье! Извините, что отвлек вас. Вы, наверное, о чем-то серьезном размышляли в одиночестве?

– Нет, скорее вспоминала, – ответила она, вставая на ноги.

– Я тоже иногда, как вспомню что-нибудь... А почему вы одна? – спросил я, разглядывая камеру, в которой находилась незнакомка.

– Нет, я не одна, со мной еще две женщины, – указала она на сокамерниц под одеялом.

– А почему вас только трое? – хотел я как-то продолжить разговор.

– Остальные на прогулку ушли, а я решила остаться. Но лучше бы я с ними пошла, а то, как останусь одна, мне плакать хочется, – произнесла она застенчивым тоном, опуская грустный взгляд.

– Ничего, плакать тоже нужно! Как говорит один мой друг: «Что мыло для тела, то слезы для души». Они очищают!

– Хорошие слова. Я их запомню, – кротко улыбнулась девушка.

– Странно, почему же я вас раньше не видел?

– Наверное, потому, что я живу здесь серенькой мышкой, прячусь ото всех, стесняюсь. А я вас уже видела, – на ее щечках вспыхнул румянец.

– Только не говорите, что когда в баню ходили, – засмутился я.

– Вот именно, когда в баню... – засмеялась она, и под ее улыбкой сверкнули белые, жемчужные зубы.

– Можете дальше не продолжать, я уже догадываюсь над чем вы смеетесь.

– Интересно, а вы и сейчас в белой рубашке и брюках? – весело спросила она.

– И не только. На мне еще шляпа с широкими полями, как у мушкетера. Я ведь готовился ко встрече с вами, – подхватил я ее иронию. – Между прочим, и ваш наряд может сразить любого денди, – сказал я, не кривя душой, любуясь ее красотой.

– Скажете тоже...

– Меня Стас зовут. А вас?

– А меня Настя, – улыбнулась она приветливо, и я заметил на ее щеках маленькие ямочки. – А вы, случайно, не тот Стас, который дружит с Леной Пушистой?

– Даже не знаю, что и ответить... – замялся я и увидел в Настиных глазах отблеск надежды, – по правде, это и дружбой назвать нельзя. Это даже не об-

щение.- Начал было оправдываться я.

– Понятно, значит вы и есть тот Стас. Стасик! – произнесла она с досадой.

– Позволь тебя называть на «ты». – Она кивнула в ответ, и я продолжил. – А почему ты это спросила? Что-то не так?

– Знаешь, Стас, говорят ты хороший парень. Добрый, образованный, жалобы девчонкам пишешь, но... – замялась она.

– Что?

– Но нам не стоит больше общаться. Пусть этот разговор будет для нас первым и последним, – Настя опустила свои пушистые ресницы и грустным голосом продолжила. – Если Лена узнает, что я с тобой разговаривала, она меня просто уничтожит. Она жестокий человек, я боюсь ее.

– Настя, что ты такое говоришь?! У меня с этой женщиной нет ничего общего. Она себе что-то навывдумывала и только... Это бред какой-то!- психанул я.

– Если ты уже заметил, то здесь вся жизнь настоящий бред! Бред сумасшедших!

– Но в этом бреде Бог дал встретить нормальную девушку, которая отличается ото всех. Судьба подарила мне такой подарок, и я не хочу отказываться от него!

– Извини меня, Стас, мне надо идти, – отвернулась девушка.

– Нет, я не могу отпустить тебя. Постой, расскажи мне хотя бы в двух словах о себе – как жила на свободе, почему здесь оказалась, мне это очень интересно! – взмолился я.

– Да что тут рассказывать? Ничего особенного. Жила с родителями, училась в педвузе на психолога, с парнем дружила, который меня бросил, когда мне дали срок.

– Так ты уже осужденная?!- удивился я.- И какой у тебя срок?

– Срок небольшой. Один год. Но у меня скоро будет еще один суд, где мне, наверное, добавят еще столько же.

– А за что добавят?

– Не скажу. Мне больно об этом говорить, – тяжело произнесла она и отвела в сторону свои большие, мокрые глаза.

– Блин, как жалко! Как печально, что так получается. Подожди, не уходи! – и бросился к себе в камеру. Я начал набирать в пакет фрукты и конфеты. Захар, не понимая, что происходит, молча протянул мне морковку, которую собирался съесть. Он удивленно смотрел на меня и не мог понять в своем ли я уме. В камере нависла гробовая тишина. Все застыли в недоумении. Схватив набитый до отказа пакет с продуктами, я стремительно нырнул обратно. Просунув содержимое в дыру, я сказал:

– Настя, это тебе! Мне будет приятно, если ты это съешь.

– Спасибо, – сказала она с растерянным видом. – Не стоит так заботиться обо мне.

– Бери, бери! Я же знаю, что у вас плохо с передачами, а здесь для тебя витамины, – настаивал я.

Волнение сдавило мою грудь, и я говорил, спотыкаясь. В душе были при-

пасены еще слова, которые вырвались наружу.

– Настя, запомни на будущее. У тебя сегодня появился друг. Я всегда протяну тебе руку помощи, если ты будешь в ней нуждаться. И если, вдруг, станет скучно, не забывай, у тебя есть я!

– Друг, который живет на крыше? Его еще Карлсоном зовут? – засмеялась она, обнажая белые зубки.

– Точно, он! – подхватил я ее задорный смех. – Значит, готовь банку с вареньем, скоро прилечу.

– Забавный ты! – произнесла она нежно и глаза ее как-то странно блеснули.

– Скажи, а тебе понравилась подушка, которую тебе Пушистая подарила?

– Ну да, подушка милая! – сказал я честно.

– Видишь, как получается – сердечко подарила Лена, а сшила его я, – призналась она, опуская скромный взгляд.

– Вот, значит как! Я не знал об этом. Какая приятная неожиданность. Теперь этот подарок станет для меня вдвойне дороже. Спасибо тебе за него.

– Считай, что там написано... – вдруг Настя испуганно спрыгнула на пол и робко проговорила, – женщины с прогулки вернулись.

Я долго ещё лежал на животе и не хотел вставать. Радость этой встречи переполняла мое сердце. Мне не хотелось расплескать в камерной обстановке те приятные впечатления, которыми была наполнена моя душа. Очнувшись, первое, что я сделал – забрал подушку у Захара. Я думал, что этот подарок от Пушистой, и в порыве гнева швырнул его в дальний угол. А хозяйственный старик взял его себе, приговаривая себе под нос: «Не пропадать же добру». Сейчас я узнал, кто сшил эту подушечку и понял, как она мне дорога. Крепко обнимая ее двумя руками, я решил, что больше никогда с ней не расстанусь.

XL

Неугомонная

Все мои мысли были о Насте. Она настолько заполнила мою душу, что в ней уже не осталось места ни для чего другого. Чтобы как-то излить свои чувства я стал писать ей стихи, точнее о ней, потому что не знал, прочитает ли она их когда-нибудь.

Меня так и тянуло к кабуре, где неподалеку была она – милая девочка, пленившая мое сердце и ум. Когда подходила моя очередь выпиливать лаз, я с неудержимой радостью кидался на эту работу, чтобы только быть ближе к Насте. Не знаю, как она чувствовала или различала, кто в данный момент работает у кабуры, но как только там появлялся я, она тут же подсаживалась куда-нибудь поближе. И легкий румянец на ее щеках служил мне верным доказательством того, что она ко мне неравнодушна. Обычно в это время она начинала заниматься собой – то расчесывала свои длинные волосы, то заплетала их в косу, или мазала кремом свои руки и плечи, бросая чуть заметные робкие взгляды в мою сторону. Я смотрел на нее, как верующий на икону, испытывая

священный трепет и неопиcуемый восторг. Это были мои самые сладкие минуты в тюрьме, а может быть и жизни.

Пушистая, спустя несколько дней после нашего последнего разговора, подзвала меня к себе и принесла свои извинения за то, что грубо со мной разговаривала. А заодно стала напрашиваться на ласки, которые вызывали во мне отвратное чувство.

– Смотри, какой я себе сделала маникюр, – растопырив кривые пальцы, хвасталась она. – Тебе нравится?

– Я ведь не женщина, чтобы мне нравились накрашенные ногти, – холодно ответил я.

– Какой ты у меня грубый. А знаешь, зачем я его сделала? – спросила она кокетливо.

– Чтобы лицо кому-нибудь расцарапать?

– А вот и нет! Я хочу тебе сделать приятно.

– Я тоже ногти себе подстриг, спешу тебя обрадовать. Как тебе от этой новости? Приятно?

– Дурачок. Ты меня не правильно понял. Я хочу..., – она закатила глаза и сказала приторным голосом. – Я хочу ручкой поработать.

– А-а, ну как же я сразу-то не догадался, – хлопнул я себя по лбу. – Я тебе сейчас пилку дам, давай-ка с ней поработай ручкой, а то я уже устал здесь. Заодно свой стахановский пыл выпустишь. Работяга!

– Да не больно-то и хотелось! Импотент! – бросила она злобно.

– Лена, да пойми же ты, в конце-то концов, у меня нет к тебе никакого влечения. А на нет и суда нет. Ты только зря на меня тратишь время, – попытался я довести до нее.

– Но я не прошу от тебя любви, – произнесла она с досадой.

– А без любви я не могу! Кто называет это грубым словом секс – тот может, а я отношусь к той категории людей, которые «это» называют - заниматься любовью. Чувствуешь разницу? Ведь она не только в словах...

– Ты вроде молодой, здоровый парень, а рассуждаешь, как какой-то пенсионер. Тебе что, никогда не хочется просто потрахаться?! – вытаращила она глаза.

– Почему, иногда бывает. Только после этого я чувствую себя грязной скотиной. Поэтому даже не стоит экспериментировать, результат заранее известен. Зачем, скажи, из-за минутной слабости, потом долгое время испытывать чувство отвращения и к тому же, угрызения совести? Хотя, о чем это я, тебе все равно этого не понять! – махнул я рукой.

– Нет, ты просто понтуешься, цену себе набиваешь. А сам, втихаря, «дуньку кулачкову» гоняешь, представляя меня, – восклицала женщина уверенно. – Я же тебя вижу насквозь, ты только прикидываешься правильным!

– Все, я пошел. Мне не о чем больше с тобой разговаривать.

– Ну и шлепай отсюда, онанист хренов! – завизжала она в гневе.

«Навязалась же на мою голову! – досадовал я. – Но эти разговоры еще полбеды. Настоящая проблема в том, что из-за этой ненормальной женщины я не могу общаться с Настей. А как хочется...»

Присев на край узенькой лавки, я уткнулся лбом в железный стол и услышал внутренний голос. Он звучал болезненно, с надрывом: «Настя! Моя милая Настя! Как же я тоскую по тебе, мой цветочек. Один короткий разговор, твой теплый взгляд, улыбка... и я так крепко привязан к тебе. Мне, кажется, я знал тебя всю жизнь», – душевная боль перехватила дыхание, и я чуть не застонал. – Что же это за сила такая, которая подчиняет к себе человека и перед которой невозможно устоять?!

ХЛІ

Рыба превратилась в Рыбку

На следующий день ко мне приехал следователь из прокуратуры и сообщил, что в отношении моего бывшего следователя - Разгуляй Николая Степановича возбуждено уголовное дело. В связи с этим он подробно допросил меня, и в конце нашей встречи сказал, что автомобиль мой ищут, но обрадовать меня пока нечем.

Честно признаться, каким бы негодяем не был этот Николай Степанович, но давать против него ложные показания было как-то совестно и неприятно. Одно лишь убеждение оправдывало мое поведение и успокаивало совесть – у меня не было иного способа, чтобы наказать этого человека.

Вернувшись в камеру, я позвонил Рыбу, чтобы поговорить с ней о предстоящем суде, на котором она будет свидетелем.

– Привет Алена. Это Стас, ты узнаешь меня?

– Что-то не припомню, – вглядывалась она в кабуру.

– Ну, как же?! У меня Борисов фамилия. Ты идешь «закупщицей» по моему делу.

– А, вспомнила, – сказала она, отводя в сторону взгляд.

– Как твои дела? Обжилась на новом месте?

– Да ничего, мне не привыкать. Второй раз в тюряге как никак.

– А за что «заехала», если не секрет?

– Да коммерса одного обчистила, – ответила она равнодушно.

– Понятно, значит, кража. Ты болеешь еще?

– Да так... уже чуток полегче.

– Ты уж извини Алекса за то, что он так грубо с тобой обошелся.

Она промолчала. И я решил перейти к главному.

– Алена, мы теперь оба – ты и я, находимся в тяжелом положении, вместе на суд из тюрьмы поедем... Неужели ты и дальше будешь говорить, что купила у меня наркотики?! Ведь ты, надеюсь, понимаешь, что от твоих показаний зависит моя судьба, моя жизнь, в конце концов.

– Да все понимаю, Стас. Конечно, скажу, что оговорила тебя, – произнесла она утешающим тоном. И после короткой паузы добавила, – я уже и сама жалею, что с ментами связалась!

Услышав эти слова, я чуть не подпрыгнул от счастья. «Наверное, сам Бог

тебя мне послал», – подумал я.

Рыба в эту минуту мне больше не казалась противным человеком, как раньше. Наоборот, она стала такой хорошенькой, что мне захотелось ее обнять и поцеловать в бледные щеки. И я бы это сделал обязательно, если бы между нами не было бетонной преграды.

– Спасибо, Алена! – сказал я взволнованно. – Мне приятно слышать, что ты раскаиваешься. Если ты и в самом деле откажешься от своих первоначальных показаний, и скажешь, что тебя менты заставили их дать, то у меня будет реальный шанс выйти на свободу. Хотя бы условно, – добавил я.

– Не переживай, я все сделаю как надо. Думаешь, у меня совсем совести нет, мол, наркоманка последние мозги «проколола»... Ошибаешься! – сказала она обиженным тоном.

– Нет, я так не думаю. Особенно сейчас, когда ты сказала, что на тебя можно положиться. И я тебе верю! – сказал я искренне.

– Все будет тип-топ! – улыбнулась она, – Ну я пошла?!

– Хорошо, иди. Если будет что-то нужно – сообщи. Буду рад оказать тебе какую-нибудь услугу.

– Ладно, пока! – и она помахала мне рукой.

«По-видимому, она неплохой человек, – думал я, смотря ей в след. – Наверное, попала в компанию наркоманов, где и попробовала наркотики. Как всегда это бывает, первый раз из любопытства, а потом пошло-поехало, и остановиться уже трудно. Сейчас ведь обходится без этой заразы. Значит, сможет начать новую жизнь. Выйдет замуж, нарожает детишек, забудет о темном прошлом и станет счастливой матерью. – размышлял я. – «Береженого Бог бережет», вот и ее сберег. Неплохая она, по всему видно неплохая».

Вечером, после открытия «дороги» мне пришла малява от Салаги. В ней сообщалось, что в нашей, 117 камере поселился Кислый, а через неделю прибудет и Татарин. «Твой Кислый, – писал Салага, – какой-то запуганный. Впечатление о нем складывается такое, что его каждый день били с самых пеленок. Не знаю, сможет ли он вообще оттаять?»

Эти строки о Кислом мне показались забавными, и я, не сдерживая смеха, вспомнил его проделки и другие значимые моменты.

XLII

Любовь

Утром следующего дня, во время общего чаепития, мы услышали, что кто-то тихо, неуверенно стучит по трубе, подзывая тем самым к себе. Я поставил кружку на стол, и подошел к нижней кабуре. Заглянув в нее, я обомлел от удивления, – там стояла Настя. Она была очень праздничной, одетая в белый топик и светло-желтые шорты. Глаза светились счастьем и надеждой.

– Привет, – скрывая волнение, улыбнулась она.

– Привет, Настёна! Как же я рад тебя видеть! – радостно воскликнул я.

– Девчонки на прогулку ушли, а я осталась. Подумала, может быть Карлсон будет благосклонен ко мне и пришлет еще гостинец? – Она закончила фразу обворожительной улыбкой, и в скором времени у нее в руке оказался мандарин.

Вчера у нас закончились продукты, но я припрятал последний мандарин для подходящего случая. Хотя и не надеялся, что он представится так скоро. Рассматривая мое угощение, Настя, покачивая головой, сказала.

– А у вас на небе, наверное, райский сад?

– Так оно и есть! Только смотри, милая дева, чтобы этот фрукт «запретным плодом» не оказался.

– А говорят, что «запретный плод сладок». Вот мы сейчас и проверим, правда ли это? – Она очистила мандаринку, отделив одну дольку, и положила ее двумя пальчиками в рот. – Как вкусно! – зажмурив глаза, сказала она, и тут же добавила, – Может, и ты хочешь, попробовать? – сверкая глазами, она протянула мне вторую дольку.

– Конечно, попробую! Если Адам не смог удержаться от искушения, а я, его потомок, и подавно не удержусь. – Я взял ее за кисть и, протянув руку через отверстие, съел кусочек мандарина из тоненьких пальцев. Ее рука мне показалась легкой и нежной. От нее, кроме цитруса веяло еще чем-то необыкновенно манящим. Я не смог сдержаться, и вдыхая всей грудью волшебный запах, поцеловал ее руку. От этого прикосновения у меня закружилась голова, и я выпустил ее руку из своей.

– Извини, пожалуйста. Не смог удержаться, – но Настя посмотрела на меня покорным взглядом и продолжила кушать.

Она была безумно красивой, и до меня всё больше и больше доходило сознание, как я её люблю. В голове крутилась мысль: «Почему я не встретил ее там, на воле»? – Вероятно, эта встреча была Божьей наградой, которой я еще не заслужил на свободе. Я любовался ей, как замороженный, боясь пошевелиться. В ту минуту весь мир заключался в одном человеке и отражал все самые яркие краски, какие только могут быть на этом свете. Человек, для которого стоит жить! Ради которого можно с улыбкой на устах пройти девять кругов ада, гнить в тюрьме, страдать взаперти и воевать. Биться из последних сил за свое счастье.

Вдруг, наши взгляды соединились и откуда-то из сердца опять поплыли откровенные слова.

– У тебя очень красивые, добрые глаза. И если они зеркало души, то значит ты хорошая. Ты не способна на предательство и обман.

– Наверное... – произнесла она застенчивым тоном.

– Я хочу у тебя спросить, а как тебе новое общество?

– Плохо говорить о своем окружении не имею права, но интересы с девушками у нас разные. Не понимаем мы друг друга, взгляды на жизнь иные. У них они слишком узкие, приземистые, которые не поднимаются выше бытового уровня... Мои соседки, в свою очередь, крутят у виска и говорят, что я в облаках летаю. Вот и получается, что нам не о чем даже поговорить.

– Надо же! И у меня такая ситуация. Все мне только и твердят – спустись на землю, куда ты, мол, взлетел?

– Да, я тоже заметила, что ты «небожитель», – произнесла она шутливым тоном, глядя вверх. – Я так и чувствую твое превосходство надо мной.

– Может глаза у тебя и добрые, да язычок, смотрю, остренький, – попытался я сказать серьезно. Но в ответ Настя показала язык и засмеялась, как колокольчик, звонким смехом. – Конечно, можно дразниться, когда знаешь, что я не дотянусь до тебя. На расстоянии все храбры.

– А что бы ты сделал беззащитной девушке? – посмотрела она вопросительно.

– Я бы... Я бы укусил тебя за язык, – добавил я неуверенно.

– Ой-ой, это ты на расстоянии храбришься! – сказала она задиристо и тут же спросила, – а больно бы укусил?

– Конечно, больно.

– Прямо больно, больно... – передразнила она меня.

– Ты протяни мне руку, и я покажу тебе как...

Она доверчиво протянула свою руку, и я коснулся ее губами. Потом, слегка прикусил и опять поцеловал. Ее зефирная ручка была так сладка, так заманчиво вкусна, что я готов был ее съесть. Опьяненный блаженством, я с силой сжал ее пальчики и крепко впился в них зубами. И пока разум не вернулся ко мне, я кусал их и кусал. Наконец, испугавшись своих чувств, я выпустил Настину руку.

– А ты зло-о-ой! – с удивленной улыбкой произнесла она и прижала покусанную ручку к груди.

– Извини меня, пожалуйста, – робко начал оправдываться я. – Не ожидал я от себя такого. Нахлынуло что-то, – произнес я виноватым тоном.

– Ладно, на досуге подумаю, простить тебя или нет? А пока я буду думать, держи вот это! – и она протянула мне шерстяные носки. Они были белые, в синюю полоску. – Скоро осень, пол холодный. А если простынешь, то кто ухаживать за тобой будет? – посмотрели ее голубые глаза вопросительно.

– Ой, как неожиданно! Мне очень приятно! Спасибо тебе огромное, но мне неловко...

– Что значит неловко? Бери и грейся! Просто девчонки два свитера распустили, я и взяла у них ниток, чтобы тебе носки связать. Что здесь еще делать? Хорошо, хоть занятие себе нашла. Я еще шарф хочу тебе связать такой же. Представляешь, носки в полоску и шарф в полоску, ну прямо Матроскин из мультика будешь! – она наклонила голову и с любопытством посмотрела на меня. От смущения я покраснелся и не мог подобрать слова благодарности за ее внимание и заботу.

– Капец, у меня нет слов. Ты такая классная! – всё, на что я был способен.

– Ну, я пошла, сейчас наши вернутся.

– Настя, подожди. Ты в прошлый раз ушла, не успев договорить. Что ты мне хотела сказать тогда?

– Я тебе хотела сказать: «Считай, что слова на подушке сказаны мной» – произнесла она уверенным тоном.

Настя ушла, и бетонный пол оказался в моих объятиях, безмолвно принимая на себя флюиды человеческого счастья. За это время мы так с ним пород-

нились, что он мне стал казаться самым лучшим, самым дружелюбным полом в мире. В радостном безмолвии хотелось слиться с бетоном и навеки запечатлеть неповторимый след.

Глядя на носки, я долго не решался их примерить. Мне казалось, что к ним даже нельзя прикасаться, потому что их вязали Настины нежные ручки. Я с радостью подумал, что сейчас не зима и положил их к себе под подушку. До начала зимы еще много раз смогу полюбоваться носками в синюю полоску...

Несколько дней мы не виделись, и я с тревогой думал: «Что с ней? Как она?» Но, спустя некоторое время, Настя написала мне записку. И наше общение приняло эпистолярную форму, которой я был бесконечно рад. К концу недели у меня накопилось два десятка неуклюжих, но душевных стихов, которые я смог, наконец-то ей отправить. На что она ответила после их прочтения: «Я долгое время пребывала в эстетическом экстазе».

Наше общение набирало обороты, и ночи напролет мы переписывались друг с другом, забывая обо всем на свете. Мы выражали самые сокровенные мысли, обнажая весь свой внутренний мир. Нам казалось, что мы одинаково мыслим, чувствуем, дышим. В какой-то момент я даже перестал ощущать себя отдельным от нее человеком. Мы настолько мысленно слились, что стали единой душой, хоть и в разных телах. У меня не поднималась рука выкидывать ее бесценные послания (по моим понятиям духовное не может иметь материальной оценки) и каково же было мое удивление, когда я достал из сумки, после недельной переписки, ее письма и насчитал 340 форматных листов, которые были исписаны с двух сторон. Вспоминая сейчас то время, мне кажется невероятным, что в тюрьме – той жалкой, убогой среде мы смогли полюбить друг друга. Смогли окунуться в сказочный, волшебный мир любви, который был закрыт от посторонних глаз, и чувствовать беспредельное счастье в тесных, удушливых камерах. Я низко кланяюсь перед тобой, любовь! Да будет благословенна природа твоя, расцветающая в человеческих сердцах, наперекор всем мыслимым законам!

XLIII

Тонкая рябина

Наступил последний месяц лета – август. По небу черными китами поплыли могучие облака, и в первые дни этот месяц ознаменовал себя грозами и обильными дождями. Жара спала. В камерах стало прохладно. Ушла невыносимая летняя духота, которая изнуряла всех до умопомрачения. Узники воспряли духом, оживились, наблюдая с восторгом за неукротимым буйством природы. Мы любовались молнией, которая ночью озаряла мрачное небо, слушали раскаты грома, которые сотрясали высохшую за лето землю и наивно, по-детски восхищались стихией. Поднималось настроение от дождя, который лил, как из ведра. Мы были рады, что хоть у природы происходят изменения, в отличие от нашей однообразной жизни.

В один из таких ненастных вечеров я подошел к решетке, чтобы всласть надышаться свежим воздухом. Дождь постепенно стихал, и с улицы потянуло свежим, прохладным ветерком. В задумчивости я смотрел на прозрачные капельки воды, сползающие с железной арматуры. Капли набухали и падали в мутную лужу, успевая только крикнуть жалобное «кап». Я подумал: «Как же мы похожи! Она созревала в чистом небе, а я под нежным родительским крылом. Пришло время ей упасть в грязную лужу, а мне в мутное болото. И мы вместе растворились в этой грязи...» Но мои мысли прервал Алекс:

– Держи, тебе малявка пришла от Насти, – и протянул листок, скрученный в трубочку. Я развернул его и серую меланхолию, точно рукой сняло. Настя писала в шутилой форме: «Mon cher ami! Ваша покорная девочка, доведенная до последней грани отчаяния и сумасбродства, решила исполнить для вас русскую народную песню. Слушайте и не судите строго».

Я тут же подскочил к кабуре и увидел Настю. Она стояла в пол-оборота ко мне, и взглядом бездонной тоски, смотрела на улицу. Ее тонкие белые пальчики держались за ржавую решётку и дрожали. Робкое волнение передалось и мне. По телу прокатился озноб. Было видно, что она сильно волнуется и боится начинать. Почувствовав мое присутствие, она глубоко вздохнула, и запела высоким девичьим голосом:

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина,
 Головой, склоняясь до самого тына,- пела она проникновенно и очень жалобно,-
 Там через дорогу дуб стоит высокий,
 Он, как и рябина, также одинокий.
 Как бы мне, рябине, к дубу перебраться
 Я б тогда не стала гнуться и качаться...

Шум в нашей камере стих. Все слушали ее, затаив дыхание. Кто-то сказал: « Вот дает девка! Как сильно поет! Видно любит ...».

Тонкими ветвями я б к нему прижалась
 И с его листвою день и ночь шепталась.

По ее щекам потекли крупные слезы, и это придавало песне необыкновенное звучание. Слова любимой девушки проникали глубоко в душу и нежно касались самых живых, тонких струн. Сердце откликнулось на родной, неповторимый голос и жалобно застонало. Как же зажгло в груди! Как сильно хотелось обнять любимого человека! До безумия, до крика!

Дослушав песню, я вытер глаза, чтобы не показывать окружающим свою слабость и вылез из-под шконки.

XLIV

Женщина с волчьим оскалом

Накануне я получил от Салаги маляву. В ней сообщалось о том, что ребята, которые занимались моей машиной, не стали брать себе денег от продажи запчастей и всю сумму отдают мне, полагая, что в тюрьме деньги нужнее.

Мне очень хотелось сделать Насте какой-нибудь подарок. Поэтому, недолго думая, я купил на эти деньги женские наручные часы из белого золота. Хочу сразу сделать пояснение, чем я руководствовался в своих соображениях. Дело в том, что в тюрьме запрещены ювелирные изделия и драгоценные вещи. Поэтому кольцо, цепочка и другие подобные украшения сразу же отпали, – они слишком заметны. Часы, хоть и запрещены в тюрьме, но, в крайнем случае, их можно положить «на квиток», а потом носить легально в колонии – там они разрешены. Почему именно из белого золота? Потому что на первый взгляд оно могло сойти за сталь и не вызвать тем самым зависти сокамерниц или администрации тюрьмы (колонии).

«Да, в конечном счете..., – рассуждал я. – Она сможет их продать или поменять на что-нибудь, если уж совсем станет туго».

В общем, подарок купили. И пожилой «дубак», знакомый Захара, нам его уже передал, сунув рано утром через «кормушку».

В моей руке были часы фирмы «Картье». Они были изготовлены из сапфирового стекла, и дорогого циферблата, на котором сверкали четыре бриллианта. Я ходил с ними по камере, как маятник туда-сюда, и подбирал подходящие слова, с которыми преподнесу эту вещицу, и признаюсь Насте в любви.

«Я ей скажу...», – размышлял я в слух. – пусть эти часы будут напоминать тебе о том времени, когда мы познакомились, – начну я свои объяснения с этих слов, – а потом добавлю, – и пусть каждый шаг секундной стрелки приближает нас к тому моменту, когда мы будем вместе. Нет, не то, звучит как-то пафосно, нужно проще. Может, просто отдать со словами, возьми этот скромный подарок на добрую память. Нет, выйдет сухо». Я так и не успел определиться с подходящими словами, как вдруг, меня окликнул Алекс:

– Стас, тебя Пушистая зовет!

– Скажи ей, что я очень занят. Некогда мне!

– Она говорит, что ты ей срочно нужен.

– Блин, опять у нее позывы начались что ли, – пробухтел я недовольно, и подошел к кабуре. Там я увидел Пушистую, поджидавшую меня с кошачьей улыбкой.

– Приветик, мой сладенький, – мурлыкал ее голос.

– Привет! Что хотела? Я очень занят.

– Хотела увидеть тебя, поболтать немножко. Соскучилась по тебе!

– Извини, не могу ответить тем же.

– И, что же мы такие холодные?! Может, нашел себе другую кралю? – спросила она, прищуривая глаза.

– Лена, вряд ли тебя это может как-то касаться. Давай больше не будем

возвращаться к тому, что мы уже обсудили и «похоронили». Ладно, мне нужно идти, у меня еще дел по горло, – собрался я уже уходить, но она остановила меня:

– Подожди! Ответь мне только на один вопрос и можешь быть свободен, как птица в полете, – взмахнула она рукой. – Ты меня за дуру считаешь или за шлюху?

– С чего бы я, вообще, так считал?! Ты кажешься мне не глупым человеком, а то, что я видел здесь, так это объяснимо. Природа в тебе разбушевалась, и плоть взяла свое...

– Всё понятно. Значит, я всё-таки шлюха! А, для этой твари, выходит, дура! – закричала она истерично и кинулась на Настю, которая сидела неподалёку и слышала наш разговор.

Она крепко схватила ее за волосы и начала бить по лицу. При каждом ударе Пушистая дико вопила: «Ты попутала меня с кем-то, тварь поганая? Или считаешь себя умнее других, гадина малолетняя? Что молчишь, сучка?!»

От увиденного я оторопел, и не мог вымолвить ни слова. Тело остолбенело, а язык одеревенел. Женщины, которые находились в камере, молча наблюдали за происходящим. По их испуганным взглядам было видно, что вмешиваться в это побоище никто не будет. Наконец, я пришел в себя и крикнул:

– Ты что делаешь? За что?

– За что?- дико верещала она.- Ты, ублюдок, еще спрашиваешь за что?

Выгаращив от гнева глаза, она завопила:

– Сейчас ты увидишь за что! – и поволокла Настю на шконку, намертво вцепившись за ее косу. Теперь они были совсем рядом, не более, чем в двух метрах от меня.

– На колени, сучка! – визгливо крикнула Пушистая и, злобно толкнув Настю за плечи, посадила ее на колени. На лице Насти я не заметил ни испуга, ни слез. Ее лицо выражало презрительную небрежность ко всему происходящему.

– Зачем ты бьешь эту девушку? У тебя совсем крышу снесло? – закричал я.

– Нет, это у нее крышу снесло! Эта наглая сучка решила крутить жопой у меня под носом! – с ядовитой ненавистью процедила женщина.

Пушистая вся дрожала от злости и, сверкнув, стальными зубами, обратилась ко мне:

– И давно вы с ней шушукаетесь в тайне от меня? А?

Нужно было как-то разрядить обстановку и я спокойно ответил:

– Лена, что за глупости у тебя в голове? Я впервые вижу эту девушку и даже не знаю как ее зовут.

– О-о! Значит, вы не ворковали тут, когда мы на прогулку уходили? – спросила она с издевкой и хитро прищурилась.

– Лена, повторяю тебе, я не знаю эту девушку, – старался я сохранять спокойствие.

– А ты мой, сладенький, оказывается еще тот пи...бол! Расстроил ты свою Леночку, крепко расстроил! – Пушистая состроила недовольную мину и продолжила. – Сознайся, милый! По-хорошему прошу! Может быть, и обойдемся без лишней крови.

– Я тебя совсем не понимаю. О чем ты?

– О том, как ты эту мартышку мандаринами кормил!- задыхаясь от ненависти воскликнула она.- Вот видишь, я всё знаю! Меня здесь уважают, поэтому докладывают обо всём! Вот и сегодня добрый человек рассказал мне о вас, непутевых! Покажи мне, Стасик, как ты ее витаминчиками кормил! – Издевалась она откровенно. – Не хочешь, так пусть эта, мразь, покажет, – и с криком накинулась на Настю. – А ну, показывай, как кормил. Кормил или не кормил?! Тебя спрашиваю, дрянь? – При каждом слове она в бешенстве ударяла Настю ладонями.

Я смотрел на это, скрипя зубами, а лютый зверь беспощадно терзал моего любимого человека и все, что я мог сделать – только разбивать об стену кулаки. От злости и безысходности. Я просто не знал, как помочь Насте. Совсем не знал!

– Стой! – закричал я, – остановись же! Тебе кто-то наговорил здесь всякую ерунду, а ты поверила. Бьешь теперь безвинного человека. Это вранье! Какие мандарины? Очнись!

– Говоришь, что врут, да?! – покосилась она на меня.

– Конечно, врут. Специально врут, чтобы нас с тобой поссорить. Леночка, милая! – превозмог я свое отвращение. – Нам просто позавидовали! Твои источники лживы, – и уцепившись за эту мысль, как утопающий за соломинку решил на ней сыграть. – Нам действительно позавидовали! Все видят, что у нас с тобой прекрасные отношения, вот и решили отомстить. Даже ребята из моей камеры и те завидуют, говорят мне постоянно- какая же у тебя Леночка! Огонь-девчонка! Повезло тебе с ней. А когда говорят, то по глазам видно, что их зависть гложет.

– Ну, конечно, милый мой, как же я сразу-то не догадалась? Вот дура! Кругом одни завистники и интриганы, никому веры нет. Один ты остался верен своей Леночке! – улыбнулась она.

– Да, верен! Это ты правильно сказала, – обрадовался я такой перемене.

– И, что мне теперь с той интриганкой сделать? Как наказать? – вопрошала она лукаво. – Наверное, я ей просто язык отрежу, чтобы больше рта не разевала, а перед девчонкой извинюсь. Так ведь будет справедливо, да, мой милый?! – произнесла она ласково.

– Перед девушкой, конечно, стоит извиниться. А стукачка свое найдет, зачем марать об нее руки? Найдет, поверь мне! – сказал я спокойным тоном и добавил, обращаясь к Насте. – Извините, что все так вышло.

Пушистая улыбнулась, и я был уверен, что убедил ее. Она даже посмотрела на меня каким-то виноватым взглядом, и я подумал, что беда отступила.

– Оказывается, мой милый Стасик, ты не только пи...бол, но еще и клоун. Ты чего тут комедию разыгрываешь? – опять рассвирепела она. – Мало того, что шлюхой меня обозвал, так еще и дуройставляешь. Ну-у, гаденыш, я тебе этого не прощу! Галина! – обратилась она к мужеподобному существу около сорока лет с усами под носом, – Ну-ка, дай мне эту писанину, – и она щелкнула пальцами. Усатая Галина достала из спортивной сумки исписанные листы и протянула ей.

– «Ты самая красивая девушка из всех, которых я когда-либо видел...», – читала Пушистая. И я узнал собственные строки, которые были написаны Насте. Пушистая, бросив на меня презрительный, обжигающий взгляд, продолжила читать. – Когда мне грустно, я вспоминаю твое милое, добродушное личико и начинаю воспринимать мир иначе. Сразу становлюсь весел и общителен. Поэтому, для меня самый верный способ поднять настроение это подумать о тебе... А я думаю, почему это он такой холодный со мной? Оказывается, у нас тут красotka появилась. Ты самая красивая девушка. Самая-самая! – дразнилась Пушистая, глядя на Настю, – и лицо-то у тебя милое-милое!- заскрежетал её стальной оскал.- Сейчас посмотрим, что дальше скажет твой суженный, фраер разнаряженный, – И она опять стала избивать Настю, выкрикивая:

– Красивая ты моя, милая...

Она с остервенением ударяла ее лицом о железную шконку, царапалась и пинала ногами. Я кричал в кабуру, но мой голос оставался не услышанным, заглушаемый неистовым, звериным ревом. Глаза и лицо истязательницы налились кровью; она не могла остановиться до тех пор, пока не выльется вся ее нечеловеческая злость и ненависть. Наконец, этот неопикуемый ужас прекратился. Пушистая стояла вся растрепанная, как ведьма, а Настя лежала на шконке, свернувшись калачиком. Простынь была вся залита кровью. Будто гроздь рябины лежали на белом снегу. Я готов был ослепнуть или просто сдохнуть, чтобы только не видеть ужаса, разрывающего душу.

– Ну-ка, Гюльчатай ты наша, покажи свое личико, – сказала Пушистая самодовольно. И тут же схватив Настю за волосы, повернула ее лицо ко мне. Бедную мою девочку невозможно было узнать. Ее лицо было всё в крови и синяках. Она прикрывала его своими маленькими ручками, а Пушистая одергивала их и говорила довольно:

– Пусть! Пусть твой милый полюбуется, какая ты у нас красавица!

Я хотел уйти, чтобы не провоцировать зверя своим присутствием, но в последний момент меня что-то сдержало.

– Может, и малявы эти не ты писал, а? – спросила она с ехидной миной, показывая на кипу бумаг.

Я промолчал.

– Что молчишь-то, писатель?

– Да какое это теперь имеет значение?! – ответил я в досаде на себя.

– Точно, уже никакого. Жалко тебе эту малолетку, а? Вижу, что жалко! Вон, готов уже расплакаться. Ну, иди, пока сопли подотри, а мы поговорим здесь о своем, о девичьем.

Я остался на месте.

– Ну-ка, Галюня, поддержи ей сзади руки. Будем толковать сейчас о делах наших грешных. – Настю опять поставили на колени, а мужеподобная баба держала ей за спиной руки. Пушистая взяла длинную стальную заточку, и, махая ей перед Настиным лицом, продолжила охрипшим, севшим голосом:

– Ты давно уже меня бесишь, шлюшка смазливая! Нос задрала, и не видишь перед собой никого! Может, тебе подрезать носик-то, а?! Чтобы людей перед собой замечала, – просипела она ядовито, приставив лезвие заточки к

кончику носа. – Я тебе сейчас пластику без хирурга сделаю, – заржала Пушистая во всю глотку, и ее противный смех подхватила Галюня. На их физиономиях изобразились все пороки ада, и даже Босх не рисовал в своем воображении таких ужасных, самодовольных чудовищ.

– А может, тебе зенки выколоть, чтобы на чужих мужиков не пялилась?! Чтобы не строила им свои бл...кие глазки, – и она двумя пальцами широко раздвинула Настины веки.- Д-а-а, по зенкам вижу, какая ты потаскуха. Шмара! – крикнула садистка и плюнула Насте в глаза. Потом сказала решительным тоном:

– Нет, так никто не поймет, кто ты есть на самом деле. Лучше мы тебя крестом пометим, чтобы все могли видеть, что ты бл..ь. Держи ее, Галя, крепче, – обратилась она к усатой и, удерживая Настю за волосы, опрокинула голову назад. – Расстроила ты меня, девка! И за это я тебе крест на морде вырежу. А когда станешь в зеркало смотреться, будешь вспоминать, как мужиков чужих отбивать, – и на этих словах она приложила острие лезвия к нежной щеке. Вдруг, лезвие полоснуло по белой коже, и тут же потекла кровь. Уже через мгновение белая майка с цветочками на лямках покрылась багряными каплями крови. Я закричал в кабуру, что было сил:

– Стой! Стой! Ты все неправильно поняла. Подожди!- тараторил я.- Если ты сейчас не успокоишься, то пожалеешь об этом. Заклинаю тебя, постой! Послушай меня!

– О! Чей это знакомый голосок? – произнесла Пушистая, глядя в мою сторону.

В этот момент мне бросились в глаза часы, которые лежали рядом со мной на полу. «Пойдем другим путем», – решил я, и обратился к Пушистой.

– Лена! Дорогая моя! Прости, что так вышло. Я дурак! Виноват и жалею об этом, – старался я придать своему голосу правдивое звучание. – Ну, заигрался чуток, засмотрелся на эту малолетку. Не держи на меня зла, ну, с каким мужиком не бывает? – взмолился я.

– Хм! – опустив руку с заточкой, Пушистая бросила подозрительный взгляд в мою сторону.– Нет, дорогой мой! Когда просто увлекаются, такие поэмы не пишут. Ты уж мне не п...ди!

– Слова – это пустое! Просто решил этой девахе по ушам проехаться, так... для самоутверждения. Она и повелась, потому, что дурочка! Мало того, что я ее наказал, так еще и ты бьешь. – На этих словах я встретился с Настей взглядами, и во мне душа перевернулась. На меня смотрели чистые, преданные глаза без укора и обиды, а я всячески обзывал ее.

– Нет, не верю тебе! Ты просто выгораживаешь эту курицу. Боишься, что я ее пухлые щечки подрежу, – взорвалась она гортанным смехом, и ее опять подхватила усатая Галя, брызгая слюной.

– Эх, Лена, Леночка! Не знал, что ты такая жестокая. Я ведь только тебя люблю! Очень люблю свою ревнивую кошечку. Я тебе и подарочек приготовил. Хотел сюрприз тебе сделать, порадовать словами любви, а тут такой казус вышел... На-ка, примерь на свою ручку! – и я подал через кабуру женские часики. На ее лице изобразился тупой шок, радость и удивление одновременно.

«Слава Богу, убедил! Теперь она точно забудет о Насте» – решил я.

– Какие славные часики! – ворковала Пушистая, захлебываясь от удовольствия. Она подняла высоко руку, чтобы вся камера могла увидеть часы и начала их медленно надевать.

– Мне они нравятся! Ты и вправду мне их хотел подарить? – покосилась она в мою сторону.

– Конечно тебе, кому же еще? Я давно понял, что в моем сердце только ты. Нет ни одной женщины, которая бы стоила хоть одного твоего пальчика. Ты самая лучшая! – чуть не вырвало меня прямо в кабуру. – Я давно готовился, преподнести тебе эти часы, но не выпадало случая. А теперь он представился, и я, может быть, по-мальчишески хочу объясниться тебе в любви...

Но Пушистая уже не слышала моих слов, она полностью занялась часами.

– Обалде-е-еть! Они чё, титановые что ли?

– Нет, они из белого золота, – уточнил я.

– Из золота?! – не могла она поверить своим глазам. – Галька, смотри, да они еще и со стразиками.

– Хузяками! – взорвался я. – Это бриллианты!

– Мать, моя женщина, вот это да! – открыла эта ворона рот от удивления, и застыла на месте.

Она призывала всех поглядеть на подарок. Народ сбегался посмотреть диковинку, но мне это было уже не интересно. В это время Настя посмотрела на меня с тяжелой, невыносимой болью и вдруг, заплакала. Две крупные, выстраданные из-за меня слезы, потекли по ее щекам, и она закрыла лицо ладонями. Это были ее первые слезы за этот ужасный день. Она гордо перенесла телесные истязания, и только сейчас ее душа не выдержала, обливаясь горькими слезами. Сейчас ее ударили по самому святому – в ее доброе девичье сердце, где теплилась от посторонних глаз кроткая, нежная, чистая любовь.

«Не мечите бисер перед свиньями, они его попрут ногами», – говорил Христос. И вот сейчас, толпа злорадно гудела, топталась грязными, скотскими ногами по самому дорогому и светлому, что только может быть у человека.

XLV

Последние слова

После вчерашних событий я ходил по камере, как зверь, загнанный в клетку. Я не знал, что мне делать, и как дальше жить! Проклятые стены давили со всех сторон, убивали в душе последнюю надежду. Совсем рядом находился мой любимый человек, а я не мог с ним объясниться. Хотелось выть! Хотелось плакать! Хотелось кануть в забвение навсегда! И только какая-то привычка к жизни удерживала меня на плаву. Вдруг, я услышал легкий стук по трубе и пулей кинулся к кабуру. Там стояла Настя, прикрывая ладонью лицо. Я был на седьмом небе от счастья...

– Привет, – произнесла Настя еле слышно.

– Здравствуй, – дрогнул мой голос.

– Не переживай, «этой» нет, она на этап уехала. Меня скоро переведут в другую камеру, я хочу с тобой попрощаться, – она с трудом произнесла последние слова и ее большие глаза покрылись влагой.

– Настенька, милая, прости, что так вышло! Я не знал, что мне делать, как спасти тебя!

– Нам не в чем с тобой оправдываться. Мы с тобой не виноваты. Так сложилась судьба... – на ее ресницах застыли слезинки. Это были святые, непорочные слезы.

– Но я хочу сказать тебе. Когда я увидел, как Пушистая начала издеваться над тобой, мне было очень страшно за тебя. Если бы я мог оказаться рядом, то никто бы не посмел к тебе прикоснуться.

– Давай забудем вчерашний день, как страшный сон! Возьми вот это! – и она протянула мне образок с изображением Пресвятой Богородицы на капроновом шнурке. Образок красиво блестел на белой ладони, и казалось, был самым святым из всего святого на земле. – Мне его мама подарила. – тихо сказала Настя. – Так пусть Она хранит тебя от несчастий и болезней. Береги себя!

– Спасибо, Настя. А как же ты без иконки?

– Не волнуйся, у меня всё будет хорошо. С Божьей помощью как-нибудь..., – сказала она, тяжело вздыхая и, глядя на меня мокрыми от слез глазами, добавила слабым, нежным голосом. – Не забывай меня. Я тебя люблю...

– И я тебя! – у меня перехватило дыхание от нахлынувших чувств. Глотнув воздуха, я добавил, – Настя, ты и представить себе не можешь, как я сильно люблю тебя! – отняв ее руку от лица, я с жадностью начал целовать ее тонкие пальчики. Это был мой кусочек счастья, который не хотелось отдавать никому. Голова закружилась от волнения и руки затряслись, как в лихорадке. Самая лучшая в мире девушка подарила мне свое сердце и доверила руку. Я жадно целовал самое дорогое, что у меня было! Самое желанное, самое ценное!

– Родная ты моя! Милая! – дрожа, шептали губы. – Люблю тебя! Люблю! – опьяненный блаженной минутой не мог остановиться я. Послышалось лязганье замка и меня ударило словно молнией.

– За мной пришли!

С трудом выпустив Настину руку, я смотрел ей вслед тяжелым, обреченным взглядом. Будто с каждым шагом от меня отступала жизнь. У самой двери она обернулась и сказала с нежной улыбкой:

– Извини, а шарфик для Матроскина я связать не успела.

Настю вывели из камеры, и железная дверь с грохотом захлопнулась, сотрясая мой разум и сердце. Я долго еще вздрагивал от этого звука, понимая, что в эту секунду жизнь развела мосты. Теперь мы с Настей оказались на разных берегах, и даст ли нам судьба еще когда-нибудь встретиться, известно только ей одной.

XLVI

Любовный капкан

Я замкнулся в себе. Меня перестало волновать, что происходило вокруг, и совсем было не интересно, какое обо мне мнение складывалось у окружающих. Я стал смотреть на всё, как равнодушный зритель. Ребята самостоятельно, без моего участия доделали лаз, и нашу камеру начали посещать женщины. Обычно их было не более двух-трех за один заход, и «гостили» они у нас с часа ночи до полшестого утра. Такой график был продиктован требованиями безопасности. Возраст женщин был разным, но комплекция одна – диаметр отверстия позволял пролезть только худенькой женщине.

Прошла неделя сладкой жизни. Но, как говорится, и «на меду найдешь беду». Стали слышны недовольные голоса обделенных женщин. Это были те, кто по своим выдающимся параметрам не мог пролезть в нашу камеру. Они требовали расширить лаз или, в противном случае, грозились пойти на крайние меры, то есть сдать нас ментам.

Одна молодая гражданка, прозвище которой говорило само за себя – Бодаевская молочница, воспользовавшись общей сумятицей и горячими спорами, заявила, что сию же секунду постучит в дверь, и скажет дежурному, что двух девушек в камере не хватает. Если, конечно, мы ее не затащим к себе.

– Захар, даю тебе одну минуту на размышление, если нет, то мне по фиг, что обо мне будут думать другие. Я всё расскажу ментам, что здесь творится, – говорила она уверенным тоном, скрестив руки на груди.

– Мне что, жалко, что ли?! Но ты ведь, дура окаянная, не пролезешь, – отбивался от ее нападок Захар.

– Серёга, ну, пожалуйста, давай хоть попробуем. Может, пролезу, – не унималась она.

– Куда ты пролезешь, тумбочка с ногами? Застрянешь, и что нам потом делать? Спáлишь ведь всех, – накалялся Захар.

– Я специально два дня ничего не ела! Смотри, как похудела, четыре кило скинула. Захарушка, ну давай попробуем. Просто за ручки меня потяните, а я, как пробочка из бутылки, сама и выстрелю.

– Выстрелишь ты, бадья пузатая! Застрянешь, как заноза в жопе, а потом и ни туды, и ни сюды тебя не вытянешь. Нет, Машка! Не чуди! А хочешь ментам сдать – иди, сдавай, потом девки тебе башку-то и открутят. А может и я, при встрече!

– Ну, миленькие мои, ну голубчики, – взмолилась она, складывая ладони вместе. – Дайте хоть за член подержаться напоследок. У меня десятка сроку, как же я, горемычная, столько лет без мужика жить буду? – заревела она.

– Я ли виноват, что ты себе такую жопу наела?! Жрешь, как свинья, а потом визжишь любви тебе хочется.

– Хочу! Ой, как хочу! Захарушка, сокол ты мой ясный, ты-то..., ты-то мужик с понятиями. Ну, пожалей меня. Мне на часок только... у меня десятка сроку... – заливалась горючими слезами бедная женщина.

– «Перед смертью не надышишься!» – злобно отрезал Захар. Маша заголосоила пуще прежнего и стала задыхаться от собственного рева.

– Да не вой ты! Сейчас менты сюда сбегутся! Эх, что ж ты творишь, фляга с простоквашей, – сказал Захар в отчаянии.

– Только и можете обзывать, да ругать меня, – всхлипывала жалобно Маша. – А приласкать, да приголубить не кому. Ну, чего тебе стоит, Захарушка, ну давай попробуем! До конца срока о душе твоей доброй молиться буду.

– Ну, корова толстожопая, давай свои руки. Если спáлишь нас, смотри у меня..., – припугнул он ее строго.

– Нет, нет, всё хорошо будет, – затараторила Маша радостно, и слез на ее щеках как и не бывало – они тут же высохли.

Затянули Машу с огромным трудом. Она не выстрелила пробочкой, как обещала. Скорее оказалась репой из известной всем сказки. Пока ее вытаскивали, прикладывая немалые усилия, бедная Маша взмокла и расцарапала свое тело о бетонные края лаза. Но, тем не менее, она была безумно счастлива в обществе мужчин и не хотела покидать его ни через час, ни через два. Она вела себя так, как будто это была последняя ночь в ее жизни – были и грязные танцы, и чего только не было! Захар не успевал ее успокаивать.

В полшестого утра Машеньку вежливо попросили спуститься к себе домой, но... Тут произошло то, чего и следовало ожидать – она застряла на уровне пышной груди. Вся ее кожа собралась снизу вверх, и были видны одни большие складки, как у шарпея. Я не силен по части женской физиологии, поэтому мне трудно утверждать, какие процессы повлияли на ее тело: может быть, оно распухло от полученных удовольствий, или размякло после продолжительного стресса, не знаю. Но Маша ни в какую не могла пролезть в лаз – это факт. Она материлась, кряхтела, потела, потом опять материлась и пыхтела, но ничего не помогало, всё без толку. Маша встала клином! Пытались надавить на нее сильнее сверху, но она начинала голосить от боли. Кто-то из присутствующих предложил попробовать опустить ее вниз головой, но этот смелый вариант остался не испробованным, поджимало время. Было уже шесть часов и с минуты на минуту ждали завтрак. Женщины, испуганные таким нелепым казусом, стали тянуть Машу за ноги, стараясь раскатать ее тело, чтобы вытянуть толстуху из этого капкана. Но Маша, не выдержав таких пыток, истошно закричала на весь этаж. На крик примчался дежурный и припал к глазку. Но там для такого случая стоял наш человек и своей спиной прикрывал обзор камеры.

– Ну-ка, отойди в сторону! – сказал дежурный.

– Где хочу, там и стою! – спокойно ответил сокамерник.

– Отойди, тебе говорю!

В это время девчонки, находившиеся в своей камере и, конечно же, не видевшие происходящих у нас событий, еще с большим усердием стали тянуть несчастную за ноги. Я видел, как ее лицо багровело и покрывалось испариной, она, бедная, закрывала рот двумя руками, чтобы не спалиться, но в какой-то момент не выдержала боли и закричала на всю Ивановскую.

Дежурный тут же вызвал подмогу, и к нам прибежало шесть человек. Под удары резиновых дубинок нас всей камерой выгнали в коридор, а бедную Ма-

шу вытащили из «любовного капкана» со множеством ран и ссадин. Когда ее вели по коридору, она материлась и кричала: «Да хоть убейте теперь, менты позорные! Хоть на край света отправляйте! После такой жаркой ночи мне и Калыма не страшна!...». А потом она затянула сладким голосом: «Шумел камыш, деревья гнулись, и ночь темная была...».

XLVII

Невыносимое наказание

Нас растасовали по три человека в каждый «стакан». Продержали там до вечера, чтобы иссякли все силы, а потом пришел корпусной (ответственный за корпус), и всех нас вывели в коридор, поставив лицом к стенке.

Корпусной был молодого возраста, лет тридцати пяти, в звании капитана, был смазлив лицом до приторности, и самолюбив до нарциссизма. Он считал себя красивым и обаятельным, что сам Аполлон должен был бы ему позавидовать. Где бы он ни встречал своё отражение, в зеркале, стекле, дверной ручке, натертой до блеска, или грязной луже, он обязательно останавливался и разглядывал себя, сияя от счастья. Наверное, в этот момент он думал: «Какой же я красавчик, не то, что другие...». Он подолгу мог разглядывать свои руки или ноги, во время ходьбы представлять свою горделивую походку со стороны, и от этого тоже приходил в неопиcуемый восторг, осознавая, что он лучше всех, он Бог. Характера он был вспыльчивого, нервического. Это была капризная, ранимая натура, которая тут же впадала в ярость, а следом и в депрессию от какой-нибудь незначительной мелочи, пустяка, на который не обратит внимания нормальный, уравновешенный человек.

Андрей Анатольевич Батюшков, так звали корпусного, чрезмерно переоценивал свои интеллектуальные способности – он считал себя очень умным, образованным и прямо-таки всезнающим человеком, притом, что не прочитал в своей жизни ни одной книги. И этот недуг, по моему мнению, являлся самым тяжелым и вредоносным из всех вышеперечисленных, хотя бы потому, что испортил жизнь многим заключенным. Минутами смотреться в отражение кафельной плитки, или начищенный до блеска ботинок соседа – какая, в сущности, безобидная прихоть по сравнению с тем, что выдавала в эфир его буйная головушка. Ведь это было невыносимо слушать. Другими словами, этот капитан был типичным офицером нашей пенитенциарной системы. Именно поэтому, я и уделил здесь столько места для его характеристики.

Полнейшая необразованность, и в то же время завышенная, и даже клиническая самооценка, с присущим высокомерием характеризуют подавляющее большинство работников исполнительной системы. К тому же, существует жесткая, прямая зависимость между кретинизмом и карьерным ростом. Глупые, психически не здоровые люди с ярко выраженными садистскими наклонностями делают там блистательную карьеру в кратчайшие сроки. Но Бог им судья...

Итак, мы стояли, широко раздвинув ноги, и смотрели перед собой в побе-

ленную стену. Корпусной самодовольно расхаживал позади нас, размеренно стуча каблуками ботинок. Если стук каблуков стихал, значит, следовало ожидать удара палкой. Андрей Анатольевич не разбирал, куда бить – по спине или голове, – ему было всё равно. Главное, чтобы было эффектно – высокий, грациозный взмах руки и звучный хлопок. Замечу мимоходом, получать удары со спины – процедура крайне неприятная и по своей сущности подлая, потому что не знаешь наверняка, в какой момент тебе прилетит. Организм рефлекторно сжимается, ожидая удара.

– Последний раз спрашиваю, – произнес корпусной высоким фальцетом, выделяя каждое слово. – кто, и на каком основании, проделал сквозное отверстие в полу?

– Я это сделал, – отчеканил Алекс.

– Да не слушай ты его, начальник, – вмешался Захар, поворачиваясь к нему лицом, – наговаривает он на себя. Героем показаться хочет!

– Тогда кто же? – спросил корпусной, разворачиваясь на носках ботинок.

– Да ни кто! Тюрьма-то старая, ветхая, вот и сыпется. Того и гляди развалится скоро.

– А ну, заткнись, Захаров! – выпучил корпусной дикие глаза. – Мы недавно ремонт делали, и не мог кусок бетона сам отвалиться. Без внешнего воздействия! Наша тюрьма простоит еще не меньше века.

– Сказать честно, начальник, внешнее воздействие было, но не так, как ты понимаешь. Слушай, расскажу, как на духу. Дело было так. – Захар перевёл дыхание, скорчил умную физиономию и продолжил серьёзным тоном. – Гляжу, орех грецкий под столом валяется. Взял я его, да как не крутил, не вертел, скорлупа ни в какую не поддается. Тогда я разозлился, положил орех на пол, да ка-а-ак треснул, что было мочи двухсотграммовой кружкой, – Захар при этих словах вытаращил глаза и ударил кулаком по воздуху. – Да видно так хорошо приложился, что кусок пола и отвалился, что под орехом был. Так, что самое интересное..., – он выдержал паузу, почесал затылок и продолжил. – Смотрю, а орех-то целый, ему хоть бы хны. Взял я его, в руках покрутил и думаю. Дай-ка теперь литровой кружкой его шмякну, да во время остановился, ведь таким макаром я бы вам всю тюрьму разнес. Вот тебе и внешнее воздействие, начальник! – «Захар» сочинял ни для того, чтобы ему поверили, а просто таким образом потешался над капитаном, выражая свое презрение к его глупости и надменности. Он, как и Салага, не мог молчать, когда ситуация требовала его слова, но и говорить разумно с настоящим дураком – только портить себе нервы.

– Ты мне чё тут рассказываешь, Захаров? Какие на хрен орехи! Ты думаешь, я совсем тупой, что ли? Это ж как ударить надо, чтобы бетон проломить?!

– Твоя правда, начальник! Силушка тут нужна особого порядка. Да не из хлюпеньких я, медведёвский как-никак. На мясе, да на молоке взрощенный. Я еще под стол пешком ходил, как бывало с психу подкову ломал, а взрослее стал, так и годовалого теленка одним ударом с копыт сшибал. И чё мне твой бетон? Тоже мне, преграда..., – сказал Захар с презрительной усмешкой.

– Так, так... – произнес задумчиво корпусной, сдвинув брови, – значит, тебя с малолетства на преступления тянуло? За жестокое обращение с животными

не привлекался? – посмотрел он на него внимательно.

– Как вам сказать... я ведь с «животными» по-другому и не могу. Все срока только из-за них по изоляторам и мыкаюсь, – то свинью в погонах грязным словом обзову, то барану скажу, что он скотина, а они, ох, как этого не любят! Правду, как чёрт ладана боятся.

Капитан на это промолчал, видимо не уловив аллегии. Прошёлся степенным шагом по коридору, заложив руки за спину, и продолжил свой допрос.

– А скажи-ка мне, Захаров, как у вас оказалась заключённая Никифорова? И что она у вас делала?

– А, так это женщина была что ли? – произнес Захар удивленно. – Вот это да..., а я думал русалка. Я же рыбак заядлый, меня хлебом не корми, дай только с удочкой на краю тихой речки посидеть. Вот и в этот раз решил себя побаловать, поудить немного. В общем, закинул я «коня» в эту лунку («конем» называется веревка с привязанным на конце мешочком, куда складываются записки; мешочек бросают в нижнюю камеру, а потом вытягивают за веревку) и жду. Проходит минута, другая... Ать! – неожиданно крикнул он, я даже вздрогнул, – чувствую, подцепила, и давай водить туда-сюда, туда-сюда. Пора, думаю, и рраз, подсек я ее, тяну на себя потихонечку, чтобы не сорвалась и, чувствую, тяжела рыбёха, не иначе как сом или карп. Ан- нет, гляжу – русалка с накрашенными губами. Вот диво какое! Не успел я ее вытащить, заразу, как ваши рыбаки и набежали... Эх, жаль, такая мясистая была, всей камерой уху бы хряпали, – произнес он с сожалением.

– Нет, ну ты думаешь я дурак или как? – гаркнул капитан. – Я, между прочим, в институте учился, а ты мне тут байки про русалок травишь. Тебя в психушку уже отправлять пора!

– Отправь! Я всегда рад с умными людьми пообщаться. А то здесь и словечком перекинуться не с кем. Давай отправляй! – сказал он решительно.

– Отправляю. Не переживай. А пока подведем итоги нашего расследования, – потирал он руки. – Значит, отверстие в полу сделал ты, Захаров. Заключенную Никифорову тоже ты затащил. А ведь это нарушение режима. Это ЧП! – крикнул он Сергею прямо в лицо. – Нет, это даже не ЧП, а, не побоюсь этого слова, тер-рори-сти-ческий акт!

Последнюю фразу он выделил особенно, произнеся ее по слогам. Андрей Анатольевич, вставив какое-нибудь сложное, и чаще всего «заморское» слово и, как правило, совсем не к месту, любил растянуть его по буквам, смакуя звучание. Так он демонстрировал свое красноречие и «богатый» лексикон. Это, конечно же, льстило ему, и он упивался своей риторической находчивостью.

– А ведь это статья, Захаров! – выставил он указательный палец вверх. – Ты хоть понимаешь всю тяжесть совершенного преступления?! Нет, это неслыханная наглость, это настоящий ван-да-лизм среди белого дня!

– Так точно, начальник, это вандализм, – ответил Захар с усмешкой.

– Молчать! – взвизгнул он и притопнул ножкой. – Мы, общими усилиями и средствами сознательных заключенных сделали недавно ремонт, а вы, – корпусной пробежался по нам указательным пальцем, – вместо того, чтобы поддерживать чистоту и порядок, ломаете стены.

– Пол, – поправил кто-то.

– Вы ломаете и стены, и пол! А это, Захаров, уже са-бо-та-жем пахнет, – повел он носом перед лицом Захара, – вот тебе уже и вторая статья. Вы, стадо больных де-ге-не-ратов и кретинов, помимо прочего, решили устроить развратные оргии с зечками, а ведь это ин-це-ст чистой воды.

– Почему же инцест? – воскликнул из нашего строя чей-то удивленный голос.

– Да потому, что они такие же заключенные, как и вы. Вот вам еще статья из уголовного кодекса, – сказал он самодовольно. – И я уже молчу про организованную группу, которой вы тут орудовали.

– Про дезорганизацию ты еще забыл, – заметил Захар.

– А вам и этого с лихвой хватит, чтобы на «Черном дельфине» сгнуть заживо, – процедил злобно капитан.

Мне надоело слушать эту ахинею. Тем более, вопрос касался юриспруденции, и я решил обратиться к капитану:

– Гражданин начальник, вы нам почти весь уголовный кодекс пересказали, а про себя забыли.

– А, ну-ка, ну-ка... – скорчил он вопросительно-надменную рожу.

– Мы, конечно, нарушили внутренние правила и готовы за это понести дисциплинарное наказание. Но почему вы нас бьете целый день? Разве есть у вас на это право? Ведь, на сколько мне известно, спецсредства применяются в строго определенных случаях, а с нашей стороны нет оказания сопротивления или неповиновения. Наоборот, мы послушно стоим и уткнувшись в стенку слушаем ваш..., ваш монолог, – продолжил я, хотел сказать «бред», но воздержался. – Не кажется ли вам, гражданин капитан, что ваши действия носят противозаконный характер, и трактуются в уголовном законодательстве, как «превышение должностных полномочий»?!

Корпусной застыл в полном недоумении и, вероятно, не найдя в своей черепной емкости достойного ответа, надрывно закричал:

– Заткнись, мразь! Тоже мне, умник выискался! – и, запыхавшись, спросил. – И откуда ты взялся такой...

– Со свободы, как и все, – усмехнулся я.

– Молчать, сука! – взревел он, и ударил меня по лицу палкой. Из рассеченной брови побежала кровь. Я и не предполагал, что смогу так глубоко ранить его больное самолюбие. Но раскаиваться не собирался. Мне даже доставляло удовольствие видеть, как беснуется этот шизофреник.

– Я здесь закон! И мне решать, кого казнить, а кого миловать!

Он обладал неограниченной властью и с этим утверждением не поспоришь. По его приказу с любым заключенным могло произойти всё, что угодно.

– Де-ле-га-ты хреновы учить меня вздумали! Ты, мразь! – обратился он ко мне, – Лаз к бабам продолбил? Отвечай, паскуда! Жизни сладкой захотелось, с бабами покувыркаться вздумал? – смотрел он на меня в упор.

– Может и я. Но разве плохо, что мне женского общества захотелось? Даже в царской России...

– О-о-о, батенька, – перебил он меня, – да вы, мо-нар-хист, однако! Ре-ак-

ци-онер!- вскинул он брови.- Н-да-а, у вас тут, я погляжу, прямо кружок тайный собрался. Из-вра-щен-цы, ма-соны, мо-нар-хис-ты, вся сволота в сборе! Вот, Петров, считай, мы банду накрыли! – подмигнул он молодому лейтенанту.

Выдержав значительную паузу, корпусной продолжил брызгать слюной.

– Вы, дис-си-денты сраные, думали, что я не узнаю о вашей б...ой деятельности? Вы мечтали о том, что будете втихую подрывать основы кон-сти-ту-цион-ного строя? Ошиблись, говномуты!- процедил он злорадно.- Запомните, Андрей Анатольевич всё про вас знает, и ни одна муха тут без билета не пролетит! У меня везде свои глаза и уши, мандатрасы! Вот так-то! – сделал он самодовольную гримасу.

– Начальник! – обратился к нему утомленный Захар. – Может, хватит эту проповедь читать? Уже и так всё ясно, веди на «крестины», или в хату.

– Сейчас ты у меня не пойдешь, а полетишь, е-ре-тíк старый! – замахнулся он палкой на Захара, но не ударил.

После этого разговора мы еще двое суток томились в «стаканах». Но, чтобы жизнь не казалась малиной, нас периодически выводили на коридор и били до посинения палками. На третьи сутки Захару и Лютому дали по пятнадцать суток карцера, а всех остальных раскидали по разным камерам. Я, к счастью, вернулся к себе «домой».

XLVIII

Бедный Вовка

«Дома» меня уже поджидали Кислый и Татарин. Они, как и писал Санек, были замкнуты и молчаливы, хотя отношение к ним, со стороны окружающих, было вполне дружелюбным. Салага с ними подолгу общался, и не забывал учить жизни. Снабдил их полезными для развития книгами, и образование ребят сдвинулось с мертвой точки. Ему они не перечили и не говорили, как мне, что учиться стремно.

В остальном я не заметил ощутимых изменений, жили, как и раньше – в любви и согласии. После долгих приветствий и крепких рукопожатий Салага заварил чай, накрыл стол (чем Бог послал) и завел со мной разговор, присаживаясь напротив.

– Ну, давай, рассказывай, горе луковое, как отдохнул, что видел? Небось, «грустно было Афонюшке на чужой сторонюшке»? – И, переглянувшись с Паленым, который сидел рядом со мной, добавил с иронией, – так грустно, что и про стариков совсем забыл.

– Санек, ну извини, пожалуйста. Совсем я там голову потерял, – начал я виновато оправдываться.- Да и писать-то было не о чем. Всё тот же «день сурка».

– А с девками, наверное, находил, о чем пошептаться. Девки – на первом месте, куда же без них?

– Ну, всё, не ворчи. Извини меня! – и, опустив голову от смущения, доба-

вил, как маленький ребенок. – Больше так не буду!

– Ладно, прощаю, – засмеялся Салага, и его смех подхватил Паленый. – Будешь, не будешь, уже никого не интересует. Все равно теперь сидеть тебе дома наказанному. Такого прохиндея куда-нибудь отпускать себе дороже. Ты когда в гости поехал, что мне обещал?

– Вести себя хорошо. И больше не чудить с Захаром, – отчеканил я.

– А что вышло?

Я промолчал.

– Значит, «обещать – дело господское, а исполнять – холопское?!» – сказал он с насмешкой, разливая чай по кружкам. – Вся тюрьма только и гудит про этот лаз. Это ж надо было такое выдумать, у меня просто нет слов...

– Мы надеялись, что не спалимся. Все было продуманно до мелочей.

– Ага, менты такие дураки, что совсем ничего не видят. Они уже на этих кабурах и лазах собаку съели. И ты хоть как гаси эти дырки, все равно спалишься.

– Да, честно говоря, нас взяли-то по глупости...

– А всех только так и берут! Ты мне назови хоть одного, кого бы приняли по-умному. Н-да-а..., – вздохнул он полной грудью, – накуролесили вы. Хотя, вас, ходоков безусых, я еще понять могу, но Захар-то куда смотрел?

– Туда же, куда и мы... Женщина его – Анна Георгиевна, под нами сидела. Между прочим, замечательный, образованный человек, в мэрии города работала.

– Понятно теперь! – сказал Салага в кружку, отхлебывая горячий чай, – И впрямь «голодный пес палки не боится». Анна Георгиевна, значит... ну, надеюсь, ее любовь стоит двух недель «чулана». Ну, а ты что? Подарил часы своей Насте? Понравилась?

Этим вопросом он наступил мне на «больную мозоль». Поэтому пришлось соврать, чтобы не развивать эту тему.

– Да, они ей очень понравились. Скажи, Санек, спасибо тому человеку, который их покупал. У него хороший вкус.

– Надька их выбирала – жена брата, – произнес он поморщившись. – Бабы лучше нас понимают толк в этих цацках, их на мякине не проведешь. Только беда в том, что она теперь нашему Николаичу всю плешь проест с этими часами. Говорит: «Такие же хочу!». Хоть ты тресни, но купи!

– Да уж, этим страдают многие женщины. Только увидят что-нибудь блестящее, так у них тут же просыпается сорочья натура.

– А у этой она никогда и не засыпала. Надька и есть сорока – завистливая до чужого, да еще и жадная. Ей все сладкой жизни хочется, а сама палец о палец не ударила для этого. У нее, как говорится «муж пашет, а сама пляшет». Ну да ладно, сами разберутся, как им жить, – махнул он рукой и спросил меня, улыбаясь. – С лицом-то, что у тебя? Опять воевали со старым анархистом?!

– Ну, типа того... – засмеялся я. – Два дня летали, земли не задевая.

– Во-от! В следующий раз головой кумекать будешь. «Умные на чужих ошибках учатся, а дураки, как вы, на своих!» Зализывай теперь свои болячки и делай выводы, Казанова!

Мы допили чай и Салага ушел к себе на шконку что-то писать. Паленый сидел молча рядом со мной и все не решался начать разговор о Марине. Как мне показалось, у него было дурное предчувствие. То он косо поглядывал на меня, пытаясь уловить ответ на мучавший его вопрос, то наоборот, демонстративно отворачивался, выказывая ко мне пренебрежение. Собравшись с духом, я обратился к нему.

– Вова, тебе, наверное, интересно знать, как там Марина поживает?

Вместо ответа он бросил на меня вопросительный взгляд.

– Весело она поживает. Очень весело! Не знаю, что ты в ней нашел, но мне кажется, она тебя не стоит.

– Почему ты так думаешь? – спросил он подавленным голосом с нотой надежды.

– Потому, что веселится она там со многими ребятами. Я пытался ее вразумить, но бесполезно. Когда сделали лаз к ним в «хату», то Марина прямо жила у нас. Извини, что не сказал тебе раньше. Хотел с глазу на глаз поговорить. Дело ведь такое...

Вовка угрюмо свесил голову и несколько минут глядел в одну точку, не моргая. Потом, наконец, вышел из оцепенения и произнес глухим басом:

– Спасибо! Ценю за правду. – слабо пожав мне руку, Палёный залез на верхнюю шконку и не слазил с нее целые сутки. Он был так убит своим горем, что даже не шевелился. И мне пришлось украдкой подглядывать, дышит ли он.

XLIX

«Кто старое помянет...»

На следующий день Салага получил от друзей передачу, и Кислый помогал ему раскладывать по своим местам продукты. Глядя на это, я не смог удержаться от желания подначить Кислого.

– Саня, – обратился я к Салаге. – Будь внимательнее, тут один паренек любит продуктами швыряться, смотри, чтобы он твою колбасу не выкинул. Она ему кое-что напоминает..., – Кислый тут же отвернулся от меня и принялся разбирать сигареты, насвистывая «Мурку». Показывая всем своим видом, что этот разговор его не касается.

– «Чего немножко, не мети за окошко», – ответил весело Салага, не поняв моего намека.

– Я говорю, Кислый с Татаринцом на диете. Они не едят ни колбасу, ни сыр, ни рыбу...

– Едим! – в один голос ответила голодная парочка.

– А, значит, глюки у них уже прошли. Им мерещилось, что..., – и я рассказал Салаге случай с передачей, который произошел на малолетке.

Он выслушал меня внимательно, открыв рот от удивления, и произнес одно, но веское слово: «Долбо...ы!».

Вспомнив батька, я спросил:

– Где он?

– Его освободили за недоказанностью. Видно х...сосы на свободе нужнее! – ответил Татарин.

– А как же Лешка... Вам хоть жалко его? Он ведь еще жить не начал, а уже в иной мир ушел, – проговорил я с камнем на сердце, вспомнив его детское лицо с канапушками.

– Конечно, жалко! Дураками были, сами не понимали, что творили. Стас, давай больше не будем затрагивать эту тему, а?! – произнес Татарин умоляющим тоном.

– Зачем вспоминать этот дурдом!- подхватил Кислый.

– Правильно, «кто старое помянет тому глаз вон!» – вмешался Салага, и, указывая на накрытый стол, сказал бодро и весело, – А ну, диетчики худосочные, налетай! Хватит о грустном, пора обедать. «Когда живот крепче, то и на сердце легче», – воскликнул он добродушно, и с хрустом откусил огурец.

Стол ломился от яств и украшал собой убогую камеру. Большая семья уплетала за обе щеки салаты, сало, колбасу, соленья и дружно, хором чавкала, как стая карпов в камышах. А когда набили пузо до отвала, развалились на своих местах, закурили папиросы и стали довольно кряхтеть,- с усталой ленцой, по доброму.

Л

Максимумч

Через две камеры от меня сидел Максимумч. И пока он был рядом, я дал себе слово, что буду по возможности помогать ему. Необходимые жалобы и ходатайства по его уголовному делу мы уже написали и отправили, оставалось только ждать ответа. А сегодня я решил его порадовать индийским крупнолистовым чаем и его любимыми леденцами «монпансье», которые он долго рассасывал и при этом щурился от удовольствия. Эти леденцы, как он мне говорил, напоминали ему Зинаиду Ефимовну, его покойную жену. Все гостинцы я старательно упаковал в несколько «грузов» и отправил, но через пять минут они вернулись обратно. Не сообразив в чем дело, я опять их отослал, но они снова пришли обратно, только уже с сопроводительной запиской. В ней было коротко написано карандашом: «Деда больше нет. Он умер сегодня утром».

Так скончался на тюремной шконке всеми брошенный и забытый Максимумч. Человек, который храбро прошел всю войну, защищая родную Отчизну. Он горел в танке и бросался с криком «Ура!» на врага ради будущего той судьбы, которая вместо мраморного памятника отблагодарила его «Освенцимом». И памятной мне до сих пор «эпитафией»: «Суд, учитывая личность подозреваемого (неработающего, беспартийного), а так же то, что он может скрыться от следствия, и (или) повлиять на ход расследования, пришел к выводу: избрать меру пресечения – содержание под стражей». А ведь прежде, чем зачитать эти нелепые строки, судья смело смотрела в его честные глаза. Она позабыла, на-

верное, что если бы не этот дедушка, который олицетворял собой всех ветеранов, то не восседала бы она в черной мантии на почетном месте, а влачила бы, скорее всего, лакейское существование в семье фашистов.

Пусть будет тебе пухом земля, Максимыч! Ты не нашел правду и справедливость здесь, так может ты встретишь ее там... на небесах!

Прошло уже больше недели, как я вернулся «домой», и жизнь вошла в привычное русло. Я читал много книг, но еще больше писал жалоб. Самый страшный враг в тюрьме это свободное время. От безделья в голову приходят тяжелые мысли и я старался делать всё, чтобы моим умом не овладела паника и тревога, не началась депрессия. Мне не раз рассказывали, как человек замыкался в себе, а потом постепенно сходил с ума.

Теперь я осознавал, от чего спасал меня Салага, когда советовал мне найти подходящее занятие – дело по душе. Целиком поглощенный (исключение только составляла Настя) самообразованием и тем, что умел делать – писать юридические документы, я находил в этом жизненный смысл, призвание. И, не смотря на то, что я находился в тюрьме, нередко чувствовал себя счастливым, жизнерадостным, осознавая свою полезность для окружающих. Конечно, я отдавал себе отчет в том, что моя деятельность – лишь капля в море, и добиться положительного результата удавалось только в одном из ста случаев, но для внутреннего состояния не это было главное. Важно было осознание того, что ты делаешь людям добро, помогаешь им безвозмездно, исполняя свой человеческий долг.

В течение недели мы с трудом узнали, где находится Настя. Но эта новость нисколько не утешила меня. Как выяснилось, ее камера находилась на противоположной стороне от нас, то есть через коридор. И существовало несколько способов преодолеть его, но, как правило, все они были ненадежными. Очень часто почта перехватывалась ментами. Тем не менее, я решил писать ей каждый день, в надежде, что хоть одна из множества записок дойдет до нее. Писал я только об одном – о любви!

II

Вот так встреча...

Однажды вечером, когда оперативник нашего этажа был на сутках, «Гера» вышел к нему по наболевшим вопросам. Возвратившись обратно, он спросил.

– А у твоего следака какая фамилия? Не Разгуляй, случаем?

– Разгуляй, – ответил я, весь, напрягшись от неожиданности.

– Я его только что видел. Он от «кума» к себе в «хату» пошел.

– Ничего себе! – воскликнул я, ошеломленный новостью.

– Вот тебе и ничего!!! «От сумы, да от тюрьмы не зарекайся», – заметил Салага с ухмылкой на лице.

– А где он сидит? – спросил я взволнованно.

– В сто двадцатой. Где же еще сидеть бывшему служащему? – подсказал

Салага.

– Так это же рядом с нами, – задумчиво проговорил я.

– Так ты и воспользуйся случаем. Передай ему пламенный привет от «репрессированных», – произнес Салага хриплым голосом, прикуривая сигарету. – Для этой «торжественной» минуты и старались. Он в скором времени домой сорвется, а ты и сказать не успеешь, что о нем думаешь...

– Ты, Санек, думаешь, что его из зала суда отпустят? – задал я вопрос, желая оттянуть немного время.

– Как бы еще не раньше. То, что сейчас его закрыли, считай, нам повезло. В подходящий момент попали. На его место один оперок метил, вот мы и подсuropили нашего следака, воспользовавшись случаем. Сейчас он посидит чуток, дадут ему «условку» и прощай ментовская карьера. Это самый максимум, что его ждет.

– А мне большего и не надо, Санек. Радует, что хоть этот «ноготь в мясо не будет расти».

– О, как! – засмеялся он. – Ну, иди! Иди, крикни своего «ногтя». А то, может, Гера спутал чего?

Я подошел к двери и сильно волнуясь, крикнул в щель:

– Сотка двадцать! Разгуляй! – мне никто не отвечал. Я еще раз крикнул, и в ответ услышал робкий голос.

– Говори!

– Ты ли это, Николай Степанович? – спросил я.

– Ну, я! – раздался уже уверенный голос. В моих жилах закипела кровь. В одну секунду перед моими глазами пролетели все унижения, которые я перенес от этого человека. – Думаю, что это за «петух» горластый появился?! По утрам спать не дает. А это, оказывается, Петух Степанович «заехал». Ну, здорово что ли, гребень тухлодырый, – я чувствовал, что с каждым словом еще больше разжигая себя.

– А кто это? – спросил он испуганно.

– О! Так ты еще и неблагодарный, – не узнаешь кто тебя е...т и кормит?!- набирал я обороты.

Наш диалог слушал весь тюремный коридор, а это тридцать с лишним камер. Поэтому нельзя было ударить в грязь лицом, показаться мягким в словесной перепалке с легавым. В этом случае лучше пересолить, чем оказаться пресным фрайерком.

– Борисов, это ты?

– Ну, наконец-то! Вспомнил своего благодетеля!

– Чего тебе от меня надо? – спросил он с раздражением.

– Мне? Да уже ничего. Ты ведь теперь – гондон использованный, чего с тебя взять-то?!

– Это ты меня подставил?! Зачем? – воскликнул он в ярости и ударил по железной двери.

– Какие глупые вопросы задаешь, Степаныч. Тебе самому не понятно, что ли?!

После короткого молчания он произнес надменным тоном:

– Ты много на себя берешь, сопляк! Если ты думаешь, что я сидеть буду, то глубоко заблуждаешься!

– А мне и не нужно, чтобы ты сидел. Я только хотел тебя по гребню шелкнуть, чтобы в чувства привести. Излечить от звездной болезни, вот и всё, – говорил я уже спокойным тоном, чувствуя свое превосходство. – Гребень, ответь мне лучше на вопрос. Что сделает нормальная мать со своим ребенком, когда тот провинится?

– Ну...

– Да ты не мычи, ты же вроде «петух», а не «корова»! Не можешь ответить, я помогу. Она его по попке отшлепает и нотацию прочитает, что бы он больше не проказничал. А как ты назовешь того родителя, который бьет своего дитя не ради воспитания, а только из ненависти к собственному отпрыску? Просто тупо бьет, получая от этого удовольствие?!

– «Ласковая рука сильнее кулака», – сказал себе под нос Салага, стоявший рядом со мной.

– И что ты хочешь этим сказать? – спросил Разгуляй.

– Только то, что презираю то государство, вместе с его «исправительной» системой, которое ведет себя, как тот родитель, который только бьет, а не учит. Я противник карательных методов, поэтому не желаю тебе такого наказания. И не буду изменять своим принципам, даже с тобой... Мразь!

– Так ты уже себе изменил! Лицемер! Я ведь сижу из-за тебя!

– Мы оба знаем, что только до суда. Тебя сбили с должности и все. Ты больше никому не нужен. И мне, в том числе.

– Тебе это с рук не сойдет, сучонок! Я тебя из-под земли достану... тварёныш! – заорал следак в бешенстве.

– А ну-ка, пес шелудивый, – гаркнул во весь голос Салага и оттолкнул меня от двери. – В конуру забейся! Ты у себя в псарне лаять будешь, а не в нашем «доме». Тебе, мусорок, говорить разрешили, а ты кусаться вздумал. Вот натура собачья! Всё, прощаемся! – После этих слов Салага отошел от двери, сделал глоток холодного чифира, и обратился ко мне уже спокойным тоном. – А ты что-то другое от него хотел услышать?! Нет уж, сынок, «кривое дерево, от корня криво» и он до конца жизни останется подлым мусорком.

А в это время шумел весь этаж. Возбужденные зэки матюкали следака и в хвост и в гриву. Шестьсот человек орали до хрипоты, что аж закладывало уши. Дежурный сержант для порядка стучал резиновой дубинкой по дверям, но этим только больше возбуждал ненависть и злобу. Конечно, перепало и ему, – от сотен красноречивых узников он ещё долго усваивал уроки изящной словесности.

А в нашей камере, наоборот, нависла гробовая тишина. Впечатление от «любезной» беседы еще не улеглось в умах сокамерников. Только один Палёный что-то бубнил себе под нос, скручивая в обрывок газеты самосад. Смочив языком край бумаги, он довольно крякнул и процитировал трубным голосом слова Иисуса: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас. Благодотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас».

Затем, раскурив самокрутку, он продолжил разговор на затронутую тему.

– Лучших слов и не придумаешь. Если бы каждый из нас исполнял эту за-

поведь, то на земле воцарился бы рай! Но я честно скажу: полюбить своего врага выше моих сил, – после этих слов он встал, и начал возбужденно расхаживать по камере. Не услышав ни одной реплики, Палёный продолжал разглагольствовать. – И не то, что врага, но и ближнего своего полюбить не могу! Всех людей, вместе взятых, я люблю и уважаю всем сердцем и если, скажем, инопланетяне захотели бы уничтожить землю, то я бы жизнью пожертвовал ради благополучия народа. Вот так! А вот каждого человека по отдельности я ненавижу, – он сжал кулаки, наглядно демонстрируя свои чувства. – И почему думаете? Я отвечаю. Дело в том, что я нуждаюсь в обществе, оно для меня необходимо. Слово «человечество» звучит для меня гордо и внушительно, и к нему я испытываю самые возвышенные, благородные чувства. С детства люблю культуру нашего народа, его обычаи, различные обряды. Мне всё интересно, и я не допускаю себе, что смогу жить в гремучем лесу без людей. А вот отдельного человека ненавижу за то, что получаю от него больше вреда, чем пользы. Каждый живет сам по себе, а значит, воспринимает другого как чужака, как конкурента! «Человек человеку волк», – сделав такой вывод, наш «мизантроп» артистично выпустил в потолок бело-синий дым и продолжил, – Мы все с вами поставлены в одни условия, – условия погони за счастьем. Сама жизнь или природа распорядилась именно так. За счастьем этим бегаем, ловим на свободе, а оно всё куда-то убегает, как вода из решета, а потом, не солоно хлебавши, жопу на нарах просиживаем. Э-хэ-э, – завздохал оратор. – Да хоть бы страдал я на нарах один, а то собрали нас в кучу разномастных и нервируем друг друга изо дня в день. – Палёный вопросительно окинул взглядом публику, мол, продолжать-то можно? Послышались слова одобрения, и он продолжил задвигать по наболевшей проблеме.

– Скажем, познакомился я с человеком. Нашлись общие интересы, сошлись во взглядах, и он мне понравился. Даже стал близок, как родной. Но проходит две недели, и он меня уже начинает раздражать своим присутствием. Через месяц я его ненавижу, а через два мне уже приходится сдерживаться из последних сил, чтобы не прибить его, – Вова от злости заскрежетал вставными зубами.

– Так в чем же проблема, Вова? – спросил чей-то голос из толпы.

– Проблема в том, что, интересы одного человека находятся в постоянном противоречии с интересами других людей. Я, к примеру, хочу книгу почитать в тишине или подумать о чем-то возвышенном, а Васька встанет над душой и начинает мне в самое ухо четками брякать – «бряк-бряк», и так преследует меня везде, щелкая по натянутым нервам. А попрошу четки убрать, так он за нарды сядет и начнет костяшками по дереву брэнчать – «бряк-бряк», нигде от него покоя нет. Вроде бы и безобидно всё это, а я уже весь трясусь от злости. Мне вот этими руками..., – растопырив пальцы, он возбужденно показал свои руки. – Этими руками уже хочется задушить Ваську. Ну, и как мне любить человека, если это быдло мне жизнь отравляет, причем данную Богом? – Палёный для убедительности выставил палец, невероятно желтый от никотина, кверху.

– Молись и крепись! – ответил с улыбкой Салага.

– Нет, молитвы уже не помогают. Тяжко мне, очень тяжело. – вздохал Па-

ленный, – Я на свободе с любимой женщиной не мог больше суток под одной крышей находиться, а тут годами в одной хате... да еще с теми, кому бы я на свободе и руки-то не подал!

– Да, – вмешался я, желая дополнить этот разговор. – У нас было бы идеальное общество, если бы «каждый возлюбил ближнего своего, как самого себя». Но вряд ли это осуществимо на Земле. Конечно, к этому следует тянуться, стремиться, как к совершенству...

– А ты не думай о конечном результате, возможен он или нет, зачем тебе это?! Ты же только что правильно сказал – «стремиться», вот и держи слова на сердце, не забывай о них никогда. Если не можешь полюбить ближнего, то хотя бы старайся это сделать! Тогда твоя совесть будет чиста перед собой, и перед Богом, – проповедовал Салага спокойным, умиротворенным тоном. Все с ним согласились.

Но в этой беседе меня больше всего удивил Паленый. Я даже не предполагал, что он может выражаться нормальным, почти литературным языком. Да еще и рассуждать на такие темы. «Какой он неординарный! – подумал я. – То такую пошлятину гонит, что хоть уши затыкай, то говорит толково, даже возвышенно. Может, Марина так подействовала на него»?!

II

«Поп – толоконный лоб»

На следующий день нам сообщили, что примерно, через две недели к нам приедет священник, и можно будет исповедоваться, а потом и причаститься. Отправили Геру договориться, чтобы эта милость не прошла мимо нас стороной. Ведь, за неимением времени, батюшка не мог посетить больше трех камер.

Священнослужители, следует сказать, часто посещали тюрьму, но долго в ней не задерживались. Наскоро и формально исполнив свои святые обязанности, они быстро ретировались. Обычно они заходили к нам с мрачными лицами и, опрыскивая стены камеры святой водой, скороговоркой читали молитвы. Чтобы меня не обвинили в предвзятости, допускаю, что я ошибаюсь – на их челе, возможно, была печать глубокого раздумья и внутренней сосредоточенности...

Иногда к этому обряду присовокуплялась еще какая-нибудь цитата из Евангелия, произнесенная поучительным тоном. В редких случаях, нам удавалось каким-то вопросом привлечь к себе внимание священника и выслушать его мнение. Но, как правило, среди представителей церкви не было единства во взглядах. Один отвечал так, другой эдак, занимая совершенно противоположную позицию по отношению к своему коллеге. И Салага даже с усмешкой предложил одному из них созвать очередной Вселенский Собор, чтобы определиться по основным вопросам. Например, Палёный как-то спросил одного:

– Если Бог вселюбящий и всеблагий, то почему же он посылает людям страдания?

На что священнослужитель ответил:

– Бог не посылает людям страдания. Они, то есть страдания, есть следствие греха. Когда человек ведет греховный образ жизни, то он отдаляется от Божественного и тем самым попадает в сети сатаны. Отсюда и происходят все страдания.

Другой священник изрек противоположное:

– Кого Господь любит, того и наказывает. И наказывает для его же пользы, чтобы имели участие в святости его.

Подобными вопросами засыпали священников и, зачастую, приводили их в замешательство. Арестантов затрагивали теологические вопросы, и они обсуждались горячо и оживленно. Каждый хотел высказаться по данной теме или услышать что-то новое. Меня даже поначалу удивляло, что богословие может так сильно занимать умы тюремных обитателей. Но у каждого был свой вопрос и каждый хотел знать на него ответ. Так, один из нас спросил очередного священника:

– Как мог дьявол, искушая Иисуса в пустыне, предлагать Ему все царства мира, если Апостол Павел говорит, что Им и для Него всё создано. Как же так получается, что дьявол мог искушать Его, и за поклон предлагать то, что ему не принадлежит?

Мы ждали ответа, и он прозвучал потрясающе в прямом смысле слова.

– А зачем вам это знать? Для вас это не нужно!

Тогда мы дружно подхватили:

– А как же говорится: «Ищите, и найдете, стучите и вам отворят». – В ответ священник что-то промямлил себе под нос, вызывая в наших умах очередное недоверие.

Главное было даже не в том, что после богословских прений у нас не появились ответы на многие вопросы, а в том, что не было живого, приятного общения, которого нам очень не хватало. Мы ждали добрых слов и утешения. А взамен слышали сухие, заученные фразы, которые многие из нас знали наизусть. После таких «официальных приемов» чувствовалось моральное неудовлетворение и внутренний дискомфорт. Казалось, что в наших алчущих душах что-то поубавилось. Будто тать в ночи умыкнул там что-то драгоценное, святое!

Но как бы то ни было, мы искренне были рады тому, что у нас появится возможность исповедоваться и причаститься. Грехи у многих были тяжкими и не давали совести покоя. Осознавая всю серьезность и ответственность предстоящего мероприятия, мы решили к нему, как и полагается, подготовиться, и начали говеть. Мы много молились, вспоминая до слёз прошлые грехи, и обещали себе не совершать новых. В это время мы совсем исключили из нашего лексикона матерные слова и договорились не ссориться друг с другом. Но как только по всем пунктам мы ударили по рукам, сразу же захотелось кого-нибудь обматерить.

– Ну что за безобразие такое? – ворчал Паленый. – Пока не договаривались, чтобы не материться и не ругаться, так я и не хотел. А сейчас меня так и подмывает..., только и думаю, как бы мне кого-нибудь обхаять. Сейчас бы за-

прыгнул на решку и заорал во всё горло: «Да пошли вы все...».

– Не переживай, Вова! Не ты один такой, – сказал я ему понимающе. – По-видимому, человеческая психика так устроена или подсознание, которому так и хочется сделать всё наперекор своему хозяину.

– Вы на подсознание не грешите. Это дьявол вас искушает. Слабаки! – засмеялся Салага.

В общем, мы крепились две недели, как могли, и за это время сдержали уговор. Никто не проронил ни одного бранного слова. В обращении друг с другом все были вежливыми и обходительными. Любая институтка позапрошлого века могла бы позавидовать бонтону нашей камеры, заглянув к нам на часок. Я как раз дочитал Библию, к которой приступил еще два месяца назад, и у меня сформировался собственный взгляд на религию.

И вот настал тот день, когда дверь в нашу камеру отворилась, и через порог переступила нога священника. Но опять вместо радости и душевного восторга, я испытал разочарование. Священник пулеметной очередью «выстрелил» слова молитвы и окинул нас небрежным взглядом. Если мы ожидали от этого дня чего-то необычного и сокровенного, то, судя, по его выражению лица стало ясно, что он совершает привычную и уже постылую для него работу. Этому служителю церкви было лет шестьдесят, он имел крупную фигуру, широкое мясистое лицо с длинной, седой бородой, и внушительных размеров живот, арбузом выпиравший из-под рясы. Среди серых стен и тусклого света, его пышное, блестящее позолотой облачение казалось совсем неуместным. От смущения некоторые уставились в пол, а кто-то отвел глаза в сторону оконной решетки. Я тоже почувствовал себя неловко, будто передо мной стоял Царь всея Руси, а я был ничтожный смерд.

– Молитвы читали? К исповеди готовились? – обратился он к молодому парню по имени Колёк.

– Да, конечно, – ответил он робким голосом.

– За что сидишь?

– Кража.

– Плохо! – произнес священник, нахмурившись. – Разве ты не слышал заповеди, которые нам дал Господь? Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать, люби ближнего твоего, как самого себя, – говорил он назидательным тоном, поглаживая бороду. – А еще в Евангелии сказано, «если правая рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твое было ввержено в геенну».

– Понятно, – подавленным голосом ответил Колёк.

– Наркоман? – спросил он громовым басом.

– Нет, никогда не пробовал.

– Не пробовал, говоришь..., – смерил он его подозрительным взглядом и спросил щурясь. – А зачем тогда крал?

Колёк сжался и, соображая, что ответить, стал нервно моргать. Меня до глубины души возмутил такой тон общения, и я решил возразить этому «батюшке»:

– Позволь спросить, как тебя зовут?

– Отец Владимир, – ответил он неуверенно, очевидно, удивленный моей бестактностью.

– Вова, значит! Ведь как говорил Иисус Христос, «Отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, который на небесах. Все же вы – братья», – пока я говорил, наш гость недоумевающее переглядывался с майором, который его сопровождал, – скажи, брат, где простота твоя голубиная, с которой ты должен проповедовать Евангелие людям? Где твоя искренность, где радость и восторг, с которым ты должен славословить Бога?! Ты в наш дом принес только высокомерие и равнодушие. Ты что, очнись! – потрепал я его за плечо. Но брат ушел в себя еще глубже.

Немного оправившись, он, наконец, выдал из себя:

– Не понял! Что тебе не нравится? – его глаза сверкнули молнией. – Ты кто такой вообще?

– Ты еще спроси, кто я по жизни, – засмеялся я. – А не нравится мне то, что с твоим приходом я почувствовал себя, как у следователя на допросе. Где теплота, где кротость священника? А может, ты забыл слова «придите ко Мне все нуждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим...». Вижу, что забыл. Ты уже пятый или седьмой из вашей братии, кого я вижу в тюрьме за последние три месяца. И чем я больше вас узнаю, тем больше во мне укореняется мысль, что Христос и Христианство далеко не одно и то же, по крайней мере, в лице своих священников. Почему бы тебе, Володя, или другим попам, которые здесь были, не сесть с нами, «мытарями и грешниками», за один стол и, по примеру Иисуса, который ел и пил с «ними», не поговорить нормально, по душам?! Выслушал бы страждущих, помог советом. Поддержал бы добрым словом, исцелил больные души. Нам ведь так мало надо...

– Он вменяемый вообще? – обратился гость в замешательстве к майору. – Врачи обследовали? – тот в ответ пожал плечами.

– Я-то нормальный и отдаю отчет своим словам. Да только ты, брат, забыл, что в Евангелие сказано. «Кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной». Отрежь язык свой, избавься от этого члена, чтобы спастись тебе от геенны, как ты советовал моему сокамернику. – Салага дергал меня за рукав, требуя замолчать, но я уже не мог остановиться, наверное, бес вселился в меня. – Эх ты, лицемер, Володя! Заметил сучок в глазу брата своего, а в своем бревна не чувствуешь. Постеснялся бы хоть что ли!

Не знаю сколько бы еще продолжалась эта полемика, если бы не вмешался майор:

– Ну, все, хватит болтологию разводить! Пойдемте, батюшка. Этих демагогов не переслушаешь, – и они вышли, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Все с любопытством посмотрели на меня, будто впервые увидели, а Салага

сказал, почесывая затылок:

– Да-а, ошарашил ты, конечно попá. У него такой вид был, будто ты ему кадилом по лбу саданул, – засмеялся он. – Теперь мы долго этого «пилигрима» здесь не увидим!

Через полчаса нас по одному стали выводить в отведенный для священника кабинет, и там мы поочередно исповедались. Но в причастии нам наотрез отказали, мотивируя это тем, что к этому таинству мы еще не готовы. Узнав от соседей, что их всех причастили, мы почувствовали себя обделенными и окончательно расстроились.

LVIII

Излюбленная тема арестантов

Вечером мы собрались на чаепитие своим узким кругом из шести человек, и я изрек виноватым голосом:

– Пацаны, извините, что так вышло. Это, наверное, из-за меня вам в причастии отказали.

– Да брось ты! Перестань! – посыпалось ото всюду.

– Давно пора таких попов поставить на место! – отозвался Паленый.

– Не гони, все нормально! – произнес Салага и спросил у меня, – А ты все книги прочитал, которые я тебе дал?

– Да, все. Кое-что уже на второй раз перечитываю.

– Что-то полезное для себя почерпнул? – любопытствовал он.

– Не знаю, полезное или нет, но мировоззрение под их влиянием изменилось, это точно.

– Так давай, расскажи нам, что там за мировоззрение у тебя? А мы слушаем.

– Не знаю, Санек, тяжело так сразу. Мне нужно подготовиться, – замялся я.

– Ну, готовиться к экзаменам будешь. А нам своими словами расскажи. Уж больно интересно у тебя давеча вышло, – прихлебывал он чай между фразами, – вон как лихо попу́ завернул, без всякой подготовки, я аж рот раскрыл. Ну, давай, не стесняйся.

– Так, с чего же начать? – задумался я, и открыл свой блокнот в кожаном переплете, куда вносил важные для себя заметки. Просмотрев их беглым взглядом, я начал вдумчиво излагать.

– В общем, если подходить к вопросу с философской стороны, то мою мировоззренческую установку можно назвать теоцентрической. Потому что понятие Бога для меня является главенствующим, державным и приоритетным среди таких явлений как природа, знание, общество, человек или культура. Я считаю, что, не признавая Бога, невозможно объяснить вышеназванные понятия и, в частности, предназначение человека, тайны природы или устройство мира. По духу мне ближе христианство, но за некоторыми исключениями. Например, космогенезис (зарождение и развитие Вселенной), который изложен в Ветхом

завете, чужд моему мироощущению и миропониманию. Я придерживаюсь того мнения, что Господь или Создатель, как вам угодно, Един со своим созданием и вся вселенная, весь видимый и не видимый мир произошли из Него. Поэтому все, что есть в мире, является какой-то частью или долей Его Самого. Этому же учит индуизм, об этом же говорит и Гермес Трисмегист, – я заглянул в свой блокнот и зачитал, – «И так как все вещи произошли от Одного посредством Единого, так все вещи произошли от одной сущности через приспособление».

Но из первой книги Моисея «Бытие», можно заключить, что Земля и вся вселенная сотворены из материала (или из ничего), взятого извне, то есть отдельного от Бога. Сразу же встает вопрос: как может находиться «нечто», вне Бога, если Он вездесущий?! Он абсолютен в своей полноте и нет в пространстве исключения, где бы ни прибывала Его сущность. И, на мой взгляд, такое разделение Творца от своего создания порождает ряд немаловажных проблем. Вселяет в мироощущение человека соответствующее чувство отчужденности от Бога. Например, я верю, что весь мир произошел из Бога. Его сущность прибывает в каждом атоме, и каждый атом пребывает в Нем. Поэтому и материя наполнена определенной жизнью и сознанием, подчиняясь разумным законам мироздания. Зная и чувствуя, что Бог во мне и везде, докуда может простираться моя человеческая мысль, я ощущаю мир совсем иначе, по сравнению с тем же христианином, который полагает, что Бог сотворил Землю из ничего, а его самого из праха; и прибывает теперь отдельно от своего создания где-то далеко в небесах. Правда, есть один стих из первой главы Евангелия от Исаака, который не согласуется с концепцией космогенезиса «Бытия», но изложен он слишком сжато и поэтому сделать достоверный вывод на основании его весьма проблематично. Этот стих звучит так, – опять я обратился на помощь к своему блокноту. – «Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».

В камере нависло молчание и густой, сизый туман от сигарет. Лица моих сокамерников выражали любопытство и в то же время удивление. Я видел, что моя речь имела колоссальный успех, и придирчивые к словам арестанты потребуют дальнейших разъяснений. Между седыми бровями Салаги проступила глубокая морщина. Он о чем-то сосредоточенно думал, опираясь подбородком на руку, и напомнил мне Роденовского «Мыслителя».

– Подожди, – обратился он ко мне. – Если, как ты говоришь, Бог пребывает абсолютно во всем без исключения, тогда ведь ты не оставляешь самостоятельного места дьяволу или бесам в конечном счете.

– Совершенно верно. И это уже вторая проблема, – произнес я значительным тоном, входя во вкус. – В моем понимании это просто энергия низкого порядка, по своим свойствам граничащая с материей и взаимодействующая с ней. Магнетические свойства этих смежных явлений и вызывают то, что называется в Христианстве «искушением», в данном случае подобное притягивает подобное. Но с позиции мироздания следует признать необходимость такой энергии или силы, ведь в противном случае, не было бы ни Земли, ни всей видимой вселенной, – материи неоткуда было бы взяться. И поскольку человек имеет двойную природу, грубо говоря, духовную и материальную, то конечно, он должен

сдерживать желания своего тела, чтобы не уподобиться животному. Помнишь, как описывает Евангелие искушение Иисуса дьяволом?

– Ну!?

– Дьявол показал Ему все царства вселенной и сказал, что даст власть над ними и славу их, потому что это принадлежит ему. Этот эпизод иллюстрирует не только то, как утверждают многие богословы, что мир лежит во зле, но и подчеркивает, что весь видимый мир сформирован за счет «грубой» энергии.

– А как же зло? – слышался хриплый голос из тумана.

– А что зло? Это ведь не только разрушение, как многие понимают или что-то исключительно негативное, но и неотъемлемый атрибут развития, роста, прогресса, если хочешь. Если бы зло не противостояло добру, то не было бы движения, наступил бы застой. Невозможно совершенствоваться без противодействия. Главное, чтобы не было явного перевеса со стороны зла, иначе, достигнув критической точки, начнется необратимый процесс, который грозит уничтожением. Но в нашем мире, к слову сказать, не бывает ничего в абсолютно чистом виде. Возьмем, к примеру, самую возвышенную и чистую любовь, какая только может существовать на Земле – материнскую. Но даже она по своей сути эгоистична, потому что любая любящая мать, за жизнь собственного ребенка, не раздумывая, пожертвует десятками чужих детей.

– Это точно, – подтвердил Салага.

– Но, если тебя смущает, откуда взяться злу, если по моей концепции, Бог един и всё произошло из Него (а Его принято считать Всеблагим), то я хочу сказать, что человеку просто свойственно воспринимать зло слишком субъективно, смешивая его со своими переживаниями и чувствами. Воспринимать как «плохо». Зла объективно вообще не существует, если мы откинем оценочные характеристики, которые мы сопоставляем со своими убеждениями, взглядами и так далее. Но если тебя и это не убеждает, то прочти еще раз «Исход» и «Числа» из Ветхого завета. Там ты найдешь и Божий гнев, и ревность и многое другое, не менее интересное. Хотя, как мне кажется, там упоминается не тот Бог Единый, в которого я верю, а какой-то еврейский господь или дух, – остановился я, переводя дыхание.

Разлитый по кружкам чай оставался не тронутым, все забыли о нем. Я смочил горло и мой взгляд встретился с Паленым. Он хитро смотрел на меня и вдруг, с ухмылкой спросил:

– Слушай, гений философии, а ты в судьбу веришь?

– Нет, Бог дал человеку свободу, поэтому в предначертанную судьбу я не верю. Но в большей степени жизнь человека определяет характер. Хочешь изменить свою жизнь или судьбу, если тебе так удобнее, измени в первую очередь свое мышление и свой характер. К тому же я не верю в случайность (как недавно говорил Салага «в удачу верят только лохи»). Случай представляет собой что-то приходящее извне. А так как наша жизнь – реальность, представляет собой хоть и невероятно большую, и пусть даже со множеством вариантов, но всё же очерченную систему, то в нее ничего нельзя привнести извне или наоборот, изъять из нее. Все события развиваются в жесткой последовательности (по правилу причина – следствие). Поэтому, что бы не произошло в твоей жиз-

ни, Вова, – я в упор посмотрел на Паленого, – не следует сваливать на судьбу. Какой бы неприятной или тяжелой не была ситуация, знай, что именно ты ее создал и никто, кроме тебя. Ты раб и господин своей судьбы одновременно. Если кто-нибудь, к примеру, выиграл деньги в лотерею, то не завидуй ему. Не думай, что Бог или судьба были так благосклонны к нему, что послали этот приз. Нет, человек сам достиг этих денег. И если мы не можем просчитать все многочисленные звенья длинной цепи, при которых он достиг этого результата, то это еще не говорит о случайности.

– Но ты же говорил, что тебя в тюрьму ни за что посадили. Просто оказался случайно не в то время, и не в том месте, – пытался подловить меня Паленый.

– Верно, говорил, – согласился я спокойно. – Но сейчас уже так не скажу. Я сам, мысленно, вызвал эту ситуацию. Но причина, правда, не только в мыслях, но и в реальности, которая дала им импульс. Сейчас в моде утверждение, будто мысль материальна и она формирует наше будущее. Да, я с этим согласен. Но это суждение, я считаю, не полным, ведь тогда остается открытым вопрос, откуда берутся именно эти мысли, а не другие. Было бы целесообразно, в этом случае, соединить эту идею с Гегелевским тезисом и выразиться так: «Бытие определяет сознание и одновременно сознание определяет бытие». Эти равнозначные и взаимозависимые явления должны быть поняты в своем диалектическом единстве.

Когда я учился в университете, меня до глубины души затронули многие лекции по праву. Я даже самостоятельно дома изучал уголовно-исполнительное право, которое должно быть у меня только на четвертом курсе. Я стал с интересом расспрашивать знакомых людей, которые отсидели срока, об условиях содержания в тюрьме и колонии. Перечитал «Палату номер шесть» Чехова, и еще одну повесть Дёмина под названием «Блатной». Таким образом, бытие, с учетом моего характера, определило мои дальнейшие мысли и чаяния. Работа мысли и внутренняя энергия, сформировали мыслеобраз, который, воздействуя на грубый план материи, спроецировал ту ситуацию, в которой я оказался. К тому же, как ни странно, первая моя камера оказалась под номером шесть. В общем, всё, как и заказывал, – засмеялся я. – Осталось дело за малым – достойно отсидеть срок.

– Но я-то почему сижу все время?! – воскликнул Паленый возбужденным голосом. – Я всегда только и думаю о том, что больше не сяду!

– Измени характер, Вова! У тебя на лбу невооруженным взглядом можно прочесть – «тюрьма».

Вова провел рукой по лбу, посмотрел на свою ладонь и нахмурился. Его пальцы нервно забарабанили по столу.

– Н-да-а, – протяжно произнес Салага, доставая из портсигара папиросу. – Задвинул ты нам лекцию, ничего не скажешь. И меня уже переплюнул, куда мне теперь с тобой тягаться. Только я не совсем понял – христианин ты или нет?

– Нет, я не имею права называться таковым по ряду причин...

– Любопытно. И по каким же? – склонил он голову на бок.

– Во-первых, я не исполняю заповедей, оставленных нам Иисусом Христом. Вы все слышали, как я разговаривал со следаком – «врагом моим», хотя я его должен, наоборот, благословлять и любить. Да, я осознаю, что поступаю низко, воздавая ему злом за зло, но пока не могу поступить иначе, как бы я себя не укорял. Мне легче подставить свою левую щеку, когда меня ударят по правой. Но возлюбить врага своего или даже ближнего, который может быть мне совсем не приятен по каким-либо причинам, выше моих душевных сил. Я не могу без вожделения посмотреть на красивую, сексуальную женщину, и выходит, что я прелюбодействую с ней в своем сердце. В общем, я веду себя, как язычник, с той лишь разницей, что без сомнения верю в загробную жизнь и Страшный Суд.

Во-вторых, если уж до конца быть откровенным, меня терзают сомнения по поводу того, что Иисус был сыном Божьим, сыном, посланным Отцом на Землю для искупления наших грехов. Я думаю, что человек обречён на искупление грехов и никто за него это не сделает. И как бы я не пытался уверить себя в обратном, не выходит! Вера – штука тонкая и прихотливая, ее силой к сердцу не привяжешь, она либо есть, либо ее нет. Так вот, поскольку на сегодняшний день я не могу без сомнений принять этот основной догмат церкви, то и все остальные автоматически ставятся мной под сомнение. Непорочное зачатие Девы Марии, искупление наших грехов, воскрешение из мертвых по прошествии трех дней и так далее. О каком уж христианстве в моем случае говорить, если при таких взглядах церковь придаёт анафеме.

– Так если такой расклад, то всю нашу камеру надо анафеме придать! – воскликнул Паленый.

– Вот тебя и не причастили, еретик! – смеясь подколот Салага и обратился ко мне. – Кажется, ты преувеличиваешь....

– Санек, ничего я не преувеличиваю, и ты это лучше меня знаешь. Но хоть я и не могу для себя определить, кем был Иисус, в его существовании, как личности, я, конечно же, не сомневаюсь. И кем бы он ни был, учение, которое он дал миру, заслуживает самого искреннего уважения. До самой глубины оно пронизано человеколюбием и, по истине, божественной добротой. Он подарил людям такой духовный источник, из которого хочется жадно пить большими глотками, насыщая завялую от мирского зноя душу. Из Евангелия я черпаю силы, и укрепляюсь духом, нахожу утешение в тяжелые минуты и учусь жизни. Его заповеди служат мне опорой, и ориентиром на моем жизненном пути. «Не собирайте себе сокровищ на земле, но собирайте на небе; где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше". Эти слова Иисуса горят во мне ярким пламенем и озаряют мой жизненный путь. Они будут со мной до последнего вздоха!

– Молодец! Я горжусь тобой! – воскликнул растроганный до слез Салага, и крепко обнял меня. – Ты – человек, который ищет правды. И ты обязательно ее найдешь, поверь старику. Хуже всего, когда люди называются христианами по «праву рождения». Если человек родился в России и был крещен в младенческом возрасте, то уже уверенно заявляет, что он православный. А из ста таких христиан, девяносто девять даже Библию не читали, потому что лень. Спраши-

ваю я такого – какую религию исповедуешь? Он мне: «Христианство». А как ты можешь его исповедовать, если не знаешь, чему оно учит? Ведь ты даже заповедей не знаешь. «Ну, как же..., – отвечает он мне, – если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Ну, и всё в этом роде...». А ты подставишь другую, спрашиваю. «Ты во мне, дурака, увидел что ли? Не только я, другой тоже не подставит. Спроси хоть у кого... – Салага сделал паузу в изложении диалога и внушительным тоном закончил. – Ты за себя сначала ответь! Вот и вся твоя вера – жирное брюхо, да золотой крест на нем. Лицемер! – обратился мой наставник к невидимому оппоненту.

Дальше последовало всеобщее молчание. Затронутые этим вечером вопросы не могли никого оставить равнодушным, каждый вдумчиво искал на них ответа. Только изредка были слышны тяжелые вздохи и короткое: «Н-да-а, дела!»

LIV

Поэт

Время лечит... но не всех! После разлуки с Настей прошел уже месяц, а время не затянуло сердечную рану. Наоборот, с каждым днем я все больше и больше тосковал по любимому человеку и уже сбился со счета, сколько отправил ей безответных писем. «Интересно, а теплится еще у нее в сердце, хотя бы слабый уголек взаимности? – одолевали меня сомнения. – Наверное, она уже стыдливо жалеет, что когда-то призналась мне в любви. Или совсем обо мне забыла, а если вдруг, случайно вспомнит, то виновато улыбнется и махнет рукой». Одним словом, моим сердечным мукам не было ни конца, ни края и все-милостивое время сделало на мне исключение.

Но в случае с Вовкой Паленым напротив. Этот жизнерадостный балагур и лицедей быстро оправился от последнего удара судьбы и переключился на сорокапятилетнюю женщину, по имени Елена Ивановна. Весьма приятную особу с восточным типом лица. Она занимала должность начальника спецотдела и была в звании майора. Как мне признался Паленый, – они были знакомы уже более десяти лет, но, как ни странно, сердечные чувства в нем проснулись только сейчас и тут же воспылали всепоглощающим огнем.

– Аж жжет всё внутри, – сказал мне как-то вечером Паленый, прикладывая ладонь к груди. – Не поделюсь с ней, сгорю! – И, скорчив ужасную рожицу, принялся чиркать что-то на листе бумаги. За этим занятием он провел всю ночь, и к утру его руки и щеки были страшно измазаны чернилами. «Опять принялся за старое, – насторожился я. – Ни к добру это».

После обеда Елена Ивановна ходила по коридору, вручая заключенным различные документы. С ее появлением повеяло женскими духами. Приятный аромат щекотал нос и будоражил воображение. Вова стал заметно нервничать, а по мере ее приближения и вовсе заметался, как воробей в сарае. Наконец, он подлетел к двери и присел на корточки, поджидая свою возлюбленную.

– Ты хоть сейчас не вздумай женщину напугать! – подколот его Салага. –

А то у тебя ума-то хватит!

– Да замолчи ты! – махнул рукой Паленый.

Стук каблуков стих и «кормушка» открылась. В маленьком окошечке, которое было расположено на уровне живота, показалась фигура Елены Ивановны. Вова вынул из кармана листок, над которым он корпел всю ночь и начал зачитывать выразительно, с чувством драматизма в голосе:

Добрый день, моя королева,
Здравствуй, милый мой друг,
Перед тобой встаю на колено,
На руке, оставляя след губ.

Вова, как благородный рыцарь, опустился на одно колено, быстро ухватив женскую руку, поцеловал ее. И, глянув из-под густых бровей преданным, собачьим взглядом, продолжил:

Хочу ласкать тебя бесконечно,
Растворясь в слиянии губ,
Обещаю любить тебя вечно,
Твой слуга и покорнейший друг.

Паленый склонил голову и замолчал, ожидая реакции своей «госпожи».

– Мило, мило! – сказала она, смеясь. – Сам сочинил или списал откуда?

– Да вы что, Елена Ивановна, как можно... Конечно, сам написал. Всю ночь не спал, для вас, моя голубка, старался. Хотел приятно сделать, – заискивающим тоном произнес Вова, глядя на свою даму ласковым взглядом.

– Спасибо, голубь ты мой сизокрылый. Очень приятно.

– А ручка у вас прямо-таки зефирная, сладкая и воздушная. Век бы ее лобзал. Позвольте мне еще раз припасть к ней губами, – лицо его с готовностью вытянулось и приняло такой жалкий и в то же время смешной вид, что мы не смогли удержаться от смеха.

– Ох, ты... обормот бесстыжий, – сказала женщина с ласковым укором. – Повяжут меня тут вместе с тобой. Будут потом и ручки, и ножки...

– Леночка, свет очей моих, не ругайся, милая. Бесстыжий я, конечно, спору нет, но сердцу не прикажешь, когда оно огнем горит. Я ведь страсть, как люблю тебя! – склонил он руки на груди. – Топчи меня своими ножками, только дай мне говорить.

– Ох, ты и актер из погорелого театра! Тебе бы Гамлета играть, принц ты мой датский. Ну, все, я пошла, а то...

– Леночка, стой! У меня к тебе последнее слово, – он откашлялся, прочистив голосовые связки и с маской смирения опять начал зачитывать:

Один вопрос, который гложет,
Мое сознание и покой,
Могу ли я колхозной рожей,
Когда-то сблизиться с тобой...

Вовка посмотрел на нее наивно-вопросительным взглядом.

Ведь ты особенная дама
Имеешь звезды на плечах.
О, дочь великого Приама
Ты идеал в моих очах...

Новоиспеченный поэт прикрыл глаза ладонью, будто ослепляемый солнцем и продолжил.

Тебя влечет полет высокий
И манит звездный небосклон,
А я приземистый, убогий
Я не Икар, не Аполлон.
Как высока ты от меня, далека,
Как щемит больно мою грудь
Твоя краса и высота полета
Куда нет мочи мне вспорхнуть.

Голос исполнителя дрожал, и последние строки прозвучали очень жалобно. Елена Ивановна, привыкшая видеть в Паленом легкомысленного повесу, не сразу нашлась, что и ответить. Немного замешкавшись, она сказала:

– Молодец! Можешь приятно удивить женщину.
– Но есть ли надежда, Елена Ивановна? – спросил он вкрадчивым голосом.
– Может быть..., – кокетливо ответила «дочь Приама» и закрыла «кормушку».

Очарованный поэт поднялся с пола, отряхнул штанину и пустился отбивать чечетку. Паленый плясал энергично и зажигательно, мне аж самому захотелось поддержать его, но, к сожалению, я был далек от этого искусства, как медведь-топтун от эстрады.

– Э-э-эх! – воскликнул весело Салага и выпрыгнув на центр камеры, заголосил. – «Не жалей каблука, валяй трепака!» – его ноги застучали в такт с Паленым.

Зрители, зачарованные парным выступлением пожилых бродяг, не могли отвести глаз. Мы не раз их просили исполнить на бис, а когда веселая пара устала, камера им долго рукоплескала.

LV

«Кто здесь?»

Гера – наш добрый волшебник, опять совершил чудо. Он договорился о том, чтобы меня подвели на одну минутку к Настинной камере, и я мог поговорить с ней через «кормушку». Я собрал пакет разных вкусняшек и в наилучшем

расположении духа направился к моему голубоглазому ангелу. Сопровождал меня до желанного места, двухметровый детина по имени Михаил. Попытка поговорить с ним не увенчалась успехом, – он оказался немногословным букой, и по лестничному пролету мы спускались молча. От волнения мое сердце стучало, как железнодорожные вагоны по рельсам. С каждым пройденным метром я всё больше и больше нервничал, представляя, как скоро увижу свою любимую. Как сожму ее милое личико ладонями, и буду целовать ее сладкие губы, пряные щечки. Как буду гладить и нюхать нежные ручки, запаха полевых цветов. «Только бы опять не укусить ее! – мелькнуло у меня в голове.- А что?! Ведь могу от переизбытка чувств. Точно подумает, что я маньяк какой-то!» На крыльях любви я подлетел к заветной камере и, затаив дыхание, приготовился. Детина дернул задвижку, и «кормушка» открылась. Я присел на корточки и дрожащим голосом произнес.

– Привет, девчонки! Мне бы Настю увидеть.

– А какую Настю? У нас их две! – ответил женский голос.

– Цветкову Настю.

– А-а, которая с мокрыми глазами ходит?! Так ее час назад в семерку перевели, – ответила женщина бальзаковского возраста с бигуди на голове.

От услышанного я остолбенел. Лицо обдало теплым, удушливым запахом, в глазах помутнело. Отчаянье мертвой хваткой сдавило горло и накрыло пеленой глаза. Благо я сидел на корточках, иначе, я бы тут же рухнул, как подстреленный. Детина приказал уходить, и начал закрывать «кормушку». В последний момент из камеры послышался приятный голос:

– Подождите, не закрывайте! – и к окну подбежала рыженькая девушка. Она быстро спросила.– Тебя Стасом зовут?

– Да, – ответил я поникшим голосом.

–Я Настина подруга. Она писала тебе постоянно, а ты почему-то молчишь, – затараторила она.

– Как она? Ее никто не обижает? – посмотрел я на угрюмые лица женщин.

– Нет, у нее всё нормально. Жаль, что ее перевели. Теперь к новому месту опять привыкать надо.

– Передай ей, пожалуйста, вот это! – и я просунул через окошко пакет. – И себе что-нибудь возьми.

– Нет, ты сам ей отдай. Она недалеко находится, всего через одну камеру по левой стороне. – И в ту же минуту обратилась к моему путеводителю, заигрывая, – Такой молодой, да красивый, неужели сможет отказать бедной девушке в свидании? Да и свиданочка эта, всего в одну минуточку! Подведи, командир, вон к той камере, – и она показала пальцем на камеру под номером 7.

– Не положено, – отрезал он басом. – Всё, свидание закончено. Пойдем! – и быстро захлопнул «кормушку».

– Миша, будь человеком! – обратился я к нему умоляющим голосом. – Подведи, пожалуйста, к семерке. У меня там жена сидит, я ее не видел два месяца.

– Не проси, не положено! Мне сказали к пятой тебя подвести, я и подвел. Всё, разговор окончен! – подтолкнул он меня в плечо и мы тронулись.

Медленно удаляясь от пятой камеры, я не унимался.

– Открой «кормушку», ну чего тебе стоит! Я тебе денег дам!

– Хочешь за взятку довесок схлопотать?– зыркнул он строго. – Давай шевели батонами и не болтай!

Наш путь лежал через седьмую камеру, и, проходя мимо, я кинулся к ее глазку. Моему взору предстала мутная панорама, в которой с трудом можно было различить женские лица.

– Ну, ты, урод! – рыкнул сержант и начал оттаскивать меня от глазка за ворот рубашки. Я вцепился, что было сил, за дверную ручку и весь напрягся.

– Ах, ты гад! – и дернул меня снова. Верхние пуговицы рубашки покатились по полу. Но я еще крепче схватился за ручку и не собирался сдаваться. Мне до безумия хотелось увидеть Настю, и одержимый этой мыслью я сопротивлялся, как мог.

– Ну, держи! – услышал я за спиной, и тут же получил удар резиновой дубинкой.

От боли я громко закричал:

– На-а-а-стя!!!

В камере послышался переполох, девушки подбежали к двери.

– Кто здесь? – спросил женский голос за дверью.

– Позовите Настю Цветкову!

Последовал еще удар дубинкой, но я не собирался отходить. Словно щенок к мамкиной титьке я припал к железной двери и жадно ловил силуэт любимой женщины. За этой дверью таилось всё самое дорогое для человека- счастье, любовь, да и сама жизнь.

А сержант, тем временем, не жалея сил, колотил меня по спине. По всему коридору раздавались шлепки и крепкая ругань осатаневшего детины: «На тебе, сука! Мразь! На! На...». Последние два удара пришлись по затылку, и ноги сами подогнулись подо мной. Я упал. Сержант сделал еще два контрольных удара по голове, и видя, что я не сопротивляюсь, прекратил побоище. Распластавшись на полу, и глядя вверх, перед моими глазами мелькали пятна и плыл потолок. В полуобморочном состоянии, с помощью сержанта мне пришлось подняться с пола и медленно тронуться «домой». В след я услышал девичий голос, который узнал бы из тысячи!

– Кто здесь?

– Матроскин! – ответил мой пьяный голос и с тяжелым сердцем я побрел дальше. Лестницы, как шпалы мелькали перед глазами, но «стука вагонов» я уже не слышал. Голос сердца стих, утонул безбрежном океане печали. Было наплевать на всё и на всех!

Когда передо мной открылась дверь нашей «хаты» и я, заплетаясь, перешагнул ее порог, Салага воскликнул, обронив сигарету:

– Твою же мать! Какого... за что?!

– Настю перевели в другую камеру, мне захотелось в глазок на нее посмотреть. Ну и вышло черт знает что. В общем, извини, Санек, – оправдывался я перед ним, забивая в ноздри вату, чтобы остановить кровь.

– Ай, да орел! Ведь ты, герой, дураком растешь. Ты куда не вступишь, обя-

зательно на грабли наступишь. Очнись! Ты в тюрьме сидишь, тут каждая такая шутка может жизни стоить.

– «Голодный пес палки не боится», – ответил я ему с сарказмом.

– Да иди ты..., – швырнул он в меня от злости коробок спичек и ушел к себе на шконку. И отворачиваясь к стене бросил с иронией, – «Не мудрено насрать в ведро – дужку отворотил, да полное наворотил». Дурак!!!

LVI

Шмон

Чтобы хоть как-то реабилитироваться в глазах Салаги и загладить перед ним свою вину, я встал ночью на «дорогу» и до утра занимался «почтой». В шесть часов кабуры закрылись и, к моему удивлению, в нашей камере осталось несколько маляв, которые так и не успели добраться до своего адресата. Я первый раз оказался в такой ситуации, но спросить совета у Салаги, как поступить с «почтой», постеснялся. Мы были еще в ссоре и по этой причине не разговаривали.

Пересчитав малявы, я обернул их полиэтиленом и запаял с боков. Затем спрятал в носок и лег спать со спокойной душой. Но после обеда, как назло, на нашем этаже менты устроили грандиозный шмон. Каждую камеру беспощадно выворачивали, а заодно и пакостили – рвали всё, что рвется и ломали всё, что ломается.

Дошла очередь и до нашей. Нас выгнали в коридор, и там я увидел весь, собравшийся на шмон ментовской истеблишмент. «Ад пуст. Все бесы здесь» – сказал бы в ту минуту Шекспир. Здесь были все начальники отделов, и «дорогой» Андрей Анатольевич, этот самовлюбленный павлин. Кроме них было еще шесть-восемь простых шарошек.

«Что делать с малявами? – трезвонило у меня в голове и бросало в дрожь. – Куда их можно перепрятать? Салага говорит, что отдать «почту» ментам последнее дело. Это равносильно предательству, поэтому за такой поступок спрашивают по всей строгости нашей жизни. С виновника спросят, но презирать будут всю «хату». Вот я попал! Блин!» – задрожали у меня колени.

Нас, как обычно, поставили лицом к стене. Половина ментов зашли в камеру, другая осталась, чтобы обыскать нас. Я находился в середине ряда и трясся от волнения, как осиновый лист на ветру. Салага, который стоял возле меня, заметил мое волнение и спросил:

– Тебя чего так колбасит?

– Все нормально! – соврал я, еще надеясь на благополучный исход.

Бросив взгляд через плечо, я увидел, что ноги и носки тщательно прощупываются ментами. Перепрятать «почту» уже не было возможности. Да и куда бы я мог ее перепрятать в такой момент?

Шмон подбирался все ближе и ближе. И вот, до меня остался только один человек. За спиной вышагивал гусиной походкой корпусной, и в привычной для

него манере нес всякую чушь.

– Ну, дура! – ворчал себе под нос кто-то из нашей камеры.

– «Ночью жопа барыня, что хочет то лопочет», – подхватил его мужичок из наших, и все захохотали до коликов в животе.

– Ага, «набздит в горсть и ходит лакомится», – вставил третий. Каторжанский строй захлёбывался со смеху, по очереди вставляя какую-нибудь заковыристую реплику о сумасшедшем корпусном.

– Итак, – состряпал важную рожу Андрей Анатольевич, – пользуясь, случаем, хочу вам прочитать правила э-я-куляции заключенных при пожаре.

– Эвакуации! – поправил его паренёк из строя. – И разница в том, что в первом случае заключенные вылетают из своих камер, когда очень хорошо, а во втором, когда очень плохо, – по коридору опять раздался хохот.

– Фамилия? – заорал корпусной.

– Горбунов, – ответил паренек.

– Ты поговорить захотел, Горбунов?! – спросил ядовито корпусной, постукивая дубиной себе по ладони. – А? Я тебя спрашиваю!

– Нет, уже не хочу, – потупил он взор.

– Может, еще кто-то хочет здесь побазарить? Посверкать умом и сообразительностью? – окинул он всех грозным взглядом, но желающих «сверкать» не нашлось.

Руки шмонщика упали мне на плечи, и начали прощупывать одежду, постепенно спускаясь все ниже и ниже.

«Остается один выход, – подумал я, – устроить потасовку. Нужно спровоцировать корпусного». И я начал городить все, что лезло на ум.

– Андрей Анатольевич, а почему вас многие считают конченным долбоёбом, типа с башкой у вас не все в порядке?! Даже вот этот задрот, – указал я большим пальцем через плечо на лейтенанта, обыскивающего меня, – бубнит себе под нос: «Вот дебил капитан, такое мелет, что хоть уши затыкай». Скажи, что я вру?! – обернулся я резко к испуганному лейтенанту – шмонщику в тот момент, когда он уже добрался до носков.

– Я...я..., – начал заикаться он, поднимаясь во весь рост, – я ничего такого не говорил! Врет он все!

– Зачем я буду врать? Это не в моих правилах, да и какая мне от этого выгода. А? – смотрел я ему в упор.

– Да кто тебя знает..., – замялся шмонщик.

– Мне просто стало любопытно, почему Андрея Анатольевича все называют пустоголовой скотиной, когда я считаю наоборот? – посмотрел я на корпусного с улыбкой. – Вы очень толковый, эрудированный человек. Для меня настоящий авторитет, я уважаю вас!

Мои товарищи обомлели от такого неожиданного фортеля. Паленый крикнул, подавился и закашлялся. В тишине, которая нависла над нами, можно было услышать полет мухи. Я был рад, что одна опасность миновала, оставалось только исхитриться, чтобы избежать побоев.

Капитан пристально, изучающее смотрел на меня и долго соображал. По-краснел, потом принял бледный вид и нахмурился. И, наконец, его «соображал-

ка» выдала незатейливый вопрос:

– А почему ты мне раньше этого не сказал?

– Потому что не было подходящего случая. Сейчас услышал, как этот... – указал я изобличающие на шмонщика, – о вас отзывается, ну и решил тут же доложить. – Я кое-как сдержался, чтобы не засмеяться над собственным подхалимством.

– Это ты правильно сделал. Молодец! Такие люди нам нужны, – похлопал он меня благодарно по плечу. – Что еще про меня слышал? Не бойся, выкладывай!

– Да вроде больше ничего.

– Смелее говори, смелее. Андрей Анатольевич любит правду! Как говорится, «лучше сладкая правда, чем горькая ложь», – произнес он самодовольно и вызвал всеобщий гогот.

– «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь», – дернул черт меня за язык.

Смехом и поправками изнеженное самолюбие капитана было глубоко ранено. Капитан изменился в лице, желваки его заходили из стороны в сторону, и он изрек нахмурившись:

– Где-то я тебя уже видел? Что-то мне рожа твоя знакома! – но, присмотревшись внимательно, так и не вспомнил, что по этому лицу он еще два месяца назад бил палкой. – А тебе кто разрешил хавло открывать, а? Ты как, вообще, с капитаном разговариваешь, сволота позорная? – заводился он. – Я, между прочим, в институте учился, пока ты в школе букварь курил! Рожа шаражная!

– «Посмотрел бы и ты в воду на свою уроду!» – вспыхнул я. – Двух слов связать не можешь, а гнешь тут из себя филолога, слушать противно!

– Как ты меня назвал? – подставил он мне ненавистное ухо.

– Я говорю, «ворона ты в погонах». И «сколько тебе не летать, а всё навоз клевать!» – вырвалось у меня Салаги любимое выражение, а за ним и смачный плевок в ухо капитана.

В это время я презирал корпусного, как последнюю тварь и ненавидел его, как заклятого врага. Шмонщик, стоявший поблизости, тут же ударил меня резиновой дубинкой по голове. Затем удары посыпались по всему телу. Я опустился на колени, и, сгруппировавшись, прикрыл голову руками, понимая, что сейчас начнется «кровоавое перевоспитание». К лейтенанту присоединился корпусной, и кроме ударов от дубинок, почувствовались удары ног. Представители закона доблестно и отважно мутузили беззащитного человека, вымещая всю свою безграничную злобу. Своими лакированными ботинками они втоптывали в грязь не только мое здоровье, но и закон, офицерские погоны, часть заработка наших сограждан.

Через пару минут, я распластался на полу, и уже не ощущал сильной боли, как вначале. Боль притупилась, а с ней и чувство страха. В голове гудело, тело стало чужим, на душе было полное отчуждение и равнодушие.

– Вы же его так до смерти забьете, – услышал я голос Салаги, доносившийся до меня, как из трубы. После его слов ребята всполошились, и начали оттаскивать меня от взбесившихся мусоров. Удары стихли, наступила тишина. Я открыл глаза, и увидел перед собой толпу народа. В этом скопище стояли и

менты, и заключенные вперемежку.

– Раздеть до трусов и в «клетку», – приказал корпусной и кончиками пальцев стал отряхивать свой китель.

С меня быстро стянули одежду, не поднимая с пола, и я увидел, как из носка предательски выпал кулек с малявами. Какой-то майор быстро нагнулся за ними, но в этот момент Салага пнул ему со всей мочи по физиономии. Тот, как жук кувыркнулся на спину и только успел крикнуть в ужасе: «А-ах».

Саня бросился на малявы, и, разрывая их зубами, стал глотать одну за другой. Менты сбили его с ног, но так и не успели их вырвать.

Когда меня повели в «клетку», я обратил внимание на потерпевшего шмонщика с разбитыми губами. Он сидел на полу, расставив широко руки. Весь его взгляд выражал дикий испуг и полнейшее недоумение. Эти «звездные существа» настолько поверили в личную недосыгаемость и привыкли к безнаказанным издевательствам над заключенными, что ответный удар их поверг в неопишуемый шок. Точно боксерская груша закатала рукава и, вдруг, дала сдачи.

В «клетку» меня закрывал корпусной, я попросил отдать мне хотя бы ботинки, потому что на бетонном полу босяком стоять было очень холодно. На что он мне ответил с довольной рожей:

– А ты бегай и прыгай. Можешь на руки встать, так тоже ноги не замерзнут, – заржал он.

– Ну, сука, тебя бы на один ринг со мной..., – лихорадило меня от злости.

– О-о, так ты мне еще угрожаешь?

– Нет, я думал, что в тебе хоть что-то есть мужицкое, а ты, оказывается, просто бикса в брюках.

– Хамло! Я тебя запомнил, – взвизгнул он.

– Ты ступай. Ступай от греха подальше! – сжал я со всей силы решетку, вымещая ненависть.

Злобно озираясь, капитан ушел. А я остался в гордом одиночестве, проклиная его и тех, кто меня посадил в тюрьму. Мое наказание длилось двое суток, в течение которых меня никто не посещал и не кормил. По «доброму» совету Андрея Анатольевича мне пришлось прыгать, приседать и отжиматься, чтобы не околеть от холода. Конец сентября, как назло, выдался прохладным и дождливым. «Спасибо хоть матушка природа здоровьем наградила, – утешал я себя. – Другой бы уже тут концы отдал, а я еще ничего, креплюсь».

В одиночестве я научился разговаривать с самим собой вслух, хотя и стеснялся по началу этого; изящно материться, выстраивая небоскрёбные ругательства и царапать гвоздем на стене. Последнее мне больше всего понравилось. Потому что в этом занятии присутствовал творческий элемент. Я себя чувствовал, как минимум, современным Рембрандтом.

– Живой?! – раздался голос пожилого прапорщика, и клетка открылась.

– Живой. Что со мной будет?! – ответил я радостно своему освободителю.

– Вещи твои?! – отдал он мою одежду. – Давай одевайся, и быстро к себе в камеру.

– Так точно, командир! – отозвался я весело.

Я шустро оделся, и он сопроводил меня до «дома». Но там меня ожидала

неприятная новость, – сразу после шмона Саню увели в неизвестном направлении, и о нем не было никаких известий.

– Может он в карцере? – спросил я ребят.

– Нет, оттуда сегодня один человек поднялся, говорит, что его там нет.

– А может, его, как и меня, в «клетку» посадили?

– Да черт знает, этих мусоров, куда они его увели? Уже ума не приложу, где его искать? И кум наш молчит, как рыба, – сказал Гера.

– И что теперь делать? – спросил я его.

– А что ты сделаешь? Остается только ждать. Вся тюрьма в курсе, что мы Салагу ищем.

– Кстати, а этот майор, которому он по роже съездил? Кто он такой?

– О, это лютый зверь. Режимник он, – ответил Гера. – Как бы еще Салагу не «раскрутили» из-за него. За эту шалашовку могут года три-четыре добавить.

– Елки-палки! – взялся я за голову, – опять же я виноват. Ведь из-за меня такая петрушка вышла. Как я теперь Сане в глаза смотреть буду?!

Никто не ответил на мои слова, потому что ситуация была для всех очевидной. Салага пострадал только из-за меня! Я пытался найти своему поступку оправдание, списать свою несдержанность на молодой возраст, но обмануть себя не получалось. В опасности была жизнь близкого мне человека, поэтому укоры совести оказались сильнее лукавых измышлений. «Если бы я тогда промолчал, не стал умничать перед этим кретином, то все бы обошлось, и никто бы не пострадал, – винил я себя. – Вот она сука-гордость – самый страшный порок, от которого идут все несчастья человека. И чем я лучше этого «корпусного», который гордится своими «знаниями», а я умом? Ведь мы по духу оба невежи?»

– Эх, Санек! – вздыхал я в отчаянии и порой не замечая, что говорю вслух.

– Сколько ты учил меня, да видно все без толку. Прости меня!

LVII

Прощание

Поздним вечером, на пятые сутки после шмона, дверь нашей камеры со скрипом отворилась, и мы увидели Салагу. Его под руки занесли двое мужиков из хозобслуги, и осторожно положили на шконку. На Саню было страшно смотреть. Его лицо совсем исхудало и приняло земляной оттенок. Глаза глубоко впали и помутнели, будто их заволокло невыносимой болью.

– Санек, ты как? – спросил я, присаживаясь к нему в ноги.

– Пойдет, – ответил он слабым голосом.

– Ты где был? Мы тебя потеряли, – встал у меня комок в горле.

– В капкане, сынок. В капкане! – тяжело выдохнул он и умолк. Глаза его закрылись.

Я решил не беспокоить его расспросами, и остался сидеть молча на своем месте, наблюдая за его мерным дыханием. В камере все говорили шепотом, стараясь не нарушить его сон. Так прошло пару часов. Потом Саня открыл гла-

за и стал говорить со мной, прилагая для этого не малые усилия.

– Я был в сорок шестой, в «пресс хате». Меня «домой» умирать отправили, – произнес он синими губами.

– Может врача позвать? А, Санек?

– Не смей, какой врач? Он мне не поможет. Лучше выслушай старика внимательно. Мне нужно душу излить перед смертью. Это лучшее лекарство сейчас для меня, – он закашлялся, и на его лбу выступили крупные капли пота. – В моей жизни было немало плохого, но все-таки больше хорошего. И хоть я просидел в тюрьме добрую часть своей жизни, я не жалею об этом. Каждому свое! – тяжело вздохнул он и из его груди вырвался хриплый стон. – Судьба приводила меня в эти застенки только потому, что на перепутье двух дорог я принимал решение в согласии со своей совестью и долгом. И сейчас, стоя на краю могилы, роптать на свою жизнь, означало бы предать свои принципы и взгляды. А это самое дорогое, что есть у меня – мой духовный мир, – он взял меня за руку и крепко сжал ее. – Мир, который я создавал всю свою жизнь. Мой внутренний голос был всегда сильнее меня, он не знал слов «не могу» и «не хочу». Он твердил «надо», и я следовал его велению, никогда не споря с ним. Мой отец любил говорить: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». И вот, когда я нахожусь в возрасте отца, понимаю, что ему не в чем меня упрекнуть. Я прожил жизнь по его правилу. Не пресмыкался перед богатыми, не кланялся сильным мира сего. Моим авторитетом был один только Бог.

Салага замолчал. Он долго смотрел в потолок, и я увидел, что он плачет.

Я не торопил его, понимая, что у него сегодня повод для того, чтобы страдать. Наверное, это и была его исповедь, которую он доверил мне. Но слов, чтобы облегчить его состояние у меня не находилось, и я молчал. Крепко сжимая его тонкую руку, я чувствовал, что передо мной лежит родной и близкий мне человек, чья судьба пересеклась с моей неслучайно. Салага тяжело вздохнул, и сказал с болью в голосе:

– Перед матушкой стыдно. Не оправдал я ее надежд. Она хотела видеть во мне честного труженика, порядочного семьянина. Говорила: «Вырастишь, буду гордиться тобой!» А, видишь, как жизнь обернулась... ни семьи у меня, ни детей. Одним словом – бродяга я! – голос его дрогнул, и рука слегка задрожала. – И, хотя она с любовью относится ко мне, но сколько ей пришлось краснеть из-за меня перед людьми... По ее понятиям дорогу жизни я выбрал никчемную, поэтому и жизнь у меня сложилась непутевая! Прошу тебя, навести ее. Скажи, что я на коленях прошу у нее прощения. Сделаешь, а? – шепотом спросил Салага и посмотрел на меня с детской доверчивостью.

– Обязательно сделаю. Ты не переживай, – ответил я ему.

– Я верю тебе, как близкому человеку. У меня своих детей никогда не было, а когда увидел тебя, так во мне что-то перевернулось. Очень захотелось обнять тебя и протянуть руку помощи. Ты напомнил меня в молодости, как будто увидел своё отражение. Ты, наверное, понимаешь, что не в доверие к тебе входил, а относился по-отцовски. Полюбил тебя, как родного сына. Не обижайся за мое откровение, но мне от этого легче становится, – он дотронулся до моей головы, и наклонил ее к своей на груди. Чувства переполняли меня, но я боялся

пошевелиться, чтобы не сделать Салаге больно.

Переведя дыхание, я произнес:

– Ты для меня больше, чем отец. Ты для меня учитель и друг!

Сколько мне потребовалось усилий, чтобы не зарыдать на груди своего учителя. Душу нестерпимо обжигало огнем, и к горлу подступила горечь.

– Спасибо!- заблестели чистой влагой его глаза.- Помни, сынок, чему я тебя учил. Думаю, мои уроки помогут тебе пережить это жуткое время. Ничего и никого не бойся, поступай по совести, а главное никогда не обманывай себя. Если струсил, то не называй это осторожностью, лучше признайся в своей слабости, она у всех бывает...

– Да,- подхватил я.

– Врать себе – это путь к гибели. Помни об этом.

– Саня, прости меня, что всё так вышло. Я очень виноват перед тобой, – не мог подобрать я нужных слов.

– Тебе не в чем себя винить. Ты сделал всё, что смог. А я поступил так, как требовал долг. Поэтому произошло то, что и должно было произойти. Я давно жду старушку с косой, поверь, она меня совсем не пугает, – он попытался улыбнуться, но у него не вышло. – Ты, сынок, одно разумеи. Коль оказался в тюрьме, то воспринимай это, как билет в один конец. Считай, что ты во власти сатаны, и можешь погибнуть в любую минуту. Живи тюрьмой, и выкинь на время мысли о свободе. И если, вдруг, тебе воля улыбнется, то слава Богу, а нет, – знать такова судьба! Понимаешь, о чем старый волк тебе толкует?

– Да, Санёк, понимаю. Я уже и сам почувствовал, что моя жизнь в тюрьме проходит вдоль обрыва. В который можно упасть в любую секунду и разбиться на смерть.

– Вот за это я тебя и ценю, схватываешь всё на лету. Смышленный. А теперь дай мне листок с ручкой мне чиркнуть кое-что нужно, и воды попить. Горит у меня всё внутри.

Я подал, что он просил. Через несколько минут он отдал мне сложенный в несколько раз лист бумаги и сказал:

– Отдашь нашему Николаичу. Захочешь, прочитай. А я пока вздремну чуток, устал.

Всю ночь я не сомкнул глаз. Несколько раз подходил к Салаге, чтобы чем-то помочь. Но на мои вопросы он не отвечал, а только чуть слышно дышал. Под утро у него начался бред, он начал стонать, и звать какую-то Алёну. Я вызвал врача, который поставил ему несколько уколов, и он успокоился. К вечеру Сани не стало. Всем было безумно жалко этого человека, а для меня это было тяжелейшей утратой. Он стал мне близким человеком, и я вполне осознавал, что никогда его не забуду.

Развернув записку, которую мне вручил перед смертью «Салага», я прочитал следующие строки: «Прощай Валера. Вот и пробил мой час, ухожу в мир иной. Мне тяжело с вами расставаться, но от смерти не уйдешь. Прости, если чем обидел и не поминай лихо. Поклонись всем нашим до земли и скажи, пусть пребывают в мире и согласии. Береги маму с отцом, жену не обижай. У меня к тебе просьба. Отдай мою машину Стасу, остальное подели, как знаешь. Обни-

маю тебя в последний раз. Брат».

Даже уходя из жизни, Саня это сделал просто и с душой. Он прошел по жизни, как настоящий Человек и ушел из нее, как истинный бродяга. «Так пусть земля тебе будет пухом, отец», – поднял я кружку с чифиром, и выпил за упокой его души.

LVIII

Сборы

После смерти Салаги я никак не мог найти себе места. Вместе с ним я утратил мир и душевный покой. Будто всё самое лучшее, что было в моей жизни ушло от меня безвозвратно, оставив лишь боль и угрызения совести. Только мужественный, отчаянный поступок или жертва могли успокоить меня и я, недолго думая, решился...

Выбрав подходящую минуту, я обратился к Гере.

– Мне нужна твоя помощь. Выручишь, до конца жизни не забуду!

– Ну, проси, может, и помогу, – ответил с ленцой в голосе Гера.

– Мне нужно заехать в «пресс-хату», где сидел Салага.

– Ты спятил, что ли? – Гера посмотрел на меня с недоумением, и, оправившись от шока, добавил, – это равносильно самоубийству!

– Умирать мне, конечно, рановато. Но гадов, которые так с Салагой поступили, наказать надо. Я обязан ему, и хочу исполнить свой долг.

Наш разговор услышала вся камера. Ребята окружили нас, и начали наперебой переубеждать меня. Но в эту минуту до меня невозможно было достучаться. Все разумные доводы я пропускал мимо ушей.

– Ты туда не поедешь! – крикнул Палёный и ударил кулаком по столу.

– Поеду, чего бы мне это не стоило. Если я откажусь от своего решения, то до конца жизни буду себя винить за бесхребетность, а вас всех, вместе взятых, – указал я на каждого, – за то, что отговорили меня. Салага опекал меня, как родного сына, всю душу отдавал, учил жизни, помогал, можно сказать и погиб из-за меня, а я даже поблагодарить его толком не успел. Если я сейчас сделаю шаг назад, то всю жизнь буду пятиться назад, как рак, – говорил я возбужденным голосом, срываясь на крик. – Сколько сейчас в тюрьме «пресс-хат»?

– Одна осталась, – ответил Палёный.

– Вот и надо вымести всю эту нечисть, чтобы не осталось ни одной гадины. Меня с первого дня Салага учил пресекать бл....ое, и я накажу этих пи....сов, чего бы это не стоило! Мне надо попасть туда, чтобы уничтожить их «змеиное братство».

– И что ты сможешь сделать? – спросил Гера.

– Я перебью всю хату! Поломаю их!

– Ну, ты даешь! Голыми руками всю хату положишь? – недоверчиво спросил он.

– Да, положу. Я боксом занимался несколько лет.

– Да ты камикадзе! – усмехнулся Гера. – Или не понимаешь, какая прожарка тебя ждет?

– Понимаю, не маленький, – заявил я самоуверенно.

– Ты давай, остынь! А пока мы сделаем так: сначала узнаем, сколько человек сидит в той камере. Потом я поговорю с кумом – возможно ли, вообще, туда заехать, потому что хата находится под «шестовиками», а там и потолкуем, как дальше быть? А то мы сейчас такое нафантазируем...

На этом и сошлись.

В течение следующей недели мы узнали, что в «пресс-хате» сидит шесть человек, и «заехать» туда можно на несколько дней, но это «удовольствие» будет стоить не малых денег.

– Да, забавно у нас получается: кто-то отдал бы всё, чтобы в «пресс-хате» не оказаться, а мы сами туда просимся, да еще деньги платить собираемся, – ворчал я. – Интересно, и сколько же денег надо заплатить?

– Да хоть сколько, всё равно достанем, – вмешался Палёный.

– Давайте прекратим мужские любезности, и перейдем к главному. Сколько надо заплатить денег? – задал я прямой вопрос Гере.

– Пусть тебя это не беспокоит, я сам решу этот вопрос, – ответил он. – Для меня, между прочим, Салага тоже чужим не был. На свободе здорово помог. И я до конца своей жизни буду свечки за упокой его души ставить.

– И что он для тебя сделал, если не секрет?

– Секрета нет, как-нибудь расскажу. Сейчас нужно решить другое. В общем, слушай. Если всё пойдет по плану, то ты «поедешь» туда в среду. Два дня будешь ко всему внимательно присматриваться, а именно, как живет эта публика, где у них лежит колющее, режущее, и следить за всем, что потом нам может пригодиться. Я попробую к тебе в пятницу подтянуться, если в пятницу я не заеду, то делай грязь без меня. У тебя на это будут еще выходные. В понедельник, после завтрака, тебя переведут назад домой. Еще раз напоминаю, только без меня не вздумай начинать. Всё понял?

– Ага. Так ты тоже решил заехать туда? – возбужденно спросил я.

– Ну да. Я же тебе сказал.

– Для меня это неожиданно как-то. Вдвоем, конечно, сподручней будет, – сказал я с надеждой в голосе. Боевой дух первых дней во мне уже заметно побавился.

– Я с тобой! Сделаю всё, что смогу! – ободряюще ответил Гера и крепко обнял меня.

До среды оставалось пять дней, и чтобы не терять время понапрасну, мы в усиленном режиме начали заниматься спортом. Много отжимались, отработывали удары по «лапам», спаринговались. За это время мы сошлись с Герой гораздо ближе, чем за несколько месяцев и стали друзьями. Я узнал, что недавно ему исполнилось сорок лет, он служил в Афганистане, и имел боевые награды. Несколько лет профессионально занимался кикбоксингом, пока не получил

серьезную травму. Но внешне он больше походил на доморощенного интеллигента, чем на бойца... Он имел худощавое телосложение и высокий рост из-за чего сутулился, носил очки и был застенчив, когда попадал в незнакомую компанию.

В период сборов ко мне подошел Кислый и начал настойчиво уговаривать его взять с собой на разборку.

– Я тоже хочу наказать этих отморожков, – заявил он уверенным тоном.

– Ага, и как же мы такой гурьбой туда тронемся? Хорошо бы Гера прорвался.

– Блин, у меня руки так и чешутся. Вот бы я там загулял! – сказал он мечтательно.

– Загуляешь еще, какие твои годы! В тюремном болоте всегда найдутся пиявки да лягушки. Поэтому лежи пока на печи, сил набирайся, – улыбнулся я.

– Да и как можно разлучить Ореста с Пиладом? Твой друг с ума сойдет без тебя.

– Опять ты на меня наезжаешь?! Своими словечками надо мной прикалываешься, – нахмурился он. – Чё-то стремное про меня сказал?

– Нет, я говорю, что вы с Татаринцом закадычные друзья, и разлучать вас нет надобности. А Орест – это образ античной мифологии, сын Агамемнона и Клитемнестры, а Пилад его друг.

Кислый выслушал меня с нескрываемым раздражением и молча удалился.

До среды он больше не подходил ко мне с вопросами, опасаясь наткнуться на подобные лекции, от которых его начинало коробить.

ЛІХ

Волчье логово

Наконец пришла долгожданная среда. Судьбоносный день, который должен поставить точку на злодеяниях «пресс-хаты», или на моей жизни. Приближался час, когда меня должны вывести. Собралась вся камера, чтобы проводить меня. Разлили по кружкам чай, выпили молча. На лицах своих товарищей я увидел участливое волнение, все прекрасно понимали, что обратно я мог не вернуться или вернуться инвалидом. Я не показывал вида, что тоже волнуясь, старался быть веселым и даже пытался шутить.

– Ты, если вдруг, увидишь, что «пироги подгорают», то бросай на хрен эту затею. Отсидись потихоньку до понедельника и отваливай домой, покуда цел, – советовал Палёный.

– Посмотрим, – ответил я.

– Возьми-ка с собой это «перышко», – протянул мне Гера стальную заточку, обмотанную вместо рукоятки тряпкой и проволокой, – своими руками затачивал.

– Нет, не возьму. Не смогу я человека порезать. Противно мне это!

– Ну и дурак! – обиделся он. – Я уже начинаю жалеть, что писанул под

это дело. С таким подходом, как у тебя, ничего хорошего не выйдет, сам пострадаешь и меня спалишь.

– Да не каркай ты! – психанул Паленый. – Нет, чтобы человека подбодрить на дорожку, а ты ему жути нагоняешь. Это ты – мясник! Тебе бы только «пописать» кого-нибудь, а человек может по другому воспитан, брезгует он. Пусть сам решает, как ему действовать!

– Спасибо, пацаны, за поддержку, за добрые слова, – сказал я искренне. – Я всех вас очень уважаю. Много времени мы вместе провели, и думаю, не даром. Если больше не встретимся, не поминайте лихом, – и я крепко с каждым обнялся.

В двери послышался скрежет замка, и вдогонку Гера крикнул:

– Держись. Жди до пятницы!

На этот раз меня сопровождал болтливый прапорщик. Он шутил и смеялся над собственными шутками. Но я не мог выдавить из себя улыбку и почти не слушал его. Когда мы спустились на второй этаж и пошли по коридору, я обратил внимание на его румяные щеки и подумал: «Ништяк тебе живется, свинья толстомордая. Ты, наверное, даже и не знаешь, что твориться в этой «прессхате». И совсем не понимаешь, что, может быть, сейчас ведешь человека на бойню!» Мы остановились у камеры под номером 46, и пока веселый прапорщик открывал замок, я замороженным взглядом смотрел на эту цифру. Казалось, что она пылает зловещим огнем, и за ней притаилось несчастье.

Дверь открылась, и я вошел в камеру. Первое, что меня смутило, это запах дорогого одеколona. В тюрьме я еще ни разу не встречал парфюма, потому что он был строго запрещен, и во всех камерах стояла отвратительная вонь. Однако благоухающий аромат насторожил меня еще больше.

«Наверное, именно так и должна пахнуть смерть!» – вдруг подумалось мне. Непривычным было и то, что после переполненных народом камер, в этой было всего лишь шесть человек. Одна шконка была свободна.

Определить главную мразь не составило труда. Она вальяжно сидела на шконке, широко расставив ноги, и курила деревянную трубку. В руке она держала эбонитовые, черного цвета четки. Мразь была высокого роста и жилиста. Имела худое вытянутое лицо с орлиным носом и выдающимся вперед, острым подбородком. Во рту у нее поблескивала вставная «пилорама» вставных зубов. В ее ближайшее окружение входили двое здоровенных качков с кличками Мясо и Кувалда, и один маленького роста, с лицом, покрытым язвами, похожего на шакала. Как оказалось, его так и дразнили – Шакал. Пятым оказался нейтральный сиделец, это был коммерсант, которого использовали в качестве «дойной коровы». Активного участия в издевательствах он не принимал. Шестым был... когда я увидел это знакомое мне до боли лицо, я чуть не вскрикнул от удивления. Шестым был Слава, с которым я сидел на малолетке. Он был в статусе «жертвы». Встретившись взглядами, мы не подали вида, что знакомы.

– Ну и хули ты встал? – прохрипела мразь, – заходи не бойся, выходи не плачь.

Я поставил сумку на пол и подошел ближе.

– Меня Сандрó зовут, – представлялся он, не подавая руки.

– Меня Стас.

– За что чалишься?

– За наркотики.

– А-а, барыга, значит, – процедил он сквозь зубы, посасывая трубку. – Кто по жизни?

– Мужик.

– В жопу вжик, и больше не мужик, – заржал Сандро, и его противный смех подхватили другие. – Вон, на верхний шконарь упадешь. На пальме-то мужику спать приемлемо? – спросил он с издевкой.

– Ну, а почему нет?! На верхнем ярусе даже спокойнее, никто спать не мешает.

– А ты чё сюда спать приехал? – вытаращил он на меня глаза цвета мутного болота. – На свободе выспишься, а здесь «шуршать» будешь, дружок.

– Как скажешь...

– А я смотрю, ты с гонорком паренек. Тебя не учили что ли, как с людьми нужно разговаривать?!

– Да некому было. Я ведь со свободы «заехал» недавно, еще не привык к тюремной жизни.

– А то смотри, будешь зубы показывать, я тебе их в раз выщелкну, – ударил он меня по лицу четками. – Вас, малолеток, пока на место не поставишь, вы ни берегов, ни маяков не видите. Да, Кувалда? – подмигнул он качкú.

– Да, батя! – ответил тот довольно.

– Сýдор у тебя, смотрю, больно здоровый, – посмотрел он на мою сумку. – Чё, привез? – и, не дожидаясь ответа, оттолкнул меня в сторону. Перевернув сумку вверх дном, и вытряхнув содержимое на шконку, он просипел, – Тряпье одно, как у фарцовщика.

– О, вот это нормальные «лантухи» и мне впору, – примерила мразь мой спортивный костюм и прошипела, хитро щуря глаза. – Ты мне костюмчик подаришь? А?

– Да забирай, мне не жалко, – ответил я.

– Э-э, так не возьму, если ты не от души.

– Нет, почему же, дарю тебе от всей души, – сказал я спокойно, а у самого от обиды спёрло дыхание.

– Ништяк! Тогда я и рубаху себе возьму, а то у меня нет такой.

После того, как Сандро выбрал себе подарки, за ним слетелись другие «падальщики» и, в конечном счете, моя сумка оказалась пуста. Шакал даже забрал мои туфли, которые были ему велики на десять размеров, не меньше. Остаток дня прошел относительно спокойно, и я больше не понес никаких убытков. По совету Геры я старался быть внимательным ко всему, происходящему в камере, и подмечал каждую мелочь, которая могла бы мне пригодиться.

Приспешники или подданные Сандро, обращались к нему не иначе, как «Царь» или «Батя». Тот явно болел манией величия и видел себя в царском образе. Одной из его любимых потех было – кататься на плечах или спинах своих верноподданных и стегать их деревянной рейкой, похожей на учительскую указку. Ей же он и наказывал. Кувалда каждый вечер делал ему массаж спины и ступней, чтобы снять «царское» напряжение, накопленное за день. Шакал рас-

правлял и заправлял постель, взбивал перину, на которой нежилась «его высочество». Я впервые в жизни увидел такое беспрекословное, раболепное подчинение. Смотреть на эту унижительную картину было, по меньшей мере, противно.

LX

Гады

Раннее утро. Я спал и видел сны. Как вдруг, сквозь сон я почувствовал, что кто-то с силой дергает меня за ухо, пытаюсь его оторвать. Я открыл глаза и увидел перед собой уродливую рожу Шакала.

– Ты чё спишь, холоп?! – ощерился он, обнажая гнилые зубы.

– А что случилось? Сколько время? – спросил я в замешательстве, еще не понимая, где я нахожусь, и что происходит.

– Через час батя проснется. Мой всю хату и заваривай чай, утром он любит покрепче, – прошамкал он, и, растянув резинку во всю длину рук, щелкнул ей мне по губам.

«Ну, тварь», – чуть не вырвалось у меня, но пришлось сдержаться и приступить к мытью полов.

– Лучше, лучше три! – глумился Шакал, и, не останавливаясь, щелкал меня проклятой резинкой. В это время мимо проходил один из качков и наступил мне на кисть.

– О, извини, браток. Я не специально, – произнес он с довольной рожей, продолжая стоять на моей руке.

– Может ногу, все-таки уберешь? – обратился я к нему.

– Ах да, извини, кореш, – и поставил ногу мне на спину, придавливая со всей силы. – Так пойдет?

– Нормально, – проглотил я обиду, и продолжил мыть пол.

– Ну, раз нормально, тогда и покатай, мой верный конь. – Он уселся мне на спину, и начал раскачиваться из стороны в сторону, чтобы повалить меня на бок. – Давай кричи: «И-го-го!»

Я молчал.

– Кричи, лошадь еб...я! – и стал бить кулаком мне по затылку. Из глаз сыпались искры, я с трудом держался на руках. Кулак Кувалды четко соответствовал его кличке. – А-а, ты же без хлыста не понимаешь, – и, поднявшись с меня, схватил указку. – Ну-ка, конь педальный, что ты на это скажешь? – и со всего размаху несколько раз ударил ей по спине. Кожу крепко обожгло.

– Ты чё, тупица, делаешь? – крикнул спросонок Сандро, – Совсем, что ли мозги выдрочил, мой посох без спроса хватаешь?! Иди-ка сюда!

Качек, склонив голову, неуверенным шагом приблизился к Царю, и, отдавая посох, встал на колени.

– Батя, прости, я его нечаянно взял, – промычал он, потупив взгляд.

– Дура п...головая! – заорал Сандро, и вlepил качку затрещину.

Днем все ушли на прогулку, и в камере остались только я и Мясо.

«Может сейчас ему башку разбить? – натерпелось мне расквитаться с этим гадом. – Нет, нельзя, это будет глупо с моей стороны, – останавливал я себя. – В «хату» начнут заходить другие и поймут в чем дело. А Сандро вообще может испугаться и выскочить обратно на продол. Нет, так дело не пойдет, нужно до пятницы потерпеть. Там и решим вместе с Герой, как с ними поступить. Но если он не «приедет», тогда я пропал, – екнуло у меня в груди. – Вот уж точно бредовая идея мне в голову пришла – тронуться сюда одному...»

– Слышь, дядя! – обратился ко мне качек. – Возьми-ка вот это, и надрочи в него, – он подал мне пластмассовый стаканчик.

– В смысле? Зачем? – не понял я.

– А затем, что мне белки нужны. Протеин закончился.

Без лишних споров я сделал, как он просил и вернул ему стаканчик.

– Ништяк! – гаркнул он, и довольно облизнулся. Перорально приняв «белок» он разделся до плавок, так называемых «тонго», – у которых в задней части проходит совсем узкая полоска, и стал с удовольствием разглядывать себя в зеркало. Сделав несколько физических упражнений, он опять начал крутиться у зеркала, любуясь своими руками, спиной, ягодицами. Замечая, с какой любовью он относится к своему телу и как восхищается им, я бы нисколько не удивился, если бы этот качек стал онанировать на свое отражение в зеркале.

– Завидуешь, чмо?! – обратился он самодовольно.

– Чему?

– Моей фигуре, чему же еще.

– Ну да, ты прямо мачо. Брутальный самец, как сейчас говорят.

– Нет, я Геркулес! – воскликнул он, глядя на себя в зеркало, и стал тереть свои соски. – Люблю, когда они красные, кровью налитые!

«Вот педрила! – воротило меня от отвращения. – Быстрее бы остальные возвратились. Иначе я его прибью».

После вечерней проверки я стал невольным свидетелем ужасной картины, которая меня повергла в шок, и убила во мне последние остатки бойцовского духа. Сандро, приступая к ужину, развязал тряпчатый мешок, в котором хранился общий хлеб и не досчитался, будто бы, одной пайки.

– Да у нас в хате крыса завелась! – взвыл он. – Так, так, та-а-ак. И кто же, интересно, эта серогорбая мышь, у которой очко засвербило, а? – заглянул он каждому в лицо.

На лицах его приспешников изобразились довольные усмешки. Стало понятно, сейчас кто-то пострадает. Но кто: я или Слава?

– Может ты сожрал пайку, а, Шакал? Или ты Мясо? – ехидствовал Сандро.

– Нет, ты что, батя? Ты же нас давно знаешь, мы чужого никогда не возьмем, – ответил наигранно Мясо.

– А кто тогда? – свирепствовал хозяин «пресс-хаты».

– Ну, наверное, тот, кто ужин получал! – прошамкал губами Шакал. – Никто еще не ел, а пайки уже нет.

– А кто у нас ужин получал? – скорчил Сандро вопросительную мину.

– Кто?! Вон, Слава получал, – подсказал Шакал.

– Иди-ка сюда, Славик, – поманил он его пальцем. И Слава робко прибли-

зился к Сандро. – Ты, знаешь, что пайка это святое, и за такое крысятничество раньше опускали?!

– Я не брал, пацаны! – испуганно стал оправдываться Слава, – клянусь, я не брал.

– Ну, если не ты, тогда может этот скрысил? – глянул на меня Сандро, хитро прищуриваясь. – Чего молчишь, отвечай, когда тебя люди спрашивают!

– Я не знаю, кто взял, но я не брал точно. Мне чужого не надо, поверьте мне.

– Ну, как же тебе поверить, если ты у нас за гоп-стоп сидишь. А таких ухарей, как ты, называют наглыми крысами. Значит, все-таки, позарился на чужое, а мне сейчас пиз...шь!

– Но это было на свободе. А здесь я никогда и ничего не украду.

– Ну-у, когда жрать захочешь и на стрёмное пойдешь, – корчила мразь уродливые рожи.

– Нет, лучше я с голоду сдохну, но чужого не возьму. Забирайте, если хотите, завтра всю мою пайку, я есть не буду.

– О-о, так ты за кого нас считаешь, гаденыш?! – завизжал Сандро и ударил Славу кулаком по лицу, – нам чужого не надо! Мы не крысы, в отличие от тебя. Если сейчас не скажешь, кто взял хлеб, я спрошу с тебя, как с последней крысятини.

– Не знаю, – он готов был заплакать.

– Ну, раз не знаешь, а хлеб был только в твоих руках, то тебе и отвечать. Держи его! – приказал Сандро своим «палачам».

Славу усадили на колени и со всей силы прижали кисти к столу. Его руки оказались на весу. Мясо держал его крепко за плечи. Сандро достал из-под своей шконки арматуру, длиной около метра, и встал с боку от несчастного парня.

– Ну что, может, сам сознаешься? Тогда я не буду тебя строго наказывать, – глумился Сандро.

– Пацаны, да поверьте мне! Я не брал, клянусь! – по щекам Славы потекли слезы.

– Не пи...и, крыса! – заорал Царь во всю глотку, тараша от гнева глаза. – Тебе уже нет веры! Держи-ка эту сучку покрепче, чтобы не сорвалась, – и, высоко замахнувшись прутом, ударил Славу по рукам. Раздался хруст. У него сломалась левая рука. Бедный Слава потерял сознание от болевого шока, и замертво упал на пол. Царь запричитал, стоя над ним. – Какая слабенькая крыса попалась! Сначала расплакалась от страха, а теперь и глазки закатила. Да ты чудом осталась сухая, даже не обоссалась, – заржала мразь и ее приспешники.

На этом пытка не прекратилась. Славу привели в чувства холодной водой и опять прижали кисти рук к столу. За какие-то минуты он настолько изменился, будто постарел в муках. Бледное лицо, цвета извести, страшно исказилось. Глаза глубоко впали и совершенно потускли. Их заволочло непроглядным ужасом! Мокрые завитки волос черными барашками лежали на его висках, и вызывали двойное чувство - жалости и умиления. Но разве исчадье ада может заметить это и сжалиться?!

На изуродованную руку невозможно было смотреть без содрогания. Но

Сандро опять замахнулся, и железный прут, визгливо очертив дугу в воздухе, ударил по рукам. Обе руки сломались, и концы костей вырвались наружу, разорвав кожу. Несчастный опять потерял сознание и упал. Его специально никто не поднимал, чтобы по пути к туалету можно было лишний раз потоптаться на нем, плюнуть, ударить. А Шакал – мерзкая тварь, проходя мимо с литровой кружкой кипятка, будто не нарочно споткнулся и ошпарил его лицо кипятком. Через час вызвали врача, но он соизволил прийти только утром. Слава сходил с ума от адской боли. Он стонал, кусал подушку, переворачиваясь ежеминутно с боку на бок.

– Перестань скулить, псина! Ты мне спать не даешь! – ворчал на него Сандро, недовольный стонами.

Позже я узнал, что Славу посадили в «пресс-хату» для того, чтобы он признался в грабежах, которые не были известны следствию. К Сандро закрывали тех людей, которые были замешаны в серьезных преступлениях. Следствию во что бы то ни стало, надо было раскрыть эти преступления. Основным помощником и была «пресс-хата». Нераскрытые дела после этого чистилища тут же раскрывались. Сандро со своими живодерами, изощренными издевательствами доводили человека до предельной точки отчаяния. В критическом состоянии несчастный готов был сознаться в любых грехах, лишь бы избежать дальнейших пыток и не остаться на всю жизнь инвалидом. Такая схема имела большой успех и практически не давала сбоев. Даже если за человеком не было ничего противозаконного, ему приходилось брать на себя чужие преступления, так называемые «висяки», которые не могли раскрыть менты.

LXI

Скромный коммерсант

И вот тюремный календарь, приклеенный на хлебный клейстер к стене, указал на пятницу. Оценив, как следует обстановку, я пришел к однозначному выводу – осилить этих вурдалаков, без помощи Геры я не смогу. Поэтому я стал молить Бога, чтобы Он быстрее послал моего друга на помощь. Затаив дыхание, я прислушивался к шагам в коридоре, ловил каждый звук, который мог бы сказать о появлении моего товарища. Время шло, и приближался ужин. С каждой минутой моя надежда угасала, как свеча и я стал готовиться к худшему.

– Ты чё там шкуру трешь у двери, как пес у мясной лавки? – обратился ко мне Сандо.

– Да так... Письмо жду из дома, – пробормотал я.

– Да кому ты на хрен нужен?! О тебе даже участковый забыл! А телка твоя уже другому ноги раздвигает, – заржал он, а за ним и вся камера.

– А у меня нет телки, расстались недавно.

– Так слушай меня! Твоя шкура уже давно другому рогатку подставляет. Ведь баба без х.. – инвалид! – с презрением подчеркнул демагог. – Ей по любому

нужно дыру «палкой» закупорить, иначе бабу прорывает, и всё дерьмо из нее льется! Правильно я говорю? – посмотрел он на Шакала.

– Ты, батя, всегда прав! Я тоже баб ненавижу! Все они конченные шалашовки! – брезгливо поморщился он.

– Твоя ненависть к бабам понятна. Такого уroda любая маромойка побрезгует. А я по собственному опыту говорю. – Сандро начал забивать табак в трубку, и вдруг спросил у меня. – Кстати, а ты из какой хаты к нам причалил? Чё-то всё забываю у тебя спросить.

– Из сто семнадцатой, – ответил я.

– Вот как! – поднял он брови кверху. – То-то я думаю с гонорком ты. Недавно ваш папаша у нас гостил, решил свой характер показать, и что вышло? Надорвался с дуру! Да, Кувалда?

– Ага, дерзкий пациент попался, – промямлил тот с полным ртом колбасы, разбрасывая слюнявые крошки.

– Ну, и как там поживает старая собака? – спросил Сандро, важно посасывая трубку.

– Не жалуется. И вас просил не хворать! – произнес я сквозь зубы.

– Моську сделай попроще, или может напугать меня решил?! – прохрипел он и встал со шконки.

В этот момент за моей спиной раздался звук железного засова, я обернулся назад и увидел Геру. Моей радости не было предела, я чуть не бросился к нему навстречу, но, слава Богу, во время сдержался.

– Здравсти, – сказал Гера смущенно и слегка кивнул головой.

– Здорово, – недовольно произнёс Сандо. – Кто по жизни?

– Да-а-а, – замялся он, поправляя очки. – Фуфльжник я.

На этой фразе я открыл рот от удивления, не понимая, зачем он соврал. Переминаясь с ноги на ногу, Гера продолжил:

– Вовремя игровой долг не отдал. Люди, правда, за меня рассчитались и при себе оставили, чтобы я пользу приносил.

– И какую же ты пользу приносишь? – спросил Сандро с сарказмом.

– По быту шевелюсь, чай завариваю, уборку делаю, что поломаётся – починю.

– Гарсон, что ли? – захохотал он похрюкивая.

– Ну, типа того, – сконфуженно подтвердил Гера.

– Так у меня уже вся хата набита холопами, уже не знаю, куда и деть? Хоть печку топи, вами, чертями. Ну, а на свободе, чем занимался?

– Бизнес у меня был небольшой.

– Вот это уже лучше. Как говорится, «заплати налог и живи спокойно». В кубышке-то скопил маленько? – посмотрел он лукавым, вкрадчивым взглядом.

– Есть немного. В жизни ведь всякое может случиться, – робко ответил Гера.

– Считай, что это уже с тобой случилось, – потер он довольно ладони. – Ну-ка давай свой майдан, посмотрим, какие гостинцы нам коммерс привез.

Гера подошел ближе к Сандро, и поставил перед ним свою сумку. Тот медленно, смакуя, открыл замок, и с недовольным видом пробухтел:

– О, чё тут всякая хрень? Проволока, веревки какие-то?

– Так я же говорю: мастер я на все руки. А в хозяйстве, как говорится и бычий хрен – верёвка. – Гера снял очки, и начал протирать их краем футболки.

– Н-да-а, – протяжно произнес Сандро, недовольный содержимым сумки, – забирай свое барахло, и живи... пока!

Моя шконка находилась над Сандро. И ночью, когда все спали, я услышал голоса. Прислушавшись к ним, я понял, что это приспешники – Шакал и Кувалда. Я наострил уши и услышал следующий диалог.

– Какой-то мутный, этот коммерс, не нравится он мне, – прохрипел Сандро.

– Ага, и мне тоже, – подхватил Шакал.

– А тебя, сука, я не спрашиваю, нравится – не нравится! Короче, вые...ь его надо, чтобы знал своё место, и покладистым стал. Мне бабки срочно нужны перед зоной. И чем больше лавешек будет, тем лучше, – при этом он звучно высморкался. – Все коммерсы жадные, за копейку в алтаре нассут. Поэтому вбивать этого гуська не будем, мы его лучше х...м побалуем, так он ласковее станет. Поняли меня?

– Ага, понятно. Мы ему на жопу очки примерим, и как мордастую бабу между щек отымеем, – захихикали извращенцы.

– Да мне хоть «вертолетом» его «долбите», лишь бы результат был! – рывкнул Сандро.

– Будет, результат, батя, будет! Ты, за это не переживай! Ни он первый, ни он последний! Слушай, а может молодого тоже «отодрать»?

Я понял, что речь идет обо мне. От испуга у меня глаза полезли на лоб, я сжался под одеялом и боялся вздохнуть. Я даже боялся представить, как мы с Герой будем отбиваться от этих изуверов. И вспомнил совет Палёного – пересидеть, а там ноги в руки и линять покуда целы. Шакал, чавкая слюнями, напал с просьбой к Сандро.

– Батя, ну дай разрешение на молодого. Защеканить его надо, базарит много. Сам же говоришь, с гонором он.

– Можете и его! Мне, какая разница, что одним ху...сом больше будет. – Но после недолгого раздумья он поправил. – Хотя нет, подождем до понедельника. Я сначала у кума спрошу, зачем его к нам подкинули, а там видно будет. Но вы всё равно гнобить его не забывайте, чтобы не расслаблялся!

– Жалко, я так хочу его вые...ть! – выдавил Шакал.

– Ничего, подождешь! Зато потом вдвойне слаще покажется. А пока коммерсом занимайтесь. Понятно?

– Всё понятно, – в один голос пропели шныри.

– Ну и пошли на хрен. Я спать хочу.

– Спокойной ночи, – сказал Кувалда.

– Сладеньких сновидений, батя, – подхватил Шакал.

«Вот до чего дожил, – думал я с досадой. – Во мне уже стали женщину видеть и хотят отыметь, как последнюю шлюху. Что творится, куда я попал? Если, не дай Бог, до этого дойдет и я не смогу ничего сделать, то тогда я лучше вздернусь...».

Гера проснулся раньше всех и стал хлопотать по хозяйству, не покладая рук. Сначала он сделал в камере уборку, затем получил за всех завтрак, помыл посуду, заштопал порванные вещи, сделал из спичечных коробков полочку для кружек, а после обеда принялся стирать ширму, которой занавешивался туалет. Когда он склонился над тазиком, я выбрал подходящую минуту и быстро шепнул ему на ухо: «Будь внимательнее. Тебя хотят опустить. Об этом я услышал ночью».

Но он ничего на это не ответил, и как ни в чем, не бывало, продолжал шоркать прокуренные занавески. Как только я удалился, к Гере подошел Шакал и бросил в таз трусы с носками.

– И мои вещички пожуйкай заодно! – заявил он наглым тоном.

Спокойный вид моего товарища возмутил Шакала. Тогда он схватил его за ягодицу и пробулькал слюнявым ртом:

– Какие булочки у тебя мягкие! Скоро они моими станут!

Гера и на это ничего не ответил, только побледнел от злости.

Весь день Шакал вел себя вызывающе, очевидно пытаясь спровоцировать Геру на какую-нибудь грубость. А к вечеру совсем охамел и стал обращаться к моему другу, как к женщине. Но дальше придирок, слава Богу, дело не пошло. Так миновала суббота.

LXII

Расплата

В воскресенье у нас была баня. А после помывки наш этаж стали выводить на прогулку. Однако многие остались в своих камерах, не желая после горячего душа оказаться в холодных объятиях ненастной октябрьской погоды. Воспользовавшись удобным случаем, мы с Герой оделись и пошли на улицу. Нашему уединению в прогулочном дворике никто не мог помешать.

– Ну, здорово, что ли! Брат! – сказал он мне веселым голосом, когда мы остались вдвоем.

– Здорово, родной! – воскликнул я радостно и крепко обнял его.

– Ну, и как ты без меня? – спросил он с улыбкой. – Соскучился?

– Не то слово. Я только о тебе и думал. Правда, после ужина я совсем паник. Думал, что ты уже не придешь.

– Ну, куда я без тебя?! – приобнял он меня по братски одной рукой. – Надеюсь, ты понял, что одному здесь ловли нет?!

– Да, я и не ожидал, что попаду в такую жопу.

– То-то же! Мы ведь тебе говорили... а ты и слушать не захотел! Упертый блин! Ну да ладно, не буду тебе нотации читать, лучше скажи, что интересного видел?

– Интересного мало, но столько ужасов насмотрелся. Славику обе руки сломали...

– Я тебя не об этом спрашиваю. Где у них «стрема» хранятся?

–А! На узком бордюрике, под шконкой у Сандро лежит арматура, а «резка» спрятана в хлебе.

– И это всё?- посмотрел он на меня хитро.

– Да, всё!- ответил я довольно с чувством исполненного поручения.

– Вот так тебя и посылай на разведку. Раззява! – дернул он меня играючи за ухо. – Под четырьмя нижними шконками спрятаны «заточки», они прижаты магнитами. Под каждой шконкой по одной заточке, итого уже четыре. А у Кувалды под шконарём еще и метровая арматурина, на таком же выступе, как и у Сандро.

– Ё-мое, как же я мог так проглядеть? – удивился я.

– Наверное, просто не туда глядел, – улыбнулся он.

– Кстати, а ты зачем «фуфлыжником» назвался? Я как услышал, чуть не ахнул.

– А затем и представился, чтобы «шуршать» везде по хате и не вызвать подозрение.

– Вот как!

– А теперь слушай меня внимательно. – Остановил он меня и начал говорить чуть тише – Эти звери имеют явный силовой перевес, поэтому нам нужно застать их врасплох. Напасть неожиданно! К тому же места в камере очень мало, и пойти с ними в открытую рукопашную рискованно. Задавят. Один Кувалда чего стоит. Это всё равно, что под танк попасть.- Гера остановился и отогревая дыханием озябшие ладони о чем то задумался. Затем продолжил медленно, акцентируя каждое слово. – Когда мы вернемся в хату, я потихоньку соберу все «заточки» на всякий случай, а когда начну действовать, сразу же подключайся.

– А как ты будешь действовать? – задал я вопрос вполголоса и случайно услышал, как сильно бьется мое сердце.

– Точно сказать не могу, буду действовать по ситуации. А ситуация сама подскажет.

– Что-то я уже маленько побздёхивать начал, – признался я.

– Не бойся, ты же со мной! – утешающе улыбнулся мой друг. – Это у тебя с непривычки! Главное запомни, пока я не начну, ты сидишь спокойно, и не дергаешься. Понял?

– Да, понял! – кивнул я.

– Кстати, чуть не забыл. Тебе большой привет от всех наших. Палёный себе места не находит, материться, что разрешил тебе «уехать».

– Ну, Палёный всегда найдет повод, чтобы поворчать, – улыбнулся я.

Гера попытался ободрить меня, но смешанное чувство отвращения и страха крепко овладело мной. Тяжело было настроиться на хладнокровный, бойцовский лад. Пошел мокрый снег и размыл под ногами землю. Но мы продолжали гулять по слякоти, громко шлепая мокрыми ботинками. Создавалось впечатление, будто кругом ненастье, уныние и грязь, и не только в природе, но и среди людей, в душе. Грязь и мрак в каждом уголке вселенной. И больше никогда не будет теплых, солнечных дней; не будет радости и счастья. Весь мир погрузился в непроглядный мрак, в холодную, пугающую тьму.

Гера остановился и, вдохнув воздух полной грудью, сказал задумчиво:

– Свежо! Снегом пахнет...

– Да. До зимы не много осталось, - вздохнул и я глубоко.

Вспомнились пару строк из книги Пришвина «Времена года»:

- «Листья, падая, шепчутся, прощаются навек. У них так всегда: раз оторвался от родимого царства, то и прощайся, погиб».

– После лета всегда приходит строгая тётюшка осень, чтобы подвести жизни итог, – заканчивая литературный час, произнес Гера. – Пошли, нам пора.

Не спеша, по черным следам предшественников, мы поднялись на второй этаж и ступили в ненавистную, пропитанную кровью камеру. К нам подскочил Шакал, и ехидно пробормотал:

– Ну чё, нагулялись, поворковали, голубки? А может, вы и пососать успели друг у друга, а? – заржал он, брызгая слюнями.

Мы молча разделись, и я залез на свою шконку, будто бы читать книгу, а сам стал следить за обстановкой внизу. Гера постирал замоченное белье и, выжав его, развесил на веревке.

– Слышь, белоручка, чайку нам заваргань, – прохрипел Сандро, не поднимая глаз. Он увлеченно точил алюминиевой пилочкой ногти на руках. Гера налил в литровую кружку воды и бросил в нее два кипятельника. Проходя мимо Сандро, он запричитал:

– Совсем от чистоты отвыкли, на полу грязь, пылица. Безобразие.

– Ты чего гонишь? Ты сам утром пол шоркал. Забыл что ли? – сказал Кувалда.

– Сейчас исправлю, господа, – виноватым голосом произнес он и бросился на четвереньках протирать пол. – Чистота – залог здоровья, сейчас мигом всё исправлю, грязи-то сколько, а-я-яй. – Гера старательно мыл пол и бубнил себе под нос. – Идет война народная, микробная война! Микробы – это серые кардиналы, которые питаются своим хозяином. А ну-ка ножки поднимите... вот так.

– Да ты чё здесь застряла, полемойка ёба...я! Давай живее! – рявкнул Мясо и пнул Геру со злости.

Я весь напрягся, ожидая от друга какого-нибудь сигнала, и, на всякий случай, отложил книгу. Немного приподнялся на локте, чтобы полностью видеть всю камеру. Сандро вальяжно развалился на шконке лицом к выходу, по левую руку от него сидел за столом Кувалда и спичкой ковырялся в зубах, по правую – Мясо, он сложил руки на стол и изучал линии на своих ладонях. Шакал лежал на верхней шконке у противоположной от меня стены и, закинув ногу на ногу, нервно мотал ей.

Рассерженный на тайну замысловатых знаков на своей руке, или на кривую линию судьбы Мясо ударил обеими ладонями по столу и недовольно заорал.

– Ну чё там с чаем, официант?

– Щас-щас, закипает уже, – Гера бросил половую тряпку и снял с полки кружку с кипятком.

– Какая ты у нас нерасторопная, золушка ху..., – не успел Мясо договорить последнее слово, как весь кипяток полетел ему прямо в лицо, он завизжал, как свинья, и тут же Гера пустой кружкой ударил наотмашь Кувалду по носу, по-

том еще раз и еще...

Слышны были гулкие шлепки, хруст и треск эмали, отлетающей с литровой кружки. Я тут же спрыгнул на Сандро и стал «расстреливать» его кулаками, как из пулемета. Он даже не успел понять, что с ним произошло. Пока «клиент» был тепленький, я опрокинул его на спину и, придавив коленями его руки, стал молотить по роже. Каждый удар был заряжен лютой ненавистью, и я метелил эту мразь, что было сил. Бил до тех пор, пока не увидел кровавое месиво вместо лица. Сначала Сандро рычал, потом еле слышно мычал, а в конце и вовсе перешел на писк. Сделав передышку, я взглянул на Геру, он лихо орудовал той же кружкой, раздавая удары направо и налево. Шакал, обезумевший от такого расклада, испуганно прижался к стене и поджал к груди колени. В тот момент он мне напомнил батька на «малолетке», тот в минуту опасности вел себя так же.

– Возьми из сумки верёвки, – крикнул мне Гера, – будем вязать их. И кляпы нужно вставить. Слава, глазок прикрой!

Я взял из сумки несколько капроновых веревок, и мы связали руки негодяев за спиной, а заодно и привязали каждого к своей шконке. Рты им забили половой тряпкой, которую порвали на несколько частей.

– Ну, что, барышни визгливые, теперь наша очередь музыку заказывать, – сказал Гера, виртуозно играя ножом в руке.

– Смотри, мы про Шакала забыли, – показал я на верхний ярус.

– За него не беспокойся, он будет сидеть спокойно. Да, гиена? – обратился он к нему, – кричать не будешь?

– Нет-нет. Буду сидеть «ниже травы, тише воды», – ответил он, прижимаясь к своей шконке.

– Вот и умница! Когда настанет твой «звездный час» мы тебя позовем, – и следом обратился к Сандро, вытаскивая из его рта половую тряпку, – скажи мне, гадина, неужели ты думала, что тебе всё с рук сойдет? – тот промолчал. – Да, ты именно так и думала, потому что привыкла к безнаказанности. Ты привыкла питаться человеческой кровью и уже не можешь без этого жить! – он взял Сандро за волосы и, запрокинув его голову назад, процедил сквозь зубы, глядя в глаза. – Но как говорил Салага, «на всякую гадину найдется рогатина». Вот и на тебя нашлась!

– Лучше убей меня сразу! – оскалил стальную пасть Сандро.

– Э-э-э, как ты себя дорого ценишь! Захотел своей никчемной шкурой оплатить десятки людей? Нет, дружок, так дело не пойдет! Ты еще помучаешься в этом мире, пока Бог сам не решит, когда тебе гореть в аду. А пока, сатана, я тебя клеймом обозначу, чтобы за версту тебя видел род человеческий и обходил стороной. – Гера запихал ему обратно в рот тряпку и сказал мне, – Держи ему башку покрепче, чтобы рисунок не испортил.

Я стал удерживать Сандро за подбородок и макушку, а Гера принялся вырезать ему на лбу большую, перевернутую вершиной вниз, пятиконечную звезду. Сандро выпучил глаза, лицо стало багровым, из носа брызнули сопли. Вырезали вместе с кожей и выбросили в сторону туалета.

– Ну вот! Теперь сразу видно – сатанинское отродье! – сказал довольно Гера, любуясь своей работой. – Твои хозяева тоже носят такие звезды. Считаю,

кокардой тебя наградили за верную и доблестную службу. Теперь ты официально зачислен в их ряды.

Оскалом стальных зубов Сандро процедил.

– Готовь себе место на кладбище!

– А-я-яй, Сандро, и не стыдно тебе честного фраера пугать?! Смешно даже! – улыбнулся Гера, – А вот тебе, упырь, не мешало бы вспомнить о грехах своих смертных, и о людях, которым ты судьбы ломал!

– Где ты людей увидел? – с презрением бросил Сандро.

– А ты их, значит, не видишь?

– В упор не вижу! – вызывающе сказал Сандро.

– Интересно, а что ты скажешь про Саню Салагу, Валерку Воркуту, про Воробья?

– Какие же это люди! – усмехнулся он, – возомнили из себя авторитетов, а сами и выеденного яйца не стоят! Жили бы как все, и никто бы их пальцем не тронул! Фраера позорные, тьфу,- плюнул он с презрением.

– Вот как! – сказал в задумчивости Гера, и нож быстро забегал в его пальцах, – значит, «имеете глаза, и не видите, имеете уши и не слышите». Ну, раз ты слепой и глухой, то и жалеть не будешь..., – на полуслове блеснула «заточка» и проколола глаз. Сандро взвыл от боли.

– Держи ему башку, – спокойно сказал мне Гера. Я взялся за голову Сандро и попал пальцами в грязно-мутную жидкость, которая вытекала из закрытого века и тянулась по щеке к подбородку. Меня невольно передёрнуло. Гера отрезал Сандро оба уха и небрежно бросил их на стол.

– Брось на хрен эту тварь, она нам больше не нужна, – указал он на Сандро.

Я перерезал веревку за спиной у Сандро и отпихнул его от себя. Бесчувственное тело с грохотом упало на пол.

– Ну что, проголодались, животные? – воскликнул Гера, и вытащил изо рта Кувалды тряпку, – на, жри, еботина! Жри, свинья! – совал он ему в рот отрезанное ухо, но тот вертел головой. – Ага, людей жрали тут и чавкали, а царские пельмешки, значит, не хотите! – закричал Гера, и несколько раз ударил Кувалду кружкой по морде. Дно у кружки вогнулось вовнутрь, – жри, тебе говорю! Причаститесь со своим «богом»! Вы тут х.. у него насасывали горлом, а «пельмени» хавать не хотите, – качек взял зубами ухо и стал его потихоньку жевать, – вот, я же говорю, «это вкусно, словно лист жуешь капустный».

– Ну-ка, теперь ты, – взял я второе ухо и, высунув изо рта Мяса тряпку, предложил ему. Но тот, к нашему удивлению, не стал сопротивляться и быстро проглотил ухо своего хозяина. Не разжевывая! – Какая же ты скотина всё-таки, – не смог я сдержать своего отвращения и, обратив внимание на его обваренное кипятком лицо, добавил, – Кстати, за свое милое личико не волнуйся, ты, главное, спермой побольше намазывай и всё пройдет. Геркулес ты ё...й!

– Ну что, звереныш, и для тебя час истины настал! Давай спрыгивай на лобное место, будем суд вершить над тобой, – сказал Гера Шакалу. – Только давай без шуток, а то я тебе в раз башку откручу!

Шакал медленно слез со шконки. Мы ему связали за спиной руки и привя-

зали к водопроводной трубе, поблизости от розетки.

– Ты, я слышал, – обратился к нему Гера, – в зад меня хотел отыметь?

– Нет, этого не может быть, – соврал Шакал, и его маленькие глазенки забегали по камере.

– Не перебивай, гиена, когда с тобой люди говорят! Значит, меня ты в зад хотел отыметь, а моего друга защеканить? Вот сейчас мы и поразмыслим – в рот тебе кипяtilьник засунуть или в жопу? Мы народ гуманный, поэтому оставляем выбор за тобой.

– Может не надо? Я просто пошутил.

– Так и мы шутим. Приколы у нас такие – по бл...ким хатам ездить и кипяtilьники в очко вставлять. Ну! – крикнул Гера.

Шакал молчал, опустив голову.

– Ну, тогда в жопу, – и принялся снимать с него штаны.

– Нет, давайте лучше в рот.

– Это правильно! – засмеялся Гера, – жопа тебе еще пригодится. Будет чем на жизнь зарабатывать. Эх, жалко, что я остаюсь не отомщенный, – посмотрел Гера на меня с улыбкой.

Мы вставили Шакалу в рот кипяtilьник, и включил его в розетку, через полминуты прибор зашипел, и завоняло паленой кислотой.

– Смотри, какая гадина ядовитая попалась! – сморщился Гера. – Воняет, хоть нос затыкай. Но, ты терпи, терпи, подонок, подсуши слюнявую пасть. Забыл, наверное, как на людей ядом брызгал?! Ну, ничего, мы подождем, а ты пока вспоминай!

Обычно кипяtilьник, работающий на открытом воздухе, взрывался через одну минуту, а на этот раз и через три минуты взрываться не хотел. Через пять минут стало пахнуть жареным мясом и, наконец, послышался громкий хлопок. И только тогда Шакал потерял сознание.

– Ну что, мой друг, давай прощаться, – сказал с улыбкой Гера, протягивая мне руку. – Нас за это по голове не погладят. Когда теперь увидимся...

– Чтобы ни случилось, я ни сколько не жалею о содеянном, – пожал я его твердую руку и добавил грустно. – Жалко, что Салагу не вернешь.

Ко мне подошел Слава, и промолвил тяжело вздыхая.

– Надо же нам было здесь словиться. Сначала «малолетка», теперь этот гадюшник... Мне так страшно становится. Что еще впереди?

– Всё будет нормалек! И в следующий раз на свободе встретимся. В хорошем ресторане закажем французского вина, и будем с улыбкой вспоминать лихое времечко.

– Э-эх, настанет ли когда-нибудь такой день, – произнес Славик обреченным голосом, глядя в пол.

– Настанет, обязательно настанет. Ты только духом не падай! Ты же вроде хоккеем занимался?! Научишь меня играть?

– Конечно, научу, – улыбнулся он первый раз за эти дни.

– Ну, прощай!

– Прощай, брат! – сказал он трогательно, и приобнял меня загипсованными руками.

– Выводи, начальник! – забарабанил Гера в дверь. – И врача зови, тут хулигана зрения лишили.

Вот так были наказаны беспредельщики. Я воздержусь от оценки наших методов и наказания в целом, оставляя это право за читателем. Скажу более, я нарочно изложил этот эпизод максимально подробно, стараясь не упускать неприятных деталей и щекотливых моментов, которые хранит моя память, дабы читатель мог судить, насколько это возможно, беспристрастно и объективно о нашей «расправе». Несомненно, многие сочтут наши методы чересчур жестокими и даже изошренными, и, конечно же, будут по-своему правы. И я, честно говоря, искренне рад, что есть такие люди. Ведь подобное суждение будет говорить о том, что человек никогда не сидел в тюрьме и, к тому же, придерживается совершенно гуманных взглядов. Однако в той среде, которой мы находились, напротив, многие упрекнули нас в мягкости и лояльности. Поскольку по тюремным «понятиям» таких субъектов, как «Сандро и К°» называют «гадами», и для них существует только одно наказание – смерть. Но как бы то ни было, на дальнейшем существовании «пресс-хаты» был поставлен жирный крест. Всю кофлю разбросали в разных направлениях, и мы больше ничего о них не слышали.

LXIII

Карцер

Как ни странно, в этот раз мы избежали побоев, и устроенная в «пресс-хате» вендетта, обошлась нам сравнительно не дорого, всего лишь в пятнадцать суток карцера. Возбуждать уголовное дело в отношении нас не стали, потому что могли всплыть компрометирующие факты, связанные с кровавой деятельностью потерпевших и ментов. В общем, отделались мы легким испугом.

Карцер находился в подвальном помещении, и своим зловонием не отличался от остальной части тюрьмы, а может, и превосходил, потому что в нем было очень сыро.

Меня и Геру по очереди обыскали и развели по разным камерам. Когда я очутился в убогом жилище, где мне предстояло провести две недели, мне стало не по себе. Я сразу вспомнил дедовский чулан, которым он меня пугал в детстве.

Камера была очень скромных размеров, полтора метра в ширину и два метра в длину, и освещалась тусклым «лунным светом». Не зря находчивые зеки называли это место «кадушка», «бочка» или «подвал»; более меткого определения этому месту и не придумать. К услугам неприятельных заключенных предлагались: кран с холодной водой, «крокодил» и деревянная нара, которая днем пристегивалась к стене, а ночью опускалась. В помещении был бетон-

ный пол и миниатюрное, с двумя решетками оконце, которое располагалось ниже уровня земли. Отопление еще не функционировало. Для морозостойких зеков, по мнению тюремной администрации, конец октября – месяц «бабьего лета». Из рта шел пар.

«Как же можно здесь просидеть две недели?! – остолбенел я в ужасе, – тут или околеешь с холоду или сойдешь с ума от тоски. Ну почему? Почему люди сами себе придумывают такие ужасные наказания? – возмутился я вслух и голые стены эхом передразнивали меня. – За что они так ненавидят друг друга? Боже! Боже ты мой! – сел я на корточки и обхватил голову руками. – Ну, суки!» – сжал я кулаки и со злости ударил в стену.

– У-ру-ру, – послышался голос за стеной, – Ой-да-ой, кто здесь?!

Я подошел на голос и увидел совсем маленькую кабуру в стене, диаметром с монету.

– Здорово были! – поздоровался сосед.

– Здоровенько! – отозвался я.

– Как зовут? Откуда сам?

Я представился, и мы познакомились. Моим соседом оказался шестидесятилетний «крытник» Паша, по кличке Мякиш. Ему дали три года тюремного режима.

– А ты чё там про ужасные наказания «заливал»? – спросил он у меня, – Просто я слышал тут краем уха.

– Да говорю, демагоги хреновы. Твердят, что у нас социальное, демократическое государство, а в каком месте я в упор не вижу! Разве могут в социальном государстве существовать такие страшные тюрьмы?! Может ли допускаться такое унижение человека?! Если при царе Горохе жили в землянках, то соответственно, и за провинность сидели в таких же условиях. Но в нашем-то веке, с его техническим, культурным, бытовым уровнем так сидеть...? Не должно быть такого колоссального, несопоставимого разрыва между бытовым уровнем, достигнутым на свободе, и местом изоляции человека. Не должно быть! Понимаешь?

– Ты так говоришь, будто по радиу выступаешь, – усмехнулся он, – закручено очень. Мне, старику, сложно понять таких оборотов. Одно верно говоришь – так не должно быть! Это уж точно, не должно! Кстати, а ты не политический случайно? Может депутат?

– Нет, – засмеялся я. – Но статья «политическая», сижу за наркотики.

– «Была бы спина, а вина найдется!» – ответил он призадумавшись, – Я слышал, что менты моду взяли наркоту подбрасывать. Ни чё, бля, на этом свете не меняется, одежда только новая, а нутро старое.

– Я тоже так же думаю. Изменяются только формы, а сущность прежней остается. Ох, и холодина же здесь, – выдохнул я пар изо рта.

И мой сосед заголосил хриплым голосом на весь карцер песню Высоцкого:

– «Пар валит изо рта, эх душа моя рвется наружу...» Ничего-о, и «не такие метели на х... вертели». Ты главное, не отчаивайся, ищи во всём свои плюсы, да употребляй их для себя. Мне вот седьмой десяток пошел, а я каждый день гимнастикой занимаюсь. Где бы я еще столько упражнялся, а? – задал он во-

прос скорее себе, чем мне, – А я, между прочим, в один дѣн тыщу отжиманий произвожу, и столько же присядок. Жалко бабки моей рядом нету, я б ее так осилил, что б аж пробрало всю, – захихикал он. – Я ж теперича такого гопака «отмочу» в клубе, что пол пополам треснет.

– Молодец! Бодрячком держишься!

– Я ли молодец? – воскликнул он в дырку. – Это всё от безысходности происходит, жизнь заставляет. Оно ведь как говорится, «хотели поест, да попить, а нас плясать заставили». Мы многое чаво хотим, а жизнь свое гнет, вот так-то. Ну, пойдем пока, ужин раздают. Скучно будет – шуми, я рядом.

– Хорошо. Приятно было пообщаться, – сказал я в пустоту. Мой собеседник уже убег за баландой.

Прошла неделя, и я немного обжился в своей «темнице сырой», благо, что я еще был «орел молодой», и здоровье позволяло переносить холод и голод без ощутимых последствий. Главной проблемой было время, которое тянулось мучительно долго из-за того, что нечем было себя занять. Здесь не было даже книг или хотя бы чистой бумаги, на которой можно было писать или рисовать. Правда, зачастую занимал мой досуг и поднимал настроение неунывающий Мякиш. Он вспоминал (или сочинял), что-нибудь юморное из истории своей жизни, в основном проведенной за решеткой, или ворчливо, по-стариковски хаял ментов, восхваляя русскую душу, что очень забавляло меня.

Спустя несколько дней мою жизнь разнообразила небольшая, наверное, еще молоденькая темно-серая крыса. Я с детства боялся грызунов и насекомых, и испытывал к ним дикое отвращение. Но за неделю пребывания в карцере я начал привыкать к разношерстной компании, и за короткое время, среди пауков и мокриц, которых здесь было немало, я был принят за своего.

Не знаю, где у крысы (я назвал ее Ксюша) был «дом», но приходила она ко мне в гости всегда через унитаз. Когда я впервые увидел ее высывающуюся головку из «крокодила», как фашиста из окопа, я испытал неопишуемый ужас и шок. А после того, как она ушла, мое внимание было приковано только к унитазу. Всё остальное потеряло значение. Унитаз и крыса составили всё мое бытие и сконцентрировали на себе все мои мысли. Целые сутки я не мог решиться подойти к этой опасной зоне, пока естественные потребности организма не пересилили страх.

На второй день я уже не боялся Ксюши и стал прикармливать ее черным хлебом. А на третий и вовсе смеялся над своей трусостью, и проникся симпатией к своей новой знакомой. Ведь она тоже была заключенной, и разделяла вместе со мной тяготы неволи. «Ну и пусть у нее остренькие зубки и лысенький хвостик, – с любопытством разглядывал я ее, – что здесь плохого?! Как-никак живое существо, божья тварь со своим миром радостей и страданий. Стоит только посмотреть на нее по-доброму, с участием и она начинает казаться очень даже милой». Я начал изучать ее характер, а позже оценил ее дружелюбие и верность. Это умное и симпатичное существо чувствовало мое настроение, и, как мне казалось, хотело помочь мне.

Ксюша приходила ко мне всегда в одно и тоже время, обычно после обеда. Осторожно высунув из «крокодила» свою усатую мордашку, она внимательно-

но оценивала окружающую обстановку, а затем смело вылезала из своего «укрытия» и поедала весь хлеб, который ей предназначался. Я предполагал, что ее жизнь заключается в поиске еды, и поэтому готовил ей свежие порции хлеба. В продолжение следующих дней у нас с ней сложились доверительные отношения, и эта «госпожа» стала задерживаться в моей камере дольше обычного, но, сколько я ни пытался и как не хитрил, с руки хлеб она никогда не ела. Не знаю почему, может она боялась чего-то, а может и не было в ее серой грудке тех взаимных чувств, на которые я претендовал. Не знаю.

К концу второй недели моего заточения мне почудился слегка уловимый аромат женских духов. Я быстро подскочил к двери, и по-собачьи принюхался к запаху, в нем я узнал Елену Ивановну. «Да, это ее аромат!» – заключил я, и через несколько секунд услышал стук каблуков. Хлопнуло несколько «кормушек» и вдруг, открылась моя.

– Борисов? – спросила она, не наклоняясь

– Он самый!

– Копию получите, – сунула она в окошко чистый листок и уронила на пол записку.

– Спасибо. До свидания, – сказал я и «кормушка» закрылась.

Развернув маляву, я узнал размашистый почерк Паленого и улыбнулся, вспоминая его лицо, испачканное чернилами. Он писал: «Здорово, душа неприкаянная! Тебя судьба швыряет по тюремным закоулкам, а я сижу дома, как старый сыч и переживаю, что там у тебя, да как. Вопросов задавать не стану, потому что не надеюсь услышать на них ответа. Береги себя, не падай духом (все мы, да ни по разу, в карцерах сжививали и ничего). Скоро свидимся, осталось немного. Паленый.

P.S. Лихо вы там загуляли. И правильно. С бл...и только так и надо!».

Я подумал: «Как же бывают для нас необходимы и целебны добрые слова близких нам людей». И улыбка не сходила с моего лица до самой ночи.

LXIV

Непростой выбор

Наконец-то закончились мои пятнадцать суток, и я нервно ходил по камере, с нетерпением ожидая своего освобождения. Перед своим выходом я крикнул в кабуру, чтобы попрощаться с соседом.

– Ой-да-ой, Мякиш!

– Ага, говори! Я тут, – быстро отозвался «гимнаст».

– Ну, всё, я отчаливаю. У меня сегодня последние сутки истекли.

– О-о, давай, родной! Спортом позанимался и будет. Сам-то сюда не стремись, найдутся люди, которые посидят. Ну, а если снова приедешь – не беда. И «не такие метели...»

– Всё, за мной пришли, – услышал я скрип замка. – Будь здоров. Бог даст, увидимся. – И, отряхивая колени, радостно направился к двери. Но меня ждало

разочарование, как, впрочем, и на каждом шагу моего тюремного пути.

– Как побелишь, шуманёшь! – сказал мне хозработник, и поставил передо мной ведро с известкой.

– То есть? – удивился я. – Я должен камеру белить?

– Ну, конечно! – усмехнулся он. – Если не побелишь, не выйдешь отсюда.

– Но, с какой стати я должен это делать? – обратился я к лейтенанту, стоявшему рядом с хозработником. – Это же незаконно.

– Всё законно! Хватай валик и шуруй! – грубо рявкнул лейтенант.

– Если законно, то назовите мне, пожалуйста, статью этого закона, – заявил я.

– Ты чё до меня домотался со своими законами? Мне сказали тебе ведро притащить, я и принес. Не захочешь белить сейчас, побелишь через пятнадцать суток. Мне до тебя вообще дела нет.

– Но как это понимать? – растерялся я.

– Да никак! Ты делай, что тебе говорят и всё! За тебя другие уже подумали.

– Вот значит как...

– Короче, оставляю ведро здесь. Приду за ним через час, – посмотрел он на часы. – И чтобы оно было пустым. Время пошло! – крикнул он, закрывая дверь.

«Что за глупость! – злился я. – Что за необходимость такая?! Надо у Мякиша срочно спросить, что он думает по этому поводу?».

– Паша! – крикнул я в кабуру.

– Ты еще здесь? – спросил он.

– Здесь. Мне сейчас ведро с известкой принесли и хотят, чтобы я камеру побелил. Иначе пятнашку добавят. Это что, прикол какой-то?

– Такой прикол, что плакать хочется. Я за этот прикол уже седьмой месяц из «кадушки» не вылажу.

– Седьмой? – я оторопел от услышанного. – А почему ты мне раньше не сказал?

– Так ты и не спрашивал. Тут есть люди, которые и по году уже кочумарятся.

– Твою мать! – взялся я за голову. – Они тоже не белят?

– Тоже. Но вопрос здесь не в побелке, а в принципе. Сегодня ты камеру по их приказу белишь, а завтра они еще что-нибудь выдумают. Им только и надо, чтобы ущемить твое достоинство. Сломать! А если не хочешь поддаваться на их провокации, то сиди, пока не прозреешь. Многие не выдерживают и соглашаются хоть на что.

– И что мне теперь делать? – мучили меня разные сомнения, и я ждал поддержки.

– Ну, друг..., – сказал он протяжно. – Здесь я тебе не советчик! Твоя жизнь, тебе и решать! Одно могу сказать, один раз слабину дашь, всё равно, что одной ногой в болото наступишь, рано или поздно затянет!

После этой фразы я вспомнил Салагу, который учил меня тюремной жизни с таким же смыслом, но другими словами. И я польстил Паше:

– Мудрый ты!

– А как ты думал!- засмеялся он.- В этих застенках любой арестант фило-

софствовать начнет, – вошел он в образ мудреца, и с удовольствием начал поучать меня. – Ты главное, в себе разберись. Подумай хорошенько, прими решение и поставь точку, – ударил он громко в стену. – Как говорится «сто ментов не причиняют человеку столько зла, как он сам себе». Понял? Иди, кумекай!

Я присел на пол, скрестив ноги, и, глядя на ведро с известкой, размышлял: «А что я, собственно говоря, из этого проблему делаю? Тут дел-то на пятнадцать минут. Взял валик, прошелся по стенкам пару раз, и готово. Меня же, в конце концов, не заставляют совершить какую-нибудь подлость, и от того, что побелю камеру, никому не станет хуже. И что же тут плохого? Ничего стремного в этом нет, – я обмакнул валик в известку и тут же замешкался, укоры совести изобличали обман. – Да я просто не хочу здесь больше сидеть, устал от страданий, – и в этот момент вспомнил слова Достоевского: «Я страшусь лишь одного – быть не достойным своих страданий». – Да, в страданиях проявляется истинная сущность человека! И я не хочу быть слабаком или трусом. Эх, как же обидно и неприятно подчиниться ментовскому произволу. Вот и заголосила моя совесть, призывая поступить в соответствии со своими убеждениями, а не поддаться слабости. Как тут не согласиться с Мякишем, что всё начинается с малого?! Сегодня карцер побелю и скажу, что это нормально, завтра тюрьму буду строить и тоже оправдаю себя, а дальше всё пойдет по проторенной дорожке, по привычке и я, уже не задумываясь, буду бить таких же зеков, как и я сам. Нужно собраться с духом и сказать себе «Нет». Я закричал на весь карцер:

– Не-ет! – и со всей силы пнул ведро.- Ещё Салага говорил: «Им дашь с ноготь, а ухватят с локоть». – Хрен вам! Натек-ка выкусите! Ищите другого маляра! – заорал я, и еще раз пнул по ведру. В это время открылась дверь.

– Ты что, тварь, здесь наделала? – взвыл лейтенант, когда увидел перед собой «белое озеро» известки. – Может тебя носом натывать, чтобы больше не гадил?

– Я тебя сам буду «тыкать», пока не обгадишься, – шагнул я решительно к нему навстречу.

– О-о, да ты у нас блатной что ли? – заменжевался он и рявкнул на хозработника, – Ну, чего встал? Хватай ведро и валим.

Дверь захлопнулась, и я остался опять один, переминаясь с ноги на ногу в известковой луже. В этот день мне добавили еще пятнадцать суток.

LXV

Странные вещи

В ноябре, наконец-то, включили отопление, но от него было проку, как «мертвому припарка». Не знаю, сколько градусов было в камере, но по-прежнему изо рта шел пар. Единственным спасением оставался спорт. Ксения посещала меня ежедневно, и я с ней делился хлебом пополам, как со своей сестрой. Весь «живой уголок» получил свои имена, и каждое насекомое, я уже знал в «лицо».

На второй «пятнашке» я ощутил сильное внутреннее напряжение и дис-

комфорт, поэтому стал бороться с этим, настраивая себя на позитивный лад. Старался не унывать и видеть определенные плюсы своего скромного существования. Что я только не делал – медитировал, танцевал, сочинял стихи. В дуэте с Мякишем пел народные и блатные песни, играл сам с собой в шахматы, сделанными из хлеба. В общем, каким только безобразием я не занимался в борьбе с депрессией, но упорное время стояло на месте, а на душе было тяжело и скверно.

Если уж бытие совсем хреново, то даже изворотливое сознание бессильно изменить его. И призывать на помощь всевозможные оптимистически настроенные концепции философии тоже бесполезный вариант. Уж очень проблематично разглядеть в чёрном элементы белого. От нервного напряжения начался беспощадный зуд, и все тело покрылось коростами. А дальше и вовсе стали происходить странные вещи, о которых вспоминать-то стыдно. Но «из песни слов не выкинешь», поэтому рассказываю все по порядку.

– Уга-уга, Стасян! – услышал я голос Мякиша и подошел к кабуре.

– Ага, я здесь, – отозвался я, но за стеной была тишина, – Ну говори, че звал-то?!

– Чё говорить, когда нехрен заварить, – наконец откликнулся Мякиш.

– Ну!

– Что, ну?

– Звал-то чего? – подступило раздражение от его тупости.

– Я не звал. Тебе, наверное, показалось.

– Ничего мне не показалось, я отчетливо слышал, как ты меня крикнул.

– Да никого я не кричал. В шашки играл.

– Да?! – недоверчиво сказал я. – А может, ты поприкалываться надо мной решил?!

– Ага, мне больше делать нечего. Если тебе там скучно стало, так сказал бы сразу: Пашка, давай пообщаемся, тоска заела.

– Ну ладно, извини меня. Что-то я нервный стал в последнее время. Вон, уже ноги себе исчесал до крови. Еще сырость эта проклятая, боюсь, заболею здесь и слягу.

– Ничего, потерпи маленько. Ты ведь не осужденный еще?

– Нет.

– Ну, так тебя больше двух месяцев здесь держать не будут.

– Странно. Почему именно два?

– А кто их знает? Два месяца предел. Крытников они и по году здесь марьяжить могут, а подследственных нет.

– Спасибо. Утешил. Хотя и два месяца для меня здесь целая вечность!

– Ничего, ничего. Не один ты такой. На меня, бывает тоже, как найдет хандра, так хоть волком вой. Думаю, больше часу здесь не высижу, горит аж все во внутренних, и тело зудиться начинает. Но самое ужасное, когда вся камера на тебя давить начинает. Так давит, аж плющит всего. Вот этого я больше всего боюсь! Но и это чуть погодя попускает, а дальше опять нормалек.

– Значит, и у тебя приступы бывают? – утешался я общим недугом.

– Бывают, сынок. У всех бывают.

– Ну ладно, спасибо на добром слове. Скучно будет – я рядом.

– Ага, бывай!

Наступила бессонница. Я пересчитал миллион барашков, овец, гусей и всякой другой живности, но сон ко мне не приходил. От тюрьмы не было покоя даже ночью. Измотала она меня, истерзала, замучила! Чтобы хоть как то отдохнуть, отвлечься от нее я ложился ночью на пол у окна и созерцал кусочек неба. Поскольку окно выходило на землю, то с пола, под определённым углом, можно было увидеть только самый краешек неба. А если повезёт, то и небесное тело.

Так ещё одной моей верной подругой стала луна. Я полюбил ее свет и утешался золотыми лучами, щедро разлитыми в оконном проёме. Я мог часами, как замороженный, смотреть в окно и черпать силу, надежду от красавицы луны. В этом была таинственная, магическая прелесть. Немое духовное общение человека и планеты.

Днём, за игрой в шахматы, мне послышался настойчивый голос Мякиша:

– О-ё-ей, сосед! У-ру-ру, подойди на кабуру!

Я подошёл к «переговорному пункту», но ни кого там не было. «Баламут старый! Пошутить надо мной вздумал. Точно из ума вышел», – выругался я, и, отойдя от стены, опять услышал:

– У-ру-ру, Стасян! Уга-уга.

– Колоша старая! – метнулся я к дырке, и стал караулить хулигана, чтобы взять его с поличным. Тишина. Мякиш молчал. Но стоило мне только покинуть «засаду», как опять раздалось:

– У-ру-ру, ой-да-ой.

– Клоун еб...ый! – подлетел я пулей к дырке, и заорал в нее. – Ну, ты чего? Поиграться решил?! – Опять тишина. – Слышь, Мякиш, я тебе говорю, Мякиш!

– Ты что орешь-то? – спросил он испуганным голосом.

– А как же мне не орать, если ты дурью маешься? Седьмой десяток, а все наиграться не можешь, – у меня от злости перехватило дыхание, но я старался ему не грубить, – Я последний раз прошу – брось ты эти шутки. И так уже всё бесит. Ещё ты тут...

– А чё я-то? – недоумевающе воскликнул старик. – Ты на меня, пацан, не ори. Я тебе не фрайер какой-то!

– О-о, да тебя на «мурку» потянуло, что ли?! Блатное сердце! – съязвил я. – Ты только передо мной пальцы не гни.

– Ээ, тпру-у, паренек! Ты обороты сбавь маленько. А то тебя уже заносить стало.

– Ты своим кентам указывать будешь, а я сам знаю, как мне говорить.

– Короче, – засопел Мякиш в дырку, – я вижу мне не о чем с тобой разговаривать. Давай-ка разойдемся по-хорошему.

– Как в море корабли! – вставил я. – Больше не считаю нужным с тобой общаться.

– Прощаемся.

– Оревуар.

«Маразматик! Сам же первый начал...» – ругался я, вышагивая по камере.

Мой сосед «успокоился» ровно на одни сутки и за это время не издал ни одного звука. А после обеда...

– Ну, говори! – раздался его напряженный голос, – Говори, че молчишь!

– Смотри-ка, неугомонный какой! – скривил я злобную усмешку.

– Да пошел ты козе в трещину, щенок! Тьфу! – плюнул он. И это меня уже сильно задело.

– Слышь, старый, ты за языком-то своим следи маленько. А то он ненароком тебя и до могилы доведет!

– Так какого лешего ты меня зовешь, а потом «гасишься» за стенкой?

– А-а, вот мы как заговорили, – усмехнулся я над его примитивной тактикой, – так бы и сказал, что помириться хочешь, общения тебе не достает.

– С кем общаться? С тобой что ли? – бросил он с презрением.

– Всё, мочим расход, – поставил я точку, не желая дальше ругаться.

Так длилось несколько дней. Я зазывал соседа, а он меня. Напряжение между нами росло и выливалось в скандалы. Если бы я мог до него дотянуться, то с удовольствием придушил бы. Он даже приходил ко мне в видениях полосатым гусем. Я хватал двумя руками его тонкую шею и душил, душил, что было мочи. Правда, однажды он пришёл ко мне во сне и, проснувшись, я с удивлением увидел, что мои руки находятся в штанах и я душу изо всех сил совсем другого «гуся».

Как-то вечером между нами состоялся такой диалог.

– Ты как себя чувствуешь? Нормально? – спросил Мякиш взволнованным голосом.

– В смысле?

– Ну-у, стены не давят?

– Да, нет... вроде. А что?

– А у меня давят. Уже второй день себе места не нахожу. Жмет с двух сторон, – в его голосе чувствовалась тревога.

– Нет, у меня все нормально. Тесно, конечно, но терпимо. Если бы еще ты свои приколы бросил, так вообще было бы прекрасно.

– Только не начинай, а! – произнес он умоляюще.

– Больше и не пытаюсь. Сколько тебя просить можно...

– Ладно, я пошел. Прогуляюсь маленько. Но ты смотри, начнут давить, так сразу мне скажи.

– Ага, и вместе раздвигать их будем, – засмеялся я.

«Бедный старик, – подумал я, – совсем уже умом тронулся. Сначала его на тупые приколы тянуло, потом его плющить начало. Да-а, засиделся бедолага, ни чего не скажешь. Как бы за этот месяц и у меня стены не поехали, – насторожился я, оглядывая свою камеру, – я уже тут ничему не удивлюсь».

В последующие дни я всерьез обеспокоился крохотным размером своей камеры, и все мое внимание было приковано к ее стенам.

«Да-а, тесновато! – рассматривал я свою убогую конуру. – Тесновато – мягко сказано, теснотища! И как я мог в этой норе просидеть столько времени. Как, как?! Час за часом, день за днем, неделя за неделей, так и пролетело время.

Нет, оно здесь не пролетает, а вяло течет. В таком маленьком помещении время имеет вязкое состояние. Тягучую консистенцию!» – поднял я палец кверху и ощутил внутренний восторг от собственного хода мыслей.

Вдохновение переполняло меня, и я решил не останавливаться. «Эйнштейн утверждал, что пространство и время взаимосвязаны. Это теория пространственно-временного континуума. Ага. Поэтому в маленьком, замкнутом пространстве время имеет замедленный ход.

Конечно, как же я сразу не догадался, – ударил я себя ладонью по лбу. – Менты специально помещают заключенных в маленькие камеры, чтобы искусственно замедлить ход времени. Ай-да, хитрецы! Как ловко, нет слов! – качал я головой и улыбался от удивления. – Но прочь эмоции, пора за дело. Так, скорость, скорость, – вертелось у меня на языке и я начал нервно кусать палец, которым только что указывал вверх. – Скорость должна соответствовать времени и пространству, вот от этого и движения мои здесь замедлены, вялы. Итак, мы установили, что пространство влияет на скорость, соответственно и скорость влияет на пространство. Получается, если развить скорость выше нормы или какой-то критической точки, то можно раздвинуть границы пространства.

А что, если я попробую..., – мелькнула у меня в голове отчаянная мысль, и я прищурил один глаз, предвкушая грандиозность замысла. – Главное, разогнаться максимально быстро, чтобы уж наверняка! Да, и тогда я смогу попасть прямо на свободу, – потирал я довольно, вспотевшие от горячих размышлений ладони, – Никто еще не додумался до такого дерзкого и в то же время гениального побега. Я первый! Ай-да, Стасян, ну, молодчина, – от самосознания своей непревзойденности и гениальности у меня начался мандраж. Но теория требовала немедленного исполнения, претворения в жизнь, поэтому я принялся за дело. Наскоро размяв суставы, я прижался спиной к двери, чтобы максимально использовать размеры пространства и разбежаться, как следует.

Главное – скорость. И чем она выше, тем надежней результат. Но и с ней нельзя переборщить, а то можно попасть в другое время или куда-нибудь на Альфа-Центавра. Скорость! Скорость! – повторял я, как одержимый, подготавливая себя к старту. – Ну, пора! Прощай, Ксюша! Не жди меня, мы больше не встретимся. Я полетел... – и, оттолкнувшись руками от двери, я рванулся, как гепард. Но уже после третьего шага столкнулся со стеной, которая почему-то не разделяла мою теорию, и только успел крикнуть, падая на заднее место – ой, бля»!!! Удивляюсь, как я не разбил себе голову и после тяжелого удара пребывал в сознании.

– Ну, говори! – услышал я голос Мякиша. – Чего долбишься-то, говори!

– Вот деби-ил! – сказал я вслух или про себя, уже не помню.

К теориям Эйнштейна я больше не возвращался. Но тяга к науке, после этого, не пропала, наоборот, возросла. Правда, протекала моя научная деятельность в очень странных формах и доставила мне немало хлопот.

Мне второй раз принесли ведро с известкой, и я опять отказался белить камеру, за что снова был наказан дополнительной «пятнашкой». Последний разговор с Мякишем имел для меня тяжелые последствия (помимо шишки на лбу), стены с каждым днем все сильнее и сильнее давили на меня, и я никак не мог

отвязаться от этой навязчивой идеи. Она занозой засела в моей голове и даже во сне не давала покоя. Шла упорная психологическая борьба, «или они меня или я их» – решил я для себя и мысленно сопротивлялся их давлению.

– Мякиш, а Мякиш, – крикнул я своего товарища по несчастью.

– Ага, говори, – откликнулся он тут же, будто поджидал меня.

– Как давят-то суки! Ни минуты покоя от них нет.

– Во! То-то же. А я тебе что говорил.

– Но здесь внизу, на полу, полегче как-то. Наверху вообще жуть, кажется, башку раздавит.

– Я и сам на полу спасаюсь. Но бывает, потолок давить начинает. Ты, если что, животом на пол ложись. Способ проверенный. Помогает.

– Ага. Только бы не замерзнуть, пол-то холодный.

– Ну, как знаешь. По мне, так лучше замерзнуть, чем раздавленному быть. Стоит только зазеваться, как вмиг приплюснет, и родная мать не узнает.

– Ага, как катком проедется.

– Нет, не катком. Как тисками сдавит, только одни уши и останутся.

– Ладно тебе жути-то нагонять! Я уже и так боюсь за себя,- сказал я дрожащим голосом.

– Предупреждён, значит вооружен.

– Ну, все. Пойду, вздремну часок.

– Давай, ступай. Только внимательней будь. На пузо, на пузо ложись. Помогает! – кричал он мне в след.

LXVI

Эврика!

Я потерялся во времени и перестал следить за днями недели. Стал забывать, сколько суток сижу. Психологическая борьба перешла в открытую форму – я навалился плечом на стену, и, упираясь ногами в пол со всей силы давил на нее.

«Тиски! – рычал я, брызгая слюнями, – Тиски!» – Упорная борьба длилась около часа, стена «сдавалась» по мере убавления моих сил. Наконец, я совсем выдохся и «противник» тоже. Опять схватка закончилась в ничью. Обессиленный я сел на пол, и вытирая пот со лба, заговорил вслух:

– Уморила-то как, сука! Но «эта» послабее будет, с той вчера я дольше возился. Уф-ф,- запыхался я,- чувствую не одолеть мне «их». Прав Мякиш – мы в тисках. Каждый день они сжимаются, и скоро от нас останется одно мокрое место. – Я понуро свесил голову, но вдруг, мелькнула обнадеживающая мысль, – нет, это все ерунда, стены не могут сами собой двигаться. Во всем виновато воображение. Нужно проверить! – я отколол кусок штукатурки и вдоль стены, на расстоянии в два пальца, провел параллельную линию. Такую же линию я начертил вдоль противоположной стены.

Несколько суток я наблюдал за их смещением, подставляя каждый час в

«зазор» пальцы. Результаты проведенного эксперимента показали – сближения нет, стены стоят на месте. И нет, чтобы успокоиться на этом, я засомневался в достоверности эксперимента, и стал приводить в свою пользу самые, что ни на есть абсурдные аргументы.

«Это еще ничего не подтверждает. Абсолютно ничего! – нервно грыз я ногти. – Стены могут съезжаться и вместе с полом. Да чего они только не могут эти проклятые стены, – посмотрел я на них с ненавистью. – Если бы по воздуху можно было очертить линию... да и это ничего бы не доказывало, потому что мы имеем дело с «вещью в себе». Стоп, где-то я это уже слышал, – прикусил я нижнюю губу, напрягая память. – Нет, уже не вспомню, Бог с этим Кантом. Единственный критерий достоверности это мои ощущения, на них я и должен положиться» – успокоил я сам себя и довольно улыбнулся.

После обеда я «звездочкой» растянулся на полу и, глядя в потолок, размышлял:

– Итак, если у меня в камере стены сдвигаются, значит, у Мякиша они должны раздвигаться. Ведь если у меня убывает, тогда у него прибывает. Гениально! – воскликнул я в восторге от собственного открытия и вскочил на ноги. – Ге-ни-ально! Как меня озарило! Как озарило! – трепетал я от возбуждения. – Я сегодня открыл новый закон. Благодаря этому открытию свершится колоссальный прорыв во многих отраслях науки: физике, химии, математике, астрофизике... Бо-о-оже мой! Я гений! – чуть не заплакал я от счастья. – Скоро весь мир узнает мое имя и будет с восхищением произносить его. Я, Борисов, светило современной науки! Мое имя будет напечатано в газетах и журналах. Мне будут рукоплескать тысячи поклонников! Они будут кланяться при встрече, но я, конечно же, буду скромн, и учтив. Да, я гений. Геений! – закричал я во всё горло. – Наконец, моя мама будет гордиться мной. Я куплю ей красивое платье, и мы вместе пойдём получать мой гонорар.

Долго еще я восхищался собой и своим открытием. А после того, как насытился тщеславием, с энтузиазмом приступил к математике. Отколов от стены кусок штукатурки, я стал выводить на полу формулу.

– Вот так-то, Надежда Степановна! Вы ставили мне тройки по математике – говорил я вслух, записывая цифры и знаки. – И еще глумились надо мной, говорили, что точные науки не для меня. А теперь вы упадете в обморок, когда мне дадут нобелевскую премию. Просить прощения у меня будете... на коленях! – добавил я злорадно.

Весь пол, от края до края был испещрен математическими знаками. На нем не осталось на одного живого места. Чтобы не стереть «универсальную формулу», которая должна потрясти весь научный мир, я залез на «пенек». Мне было очень приятно любоваться своим творением.

– Ну, с-суки! Забегали тут! – ругался я на бедных букашек, – Сотрете же, гады! Стоит появиться на свет гениальному, так сразу же найдутся враги и паразиты, которые затопчут великое открытие своими грязными ногами. У-у, твари! – злился я, сжимая кулаки. И только чуть отдышавшись, я заметил, как от возбуждения обливаюсь потом.

Вдоволь налюбовавшись своими произведением, истощив весь свой сло-

варный запас на насекомых-вредителей, я на цыпочках подошел к кабуре и крикнул Мякиша.

– Ну, говори, – недовольно ответил он.

– Хочу тебя обрадовать, – произнес я интригующим тоном.

– Чем, интересно знать?

– Ты стоишь на пороге великого открытия...

– На каком пороге?! Я лежу на полу, и с тобой разговариваю, – ворчал он.

– Эх, невежда! Раздражаешь ты меня своей тупостью. Деревня пустоголовая! Знал бы ты, с кем сейчас разговариваешь. – Мякиш ухмыльнулся.

– Смейся, смейся! А скоро гордиться будешь, что сидел со мной по соседству. Внукам будешь рассказывать, что знал меня лично.

– Ты хвалился, да не поперхнись!

– Хвалиться ты мной будешь! А хотя, что я тебе говорю? Все гении прошли через унижения невежественной толпы. И никто из них не получил должного признания сразу.

– Ты чего хотел, гений? – спросил он с сарказмом.

– От тебя я ничего не хотел, да и что ты мне можешь дать? Мужик ты сиволапый! – сказал я с презрением. – Я только хотел радостной новостью с тобой поделиться.

– Ну?! – раздражался Мякиш.

– В общем, я тут поразмыслил на досуге и сформулировал один закон... хотя, тебе еще до этого рано. Сразу перейду к проблеме и скажу в двух словах: так как стены у меня сдвигаются, а это факт, – подчеркнул я, – то соответственно у тебя они, наоборот, раздвигаются. Логично?

– Ну, так как у нас с тобой одна общая стена, то логично.

– Поэтому радуйся, соседка. Выживай за счет меня, – заявил я с героическим апломбом.

– Но как же так?! Я ведь чувствую, что давит...

– Это иллюзия, не верь своим глазам! У тебя психическая травма, ты перестал адекватно воспринимать окружающий мир. Ты вбил себе в голову, что «тиски сжимаются», на самом же деле «они раздвигаются». Положись на меня, старик. Я все просчитал.

– Ну не знаю, – сказал он сомневаясь.

– Иди с Богом. И возрадуйся, что встретил меня! – сказал я ему вслед.

«Эх, как всё-таки тяжело, что даже поговорить не с кем. Кругом одни идиоты», – подумал я с грустью.

Пол, испещренный абракадаброй, был для меня священным местом, и я наступал на него только при крайней необходимости. Практически вся моя жизнь протекала в туалете, который был свободен от научных трудов. Я часами стоял на «крокодиле», прислонившись к стенке, и боялся шелохнуться. На столько мне было дорого собственное творение, – это уродливое дитё шизофрении.

Спустя два дня после разговора с Мякишем весь карцер услышал его восторженные крики:

– Э-ге-гей! Привольно-то как, братцы! Ай, да раздолье какое. Раз-доль-е-е!

– Мякиш был вне себя от счастья. Он пел и плясал, не зная, куда девать свою

энергию.

– Ну, как там? – спросил я его в тот же день.

– Благостно! – ответил он не своим голосом. – Ты, молодчина. Раскрыл глаза старику.

– Во-от, я же тебе говорил...

– А ты-то как? У тебя, небось, совсем места не осталось?! Подпирает?

– Да-а, похвастаться нечем. Совсем сдавило, – сетовал я, тяжело вздыхая.

– Ничего, тебе немного сидеть осталось. Должен успеть выйти.

– Ну, не знаю. Мне трудно просчитать с какой скоростью продвигается внешнее воздействие. Да, и Бог с ним, – махнул я рукой, – Формулу жалко. Боюсь, что не успею свой закон людям оставить. Так и похоронят меня вместе с открытием, – промолвил я в отчаянии.

– А ты мне расскажи. Так, на всякий случай.

– Да разве ты поймешь?! – засомневался я. – Нет, не скажу, а то еще от своего имени выдашь.

– Ты что, сынок. Побойся Бога! Я ж теперь по гроб жизни тебе обязан, а ты такое говоришь на меня, – возмутился он.

– Ну, не знаю..., – замешкался я. – Закон на первый взгляд очень прост, как и все гениальное в этом мире. Но именно в этом он и универсален. Понимаешь!?

– А как же не понять? Я ведь его уже на себе испытал, – сказал довольно Мякиш.

– Ладно, запоминай: сколько в одном месте убудет, столько в другом месте прибудет, – произнес я значительным тоном и ждал восторженной реакции соседа. После продолжительной паузы он спросил:

– Ну и...?

– Что? Понять не можешь?! Мозг не вмещает?! – поддел я его с удовольствием.

– И это все что ли? – спросил он удивленно.

– Я же тебе говорю все гениальное просто..., – распирало меня от гордости и тщеславия.

– Погодь-ка. «Если в одном месте убудет, то в другом...». Слышь, ты мне чё «горбатого лепишь»!

– Какого «горбатого»? Я же тебе говорю: сколько в одном месте...

– Сам, значит, придумал?! – раздражался Мякиш.

– Озарило! – воскликнул я гордо.

– А мне кажется, что Ломоносова еще до тебя озарило, – заметил Мякиш злобным голосом. – Может, ты и дурака во мне видишь, но в школе-то я учился!

– Ломо... Ломоносов?! – не мог поверить я своим ушам. – Не может быть! Как это он вперед меня успел? – вспомнил и я, наконец, что это открытие принадлежит Ломоносову.

– На три века тебя опередил, – ехидно заметил Мякиш.

– Какой же ты зануда, все-таки! – сказал я ему от обиды, – Ладно, пойду, прилягу. Что-то нездоровится мне сегодня.

– Ага, давай. Гениям тоже нужен отдых! – съязвил он.

Я на четвереньках отполз от кабуры и лег животом на «священную формулу». В эту минуту я чувствовал себя самым никчемным и бездарным существом на свете. Уж слишком тяжело было падение – с высоты гения до мелкой твари. От обиды слезы навернулись на глаза, и я зарыдал. Вся горечь, накопленная в заточении за это время, ушла со слезами за один вечер. На душе стало легко, но пусто.

LXVII

То хвост длинный, то рубаха короткая

В состоянии полного равнодушия прошло несколько дней. Но, к счастью, «голос» соседа больше не тревожил меня, и стены перестали давить. Я уже боялся общаться с Мякишем, чтобы опять не заразиться от него какой-нибудь навязчивой идеей. Да и за Ломоносова, честно говоря, я был на него в обиде. Может, он и не сделал ничего плохого, но все-таки больно уколол мое самолюбие, поэтому я был на него очень зол.

Вскоре я стал всех ненавидеть. Всё бесило меня. И на место инфантильной апатии пришла деятельная злоба. Даже Ксюша в эти мрачные дни лишилась своего привычного обеда. Поздним вечером я сидел на полу и под тусклым светом лампочки разглядывал в своей ладони мокрицу.

– Какая же ты ужасная! – говорил я вслух. – И зачем тебя только природа произвела на свет божий?! Зачем, скажи мне, уродина?! – спрашивал я безмолвное существо. – Если верить, что форма соответствует содержанию, можно сделать вывод по твоей внешности – ты просто дрянь! У тебя, должно быть, мерзкий характер. Ты такая же коварная стерва, как и Клара из пятого «а», – вспомнил я свою первую, роковую любовь. – У вас даже имя с ней одно Кла-ра, – поморщился я, произнеся это имя. Я бросил мокрицу себе под ноги, и, подкинув вверх пуговицу, произнес с пафосом, – «Быть или не быть, вот в чем вопрос». – Пуговица упала на пол внешней стороной.

– Не быть, – ответила судьба. – Прости, Клара, я «умываю руки». Тебе суждено умереть, – и я раздавил ее подошвой ботинка. Вот так капризная воля человека лишила жизни безвинное существо.

– Один лишь каприз! Прихоть! И что она мне сделала плохого?! – начал я уже сожалеть. – Представляю, если бы и Бог был таким же прихотливым, как человек... О! Вот и Федор к нам пожаловал, – увидел я паука на своем ботинке. – Как поживаешь, кореш мой драгоценный? Только что подруга здесь твоя была. Да ушла в мир иной. А в этом оставила только мокрое место и мерзкое впечатление. А ты, брат, шустер! – паук забрался ко мне на ботинок и полез вверх по ноге. – Какая же у тебя попка круглая, прям как косточка вишни. Хрустящая, наверное?! – схватил я паука и неожиданно для самого себя закинул его в рот. – Не-а, мягкая совсем, – проглатывая его, зажмурил я глаза. – Я что, съел паука?! – вытаращив от испуга глаза, закричал я, – Не может быть! – начал я отплевы-

ваться, но было уже поздно! – Я съел паука! А почему он мягкий такой? Нет, он не мягкий, просто я проглотил его, не разжевывая. Да! Я его проглотил, и теперь паук живет во мне. Теперь я человек-паук. О, ужас!!! – сунул я пальцы в рот, но паук не вышел. Мне стало жутко, и я в истерике заметался по камере.

– Мякиш, а Мякиш..., – подбежал я к кабуре.

– Рассказывай, – воскликнул он испуганно.

– Я сейчас съел паука.

– Ничего. С голодухи и крыс едят.

– Да какая там голодуха! Я сошел с ума! Я мучаю мокриц, и жру пауков, – кричал я в панике.

– Ну, это еще не беда. Люди друг друга пытаются да жрут, и ничего! Даже спят спокойно. А ты паука сожрал... нашел из-за чего расстраиваться, – сказал он спокойно.

– Паша, ты, похоже, умом тронулся. Да, у тебя однозначно крыша поехала. Если бы нормальный человек нас услышал...

– А кого ты нормальным называешь? Того, кто не попадал в такие условия или кто в себе еще не разобрался, и волочится на поводу своих желаний? Они себя не знают, потому что живут у Христа за пазухой. Они вовнутрь себя никогда не заглядывают, потому что там вместо души выросла жаба. Так какого же хрена им других судить, скажи мне на милость?

– Да я тебе не про это..., – психовал я. – Короче, не могу я здесь больше находиться. Сейчас у меня какие-то вспышки шизофрении начались, а скоро, я чувствую, окончательно с ума сойду.

– А я-то чем могу помочь?

– Подскажи, может, есть какой-нибудь способ отсюда «сорваться». Не «вывезу» я здесь больше, понимаешь. Не вы-ве-зу! – застонал я в отчаянии.

– Ну, не знаю. Попробуй вскрыться. Иногда срывает.

– В смысле вены себе перерезать?

– Ну!

– Нет, ты что! Я не смогу. Я крови боюсь, – передёрнуло меня от этой мысли.

– Ну, раз боишься даже вскрыться, значит, тебе еще не так уж здесь и плохо. Значит, еще не предел! В общем, если надумаешь – свистнешь. «Мойка» у меня есть.

– Ладно, подумаю.

– Ну, давай, не хворай!

На следующий день, я всё-таки решился на отчаянный шаг и попросил у Мякиша лезвие. Разделся до майки, взял в руку инструмент и начал морально готовиться к предстоящей «операции». Прошла минута, за ней вторая, но я не мог решиться на последнее движение. Дрожали руки, потели ладони, но я оставался неподвижен. Разрывало двойное чувство. С одной стороны мне было жалко себя, с другой, противно за свою нерешительность. У меня не укладывалось в голове, как можно самому себе порезать вены, в то время, когда так хочется жить. Самый трудный бой – это бой с самим собой, и вдруг мой внутренний голос, молчавший до этой минуты, проснулся и закричал: «Не бойся, да-

вай!».

Я зажмурил глаза и сделал резкое движение. Горячая кровь брызнула из раны. Кожа развалилась на две части. Наверное, я не рассчитал сил и от волнения слишком глубоко хватанул. От увиденного закружилась голова, в глазах помутнело. Нужно было срочно кричать дежурного, но я застыл от ужаса, глядя на багровый фонтан. С трудом, преодолев шок, я произнёс еле слышно: «Командир!» – Но, испугавшись, что сейчас упаду, потеряв сознание, и буду долго валяться в луже собственной крови, я закричал, что было сил: «Командир! Сюда! Быстрее!».

Вскоре дверь открылась, и в проеме кто-то появился. Перед глазами все плыло. Сильная боль и жжение терзали руку. Стало тяжело дышать, и казалось, что я вот-вот потеряю сознание.

– Смотри, что эта тварь наделала! – рявкнул мент, глядя на меня с отвращением. – Белить не хочет, а кровью стены пачкает. Давай на коридор! – Я крепко прижал руку ладонью и вышел за ним.

– Стой, здесь! Сейчас за опером схожу, – указал он мне место у стены, и пошел не спеша. Так я простоял минут десять. Фонтан стих, давление в венах упало, и ладонь начала прилипать к разрезу. Появился полупьяный оперативник в звании капитана.

– Ну и чё ты наделал? Удивить кого-то решил? – выпустил он кислый запах перегара. – Зачем «вскрылся»? Кормят плохо или холодно?

– И кормят плохо, и холодно. А главное, держат меня тут незаконно. Я подсудимый, и вы не имеете права заставлять меня выполнять хозработы.

– А мы разве заставляем? – посмотрел он на меня удивлённо. – Ты побели, где насвинячил и сваливай к чертям собачим. Или тебе валиком проехаться по стенкам запахло?

– Ну, как с вами разговаривать? Я вам про Фому, а вы мне про Ерёму.

– Слушай, Фома, ты белить будешь? – крикнул он мне в лицо.

– Нет, не буду! – свесил я голову.

– Давай его к трубе, – обратился он к дежурному, – чтобы больше зихерá не отмачивал.

Меня тут же пристегнули наручниками вверх руками к трубе.

– Ещё раз тут насвинячешь – заставлю рожей вытирать! – опер ушёл, а запах перегара остался.

Кровь вокруг раны запеклась, и уже не текла, а слегка сочилась. Было неприятно чувствовать, как она медленно стекает вниз по руке, груди и животу. Сознание опять помутилось, и я начал плохо понимать, что происходит вокруг меня. Глаза сами закрывались, и мне вспомнился родной дом. В нём я увидел родную бабушку, которая смазывала мои ссадины в детстве. От прикосновения чьей-то руки я очнулся и увидел женщину в белом халате. Это была моя давняя знакомая Ирина Александровна, врач с нетрадиционными методами лечения. В этот раз она была без повязки, и вызвала легкий испуг по поводу своей внешности. Длинный тонкий нос сильно загибался в кончике и напоминал рыболовный крючок. Подбородок наоборот резко выступал, как у Бабы Яги, а тонкие губы при разговоре совсем не шевелились. Глядя на меня, Ирина Александровна

произнесла в своей привычной манере:

– Борисов, у тебя с башкой всё в порядке?!- заглядывала она мне в глаза.- Зачем руку разрезал? Лучше бы ты себе член оттяпал, может, проблем было бы меньше.

Мне становилось всё хуже и хуже, рука онемела, пальцы не двигались. Началось обморочное состояние, при котором я не различал звуков. Ничего не понимая, я начал задавать бредовые вопросы:

– Вы Ксюшу мою не видели? Она на обед должна прийти.

Из тишины донёсся голос докторши:

– Какая Ксюша? Ты что, спятил?

– Ваша крыса, вы же ее хозяйка!

– О-о-о, дружок, да у тебя с головушкой непорядок. Антидепрессанты надо бы пропить.

– Да, дайте, пожалуйста, таблетки Пашке Мякишу. Ему еще хуже, чем мне.

– Понятно, всем дадим. И Ксюше, и Пашке, и тебе, а сейчас давай руку. – Она поставила мне укол, и начала зашивать рану. После этого дала горсть таблеток, от которых я очнулся в камере через сутки. Правда, меня очень смутило и навело на определённые мысли то, что под штанами я не обнаружил трусов. Они куда-то исчезли. Наверное, не без помощи сердобольного доктора.

– Ну и что, не проканал? – спросил Мякиш в кабуру, когда я пришёл в себя.

– Не получилось, – ответил я расстроено.

– Да уж, бывает..., – произнёс старик сочувственно.

– Наверное, я невезучий! Меня и бывшая девушка неудачником назвала. Знать, она была права, – вздохнул я.

– Не надо раньше времени голову опускать!- ободряюще произнёс сосед.- После ночи всегда день приходит! У тебя вся жизнь впереди, а ты раскис тут. Не обижайся на меня, что так вышло. От всей души тебе хотел помочь.

– Я не обижаюсь, ведь ты меня предупреждал. Вот что мне дальше делать, ума не приложу?

– Есть один способ понадежней, – сделал он интригующую паузу, – но тут сила воли нужна.

– Выкладывай, давай. Не томи, – сказал я нетерпеливо.

– Самое надёжное – это голодовка. Вернее средства нет.

– А сколько дней этой голодовке посвятить надо? – заинтересовался я.

– А на этот вопрос я ответить не могу, потому что всё от ментов будет зависеть. Может, они на пятые сутки щекотнутся, а может, и поболее.

– Сомневаюсь я что-то, – последние остатки надежды покидали меня. – Наверное, все два месяца придётся здесь куковать.

– О-о-о, я смотрю, ты уже лапки свесил? – поддел он меня. – Ты думал так легко с ментами «бодаться»? Нет, брат, коли войну затеял, то нужно переть до конца. Иначе люди тебя не поймут! – последней фразе он придал какую-то особую весомость. – В нашей каторжанской жизни принято всё, даже свою жизнь ставить на кон. Тут так: «или морда в маргарине, или жопа в вазелине», как судьба распорядится.

– Говорю же тебе, невезучий я, и не стоит мне на фарт надеяться! А судьба, я думаю, так распорядится, что будет у меня жопа в вазелине, а у ментов рожа в маргарине, – раздраженно ответил я. – Советчик ты хренов!

– Зря ты так. Я тебе от души советы даю, уму-разуму учу, а ты на старика нападаешь. Ты не путай одно поражение с окончательным разгромом. Мне хочется тебе как-то помочь, а ты зубы показываешь, – произнёс он обиженным тоном.

– Извини меня, Паша! – мне стало совестливо перед ним, и я добавил, – За твои советы спасибо говорить надо, а я к тебе с претензиями. Не прав я. Нервы сдавать начали. Расскажи, как на голодовку садятся?

После моих извинений Паша оттаял и начал объяснять.

– Надо написать заявление, что ты отказываешься от приёма пищи. Там укажешь причину. А для пущей верности не мешало бы и рот зашить.

– Рот зашить? А это ещё зачем? – воскликнул я в испуге.

– А за тем, чтобы ментам показать, что ты серьёзно на голодовку настроен. Чтобы не думали, что ты втихаря сухари под подушкой трескаешь.

– Я что-то не понимаю. Если я откажусь от пищи, то где же мне найти еду в четырёх стенах?

– Так они ведь про кабуры в карцере знают. Скажут, соседи тебя подкармливают. А если рот зашьёшь, это уж наверняка! Здесь многие так делают, – подчеркнул он последнюю фразу.

– Многие? – удивился я.

– Все, у кого твердость характера имеется, – откровенно поддел он, желая сыграть на юношеском тщеславии и гордости.

– Мне подумать надо! Я с рукой, честно говоря, чуть в обморок не свалился, а тут еще перспектива голодовки... Даже вообразить себе не могу, как рот зашить! – с леденящим ужасом представил я такую картину.

– Так ты его не зашивай, как дырку на рубашке. Ты его просто прихвати на один – два стежка и хорош.

– Ладно, посмотрим. Дельце не простое, обмозговать нужно. Я пойду, хорошенько подумаю.

– Ступай, подумай! Только помни: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Иначе люди не поймут! – опять Паша прибегнул к своему излюбленному аргументу.

Закончив разговор с Мякишем, я лёг на шконку, выбрав удобную позу для тела, и начал рассуждать: «Паша постоянно говорит о собственной норме морали, – что же скажут люди? Но для меня мнение окружающих в личных делах ненадёжный помощник. Как можно руководствоваться в своих поступках мнением публики, если оно по своей сути противоречиво и изменчиво? К тому же среди контингента, с которым я теперь нахожусь, совсем не вижу авторитетов, про которых с такой гордостью говорит Паша».

Я вспомнил Салагу, который действительно вызывал у меня уважение, и был для меня авторитетом. Единственным, чем я дорожил в тот момент – это своим внутренним голосом. Голосом совести! «Да, только ему можно отдать предпочтение. Хотя и он может ошибиться, – засомневался я. – Но зато всегда

скажет прямо и смело, не выискивая выгодных откорячек».

Я задумался, и ждал своего главного «оценщика» в сложившейся ситуации. И внутренний голос, как всегда, во время пришёл мне на помощь. Он требовал от меня простить себя за неудачу и забыть о страхе перед новой попыткой. Я начал соглашаться с предложением своего внутреннего помощника и решил, что Мякиш в одном прав. Затеял дело, доводи до конца. «Через четыре дня у меня заканчивается третья «пятнашка». Нужно собраться и начинать новую борьбу. Завтра же объявляю голодовку! Дай Бог, чтобы мне повезло». После этих раздумий я психологически был готов к новому противостоянию.

На следующий день я попросил у дежурного листок бумаги, ручку и написал заявление об отказе от приёма пищи. Но отдавать заявление не спешил, потому что не сделал самого главного, и больше всего пугающего меня – не зашил рот. Иголки в камере, конечно же, не было. И я начал искать предмет, который бы мог заменить ее. Подарком для меня стала ржавая проволока, которую нечаянно обнаружил за решёткой. Я заточил ее о бетонный пол, представляя душераздирающий момент зашивания. Проволока стала вполне острой.

«А где добыть нитку, и желательнее крепкую?» – думал я, продолжая обследовать камеру. Но ни в камере, ни в одежде ничего подходящего не нашёл. Расстроившись, я присел на корточки и вдруг почувствовал на груди иконку, которую мне подарила Настя. Она висела у меня на тонком шнурке. Я порвал шнурок, посмотрел на подарок, и мысленно сказал: «Спасибо, Настя! Ты и здесь меня выручаешь!» Инструмент был готов, но проколоть верхнюю губу я не решался. Мне не хватало силы воли и терпения. Нервно шагая по камере, я упрекал себя в трусости и малодушии.

«Ну, как же тебя проколоть? – бесился я. – Надо кричать, – мелькнула мысль. – Крикнуть и резко проколоть!». Пока я боролся со своей нерешительностью, по радио с коридора послышался голос Валентины Толкуновой:

Давно ли песни ты мне пела,
Над колыбелью наклонясь.
Но время птицей пролетело,
И в детство нить оборвалась.
Поговори со мною, мама,
О чём-нибудь поговори,
До звёздной полночи до самой,
Мне снова детство подари...

И перед глазами возник образ мамы. Я обреченно опустил руку и замер. Мама смотрела на меня с невыносимой жалостью и безграничной любовью. Мне стало стыдно! Глядя в ее сторону, со слезами на глазах, я умолял о прощении. Просил понять меня. Она была далеко от меня и в то же время так близко. В отчаянии я закрыл лицо руками, как в детстве, и стал подпевать: «Доволен я своей судьбою, Немалый в жизни пройден путь. Но очень хочется порою Мне снова в детство заглянуть...». Собрав остатки воли в кулак, я продолжил начатое дело.

Снял с себя майку, скрутил ее в рулон и конец крепко сжал зубами. Оття-

нул верхнюю губу и с диким стоном, резко проткнул ее. Пока не утихла боль, я сделал ещё один прокол рядом с первым. Немного отдышавшись, сделал то же самое и с нижней губой. Мне казалось, что всё страшное позади, но я ошибался. Шовный материал (шнурок) не проходил в проколы. От боли губа интенсивно сокращалась, и я не мог попасть в нужное место. Вторая часть операции далась мне тяжелее, чем первая. После долгих мучений я, наконец-таки, просунул шнурок в четыре дырки и, стиснув зубы, завязал узел. С чувством собственного достоинства постучал в дверь, и отдал заявление. С этого момента началась голодовка.

Я и представить себе не мог, что зашитый рот может вызвать целую кучу неудобств и проблем. По привычке, утром захотелось зевнуть во весь рот, но от боли свело челюсти. Через некоторое время у меня проснулась жажда общения и мне, как никогда, захотелось поболтать языком. Это ограничение у меня вызывало невыносимую ярость к собственному вредительству. Воду пить я научился краем рта, но это было легче, по сравнению с двумя вышеперечисленными пунктами. На третьи сутки губы казались противными, чужими. Они опухли, как грибы, и стали болеть ещё сильнее. Из проколов побежала жидкость кровавого цвета. Мякиш был очень доволен моим поступком и растрезвонил об этом по всему карцеру. Крытникам он представил меня, как своего воспитанника и по всему подвалу слышались слова одобрения и поддержки.

Спустя несколько дней, я вновь увидел перед собой ведро с извёсткой, и в третий раз мне добавили пятнадцать суток. Моя голодовка не впечатлила администрацию и не вызвала ожидаемую реакцию. И по этому поводу мне захотелось объясниться со своим старым советчиком. Разговаривать я не мог, но всё же решил как – то попробовать. Я мычал в кабуру, не понимая сам себя.

– Ничего не могу разобрать, – пыхтел в кабуру старик. – Говори сокращённо, попробую догадаться, – советовал мне Мякиш.

– Пя-пя-пя, – мямлил я краями губ.

– Пятнадцать суток добавили?

– Угу, – ответил я.

– Смотри-ка, мент какой жестокий пошёл. Раньше такого не было! Про голодовку вся администрация знала и меры принимала. Ну и жизнь пошла! Людоеды! – ворчал он недовольно, но оживлённо, с энтузиазмом. – Трое суток, это ещё не срок. Ты крепанись ещё чуток, а если результата не будет, так через пару суток снимай голодовку к чертям собачим. Но я думаю, скоро менты зашевелиятся. Надо ждать.

– Угу!

– Не унывай! Мы все с тобой!

После разговора с Мякишем оптимизма не прибавилось. Зато аппетит рос не по дням, а по часам. Опять вспоминался дом, вкусные бабушкины булочки и мамин борщ. От этих воспоминаний кружилась голова. Оставалось только приглушать аппетит рассуждениями. Я вспомнил, что все мировые религии предписывают добровольный отказ от пищи с целью очищения духа и плоти. На память пришёл Пифагор, который прежде чем открыть тайны своего учения требовал голодания от своих учеников.

На пятые сутки произошло торможение жизненных процессов в организме, внезапно пропал аппетит, и у меня наступила полная апатия. Мне становилось безразлично, чем закончится это безумство, останусь ли я в живых, или умру от голода.

LXVIII

Мужчина и женщина – природные магниты

Прошло девять суток. Я находился в угнетённом состоянии и в полнейшем безразличии к окружающей среде. Испытывая состояние протрации, я растянулся на бетонном полу и размышлял о том, почему же я не умираю и почему не схожу с ума? Иногда мне казалось, что все же я сошел с ума, но ещё не знаю об этом. В течение дня в стороне туалета ни раз встречался взглядом со своей подругой. «Бедная крыса, каждый день ходит ко мне на обед в надежде, что я накормлю ее. Но как объяснить ей, что я объявил голодовку, и мне нечем ее угостить. Она бы меня обязательно поняла, ведь мы нашли с ней общий язык в последнее время». И тут я вспомнил, и мысленно улыбнулся, как недавно перепутал Ирину Александровну со старухой Шапокляк: «Ну, не моя же в том вина, что она похожа на нее».

Напрягая последние силы, я наиграл носом мелодию: «Кто людям помогает, тот тратит время зря, хорошими делами прославиться нельзя». От этой строки стало особенно грустно и в душе заскребли кошки. «Скоро я умру в этом подвале, как никчёмный таракан и обо мне никто не узнает. Зачем я родился, зачем жил, и за что умер? – сочились из душевной раны ядовитые мысли. – Вся жизнь моя нелепа и пуста. Я не прославился ни хорошими, ни злыми делами, а это ещё хуже. Меня никто не вспомнит, потому что не за что!» – Мрачная безнадежность клешнями сковала мое сердце, и горькая обида на весь мир встала комом в горле. От душевной боли я прижал руки к груди и застонал. Я хотел просить у Всевышнего о вечной темноте, но я не мог подобрать слов. Все слова умерли в глубине души, так и не успев родиться...

Внезапно распахнулась дверь, и я увидел на пороге молодых людей в форме. Высокий блондин с худым лицом был в звании лейтенанта, коренастый шатен капитаном.

– Давай на выход! – приказал блондин.

Напрягая последние силы, я медленно вышел из камеры, и мы молча поднялись на первый этаж. Меня закрыли в «стакан», и менты удалились. Присев на узкую скамейку, я стал ожидать своей дальнейшей участи. В «стаканах» была тишина, только сверху доносился грохот от железных дверей. Вдруг из тишины раздался чей-то неприятный голос:

– Ты кто?

Оказывается, я здесь был не один. Незнакомец, не получив ответа спросил снова.

– Кого закрыли, спрашиваю? Чего молчишь-то? – Я, естественно, молчал,

а неугомонный голос продолжил, – Ты немой, что ли? А может, нэпуть? Смотри-ка, засухарился! – загоготал нахал.

«Дал бы я тебе по роже за такие слова», – подумал я.

– Да и хрен с тобой! Сухарись дальше! – злобно крикнул хам и через короткую паузу произнёс уже мягким, заискивающим тоном, – Скажи, солнышко, почему ты не отвечаешь на малявы? «Я к тебе голублюсь, а ты от меня тете-ришься»? – с надрывом засмеялся он. – Не красиво это!

– Я тебе уже всё объяснила! – с раздражением ответил девичий голос из соседнего «стакана».

– Давай снова поговорим, что-то я подзабыл, о чём ты? – навязчиво спрашивал наглец.

– У меня есть парень, и я его люблю, – отрезала девушка.

Услышав знакомый голос, моя душа встрепенулась, сердце сильно застучало, и я соскочил с лавки. Диалог продолжался:

– Твой парень давно уже с другой телочкой мутит. Отвечаю тебе за свои слова! Он приревновал ее к одному из наших пацанов, из-за этого они подрались. Их обоих в карцер посадили, – врал нахал, как сивый мерин. – Да не любит он тебя, забыл давно. А ты убиваешься, дурёха! Заладила своё, Стас да Стас, – меня словно плетью ударили по сердцу. В груди зажгло. – Да ты и сама говоришь, что он тебе не пишет. Ты на мою дружбу соглашайся, со мной нигде не пропадёшь, – закончил он самодовольно.

– Без твоей помощи разберусь. Не лезь ко мне.

От услышанного подкосились ноги. Мне хотелось кричать, что я здесь, что я слышу, но как? По телу прокатилась горячая волна, и я перестал слышать, о чем говорит ухажер. До меня доносился только родной Настин голос. Я попытался говорить, но губы не шевелились. «И за что мне такое испытание? – крутилось у меня в голове. – За листом железа, буквально в нескольких сантиметрах от меня находится любимый человечек, а я не могу ей сказать, что рядом. Бог послал мне эту встречу, значит, я должен воспользоваться ей». В голове ещё больше застучало, затрясло всего от волнения. Я испугался, что в любую минуту за мной придут, и возможно, мы никогда не увидимся. Я начал метаться по стакану, как обезумевший зверь, не зная, что предпринять. Безмолвие душило меня и сводило с ума. Я больше не мог быть заложником ненавистного молчания и пытался выдавить звук, но у меня ничего не получалось.

– Му-ма-мо-мм, – выдавил я.

– Кто там? – спросила Настя взволнованно.

– Му-ма-мо-мм, – раздавались неопределённые звуки.

– Ничего не понимаю, – тревожным голосом сказала она.

– Сейчас разберусь, – подхватил герой, и крикнул прокуренным голосом. –

Ты чё мычишь, бычара?

Я судорожно грыз передними зубами шнурок, но он не поддавался. От безысходности начал колотить по железной перегородке, поднимая сильный шум.

– Боже мой, помогите! Что вам нужно? – воскликнула Настя.

Но я продолжал колотить сильнее и сильнее. Настя, как птичка в клетке испуганно заметалась, приговаривая:

– Перестаньте, я вас очень прошу! Ну что вы...

– Я тебе сейчас руки переломая, если не угомонишься, – свирепствовал заступник.

От Настиных слов становилось ещё тяжелей. Ее родной, испуганный голос с острой болью отозвался в груди, обрекая меня на страшные муки. Душа онемела! Чаша человеческого страдания оказалась полна, и я упал перед железной стеной на колени. «Это конец!» – подумал я в отчаянии и прижался лбом к холодному железу. Передо мной была кромешная темнота, горький океан мучений и ни одной капли надежды.

– Кто там? – в последний раз прозвучал робкий голос любимой, и моя рука потянулась к железной преграде, отделявшей нас. Я гладил лист железа, вспоминая нежный облик Насти. Рука скользила по ее гибким очертаниям и вдруг, попала в небольшой зазор между краем железного листа и волнистой, неровной стеной. Четыре пальца из последних сил сжали проклятую преграду и там остались... Как вдруг, я почувствовал нежное прикосновение. Кто-то гладил мои пальцы, и от этого становилось тепло. Потом мои пальцы крепко сжал маленький кулачок, и я услышал любимый голос:

– Я узнала тебя! Стасечка, это ты! Прошу, не молчи!

– Угу, – выдавил я через комок в горле.

Кончиками пальцев я стал нежно гладить ее по лицу и вытирать тёплые слёзы. Я почувствовал тёплые капли, горячее дыхание и один за другим поцелуи. Она спешно целовала, задыхаясь от волнения и нахлынувших чувств. Для меня снова наступили минуты радости, о которых я не мог мечтать даже во сне. Каждой клеточкой я чувствовал, что люблю эту девушку до потери пульса, до безумия, до умопомрачения. Но я не мог сказать об этом.

– Почему ты молчишь? – спросила она жалобно.

От желания ответить ей, я с бешеной силой грыз шнурок. А Настя продолжала:

– Я долго искала тебя. Думала, что мы уже не встретимся. Я очень люблю тебя, мой родненький! Мы обязательно будем вместе, – сквозь слёзы шептала Настя. – Скажи, что с тобой сделали? Почему ты не говоришь со мной? – волновалась она и жадно, горячими губами целовала пальцы.

– Я тоже люблю тебя! – долгожданная фраза вырвалась наружу. Как же тяжело достались мне эти волшебные слова. Я был на седьмом небе от счастья. – Просунь сюда свою ручку, – попросил я. Она просунула в щель свои тонкие пальчики, и я уткнулся в них носом, вдыхая всей грудью, знакомый девственно-молочный аромат.

– Давай на выход! Чего ты там расселся? – небрежным тоном заявил лейтенант, открыв дверь «стакана». – Молишься что ли там? – заржал он.

– Да, молюсь! Я встретил своего ангела! – сказал я спокойно.

– Да ты шизофреник! – заявил он с растерянным видом.

К стакану подошёл капитан и с издёвкой сказал:

– Ух, ты! Наш немой заговорил. Вот тебе и жертва голодовки! Испугался, что мы его прессовать будем.

– А мы его выпустить хотели, – подхватил лейтенант. – Я так и думал, что

понты шарошит. Им ведь на хвост наступишь, так они тут же из шкуры выпрыгивают.

В моей душе закипел ад, с которым невозможно было справиться, и я зарорал нечеловеческим голосом:

– Да от таких понтов вы бы оба срать под себя начали, а потом друг друга говном мазали! – Задыхаясь от ненависти, я хотел наброситься на них с кулаками, но, вдруг, послышался умоляющий голос Насти.

– Гражданин начальник, выведите меня отсюда на минутку. Мне плохо, голова закружилась, задыхаюсь я.

– Ты чего еще там выдумала? Сиди спокойно! – рявкнул капитан.

– Пожалейте меня, совсем плохо стало. Беременная я, сейчас сознание теряю, – лукавила Настя.

– Все вы тут беременные! – отмахнулся шатен.

Настя не сдавалась:

– Я не обманываю, плохо мне. Помогите! – она начала барабанить по двери.

– Ну, смотри, если наврала, тебе же хуже будет! – открывая «стакан» пробормотал капитан. Настя птицей вылетела из железной «клетки» и бросилась ко мне в объятия. Она со всей силы прижалась ко мне и зашептала:

– Родной мой! Любимый!

Я почувствовал, как сильно, словно пташка в клетке, бьется ее сердце. Настя дрожала. А вместе с ней и я.

– Это что еще такое? А ну, отошла, – схватил ее толстомордый капитан, и потянул на себя.

– Руки убери! – вступился я. – Это жена моя. Полгода с ней не виделся, дай одну минуту, – глядел я на него в упор.

– Какая ещё минута? – обступили они нас с двух сторон.

– Прошу одну минуту, господа! – понизил я голос. – Мне терять нечего. Если вы сейчас тронете нас, я глотки вам перегрызу! За свои слова отвечаю! – с полной решимостью произнёс я. Во мне заговорил волчий инстинкт, и я готов был на смерть загрызть любого, кто обидит мою родную волчицу.

– Смотри-ка, храбрый какой! Или больной?! – переглянулись они между собой. – Ладно, минута пошла, – уступил капитан и отвернулся.

Я прижал Настю к себе, и от умиления начал гладить ее милое личико.

– Мы уже так давно знакомы, а ещё ни разу не целовались, – улыбнулся я.

– Надо это срочно исправить, – прошептала Настя, и за этими словами последовал нежный поцелуй. Это был хмельной поцелуй любви, от которого закружилась голова, и в груди стало жарко. Поцелуй – подарок за все несчастья и невзгоды, которые мы пережили.

– А что у тебя с губами? У тебя кровь, – жалостно спросила она.

– С девчонками в карцере целовался, – пошутил я.

– Ну и целуйся, не жалко. Только мандаринками никого не угощай, – блеснули задорно ее большие глаза, а на лице появилась игривая улыбка.

– Никогда и никого..., мой нежный ангел! – провел я рукой по ее волосам.

– Меня скоро в колонию увезут. Мне дали два с половиной года. Когда те-

перь увидимся? – тяжело вздохнула она.

– Не знаю, что и ответить, любовь моя. У меня еще суда даже не было.

– Ты не расстраивайся. Сколько бы ни дали, я всё равно дождусь и найду тебя. Обещаю! – посмотрела она на меня преданным взглядом. В ее словах чувствовалась любовь.

– Все. Свидание закончено! – раздался голос капитана.

– Всё будет хорошо, поверь мне! Ты только потерпи, моя хорошая! – гладил я ее бледное личико.

– А я верю! – твёрдо ответила Настя. – Если нам Бог подарил эту встречу, значит, он решил, что мы будем вместе.

Я ещё раз поцеловал ее нежную ладонь, и мы расстались. Меня отвели обратно в карцер. На смену минутного счастья опять пришла обыденность, но меня бодрили Настины слова: «Я люблю тебя, я найду тебя...».

Я снял голодовку, и на следующий день начал принимать пищу. Баланда, как всегда, была отвратительной, но я почти не чувствовал вкуса. Передо мной стоял милый образ Насти, и ничто не могло омрачить моего счастья. Оставшаяся неделя в карцере быстро пролетела, точно конь по гладкому полю. Я не видел грязных стен, облезлой двери и ржавой решётки. Мой внутренний мир был заполнен встречей с Настей. Я перестал ощущать холод, потому что мне было жарко от пламенных чувств, я не чувствовал подвальную сырость, оттого, что в каждом моем вдохе был цветочный аромат ее волос и молочный запах кожи. Я дышал любовью, которая разлилась повсюду. В те дни я просто обезумел от счастья, и блаженная улыбка не сходила с моего лица. Если бы Ксюшка попала мне в руки, то я бы до смерти зацеловал ее усатую мордашку.

«Как здорово жить!» – с безумным выражением лица я смотрел сквозь стены в необъятную голубую даль, где представлял своё будущее. Одна минута блаженства перевернула всю мою жизнь. Я решил, что мне теперь ничего не страшно. В трудные минуты я буду вспоминать Настю и черпать из колодца любви силу, веру и надежду. «Она будет моим талисманом!» – улыбнулся я довольно, и прижал к груди образок, подаренный моей любимой.

– Паша! – крикнул я в кабуру своего товарища.

– Здесь я! – живо отозвался он.

– Прощай, дружище! Сегодня у меня последний день.

– О! Рад за тебя, сынок! Ты уж не поминай старика плохим словом. А если в чём грешен, так прости.

– Ты что? Я худо никогда не вспомню о тебе. Ты многому меня научил, и я благодарю тебя за это!

– Да благодарить-то не за что...

– А за голодовку? Ведь ты меня духом качнул!

– А-а, было дело, – ответил он довольно.

– Знаешь, если бы я тогда спасовал, то никогда бы не встретил Настю. А после этой встречи мне ничего не страшно. И ради нее я готов на всё!

– Вот дела..., – крякнул он довольно.

Поудобней устроившись у кабуры, я подумал: «А вдруг последний раз говорю с Мякишем?!» И решил излить душу человеку, который меня хорошо по-

нимал.

– Паша, я для себя открыл одну интересную вещь. В любой сложной ситуации, когда перед человеком стоит моральный выбор, в его душе начинает говорить совесть. А это голос Бога, он хочет помочь нам. Поэтому нужно безропотно следовать его велению. Не нужно ничего бояться, и сомневаться в его правоте. Может быть, этот путь будет нелёгким, но под его руководством человек обязательно придет к своему заветному желанию.

– Правильно рассуждаешь. Но у многих не хватает духа.

– Может быть..., но стремиться к этому необходимо. Волю и мужество развивать надо, – твёрдо ответил я.

– Ишь, как заговорил. Видно у тебя и вправду – любофф! – последнее слово он выделил особенно. – Ты в последнее время чудной какой-то...

– А когда я с разбегу башкой об стенку бился, не чудной был? – засмеялся я.

– Это ничего, «голова не жопа, завяжи, да лежи», – раздался по всей камере смех старого сидельца.

– Ну, прощай! Не унывай!

– В который раз мы с тобой прощаемся? Давай уж в этот раз наверняка, – ответил Паша.

Дверь карцера скрипнула, и я покинул это зловещее место, унося с собой опыт страдания, а главное – любовь.

LXIX

Заманчивое предложение

После двух месяцев карцера тюремная камера показалась мне царскими хоромами. Сначала меня посадили к новым людям, но уже через неделю меня забрали к себе «домой» – в 117 камеру. Были долгие арестантские приветствия, рукопожатия, крепкие объятия, чифир лился рекой. В кругу друзей было хорошо и даже весело, несмотря на то, что мы находились в тюрьме.

А на следующий день, после легкого завтрака, Паленый затеял такой разговор:

– А теперь вот объясни человеку, – уставился он цепким взглядом на Геру – как ты умудрился полтора месяца назад «домой» вернуться, а Стас только сейчас?

– Да брось ты, Вова! – хотел я остановить его. – Это дело личное! Каждому своё! – смутился я.

– Ну и побелил, что в этом страшного?! – защищался Гера. – Мне приемлемо. Я ведь мужик, а не блатной.

– Отморозок ты, а не мужик, – ворчал Паленый. – Принципов у тебя никаких нет.

Гера ему больше не возражал, чтобы не затягивать спор. Паленый проворчался, как следует, а потом обратился ко мне:

– Тут такое дело..., – замылся он, и закурил самокрутку. – В общем, люди хотят тебя за корпусом крепить. Об этом написали и местные, и крытники, – засуетился он, доставая из кармана ворох помятых бумаг. – Парняга ты смысленный, справедливый. Показал себя с хорошей стороны. Дух в тебе есть, а это не последнее качество в нашем деле. Давно к нам такие ребята не «заезжали». Кстати..., – заерзал он на лавке и прищурил один глаз, – ты когда на юридическом учился, практику не проходил?

– Нет, не успел, – ответил я серьезно, хотя с трудом сдерживал смех.

– Вот! – воскликнул он радостно, – я им так и сказал. Значит по жизни у нас все путём, – потер он довольно ладони, – Ну все, дерзай, а мы тебе поможем, чем сможем.

Я не выдержал и засмеялся.

– Ты чего ржешь-то? – выпучил он глаза, – я тебе о серьезных вещах толкую, а ты смеешься.

– Ну, ты уморил меня, Вова. Не по мне эта «рубашка». Кто стремится к блатной жизни, тот пусть и «смотрит». А я категорически против.

– Почему? – спросил он в недоумении.

– Во-первых, как я тебе уже сказал, не мое это. Не вижу я себя на этом месте. А если не чувствую к этому призвания, то и буду относиться халатно к своим обязанностям. Во-вторых, власть, как правило, портит человека и нужно быть очень сильным человеком, чтобы устоять перед ее соблазнами. А этим я пока похвастаться не могу. В-третьих, я не обладаю достаточным житейским опытом и мудростью, чтобы вершить человеческие судьбы. А в-четвёртых, как говорил Салага: «в стае лай не лай, а хвостом виляй». Поэтому, не хочу подчиняться правилам «стаи», которые меня совсем не устраивают. Да еще лицемерить и вилять хвостом перед кем-то, – поморщился я и сплюнул. – И честно говоря, «стая» эта, так называемая «братва», вызывает у меня глубокое презрение. Уж слишком убогие, примитивные личности образуют ее! Этого достаточно? – посмотрел я с ухмылкой.

– Достаточно! – вздохнул Палёный с угрюмым видом и уставился в пол. Было видно, что я разочаровал его своим ответом, потому что в перспективе он ожидал выгод, преимуществ для себя от моего «блатного» статуса.

– И что мне теперь ответить? – спросил он, едва дыша.

– Пиши так: «Борисов С.В. – неблагодарная скотина, вместо того, чтобы согласиться на ваше заманчивое предложение, называет вас глупыми мартышками, чьи «ужимки и прыжки» вызывают у него одновременно хохот и отвращение...».

– Понятно, – совсем расстроился он.

– Извини, что не оправдал твоих надежд. Но ты должен меня понять. Надеюсь, мы больше не будем возвращаться к этому вопросу, – похлопал я Палёного по плечу.

LXX

Судилище

В январе я поехал на суд. Крещенские морозы спали, и в чистом синем небе весело заиграло солнышко. Люди оживились, вдохнули полной грудью бодрый воздух зимы и воспряли духом. Шумные толпы прохожих торопились по своим делам, а наш воронok сердито мчался в ИВС. Нас раскачивало из стороны в сторону, как на палубе теплохода и каторжане затянули песню:

Ах, ты палуба, палуба,
Ты меня раскачай.
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал...

Когда голоса стихли, я обратился к Рыбе, которая сидела по соседству за железной стенкой:

- Алена, я так понимаю, ты ко мне на суд едешь?!
- Да, я ведь у тебя свидетель, – спокойно ответила она.
- Наш прошлый разговор в силе?
- Конечно в силе, не волнуйся, – теплым тоном ответила она. – Сам-то как?

Давно я тебя не видела.

- Ничего, потихоньку. А ты?
- Да и я ничего.
- А как Пушистая? Где она сейчас?
- О, Пушистая в зону укатила. И слава Богу! От нее никому житья не было.
- Да уж, зверь баба, – вспомнил я ее стальные зубы.
- А ну, чего разгалделись! – ударил конвоир резиновой дубинкой по решетке, – в тюрьме, что ли не наговорились?
- Только здесь и могут тявкать... – огрызнулась Алёна.

Меня завели в зал суда и закрыли в клетке. Конвоир отстегнул наручники, и я сел на деревянную лавку. Зал был полон народа, здесь были мои родители, друзья, однокурсники и другие знакомые. Я посмотрел на бледное, взволнованное лицо мамы и паник. Но в ее глазах не было укора. Она смотрела на меня по-доброму и нежно. Самый родной человек вынес мне оправдательный приговор, и это для меня было главным!

– Держись, сынок! Мы с тобой! – сказала мама и по ее щеке прокатилась слеза.

– Я знаю, мама! – через комок в горле выдавил я.

Больше я не мог смотреть в ее сторону и стал разглядывать присутствующих.

«И зачем в суд приходит столько народа?! – думал я, потирая о колени вспотевшие ладони. – Может, кто-то и поддержать, но большинство, наверное, просто из любопытства. Людям всегда нравилось смотреть на чужие страдания. – Начал заводиться я. – Им только хлеба и зрелищ давай. Вон, во втором ряду

парень с девушкой сидят. Кто они такие? Зачем они пришли? Я их впервые вижу, и они меня даже не знают...»

– Встать! Суд идет! – раздался голос секретаря, и я невольно вздрогнул.

Судьей была полная женщина лет пятидесяти. С русыми волосами средней длины и совсем обычным, одутловатым лицом. Таким, которое не имеет в себе ничего выразительного и запоминающегося. Пресным, если можно употребить такое слово в отношении самой судьи. Когда она села на свое почетное место и открыла уголовное дело, то на ее пресном лице появились еще и очки с толстыми стеклами.

Государственным обвинителем была стройная девушка около тридцати лет. Брюнетка, с короткой стрижкой на голове.

После подготовительной части заседания судья объявила, какое дело подлежит разбирательству. Установила мою личность и разъяснила мои права. Началось судебное следствие, и прокурор стала излагать обвинение. Полчаса она каким-то уверенно-издевательским тоном читала страшный детектив про наркобарона, который, якобы наводнил весь город наркотиками. Я внимательно слушал ее и не мог поверить, что главным героем этой повести был ни кто иной, как я. Меня всего сковало от напряжения, и только когда прокурор перелистывала страницы, я делал облегченный выдох и опять напрягался, удивляясь тому, какой же я все-таки ужасный преступник. «Да за такое ведь и расстрелять могут!» – мелькнуло у меня в голове. В зале слышались перешептывания и недовольный ропот.

После захватывающей речи прокурора, судья спросила, признаю ли я себя виновным, на что я, естественно, ответил:

– Не признаю.

Далее она зачитала показания моего бывшего следователя – Разгуляй Н.С., и перешла к показаниям понятых.

– Прошу вызвать этих свидетелей в суд, – обратился я к судье. – Я не согласен с их показаниями, – настаивал я.

– В этом нет необходимости и суд не находит оснований... – сухо отрезала служительница Фемиды.

– Как это суд не находит оснований?! – вскипел я.

Я настаивал на вызове свидетелей в суд, но меня откровенно игнорировали.

– Закон обязывает вас исследовать все доказательства, и это для вас должно быть основанием! Мое обвинение построено на показаниях этих свидетелей, и я хочу, чтобы они приняли непосредственное участие.

Судья поправила очки и произнесла спокойным тоном:

– Суд своевременно им выслал повестки, поэтому не моя вина, что они не явились.

– Может и не Ваша...! Тогда отложите судебное разбирательство на другой день, и примите принудительные меры. Ваша честь, вы же понимаете, что для меня очень важны эти свидетели, – стал упрашивать я.

– Суд постановил отказать в удовлетворении ходатайства... – и деревянный молоток ударил мне по сердцу.

– Нет! Вы отказываете мне в правосудии, – возмутился я. – Вы, наверное, забыли, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправии сторон?! Хотя, о чем это я говорю, ведь я не в суде, а на спектакле, где актеры давно уже заучили свои роли и финал заранее известен.

– Подсудимый, выражайтесь корректней! – посмотрела она строго. – Если вас что-то не устраивает, то можете обжаловать мои действия, – переглянулась она с прокурором.

– Ага, если только у Бога! – заметил я с горькой усмешкой. – Здесь-то кому на вас жаловаться? «Ворон ворону глаз не выклюет!» – она ударила молотком, и злобно глянула на меня из-под очков. – Ваша честь, давайте не будем устраивать клоунаду и отнимать друг у друга время, дайте мне уж сразу срок, и я со спокойной душой уеду лес валить.

– За недопустимое поведение суд вам делает предупреждение, – посмотрела она на секретаря, чтобы та не забыла указать это в протоколе.

Потом судья вызвала Рыбу, и ее завели в зал заседания.

– Алена, ну давай, не подведи, – сказал я шепотом, и она улыбнулась мне.

Судья предупредила ее об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, и тут же Рыба стала врать, как сивый мерин, не взирая на уголовную ответственность, стыд и совесть. Не краснея, она дала те же самые показания, что и на следствии. Я схватился за голову. После подробного рассказа судья спросила ее:

– Значит, вы утверждаете, что приобрели наркотики у подсудимого?!

– Да, совершенно верно. Я купила у него наркотики. За две тысячи, – выделила она гордо эту сумму.

– Ты чего плетешь, дура! – вылетело у меня от злости. – Какие две тысячи? Ты за тридцать серебряников мусорам продалась.

– Подсудимый!!! – воскликнула судья.

– Шкура ты продажная! – вцепился я руками за решетку и готов был задушить Рыбу.

– Вот, видите, как он себя ведет, – тыкала она в мою сторону пальцем. – Я его боюсь! – приняла Рыба вид бедной овечки. – Он и в тюрьме меня запугивал, грозился меня защека..., – замялась она, подбирая нужное слово. – Он грозился изнасиловать меня орально, если я не буду его оправдывать. Видите! Видите, какой он! – она пыталась зарыдать, но на это у нее уже не хватило актерского таланта. Рыба только пучила глаза и кривила до безобразия рожу. – А когда мы ехали сюда, он мне волосы вырвал! Вот! – ее вранью не было предела.

– Успокойтесь, пожалуйста, – участливым тоном произнесла судья, – Давайте продолжим.

«Все! Это конец!» – плюхнулся я на лавку, и стал равнодушно смотреть на большие хлопья снега за окном.

После яркого выступления бесподобной Рыбы настал мой черед. Но как я не распинаясь, какие только доводы в свою защиту не приводил, меня никто не слушал. Прокурор что-то увлеченно чиркала карандашом, а судья мечтательно смотрела в окно, и все ее внимание было приковано к пушистым хлопьям снега.

– Закончено судебное следствие, – сказала судья. – Слово предоставляется

прокурору.

Во время прений прокурор с жаром обосновывала мою виновность, приводя всякие нелепые доказательства, собранные за это время. Высказала убедительным тоном свое мнение о квалификации преступления и предложила мне назначить пять лет лишения свободы. Но окончательную речь прокурора я слышал плохо, потому что меня оглушили такие обидные слова:

– Государственный обвинитель считает показания Клозетовой А.С. (Рыбы) достоверными и последовательными. Не доверять этим показаниям нет оснований, потому что Клозетова А.С. при допросе в качестве свидетеля уверенно указала на Борисова, как на лицо, у которого приобретала наркотики. Борисов С.В. свои действия в инкриминируемом ему преступлении не признал. Его показания в суде должны быть расценены как способ защиты и отвергнуты, поскольку его виновность доказана. Данные показания опровергнуты показаниями свидетелей и другими доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела...

– Подсудимому предоставляется последнее слово, – зевая, произнесла судья.

Я встал, и, глядя на судью с прокурором, начал говорить:

– Мой друг хотел стать космонавтом и попросил суд отправить его в космос. Я тоже испытываю большое желание попросить вас дунуть мне кое-куда, чтобы улететь подальше и не видеть вас больше. Но я сдержусь от хамства и скажу иначе. Грядет тот час, когда вы будете сидеть за решёткой на огромной куче навоза вместо лавочки подсудимых, и ваши конечности будут пожирать полчища кровожадных насекомых. В руке Фемиды вы увидите весы. На одной чаше будут сотни незаконных приговоров, которые вы подписали своей безжалостной рукой, а на другой – время справедливого возмездия, в виде песочных часов. Поэтому вы будете сидеть там тысячи лет, пока не придут в равновесие две чаши. Всем сердцем уповая на Божью справедливость, я со спокойной душой принимаю от вас наказание. Ведь за каждую секунду моего заключения вам придется там, – указал я пальцем в небо, – заплатить сполна!

Стояла тишина, все молчали. Прокурор задумчиво смотрела в ту сторону, куда я указал пальцем, а судья нервно покусывала дужку очков. Только молодая секретарша хитро улыбалась и строила мне бесстыжие глазки.

Наконец, суд удалился в совещательную комнату для постановления приговора, а может быть, и для чего-нибудь другого. Кто знает, что там происходит за таинственной дверью.

Конечно, я понимал, что реальный срок мне уже давно обеспечен, и надеяться на снисходительность было глупо, но чувство безысходности, обреченности еще больше злили, хотелось сделать что-то из ряда вон.... Через некоторое время торжественно прозвучали слова:

– Именем Российской Федерации...

– Именем Бога живого, – вытянул я в сторону судьи руку, – заклинаю. Изыди! Изыди из нее сатана!

Скрепя зубами, бесноватая женщина в черной мантии, не переставала вбивать в меня последние «гвозди»:

– Суд приговорил Борисова Станислава Владимировича признать виновным в совершении преступления... и назначить ему наказание – пять лет лишения свободы, с отбыванием наказания в колонии общего режима. Приговор может быть обжалован...

«Видно плохой из меня экзорцист», – подумал я с грустью, и махнул на всё рукой.

СЛОВАРЬ ЖАРГОНОВ И БЛАТНОЙ ФЕНИ

Банчить – продавать что-либо, торговать чем-либо (обычно чем-либо запрещённым, в частности наркотиками).

Гаврила (Гаврилка) – галстук.

Лавэшки (лавэ) (от цыг. «ловэ») – деньги.

Тэтэшки – пистолеты (пистолет ТТ – первый армейский самозарядный пистолет СССР, разработанный в 1930 году советским конструктором Фёдором Васильевичем Токаревым).

«Чёрный дельфин» – (официальное название «ФКУ ИК-6 УФСИН России по Оренбургской области») исправительная колония особого режима для пожизненно осужденных в городе Соль-Илецк рядом с озером Развал (Оренбургская область).

Ацетилка – ацетилсалициловая кислота – лекарственное средство, оказывающее анальгезирующее (обезболивающее), жаропонижающее, противовоспалительное и антиагрегантное действие.

Баланда – тюремная или любая другая, оригинально-флотская похлебка) – это суп из ячневой крупы (в простонародье именуемой перловкой).

Батёк – совершеннолетний в камере СИЗО для несовершеннолетних.

Блатовать – косить под блатного, притворяться; уговаривать, (требовать, выпрашивать) (поблажки).

Больничка – 1) больница для осужденных; 2) санчасть в ИУ.

Босота (босяк) – категория преступников, придерживающихся воровских законов и традиций и пользующихся авторитетом.

БУР – помещение камерного типа (до 1961 года – барак усиленного режима).

Взросляк – 1) ИУ для совершеннолетних; 2) совершеннолетний заключенный.

Воронок – спецмашина для перевозки осужденных, заключенных.

Герыч – героин, наркотик из семейства опиатов.

Гоп-стоп – грабёж; нападение с целью хищения имущества потерпевшего, совершённое с применением насилия, либо с угрозой применения насилия.

Грев – передача в ИУ, СИЗО (часто – незаконная).

Груза́ – тюремная посылка, переправляемая через решётку с помощью веревок; посылка по тюремной неофициальной почте (см. «тюремная почта»).

Дорога – тюремная неофициальная почта («стоять на дороге» – передавать почту, груза́); нелегальная связь между колониями, а также между колониями и волей.

Дубак – контролер (надзиратель) в тюрьме или на зоне.

Западло – широкое понятие, обозначающее, что то или иное действие идет вразрез либо с личными убеждениями, либо с воровскими законами и традициями.

Зенки – глаза.

ИВС – изолятор временного содержания (ранее КПЗ – камера предварительного заключения) – места заключения (камеры) при территориальных орга-

нах внутренних дел или органах пограничной охраны, предназначенное для временного содержания лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления.

Кáбура – отверстие между камерами, проделанное нелегально.

Канать – 1) идти, проходить; 2) выдавать себя за кого-либо.

Карантин – период времени, когда арестованный (осуждённый) попадает с воли в тюрьму. Он проходит медицинское обследование, санобработку и т.п. Помимо этого в отделении карантина лица ждут распределения в камеру не только в зависимости от результата меданализов, но и по обстоятельствам дела, а также в зависимости от данных о личности. Длительность обычно несколько суток.

Колеса - таблетки, наркотики.

КПЗ – камера предварительного заключения (стар.) см. ИВС.

Красный (краснопузый, красный арестант) – помощник администрации из числа осужденных, вставших на путь исправления и состоящий в какой-либо секции, либо занимающий какую-нибудь должность (завхоз, нарядчик, завклубом, завбаней и т.д.).

Крытник – арестант, отбывающий или отбывший срок наказания в тюрьме строгого или особого режима (особый режим по условиям похож на условия следственного изолятора).

Кум – оперативный работник в ИУ, СИЗО; главный кум – заместитель начальника ИУ, СИЗО по оперативной работе; старший кум – 1) начальник оперативного отдела; 2) старший оперуполномоченный оперативного отдела ИУ, СИЗО.

Курва – женщина легкого поведения.

Малина – 1) воровской притон; 2) беззаботная жизнь.

Малолетка – 1) воспитательная колония или тюрьма для несовершеннолетних (ВК); 2) несовершеннолетний осужденный.

Малява – записка, письмо (нелегальное).

Метелить – избивать, бить.

Мойка – опасная бритва, бритвенный станок, лезвие бритвы.

Молотнуть – обокрасть.

На мази́ – все в порядке, в норме.

Ништяк – отлично, здорово, хорошо.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел – центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка, обеспечению государственной безопасности в 1934-1946 гг.

Обиженный (опущенный) – изнасилованный.

Общак – 1) своеобразная касса взаимопомощи (деньги, вещи, продукты и т.д.) в преступном сообществе; 2) колония общего режима.

Отдел ГНК (ГНК - госнарконтроль, ФСКН России – Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков) – федеральная служба Российской Федерации, находящаяся в непосредственном ведении Президента России; главная цель деятельности ФСКН – борьба с неза-

конным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также контроль за соблюдением установленных норм при их легальном обороте.

Партак – наколка, татуировка, имеющая уголовное значение.

Пацан – несовершеннолетний осужденный (или осужденный молодежного возраста), придерживающийся воровских традиций и законов.

Перо – нож.

Петух – пассивный гомосексуалист.

Петушиная камера – место в ИУ, где собираются (отбывают срок) обиженные, опущенные и т.д.; камера, где собирают уличенных в пассивной гомосексуальной ориентации, обиженных, опущенных, петухов.

Петушить (опускать) – совершить насильственный акт.

Подогреть – доставать посылку в ИУ, сделать передачу.

Предать анафеме (греч., церк.) – изначально – жертва богам по данному обету, посвящение божеству; позже – отделение (кого-либо от общины), изгнание, проклятие. В русском языке – отлучение христианина от общения с верными и от таинств, применяемое в качестве высшего церковного наказания за тяжкие прегрешения (прежде всего за измену православию и уклонение в ересь или раскол) и соборно провозглашаемое (фразеологизм, церк.) – отлучить от церкви; проклятие (устар).

Пресс-хата – камера СИЗО (ПКТ, ШИЗО, тюрьмы), в которой осужденного принуждают делать что-то необходимое администрации или следственным органам путем давления, унижения, избиения, насильственного мужеложства и других незаконных действий со стороны сокамерников.

Привратка – помещение без окон, где находятся все, кто попадает в СИЗО и ждёт очереди, когда его переведут в камеру, а также те, кто этапируется на суд или следствие.

Следак (груб.) – следователь.

Ст. 51 Конституции РФ – «1. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. 2. Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания».

Стакан – камера - бокс в СИЗО на одного человека.

Стукач – агент, осведомитель.

Трамвайка – испытание в колонии для несовершеннолетних, некая прописка.

Тюремная почта – система механизмов (дорог), предназначенная для передачи небольших по объёму (определяется размером кабуры (отверстие в стене) или размером ячейки решёток) пакетов – грузов между камерами тюрем и следственных изоляторов (СИЗО). Груза, как правило, содержат в себе переписку заключённых в виде небольших писем – маляв. Кроме этого, в некоторых случаях по почте могут передаваться сигареты, чай, предметы первой необходимости и т. д. Тюремная почта создаётся и поддерживается исключительно заключёнными, так как общение между заключёнными разных камер противоречит принципам безопасности и Правилам внутреннего распорядка тюрем и СИ-

30. За любую попытку установления межкамерной связи заключённые могут быть наказаны – вплоть до водворения в карцер.

Феня – воровской жаргон.

Фраер (фрайер) – 1) человек, которого постоянно обманывают; 2) неопытный вор (устар.); 3) приближенный вора (в основном из числа молодых) (устар.); 4) кандидат в воры (устар.).

Хата – тюремная камера.

Черный арестант – соблюдающий воровские традиции и законы.

Чифир (чифирь, чафир, чефир) – крепко заваренный чай.

Шконка – спальное место (кровать, нары).

Шмонщик – оперативник, участвующий в обыске.

Этап – путь следования арестантов, а также сама такая партия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I Николаич.....	5
Глава II О себе.....	6
Глава III Человек создан для счастья.....	8
Глава IV Демоны.....	13
Глава V «Слово не воробей...».....	20
Глава VI Святой человек.....	27
Глава VII Салага.....	28
Глава VIII «Златоустовский острог».....	33
Глава IX «Малолетка».....	40
Глава X Проклятая «трамвайка».....	43
Глава XI Чётки.....	46
Глава XII Алешка Белов.....	47
Глава XIII Прыжок со страховкой.....	50
Глава XIV А батёк, оказывается.....	52
Глава XV Материнская забота.....	53
Глава XVI Новое жилище.....	56
Глава XVII Масти.....	59
Глава XVIII Очная ставка.....	61
Глава XIX Заходи – не бойся, выходи – не плач.....	63
Глава XX Камера 117.....	67
Глава XXI За его языком не поспеешь босиком.....	68
Глава XXII Разговор по душам.....	70
Глава XXIII Немного о женщинах.....	75
Глава XXIV «Дорога – это святое».....	79
Глава XXV Дилемма.....	83
Глава XXVI Станный доктор.....	85
Глава XXVII Личное свидание.....	87
Глава XXVIII Червивое яблоко.....	91
Глава XXIX Ревизор.....	94
Глава XXX В гостях.....	98
Глава XXXI Пушистая акула.....	101
Глава XXXII «Женский аквариум».....	105
Глава XXXIII Незаконное распространение «ацетилки».....	106
Глава XXXIV О чем стыдно писать.....	108
Глава XXXV Маринка – чума.....	111
Глава XXXVI «Хрен морковки слаще».....	114
Глава XXXVII Трофей.....	115
Глава XXXVIII Демократ с Лениным на груди.....	118
Глава XXXIX Ангел подземелья.....	120
Глава XL Неугомонная.....	124
Глава XLI Рыба превратилась в Рыбку.....	126
Глава XLII Любовь.....	127
Глава XLIII Тонкая рябина.....	130

Глава XLIV Женщина с волчьим оскалом.....	132
Глава XLV Последние слова.....	137
Глава XLVI Любовный капкан.....	139
Глава XLVII Невыносимое наказание.....	141
Глава XLVIII Бедный Вовка.....	145
Глава XLIX «Кто старое помянет...».....	147
Глава XLX Максимыч.....	148
Глава XLXI Вот так встреча.....	149
Глава XLXII Поп – толоконный лоб.....	153
Глава XLXIII Излюбленная тема арестантов.....	157
Глава XLXIV Поэт.....	162
Глава XLXV Кто здесь?.....	164
Глава XLXVI Шмон.....	167
Глава XLXVII Прощание.....	171
Глава XLXVIII Сборы.....	174
Глава XLXIX Волчье логово.....	176
Глава XLXX Гады.....	179
Глава XLXXI Скромный коммерсант.....	182
Глава XLXXII Расплата.....	185
Глава XLXXIII Карцер.....	191
Глава XLXXIV Непростой выбор.....	194
Глава XLXXV Странные вещи.....	196
Глава XLXXVI Эврика!.....	201
Глава XLXXVII То хвост длинный, то рубаха короткая.....	205
Глава XLXXVIII Мужчина и женщина – природные магниты.....	212
Глава XLXXIX Заманчивое предложение.....	217
Глава XLXXX Судилище.....	219
Словарь жаргонов и блатной фени.....	224